947
С 396

В. Д. Спиовскій

РОДНАЯ СТАРИНА

947
С 396

Кч

Народн. Коммерческ. Библиотека
947
С. 39

Инв. 7347

Э. К.
Ко
п 34 г.

ВЪ ПОМОЩЬ УЧАЩИМСЯ.

РОДНАЯ СТАРИНА.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ И КАРТИНАХЪ

(съ IX по XIV ст.)

947
С 39.
Московская Губернская Центральная Библиотека
49
29283
947
С396 [Вып 1]

СОСТАВИЛЪ
В. Д. Сиповскій.

ТРЕТЬЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

147 политипажныхъ изображеній въ текстѣ и два рисунка В. М. Васнецова на отдѣльныхъ листахъ.

Изданіе Д. Д. Полубояринова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяч., № 39.
1887.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 Ноября 1886 года.

Московская Городская
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Вступленіе.

Откуда узнаемъ мы наше прошлое . . . . . 1— 6

I. Восточная Европа до начала Русскаго государства. . . . . 7—32

Природа страны. 7—Древнѣйшіе обитатели Восточной Европы. 10.—Славяне (разселеніе ихъ, бытъ, нравы, обычаи и вѣрованія ихъ за тысячу лѣтъ назадъ). 20.—Сосѣди восточныхъ славянъ. 29.

II. Преданія о первыхъ русскихъ князьяхъ . . . . . 33—56

О Рюрикѣ, Аскольдѣ и Дирѣ.—33.—Объ Олегѣ. 36.—Объ Игорѣ. 38.—Объ Ольгѣ. 41.—О Святославѣ 44.—Бытъ русскихъ IX—X ст. 51.

III. Принятіе христіанства и распространеніе его на Руси . . . 57—84

Владиміръ-язычникъ, 57.—Сказаніе объ испытаніи вѣръ. 59.—Крещеніе Владиміра, кіевлянъ и новгородцевъ. 62.—Первоучители славянъ,—Свв. Кириллъ и Меѳодій. 67.—Владиміръ-христіанинъ. 69.—Народныя былины о Владимірѣ Краснымъ-Солнышкѣ и его богатыряхъ 70.—Усобицы по смерти Владиміра. 73.—Княженіе Ярослава. 76.—Русская правда. 79.—Сношенія съ иноземцами. 82.

IV. Время удѣльныхъ смутъ и усобицъ. . . . . 85—112

Усобицы при сыновьяхъ Ярослава. 85.—Усобицы при внукахъ Ярослава. 89.—Ослѣпленіе Василька. 91. Новыя усобицы. 94.—Борьба съ половцами. 96.—Владиміръ Мономахъ. 98.—Поученіе Мономаха. 99.—Усобицы при сыновьяхъ и внукахъ Владиміра Мономаха. 103.—Сказаніе о походѣ Игоря (Слово о полку). 108.

V. Монашество и просвѣщеніе на Руси въ XI и XII стол. . . 113—131

Начало русскаго монашества. 113.—Св. Ѳеодосій. 115.—Значеніе Кіево-Печерскаго монастыря. 123.—Борьба съ язычествомъ. 124.—Просвѣщеніе. 127.

VI. Новгородъ и Владиміръ . . . . . 132—176

Древній Новгородъ и его торговля 132.—Новгородская община. 135.—Былины новгородскія. 140.—Новгородскіе церкви и монастыри. 144.—Суздальская область. 146.—Андрей Боголюбскій. 149.—Всеволодъ III. 159.—Борьба Суздаля съ Новгородомъ. 161.—Государственный строй и бытъ русскихъ XI—XIII столѣтія (Раздробленіе земли.—Князь и дружина.—Жизнь князей.—Народъ.—Промыслы.—Города.—Жилища.—Одежда). 166.

VII. Злыя времена татарщины . . . . . 177—237

Первая встрѣча русскихъ съ татарами. 177.—Татары (ихъ нравы и обычаи) 180.—Нашествіе татаръ на сѣверную Русь. 183.—Нашествіе татаръ на Южную Русь. 187.—Поѣздки русскихъ князей въ орду.—190.—Даніилъ Романовичъ. 192.—Александръ Невскій 196.—Смуты при сыновьяхъ Александра Невскаго. 202.—Юрій и Иванъ Даниловичи. 203.—Состояніе Русской земли въ XIII—XIV ст. 208.—Сѣверные монастыри. 213.—Симеонъ Гордый, Іоаннъ II и Димитрій Донской. 218.—Куликовская битва. 222.—Нашествіе Тохтамыша. 231.

Родословныя таблицы . . . . . 238—239

Примѣчанія къ рисункамъ . . . . . I—VI

Изъ предисловія къ 1-му изданію.

Преподаваніе отечественной исторіи въ нашихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ начинается обыкновенно въ среднихъ классахъ. Учащимся лѣтъ 13—15 дается въ руки учебникъ, который и представляетъ основу преподаванія. Учитель долженъ позаботиться, чтобы учащіеся вполнѣ *поняли* и *усвоили* учебникъ. Учебники исторіи, даже и наилучшіе, представляютъ по самой сущности своей сжатое и сухое изложеніе фактовъ, усвоить которые надо памятью. Объясненія учителя касаются смысла фактовъ, значенія ихъ, причинной связи между ними и пр. и дѣйствуютъ преимущественно на разсудочную способность. Воображенію и чувству учащихся уроки исторіи, особенно отечественной, даютъ обыкновенно слишкомъ мало пищи. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда учитель—хорошій разсказчикъ и могъ бы своими разсказами вызывать у учащихся живыя представленія историческихъ событій и лицъ, онъ очень рѣдко бываетъ въ состояніи это дѣлать: времени на уроки отечественной исторіи отводится обыкновенно немного, да при томъ половина его уходитъ на необходимое спрашиваніе уроковъ. Сухое же изложеніе фактовъ, не затрогивая воображенія и чувства, плохо держится въ памяти; частыя и при томъ скучныя повторенія одного и того-же мало помогаютъ бѣдѣ. Особенно же печально то, что при этомъ нерѣдко гибнетъ у учащихся интересъ къ родной исторіи.

Если примемъ во вниманіе, что только крайне незначительному меньшинству удается слышать профессорскія лекціи по Русской исторіи, что научныя сочиненія малодоступны для обыкновеннаго читателя,—то поймемъ, почему знаніе родной исторіи не процвѣтаетъ у нашего юношества.

А между тѣмъ отечественная исторія и словесность считаются краеугольными камнями національнаго воспитанія. И дѣйствительно, только тотъ изъ образованныхъ людей можетъ понимать свой народъ,—не говоримъ уже—жить однимъ сердцемъ съ нимъ,—кто хорошо знаетъ пережитое и передуманное имъ.

Школа, если она хотя сколько-нибудь претендуетъ на національное воспитаніе, должна въ своихъ питомцахъ возбуждать интересъ къ отечественной исторіи и давать имъ навыкъ къ чтенію научныхъ историческихъ сочиненій.

Болѣе заботливые преподаватели обыкновенно и не ограничиваются только уроками, а мало по малу вводятъ своихъ учениковъ въ чтеніе историческихъ сочиненій, совѣтуя имъ иногда прочесть извѣстныя главы или страницы изъ сочиненій Карамзина, Соловьева, Костомарова и др. (Подспорьемъ въ этомъ отношеніи можетъ служить Хрестоматія по русской исторіи гг. Гуревича и Павловича, представляющая хорошій подборъ статей изъ научной литературы по Русской исторіи). Но чтеніе историческихъ сочиненій и научныхъ статей возможно лишь для старшаго возраста. При томъ чтеніе это можетъ принести

дѣйствительную пользу только при двухъ условіяхъ: во-первыхъ, необходимъ большой тактъ со стороны преподавателя при выборѣ статей для чтенія, и, во-вторыхъ, необходимо, чтобы у учащихся былъ сильный интересъ къ отечественной исторіи. А для того, чтобы этотъ интересъ былъ пробужденъ у нихъ, надо, чтобы съ первыхъ же шаговъ изученія родная исторія не ложилась только тяжелымъ бременемъ на память, но производила бы впечатлѣніе на чувства учащихся, давала бы пищу и воображенію ихъ.—Для этого необходимо, кромѣ учебника, кромѣ объясненій учителя,—подспорье въ самостоятельномъ чтеніи учащихся...

Вполнѣ подходящаго для этого и законченнаго труда нѣтъ въ нашей учебной литературѣ; мы дѣлаемъ попытку восполнить этотъ пробѣлъ. Мы задались цѣлью пересказать всѣ важнѣйшія событія Русской исторіи, строго придерживаясь источниковъ и научной разработки ихъ,—пересказать такъ, чтобы у читающихъ получалось сколько-нибудь живое представленіе о минувшихъ событіяхъ, лицахъ и древнемъ строѣ жизни. Для вѣрнаго пониманія историческихъ лицъ и дѣлъ ихъ важно знать, какъ смотрѣли на нихъ современники или ближайшіе потомки. Въ этомъ отношеніи взглядъ лѣтописца, слова древняго проповѣдника, старинное суевѣрное преданіе, простодушное сказаніе современника и т. п. получаютъ высокую цѣну. Всюду, гдѣ можно было, мы и старались показать, какъ событія и дѣла историческихъ дѣятелей отражались въ сознаніи современниковъ. Хотя мы пользовались научными трудами, но всегда старались держаться какъ можно ближе къ источникамъ: нѣкоторые памятники (поученіе Владиміра Мономаха, Слово о Полку, мѣста изъ житія св. Ѳеодосія и пр.). переданы нами почти дословно. Личная жизнь, какъ извѣстно, мало проявлялась въ древнія времена нашей исторіи; мало потому и біографическаго матеріала даютъ наши историческіе источники; но все-таки по нимъ хотя и въ общихъ чертахъ можно представить нѣсколько типовъ, порожденныхъ складомъ древней жизни и историческими обстоятельствами. Съ типомъ князя—суроваго и безпощаднаго воителя, читатели нашей книги познакомятся изъ преданій о первыхъ князьяхъ: Олегѣ, Игорѣ и Святославѣ; съ типомъ воителя, смягченнымъ и просвѣтленнымъ христіанскимъ ученіемъ,— изъ разсказа о Владимірѣ Мономахѣ; съ непосѣдливымъ княземъ-удальцомъ удѣльно-вѣчеваго—періода изъ разсказа о Мстиславѣ Удаломъ. Типы монаховъ-подвижниковъ представлены въ разсказахъ о св. Ѳеодосіи и св. Сергіи. Въ концѣ начинаетъ выясняться типъ князя-политика, скопидома, изворотливаго и дальновиднаго—въ разсказахъ о Юріи и Иванѣ Даниловичахъ.

Особенное вниманіе обращено нами на изложеніе. Мы старались довести языкъ до возможной чистоты и простоты, старались въ то-же время избѣжать сухости.

4-го сентября, 1879 г.

Предисловіе ко 2-му изданію.

При второмъ изданіи нашей книги мы воспользовались замѣчаніями рецензентовъ, почтившихъ нашъ трудъ своимъ разборомъ; многое сообразно ихъ указаніямъ измѣнено или дополнено въ книгѣ. Приняты во вниманіе также и новые почтенные труды по Русской исторіи, которые явились въ свѣтъ

послѣ изданія перваго выпуска „Родной Старины“; главнѣйшіе изъ этихъ трудовъ:—Исторія Русской жизни. 2-я ч., соч. И. Е. Забѣлина, Исторія Россіи 2-я ч., Д. И. Иловайскаго, Очерки Русской исторіи въ памятникахъ быта, 2-я ч. П. Н. Полевого, Матеріалы для исторіи русской одежды В. Прохорова и др. Хотя мы болѣе всего держались первоисточниковъ,—русскихъ лѣтописей, сказаній иностранцевъ и пр., но тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ руководились соображеніями и выводами названныхъ трудовъ, сверхъ сочиненій С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, К. Н. Бестужева-Рюмина и др.

Болѣе существенныя перемѣны въ новомъ изданіи 1-го выпуска „Родной Старины“ слѣдующія: прибавлены разсказы подъ заглавіемъ „Древнѣйшіе обитатели Восточной Европы“ (5—16 стран.) и „Государственный. русскихъ XI—XIII ст. (187—198 стр.); затѣмъ сдѣланы дополненія въ разныхъ частяхъ книги, особенно въ IV главѣ „Время удѣльныхъ смутъ и усобицъ“. Кромѣ того, каждую главу подраздѣлили мы на отдѣльные разсказы для болѣе удобнаго пользованія книгою. Всѣ эти дополненія и измѣненія увеличили объемъ книги почти на три печатныхъ листа. Самымъ важнымъ добавленіемъ считаемъ новыя политипажныя изображенія; ихъ прибавлено семьдесять два, такъ что общее число рисунковъ въ книгѣ болѣе, чѣмъ удвоилось, сравнительно съ первымъ изданіемъ, гдѣ ихъ было всего 53. Этой сторонѣ нашего труда мы придаемъ большое значеніе: изображенія древнихъ зданій, одежды, оружія и пр., разсѣянныя по многимъ дорогимъ изданіямъ и ученымъ трудамъ, недоступнымъ по цѣнѣ не только большинству преподавателей, но и многимъ школьнымъ библіотекамъ, собранныя въ нашей книгѣ, даютъ возможность примѣнить наглядность къ преподаванію отечественной исторіи у насъ въ большей степени, чѣмъ это было до сихъ поръ.

Желая своей книгой дать учащимся такое пособіе, которое, восполняя свѣдѣнія учебника или уроки учителя, возбуждало бы вмѣстѣ съ тѣмъ любознательность и послужило бы переходной ступенью къ чтенію большихъ научныхъ сочиненій по Русской исторіи, мы не могли ради занимательности жертвовать содержаніемъ и послѣдовательностью фактовъ, не останавливались только на болѣе эффектныхъ эпизодахъ, но говорили обо всемъ томъ, что находится въ общепринятыхъ руководствахъ по Русской исторіи. Но при этомъ обо всемъ второстепенномъ, неважномъ, говоримъ коротко, не многимъ больше, чѣмъ въ руководствахъ, говоримъ, насколько это нужно для связи событій и для пониманія ихъ; за то на болѣе существенномъ и характерномъ останавливаемся иногда значительно дольше, чѣмъ авторы большихъ научныхъ трудовъ,—стараемся, на сколько позволяетъ историческій матеріалъ, дать читателямъ живое представленіе о событіяхъ и лицахъ. Только при такомъ способѣ и возможно изложить въ небольшомъ объемѣ 3-хъ или 4-хъ выпусковъ сколько-нибудь полно и картинно важнѣйшія событія отечественной исторіи, не упуская въ то же время изъ виду и связи между ними.

Въ нѣкоторыхъ рецензіяхъ на нашу книгу было выражено сожалѣніе, что къ ней не приложены карты. Не дали мы ихъ и теперь: хорошія карты значительно увеличили бы цѣну книги и сдѣлали бы ее менѣе доступною для учащихся, а помѣщать кое какія мы не хотѣли. При томъ существуетъ у насъ хорошій учебный атласъ по русской исторіи г. Добрякова, доступный по цѣнѣ и вполнѣ удовлетворяющій своей цѣли.

6-го декабря, 1882 г.

Къ 3-му изданію.

Въ этомъ изданіи сдѣланы нѣкоторыя дополненія въ текстѣ (прибавленъ отдѣльный очеркъ „Первоучители славянъ,—Св. Кириллъ и Меѳодій“ и введено нѣсколько подробностей въ разсказъ „Усобицы при сыновьяхъ и внукахъ Владиміра Мономаха“). Сверхъ того добавлено 18 политипажей, и нѣкоторые изъ прежнихъ замѣнены новыми—лучшими. Въ концѣ книги мы помѣстили родословныя таблицы всѣхъ князей, упоминаемыхъ въ текстѣ, съ обозначеніемъ годовъ смерти каждаго изъ нихъ. Такія таблицы для справокъ, полагаемъ, не лишни въ учебномъ пособіи. Болѣе компактная печать дала возможность, при всѣхъ указанныхъ дополненіяхъ, немного даже уменьшить объемъ книги, и потому цѣна оставлена прежняя.

В. Сиповскій.

9 ноября 1886 г.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Откуда узнаемъ мы наше прошлое.

Болѣе тысячи лѣтъ минуло съ той поры, какъ положено начало русскому государству. Много за это время свершилось на Руси крупныхъ дѣлъ и хорошихъ, и дурныхъ; не мало бѣдъ и горя пережилъ русскій народъ; были у него и свѣтлые дни радости; были и люди, память о которыхъ дорога всякому русскому сердцу. Есть о чемъ поразсказать, есть что и послушать.

Откуда же узнать намъ о томъ, что было за нѣсколько вѣковъ до насъ? Откуда провѣдать о стародавнихъ временахъ?

Жизнь народовъ обыкновенно не проходитъ безслѣдно. Устные разсказы о давноминувшихъ событіяхъ, древніе письменные памятники, зданія, утварь, оружіе и другія вещи, уцѣлѣвшія отъ прежнихъ временъ,—все это слѣды минувшей жизни народа. Чѣмъ образованнѣе становятся люди, тѣмъ больше они дорожатъ этими остатками старины: понимаютъ, что нельзя разумно жить среди народа, не зная его нравовъ, обычаевъ, учрежденій; а узнать и вполнѣ понять ихъ только и можно, уяснивъ себѣ, какъ складывались они въ многовѣковой жизни народа. Разъяснить это и изобразить былую жизнь народа есть задача исторіи, а всевозможные остатки старины служатъ источникомъ, откуда историкъ черпаетъ свѣдѣнія о быломъ.

Какъ отдѣльному человѣку, такъ и цѣлому народу врождено помнить свое прошлое и любить его. Кому не приходилось замѣчать, какъ любятъ разсказывать о минувшихъ дняхъ люди старые да бывалые,—какъ говорится, видавшіе виды на своемъ вѣку? Разсказываютъ они порой такъ хорошо, подробно да плавно, что и заслушаться ихъ можно. Память у стариковъ бываетъ нерѣдко и богата, и таровата,—были бы только охотники слушать ихъ, а за охотой разсказывать дѣло у нихъ не станетъ.

Такая охота у старыхъ людей была во всѣ времена. Разсказываютъ старики про былое своимъ дѣтямъ да внукамъ, и глубоко имъ въ память да въ

сердце западаютъ разсказы. Пройдетъ десятка два—три лѣтъ,—дѣды уже въ могилу сошли, внуки ихъ и дѣти сами стали отцами и дѣдами; разсказываютъ и они своимъ дѣтямъ о старой дѣдовской были и о томъ, что сами на своемъ вѣку видали. Такъ изъ роду въ родъ и передаются разсказы о быломъ,—потому и называютъ ихъ преданіями. Вѣка проходятъ, а сказанія о старинѣ, словно наслѣдство заповѣдное, на ряду съ дѣдовскими обычаями переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Хоть и крѣпка бываетъ память у стариковъ на прошлое, а все-таки ей не сдержать всего, что они сами видывали и отъ другихъ слыхивали: ускользаютъ имена, путаются событія, забываются порой мѣсто и время, гдѣ и когда что случилось. Притомъ вѣдь не все, что знаешь, разсказывать хочется; что глубже врѣзалось въ память да къ сердцу ближе, только то и на языкъ просится. Лихія бѣды, подвиги молодецкіе, лютое горе и свѣтлыя радости—вотъ что больше всего сказывается въ народныхъ преданіяхъ.—На бѣду, когда сердце слишкомъ ужъ сильно заговоритъ, то умъ порой молчитъ... Иной разсказчикъ говоритъ о силѣ дивной могучаго богатыря, о чудесныхъ подвигахъ его, да невольно отъ полноты души и прикинетъ отъ себя словцо—другое, гдѣ преувеличитъ, гдѣ пріукраситъ; смотришь, съ былью ужъ и сплелась небылица. Прошелъ такой разсказъ чрезъ уста нѣсколькихъ поколѣній, преданіе ужъ и въ сказку обратилось, и трудно въ ней распознать быль отъ небылицы. А то найдутся въ народѣ и такіе досужіе да умѣлые люди, что иныя сказанія въ пѣсни переложатъ: въ пѣснѣ они выходятъ складнѣе и слушать ихъ пріятнѣе.

Жизнь не стоитъ: года идутъ за годами; совершаются новыя дѣла; у каждаго поколѣнія—свои печали, свои радости, свои заботы; зарождаются новыя сказанія, новыя пѣсни складываются. Онѣ мало-по-малу смѣшиваются между собою въ народной памяти; новое сплетается со старымъ или вытѣсняетъ его. Много древнихъ преданій и старыхъ пѣсенъ затерялось, забыто народомъ прежде, чѣмъ ученые стали у насъ собирать, записывать и изучать ихъ; но все же не мало ихъ хранится и до сихъ поръ въ народной памяти. Давнымъ давно ужъ нѣтъ на свѣтѣ тѣхъ, про кого говорится въ иной пѣснѣ, даже и отъ могилъ ихъ давно ужъ и слѣда нѣтъ, а живая пѣсня все еще говоритъ про ихъ дѣла; сотни лѣтъ проходятъ, а горе и радости ихъ все живутъ въ этихъ пѣсняхъ...

Народныя пѣсни, сказки, преданія служатъ историку драгоцѣннымъ устнымъ источникомъ. Не станетъ онъ черпать изъ нихъ свѣдѣній о событіяхъ и лицахъ, но узнаетъ отсюда, во что вѣрилъ народъ, на что надѣялся, что любилъ онъ и что изъ пережитаго и передуманнаго имъ особенно глубоко врѣзалось въ его память. Вотъ чѣмъ дороги для исторіи устныя народныя произведенія.

Въ древности, когда у нашихъ предковъ и въ поминѣ еще не было письменности, въ наши края заходили грамотные иноземцы или узнавали о нашей землѣ отъ бывалыхъ людей и разносили извѣстія о ней, порой вели записки, описывали нравы, обычаи, бытъ нашихъ предковъ. Много изъ этого источника можно почерпнуть любопытныхъ подробностей о старинномъ житьѣ-бытьѣ русскихъ; притомъ отсюда узнаемъ, какъ смотрѣли на нихъ иноземцы въ ту или другую пору.

Когда письменность стала распространяться на Руси, между грамотными монахами у насъ нашлись такіе, которые стали вести записки о событіяхъ въ родной землѣ. Дѣлалось это сначала очень просто: выставляли года и подъ ними коротко отмѣчали, что случилось въ это время, а ничего особеннаго не было, то ничего и не писали,—годъ пустымъ оставался. Вереницы годовъ, или лѣтъ, съ короткими, отрывочными записями и называютъ лѣтописями.

Такихъ начальныхъ записей до нашего времени не сохранилось. Самый древній лѣтописный трудъ, дошедшій до насъ „Повѣсть временныхъ лѣтъ“ (полное его заглавіе: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду русская земля стала есть“), относится къ XII вѣку. Составитель этой лѣтописи, кто бы ни былъ онъ,—инокъ ли Кіево-Печерской Лавры Несторъ, какъ думали прежде, или Сильвестръ, игуменъ Выдубицкаго монастыря, какъ полагаютъ теперь,—потрудился не мало надъ своей книгой. Жилъ онъ въ концѣ XI и началѣ XII ст., а задумалъ начать ее по примѣру греческихъ лѣтописцевъ со временъ всемірнаго потопа. Пришлось ему собирать свѣдѣнія изъ греческихъ лѣтописей, изъ разныхъ сказаній и преданій, особенно же изъ древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ замѣтокъ; пришлось все это сводить въ одно цѣлое, потому и называютъ трудъ его лѣтописнымъ сводомъ. Темное преданіе о первыхъ князьяхъ, благочестивое сказаніе о первыхъ христіанскихъ подвижникахъ на Руси, отрывочныя замѣтки о походѣ князя или нападеніи хищныхъ враговъ, сказочный разсказъ бывалаго человѣка о какихъ-либо диковинахъ русской земли,—все дорого для него, все старательно заноситъ въ свою книгу простодушный составитель; только позднѣйшія событія могъ онъ описывать, какъ очевидецъ. Отрекся онъ отъ свѣта, хочетъ думать только о Богѣ, о спасеніи душевномъ, да не вырвать ему изъ сердца своего привязанности къ родной землѣ, сильно хочется ему знать, что на ней творится и творилось, хочется и другимъ повѣдать о томъ, что самъ знаетъ. И вотъ, помолясь Богу, берется онъ усердно за своей трудъ: скорбно повѣствуетъ о неурядицахъ на Руси, о злодѣяніяхъ, о княжескихъ усобицахъ, съ умиленіемъ сердечнымъ заноситъ сказаніе о подвигахъ христіанскаго благочестія, приводитъ изъ св. писанія подходящія мѣста. На трудъ свой смотритъ онъ, какъ на дѣло богоугодное: будутъ читать лѣтопись князья, бояре, монахи,—узнаютъ, сколько зла творилось на землѣ, какъ Богъ каралъ за это нечестивыхъ, узнаютъ и хорошія дѣла, подвиги лучшихъ русскихъ людей,—и легче будетъ добрымъ людямъ избирать правые пути въ жизни и отъ зла сторониться. Нелегко было написать цѣлую книгу, когда приходилось букву за буквой вырисовывать; но лѣтописецъ усердно трудится: онъ надѣется „отъ Бога милость пріяти“, надѣется, что и люди прочтутъ его книгу и добрымъ словомъ помянутъ его.

Великое дѣло совершилъ трудолюбивый составитель „Повѣсти временныхъ лѣтъ“: изъ нея болѣе всего мы и узнаемъ о древнѣйшихъ событіяхъ на Руси, до 1110 года, которымъ заканчивается эта лѣтопись.

Вслѣдъ за нею стали вести лѣтописныя сказанія и въ другихъ городахъ, по монастырямъ, (Новгородскія лѣтописи, Псковская, Суздальская и друг.). Позднѣйшіе лѣтописцы обыкновенно списывали сначала „Повѣсть временныхъ

лѣтъ", а затѣмъ ужъ сами продолжали,—отмѣчали больше событія тѣхъ областей и городовъ, гдѣ сами жили. Лѣтописи велись у насъ до XVII вѣка. Множество рукописныхъ лѣтописей дошло до нашего времени; но, къ сожалѣнію, самыя древнія изъ нихъ писаны не раньше конца XIV ст. и начала XV (Лаврентьевская и Ипатьевская); стало быть, „Повѣсть временныхъ лѣтъ" сохранилась лишь въ позднѣйшихъ спискахъ.

Кромѣ лѣтописей, отъ древней письменности уцѣлѣло много отдѣльныхъ сказаній о достопамятныхъ событіяхъ, житій святыхъ, записокъ современниковъ, посланій; сохранились также древніе договоры, княжескія грамоты, указы, постановленія правительства, уставы, законы. Все это—драгоцѣнные для исторіи письменные источники.

Съ теченіемъ времени все больше и больше копилось разныхъ рукописей. Цѣлыя груды ихъ сотни лѣтъ таились въ полной неизвѣстности въ монастырскихъ и другихъ древнихъ книгохранилищахъ. Съ XVI вѣка началось въ Москвѣ книгопечатаніе; но долго никто и не думалъ печатать драгоцѣнныя для исторіи рукописи. Чтобы разобраться въ грудахъ ихъ, распознать важныя отъ неважныхъ, нужны были не только трудъ и усердіе, но и знаніе и умѣніе; а ихъ то и недоставало у нашихъ предковъ. Не умѣли они даже и беречь дорогихъ рукописей: много ихъ затерялось, немало ихъ погибло не только отъ пожаровъ, но и отъ сырости да пыли.

Только съ прошлаго вѣка въ нашемъ отечествѣ зародилась настоящая наука. По мысли Петра Великаго возникло въ Петербургѣ ученое учрежденіе, академія наукъ, куда призваны были ученые, за неимѣніемъ русскихъ, изъ Германіи. Между ними нашлись люди, знавшіе цѣну древнимъ рукописямъ,—стали ихъ старательно собирать, изучать, печатать. Начиная съ Ломоносова, перваго русскаго ученаго, и русскіе люди принимаются за науку. Многіе стали усердно трудиться и надъ разными вопросами русской исторіи; иные пытались изложить ее послѣдовательно и связно съ древнѣйшихъ временъ. Въ началѣ нашего вѣка является знаменитый трудъ Карамзина: „Исторія государства Россійскаго" (доведена до 1613 г.). Съ этого времени любовь къ старинѣ все ростетъ и ростетъ. Является все больше и больше ученыхъ, учреждаются цѣлыя общества любителей древностей, общими силами работаютъ надъ источниками русской исторіи. Дорога родная старина всякому, но дороже всего она тому, кто всю жизнь кладетъ на изученіе ея: усердно роются ученые въ грудахъ старинныхъ рукописей, изучаютъ древнія сказанія, темныя преданія, сказки, пѣсни, обычаи, повѣрія, языкъ народа,—древнія могилы (курганы) раскапываютъ, отыскиваютъ древнее оружіе, утварь и пр.; всюду ищутъ остатковъ старины, какъ золотоискатели золота.

И не напрасенъ ихъ трудъ: все больше и больше набирается свѣдѣній о старинѣ, все яснѣе и яснѣе возникаетъ прошлое предъ нами,—словно оживаетъ. Учреждаются новыя ученыя общества, работающія надъ русской стариной. Возникаетъ у насъ цѣлая наука древностей (археологія) съ многими отдѣлами, охватывающими всѣ стороны древняго быта (старинныя зданія, иконы, древнія письмена, утварь, оружіе, одежды, монеты и пр.). Кромѣ большихъ государственныхъ собраній и хранилищъ древностей, какъ напр. Оружейная Палата

въ Москвѣ и Эрмитажъ въ Петербургѣ, изученію старины способствуютъ и частныя собранія древнихъ вещей у нѣкоторыхъ богатыхъ любителей древностей. Издаются, благодаря помощи правительства и частныхъ лицъ, лѣтописи, государственныя грамоты, изображенія древнихъ зданій, вещей, одеждъ. Являются богатыя собранія устныхъ, народныхъ произведеній (пѣсенъ, сказокъ, пословицъ и пр.), издаются научныя изслѣдованія народныхъ обычаевъ, повѣрій. Правительство открываетъ свои собранія древнихъ документовъ и бумагъ (архивы) для любознательныхъ ученыхъ. Частныя лица, владѣющія важными для исторіи записками или письмами, обнародываютъ ихъ. Возникаетъ нѣсколько историческихъ журналовъ („Русская Старина“, „Русскій Архивъ“, „Историческій Вѣстникъ“ и др.), которые издаются въ теченіи многихъ лѣтъ и не могутъ исчерпать всего нашего „историческаго богатства“, накопленнаго въ минувшіе годы.

Много даровитыхъ и высокоталантливыхъ ученыхъ, много и скромныхъ тружениковъ работало надъ русской стариной. Не одну страницу пришлось бы исписать ихъ именами, если бы мы вздумали всѣхъ ихъ назвать. Всѣмъ имъ скажетъ сердечное спасибо всякій русскій, кому дорога родная старина, скажетъ большое спасибо и историкъ, которому и подумать нельзя было бы объ изложеніи исторіи, не будь подготовлено для нея источниковъ. А собрать ихъ и подготовить, какъ говорится, матеріалы для исторіи — дѣло очень нелегкое. Довѣрчивый лѣтописецъ спокойно заносилъ въ свой трудъ всякія извѣстія, преданія, разсказы, — не задумывался долго надъ тѣмъ, вѣрны ли они, или нѣтъ; а настоящій ученый можетъ пользоваться историческими свѣдѣніями лишь послѣ строгой, разумной провѣрки (критики) источниковъ: откроетъ ли онъ какое-либо неизвѣстное раньше древнее сказаніе, онъ прежде всего, если не помѣченъ годъ, когда оно написано, постарается развѣдать по начертанію письменъ, по языку, какому времени принадлежитъ рукопись; если въ ней разсказано о какомъ-либо событіи, то изслѣдователь задумывается, могъ ли писавшій и хотѣлъ-ли сказать правду: найдетъ ли ученый изслѣдователь старины древнюю монету, онъ еще провѣритъ, такъ-ли стара она, какъ кажется, не поддѣльна-ли она и т. д. Только послѣ осторожныхъ, разумныхъ изысканій, порою очень долгихъ и кропотливыхъ, указана будетъ настоящая цѣна памятника для исторіи.

Послѣ такой разработки, послѣ изданія источниковъ можно вѣрнѣе и полнѣе излагать русскую исторію, чѣмъ прежде. Съ пятидесятыхъ годовъ Соловьевъ началъ свой огромный трудъ (теперь 29 томовъ); затѣмъ появились многочисленные труды Костомарова, — они усилили въ русскомъ обществѣ любовь къ историческому чтенію. Наконецъ, въ наше время начато нѣсколько новыхъ большихъ работъ по русской исторіи (Бестужева-Рюмина, Забѣлина и Иловайскаго), которые стараются рѣшить нѣкоторые темные вопросы нашей исторіи и освѣтить полнѣе древне-русскую жизнь.

Надъ разъясненіемъ ея много еще придется поработать и теперешнимъ нашимъ историкамъ, и будущимъ. Нелегко разобраться въ грудахъ письменныхъ, вещевыхъ, и устныхъ источниковъ; еще труднѣе добыть изъ нихъ то, что составляетъ главную задачу всякой науки, — правду, ту правду, которую и народъ нашъ высоко цѣнитъ и говоритъ о ней въ своихъ пословицахъ:

„Правда свѣтлѣе солнца, дороже золота“, „Безъ правды не живутъ люди, а только маются“.

Образованные люди могутъ узнавать эту правду о родной старинѣ изъ трудовъ ученыхъ; грамотному простолюдину кое-что скажутъ о ней доступныя ему книжки; неграмотный же людъ узнаетъ о ней отъ грамотныхъ, а въ глухихъ уголкахъ нашей земли нерѣдко тѣмъ же способомъ, какъ предки наши тысячу лѣтъ назадъ, — изъ разсказовъ стариковъ, преданій да пѣсенъ. Все рѣже и рѣже слышатся въ нашихъ деревняхъ старинныя пѣсни: онѣ мало-по-малу вытѣсняются новыми, книжными. Былины о старыхъ богатыряхъ сказываются только кое-гдѣ у насъ на сѣверѣ уже немногими умѣлыми стариками; на югѣ Россіи былинъ этихъ народъ уже не знаетъ, — ихъ замѣнили пѣсни (думы) о казацкихъ временахъ. Здѣсь встрѣчаются еще, хотя и рѣдко, народные пѣвцы (кобзари), большею частью нищіе-слѣпцы. Но и до сихъ поръ можно видѣть, какое великое значеніе имѣли они для народа. Ходятъ они за своими поводырями (вожаками) изъ села въ село. Вездѣ кобзарь — желанный гость, — куда ни придетъ онъ, вокругъ него скоро собирается толпа и стараго, и юнаго люда: всякому хочется послушать пѣсни о старинѣ. Играетъ кобзаръ на своей кобзѣ (родъ гитары) и подъ звуки ея струнъ поетъ свою пѣсню: поетъ онъ о томъ, какъ попадали казаки въ татарскую или турецкую неволю, о мукахъ нестерпимыхъ, какія выносили они въ рукахъ басурманъ, — уныло звучитъ старческій голосъ пѣвца, струны жалобно стонутъ. Стоятъ кругомъ слушатели, стоятъ недвижно съ опущенными головами, словно слышатъ они стоны предковъ своихъ, — слышатъ, а помочь не могутъ... Кончилъ свою пѣсню кобзарь. Смутно у всѣхъ на душѣ. Но вотъ онъ снова запѣлъ, и запѣлъ иную пѣсню: поетъ онъ про степь широкую, вольную, поетъ о томъ, какъ по ней разливалась удаль казацкая, поетъ про лихіе подвиги прадѣдовъ, про силу ихъ могучую. Звонче гудятъ живыя струны; крѣпнетъ голосъ стараго пѣвца, будто молодость вернулась къ нему. Подымаются опущенныя головы слушателей, расправляютъ свои согнутыя спины старые казаки, а у молодыхъ и глаза блещутъ, — почуяли они, что и въ ихъ жилахъ течетъ казацкая прадѣдовская кровь...

I.

Восточная Европа до начала Русскаго государства.

Природа страны.

Восточная часть Европы вовсе не походитъ на западную. Нигдѣ на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ такого извилистаго, изрѣзаннаго заливами морскаго берега, какъ на европейскомъ западѣ; нигдѣ не бросаются такъ въ глаза, какъ тутъ, слѣды упорной, вѣковѣчной борьбы моря съ материкомъ: оно здѣсь охватываетъ сушу съ трехъ сторонъ, своими волнами изрѣзываетъ берега, промываетъ низменности, отрываетъ клочки суши отъ материка, образуя прибрежные острова, врывается въ него множествомъ большихъ и малыхъ заливовъ; а материкъ, въ свою очередь, словно напрягая силы свои, вздымается горными кряжами, вторгается отрогами ихъ въ море, врѣзывается въ него скалистыми мысами, объ утесы которыхъ цѣлыя тысячелѣтія разбиваются морскія волны...

Нигдѣ горы, долины и морскіе берега не сочетались такъ выгодно для человѣка, какъ въ западной Европѣ. Море расчленяетъ ее на нѣсколько большихъ полуострововъ, на сѣверѣ своими теплыми теченіями грѣетъ ее, на югѣ спасаетъ отъ жгучаго африканскаго зноя. Горные хребты, идущіе по ней вдоль и поперекъ, дѣлятъ ее на нѣсколько областей, на множество долинъ и уютныхъ уголковъ. Равнины и долины, во многихъ мѣстахъ огражденныя горами отъ сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ, обильно орошенныя горными потоками и рѣками, цвѣтутъ богатой растительностью. Горы всегда облегчали жителямъ Западной Европы защиту отъ враговъ; роскошная природа ея,—особенно на югѣ, издавна влекла населеніе, щедро осыпая человѣка своими дарами, лаская

взоры его своими красотами; а море, никогда не замерзающее, съ его многочисленными заливами и островами облегчало сношенія народовъ и манило смѣлыхъ на поиски за счастьемъ въ чужедальніе края...

Мудрено ли, что на европейскомъ западѣ, богатыя, цвѣтущія страны рано наполнились густымъ населеніемъ,—что рано сложилось здѣсь нѣсколько государствъ, возникли многолюдные богатые города, развились промышленность, торговля, мореплаваніе и зацвѣли искусства и образованность?

Не то представляетъ европейскій востокъ. Громадной равниной раскинулся здѣсь материкъ отъ Сѣвернаго моря до Чернаго, отъ Уральскихъ горъ до Карпатовъ и Балтійскаго моря. Трудно было поселенцамъ найти здѣсь уютное мѣсто и сѣсть плотными поселками гдѣ-либо на безграничной равнинѣ, трудно было не разбросаться въ разныя стороны по ея широкому простору. Много силъ и труда должно было пойти здѣсь у жителей на оборону отъ лютаго холода, отъ хищнаго врага, да и почва здѣсь большею частью скупа,—скудно платитъ человѣку за его трудъ.

Западно-европейская природа, справедливо замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ историковъ, всегда была для человѣка нѣжной матерью, а восточная—суровой мачихой. Понятно, что на востокѣ Европы гораздо труднѣе было, чѣмъ на западѣ, сложиться государству, возникнуть большимъ городамъ, разрости промышленности и торговлѣ.

На громадной восточно-европейской равнинѣ, только по дальнимъ своимъ окраинамъ имѣющей естественныя границы, рано или поздно должно было сложиться одно большое государство. Равнина эта предназначена была для нашего огромнаго государства, для многочисленнаго и могучаго нашего народа, медленно окрѣпшаго, закаленнаго въ бѣдахъ и невзгодахъ, много вѣковъ поливавшаго землю свою потомъ и кровью,—народа, терпѣніе и удаль котораго такъ-же безграничны, какъ широкій просторъ его полей...

На крайнемъ сѣверѣ восточной Европы большую часть года стоитъ лютая зима; бѣлой пеленой снѣгъ покрываетъ промерзлую почву; страшной стужей вѣетъ съ Ледовитаго моря; ночной сумракъ полгода виситъ надъ землей. Не будь тутъ хорошей рыбной ловли, охоты за пушнымъ звѣремъ и птицей да быстраго и выносливаго сѣвернаго оленя, нельзя было бы и жить человѣку на дальнемъ сѣверѣ. Край здѣсь совсѣмъ безплодный: ничего ни посадить, ни посѣять нельзя; короткимъ лѣтомъ поверхность промерзлой болотистой почвы (тундры) оттаиваетъ лишь на нѣсколько вершковъ; рости на ней можетъ только мохъ,—пища сѣвернаго оленя. Къ югу отъ этого дикаго и безплоднаго края появляются деревья, сначала въ видѣ мелкаго кустарника, а далѣе идутъ дремучіе сосновые и еловые лѣса.

Средняя полоса восточной Европы богата и теперь лѣсами, а за тысячу лѣтъ назадъ ихъ было гораздо больше: на цѣлыя сотни верстъ тянулись непроглядныя, непроходимыя лѣсныя дебри, которыя перемежались озерами да болотами. Въ лѣсной глуши привольно было всякому лѣсному звѣрю: бѣлки, зайцы, волки, медвѣди, лисицы, куницы наполняли ихъ; стадами бродили дикіе кабаны, серны, зубры; раздолье было здѣсь и лѣсной птицѣ!—На сѣверѣ въ лѣсахъ больше встрѣчаются хвойныя деревья—ель да сосна, а южнѣе идутъ

лиственныя—кленъ, дубъ, липа и другія. Здѣсь въ изобиліи роятся пчелы и кладутъ свой медъ въ дуплахъ старыхъ деревъ. Тутъ гораздо легче, чѣмъ на крайнемъ сѣверѣ, живется и человѣку: кромѣ разныхъ лѣсныхъ промысловъ, можетъ онъ воздѣлывать здѣсь рожь, овесъ, гречиху, ленъ и другія полезныя ему полевыя и огородныя растенія.

Къ югу отъ средней полосы все рѣже и рѣже встрѣчаются лѣса: они ютятся по берегамъ рѣкъ да по влажнымъ низменностямъ и все больше и больше мѣста уступаютъ полямъ да лугамъ, а дальше разстилается широкая, неоглядная степь. Теплѣе грѣетъ землю тутъ солнце, и тучная почва во многихъ мѣстахъ даетъ здѣсь обильные урожаи пшеницы, раститъ нѣжныя плодовыя деревья, а въ самыхъ южныхъ частяхъ даже и виноградную лозу. Долго эта степная полоса не имѣла постояннаго населенія, — бродили тутъ порою лишь кочевники.—Раннею весною покрывалась степь густыми, высокими травами; словно волны ходили по этому зеленому травяному морю, когда степной вѣтеръ гулялъ здѣсь на просторѣ. Раздолье было въ степи дикимъ конямъ и другимъ травоядным животнымъ; привольно было здѣсь и степной птицѣ: стрепеты, дрохвы, дикіе голуби, горлинки, цѣлыми стаями носились надъ степью; рои мелкихъ голосистыхъ птицъ наполняли воздухъ своимъ свистомъ и пѣньемъ. Раннимъ лѣтомъ степь пестрѣла яркими цвѣтами, запахомъ ихъ наполнялся степной сухой воздухъ. Мудрено ли, что роскошная степь эта постоянно привлекала съ востока, изъ Азіи, кочевниковъ? Но случалось, что жгучимъ лѣтнимъ зноемъ высушивало и даже выжигало степныя травы, и тогда до весны степь обращалась въ мертвую пустыню...

Степь спускается къ берегамъ Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей. Чѣмъ дальше уходитъ она на востокъ, тѣмъ низменнѣе и безплоднѣе становится почва; попадаются здѣсь мѣстами и голые пески, пропитанные солью (солончаки). Дальше на востокѣ европейскія степи сливаются съ азіатскими.

Среди всего громаднаго простора восточной Европы, хоть изъѣздить ее вдоль и поперекъ, — не найти настоящихъ горъ; попадутся кое-гдѣ развѣ небольшія возвышенности да холмы. Внутри эта громадная равнина незамѣтно поднимается и образуетъ плоскую возвышенность (Алаунскую), покрытую въ иныхъ мѣстахъ холмами; здѣсь много лѣсовъ, болотъ и озеръ, — отсюда и берутъ начало наши большія рѣки. Съ западной части возвышенности (Валдайскія горы) течетъ на востокъ Волга сначала маленькой рѣченкой; справа и слѣва бѣгутъ къ ней ея притоки,—ручья и рѣчки; чѣмъ дальше, тѣмъ полноводнѣе, глубже и шире дѣлается она, а когда, принявъ въ себя Оку, сливается съ рѣкой Камой, то становится такой широкой, что съ одного берега еле видишь другой. Здѣсь Волга поворачиваетъ на югъ, медленно и величаво несетъ свои воды чрезъ дремучіе лѣса, чрезъ степи широкія въ Каспійское море.—Съ той же возвышенности беретъ начало Днѣпръ. И онъ начинается маленькой рѣчкой, а потомъ все растетъ и растетъ, принимая въ себя воды притоковъ, и тихо, не спѣша, пробирается чрезъ густые лѣса къ вольной степи. Въ одномъ мѣстѣ тутъ заслонили было ему путь камни да скалы (пороги), и забурлили его воды: тѣсно имъ послѣ приволья да простора степнаго пробираться по узкимъ проходамъ между камнями! Пробившись сквозь пороги,

свободно и вольно разливается Днѣпръ вширь и впадаетъ въ Черное море такимъ широкимъ устьемъ, что и не разберешь, гдѣ кончается рѣка и гдѣ начинается море. Межъ Волгой и Днѣпромъ Донъ съ притоками орошаетъ степь и несетъ свои воды въ Азовское море. Съ Валдайской возвышенности течетъ Западная Двина въ Балтійское море. Тутъ же неподалеку начинаются и рѣки, текущія въ озеро Ильмень; изъ него Волховъ идетъ въ Ладожское озеро, а оно рѣкою Невою вливается въ Балтійское море. Съ Алаунской гряды текутъ на сѣверъ притоки рѣки Сѣверной Двины, а на югъ—притоки Волги. Кромѣ этихъ рѣкъ, много другихъ меньшихъ пересѣкаютъ страну по всѣмъ направленіямъ. Изъ средины ея онѣ съ множествомъ притоковъ расходятся на сѣверъ и югъ, на западъ и востокъ,—и словно водною сѣтью покрываютъ всю громадную равнину. Многія изъ этихъ рѣкъ, полноводныя, рыбныя, текутъ на цѣлыя сотни верстъ, — текутъ спокойно, не спѣша, чрезъ лѣса, поля и степи.

Не будь этихъ рѣкъ, трудно было бы расходиться по странѣ первымъ поселенцамъ ея,—легко было затеряться въ безпредѣльныхъ степяхъ, заблудиться въ лѣсныхъ трущобахъ, да и пробираться сквозь непролазныя дебри по топкимъ болотамъ было очень тяжело и опасно: на каждомъ шагу можно было встрѣтиться съ хищнымъ звѣремъ. То ли дѣло рѣка... Путь ровный! Сдѣлать челнъ изъ стараго дуплистаго дерева нехитро. По теченію рѣки плыть совсѣмъ легко: сама вода несетъ; да и вверхъ подыматься не тяжело по тѣмъ рѣкамъ, которыя текутъ тихо и ровно. Поднимешься къ верховью одной рѣки, плыть дальше нельзя, — смотришь, — недалеко начинается другая рѣка. Три-четыре человѣка могутъ безъ особаго труда перетащить челнъ до нея: гдѣ мѣсто гладкое—можно тащить по землѣ волокомъ, а гдѣ нельзя—тамъ легкую ладью и на рукахъ нетрудно перенести. Стоитъ только добраться до другой рѣки, спустить лодку въ воду, — и плыви себѣ иной разъ хоть цѣлыя сотни верстъ безъ помѣхи. Плавая по рѣкамъ, не заблудишься: онѣ и обратный путь покажутъ, если надо вернуться, да и опасности меньше. Приходится плыть сквозь темные лѣса; полны они рева и воя звѣринаго, да не опасно—не достанетъ звѣрь людей среди большой рѣки. Случается имъ иной разъ и на берегъ выйти, поохотиться, раздобыться дичью: приходится тутъ и съ большимъ лютымъ звѣремъ встрѣтиться. Опасно и это, но все-же это не то, что пробираться по лѣсамъ цѣлые дни, недѣли, не знать покою ни днемъ, ни ночью, быть постоянно въ страхѣ, что вотъ-вотъ изъ сумрака непроглядnаго лѣса кинется лютый звѣрь.

Понятно, почему населеніе болѣе всего ютилось къ рѣкамъ, а онѣ, текущія во всѣ стороны восточно-европейской равнины, разносили его мало-по-малу во всѣ концы ея.

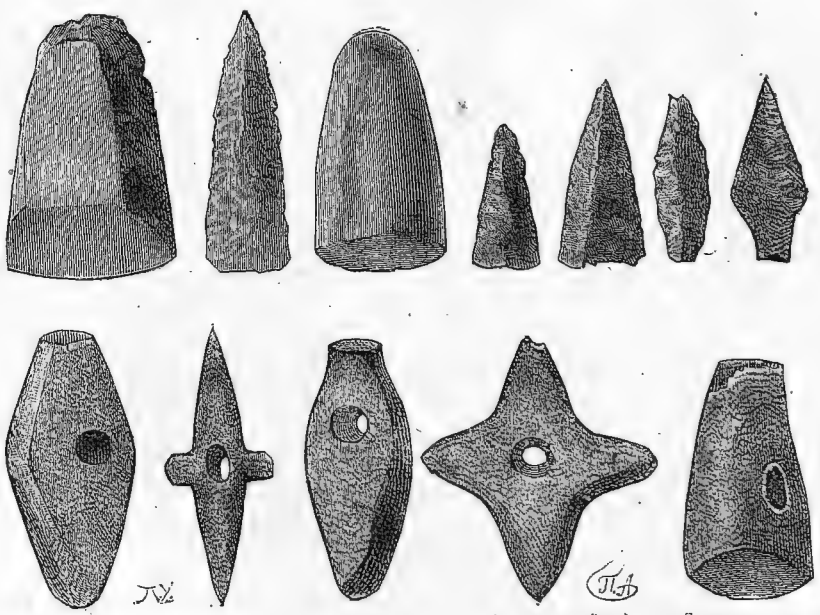
Древнѣйшіе обитатели Восточной Европы.

Въ глубокой древности, тысячи за три лѣтъ или болѣе, до Рождества Христова, въ разныхъ мѣстахъ Европы уже обитали люди.

Тяжела и неприглядна была жизнь этихъ первобытныхъ дикихъ поселенцевъ Европы.

Они еще не знали желѣза; кости животныхъ и камни замѣняли имъ

желѣзныя орудія. Изъ кремней и другихъ твердыхъ камней, терпѣливо отбивая кусокъ за кускомъ, тогда выдѣлывали себѣ люди необходимыя орудія: топоры, молоты, ножи, домашнюю утварь, оконечники копій и стрѣлъ и пр. Трудно было сдѣлать ихъ, нелегко было и пользоваться ими: сколько надо было труда, чтобы каменнымъ топоромъ срубить толстое дерево? Сколько надо было поработать, чтобы каменнымъ ножомъ сдѣлать изъ дерева какую-нибудь вещь? Но съ теченіемъ времени и эти первобытныя каменныя орудія человѣкъ ухитрился довести до значительнаго совершенства, научился трѣніемъ при помощи песку придавать имъ гладкость (шлифовать), оттачивать ихъ, нашелъ способъ сверлить въ нихъ отверзтія, удобнѣе прилаживать рукояти, сталъ даже придавать своимъ издѣліямъ изящный видъ и выдѣлывать изъ камней украше-



Каменныя орудія (топоры, молоты, оконечники копій и стрѣлъ), найденныя въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

нія, бусы и пр. Тѣ времена, когда люди ютились въ пещерахъ или для безопасности отъ лютаго звѣря и хищника-врага, устраивали себѣ шалаши по озерамъ на сваяхъ, пробавлялись охотой да рыболовствомъ, довольствуясь каменными орудіями,—ученые назвали каменнымъ вѣкомъ.

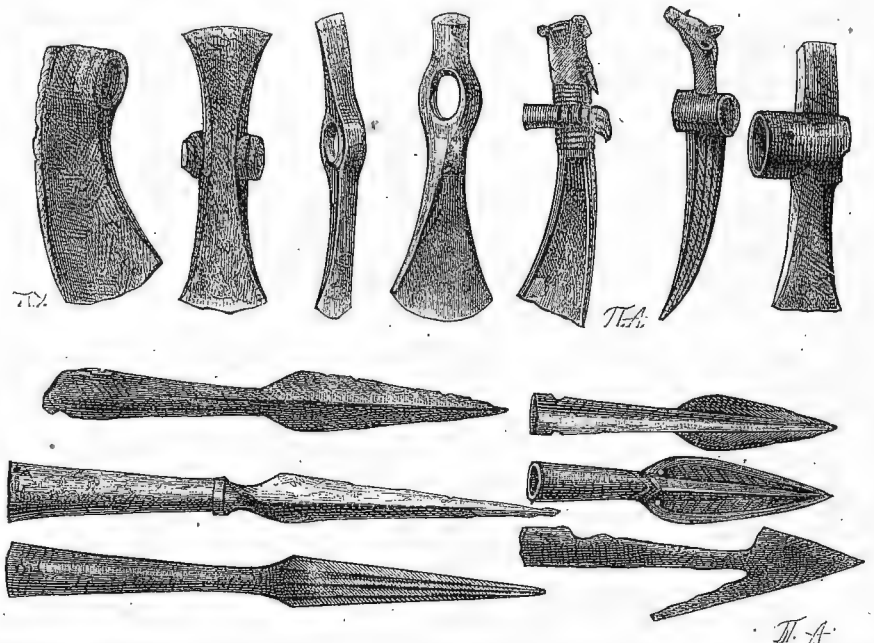
Конечно, не одно столѣтіе первобытные обитатели Европы въ своемъ житейскомъ обиходѣ довольствовались каменными орудіями подобно тому, какъ сто лѣтъ тому назадъ еще обходились ими, напр., наши камчадалы.

Великимъ событіемъ въ бытовой исторіи человѣка, было открытіе способа дѣлать вещи изъ бронзы (сплава мѣди и олова). Съ этой поры люди мало-помалу научились отливать не только хорошіе мечи, ножи, серпы, оконечники копій и стрѣлъ, но и сосуды, и довольно красивыя украшенія: ожерелья, кольца, серьги и пр. Время господства бронзы называется бронзовымъ вѣкомъ.

Когда-же, наконецъ, человѣкъ совладалъ съ твердымъ желѣзомъ, научился ковать его, дѣлать изъ него орудія, болѣе прочныя и удобныя, чѣмъ бронзовыя, наступаетъ желѣзный вѣкъ.

Какъ на западѣ Европы, такъ и на востокѣ сохранилось много остатковъ отъ каменнаго и бронзоваго вѣковъ.

Уже издавна въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи случалось, что крестьяне выпахивали изъ земли маленькіе, заостренные камешки, — называли ихъ „громовыми стрѣлками“, такъ какъ у суевѣрнаго народа сложилось повѣрье, будто они находятся тамъ, куда ударила молнія. Изученіе древностей каменнаго вѣка показало, что эти камешки — наконечники стрѣлъ, уцѣлѣвшіе отъ глубокой древности.



Бронзовыя и желѣзныя орудія (военные топоры, молоты, наконечники стрѣлъ и копій), найденныя въ Россіи.

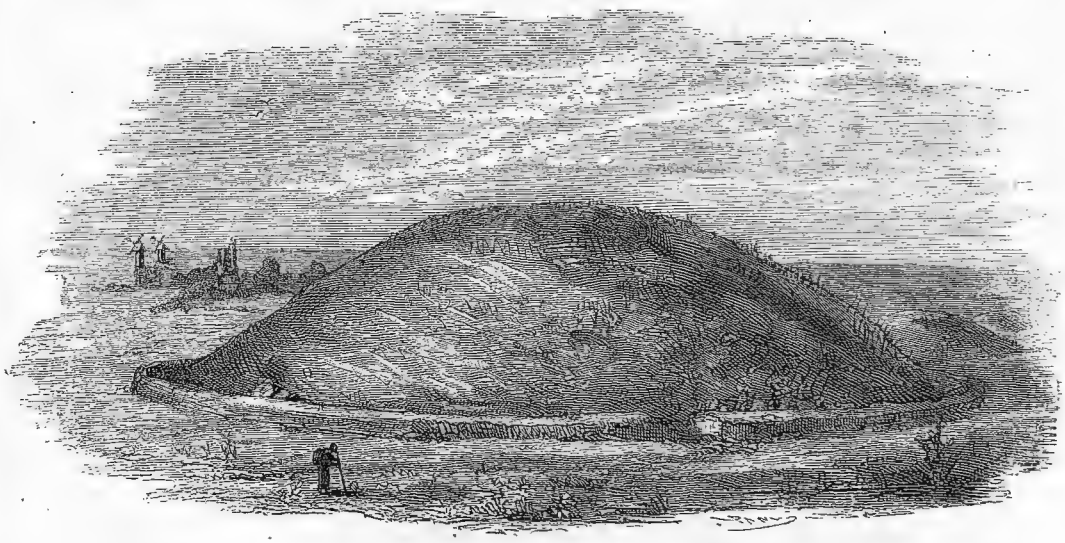
Раскопки и случайныя находки почти повсюду въ Россіи доставили огромное количество каменныхъ вещей, разныхъ орудій отъ самыхъ первобытныхъ, грубо-отесанныхъ, до красиво отдѣланныхъ, просверленныхъ; нашли также и куски глиняныхъ сосудовъ (горшковъ) отъ самыхъ грубыхъ, плохо вылѣпленныхъ, полу-обожженныхъ до искусно сдѣланныхъ и украшенныхъ затѣйливыми узорами. Точно также не мало найдено на западѣ Россіи, да и въ сѣверныхъ и восточныхъ частяхъ ея разныхъ бронзовыхъ вещей и желѣзныхъ, которыя относятся къ глубокой старинѣ.

Всѣ эти любопытные вещевые остатки ясно показываютъ, что восточная половина Европы была обитаема подобно западной уже за нѣсколько тысячелѣтій до Р. Х.; что древнѣйшимъ жителямъ ея много вѣковъ приходилось биться изо всѣхъ силъ, чтобы съ каменнымъ орудіемъ въ рукахъ поддерживать и охранять свою жалкую жизнь. Показываютъ эти остатки, какъ первобытные

люди путемъ вѣковыхъ усилій ума, приноровляясь и приспособляясь всячески къ окружающей ихъ природѣ, старались мало-по-малу улучшить, облегчить и скрасить свою жизнь, и какъ, наконецъ, дознались до искусства плавить нѣкоторые металлы и ковать желѣзо.

Кромѣ указанныхъ древнѣйшихъ слѣдовъ человѣческой жизни въ Россіи, въ разныхъ мѣстахъ ея находятъ не мало древностей, принадлежащихъ временамъ хотя и позднѣйшимъ, но все же дохристіанскимъ. Въ нашихъ южныхъ степяхъ много смѣнилось кочевыхъ племенъ задолго еще до Р. Х. Отъ этихъ народовъ остались тоже вещевые слѣды.

Въ разныхъ мѣстахъ степи встрѣчаются и малые, и большіе курганы (могильники), попадаются и небольшія могилы, обложенныя или обставленныя камнями. На нѣкоторыхъ насыпяхъ найдено множество каменныхъ, по боль-



Видъ кургана (Александропольскій).

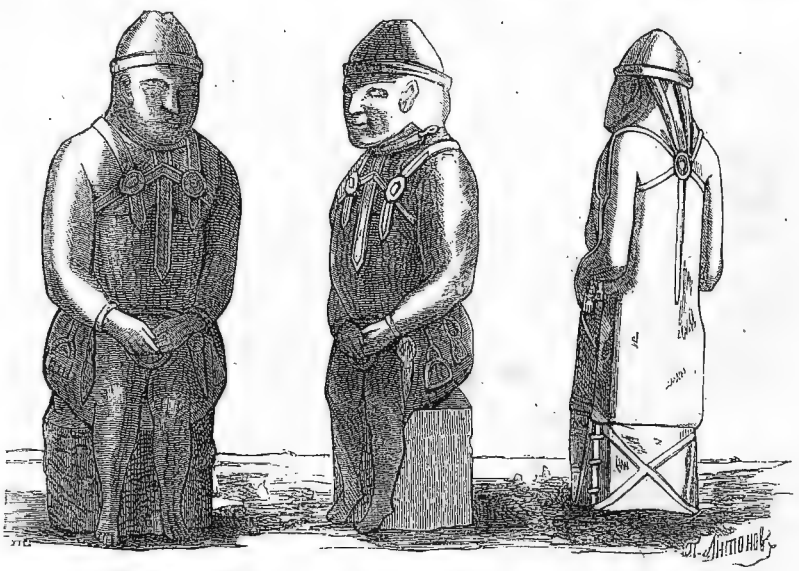
шей части грубо изваянныхъ изображеній женщинъ и мужчинъ. Значеніе этихъ загадочныхъ истукановъ, или „каменныхъ бабъ“, какъ ихъ называютъ, до сихъ поръ еще не объяснено.

Все это — памятники давнопрошедшей жизни народовъ, но памятники нѣмые: по нимъ можно вѣрно судить только о состояніи искусства у этихъ народовъ въ разныя времена. Путемъ домысловъ и догадокъ на основаніи вещевыхъ остатковъ можно добыть и нѣкоторыя свѣдѣнія о внѣшнемъ бытѣ; но не скажутъ ничего опредѣленнаго намъ эти нѣмые памятники о внутренней жизни, о вѣрованіяхъ, о понятіяхъ народовъ, не разскажутъ намъ и о событіяхъ, какія пережили они. Сказать намъ объ этомъ можетъ только человѣческое слово: безъ него нѣтъ и быть не можетъ настоящей исторіи. Тѣ времена, отъ которыхъ не сохранилось опредѣленныхъ словесныхъ извѣстій, называются *доисторическими*.

Первое вѣское слово о народахъ Восточной Европы сказалъ греческій

писатель Геродотъ, котораго назвали „отцомъ исторіи.“ Уже въ VI столѣтіи до Р. Х. по сѣверному берегу Чернаго моря процвѣтали греческія колоніи: Ольвія при устьѣ Буга, Херсонесъ и Пантикапея на Таврическомъ полуостровѣ и др. Жители этихъ городовъ, особенно Ольвіи, были въ сношеніяхъ съ народами, жившими къ сѣверу отъ нихъ, т. е. въ нашихъ южныхъ степяхъ и, конечно, должны были многое знать о своихъ сосѣдяхъ. Геродотъ, посѣтившій въ половинѣ V вѣка до Р. Х. Ольвію, не довольствовался одними слухами и разсказами о занимавшихъ его странахъ; но самъ побывалъ въ устьяхъ Днѣпра, Буга и Днѣстра и разсказалъ подробно и живо все, что видѣлъ и слышалъ.

Прежде всего любознательнаго историка поразила громадность страны, раскинувшейся предъ нимъ, и величина рѣкъ, орошающихъ ее. Ближайшими сосѣдями греческихъ колоній, жителями нашей южной степи были скиѳы-



Каменныя бабы, найденныя въ южно-русскихъ степяхъ.

кочевники, а къ сѣверу отъ нихъ вверхъ по Днѣпру жили, по словамъ Геродота, подвластные имъ скиѳы-пахари. Далѣе онъ, приводитъ нѣсколько баснословныхъ разсказовъ о людоѣдахъ (андрофагахъ), будто бы живущихъ къ сѣверу отъ этихъ скиѳовъ, о чудовищахъ съ львинымъ туловищемъ, съ орлинымъ клювомъ и крыльями (грифахъ), стерегущихъ на сѣверѣ золото и пр. Въ такія басни облекались слухи о страшныхъ опасностяхъ, ждущихъ смѣлыхъ путешественниковъ на дальнемъ сѣверѣ, и о богатствахъ, скрытыхъ въ уральскихъ или сибирскихъ горахъ. Но то, что разсказываетъ Геродотъ о скиѳахъ-кочевникахъ, дышетъ простотой и правдивостью.

Скиѳы-кочевники, по его словамъ, очень мудро устроили свою жизнь: на нихъ трудно напасть врагу, трудно и уйти отъ нихъ; ни городовъ, ни крѣпостей у нихъ нѣтъ; живутъ они не отъ плуга, а отъ скота; всѣ они конные стрѣлки, жилища свои имѣютъ при себѣ,—перевозятъ ихъ за собой на телѣгахъ.

Трудность настигнуть на широкомъ степномъ привольѣ кочевниковъ, побѣдить и покорить ихъ, хорошо видна изъ разсказа того же Геродота о походѣ персидскаго царя Дарія на скиѳовъ. Съ громаднѣйшимъ войскомъ двинулся онъ въ степь, надѣясь скоро обуздать ихъ, но ошибся въ разсчетѣ: скиѳы не вступали въ бой, а безпрестанно переходили съ мѣста на мѣсто, уходя въ виду персидскаго войска все дальше и дальше въ глубь своихъ степей.

Дарій потерялъ, наконецъ, терпѣніе и послалъ къ скиѳскому царю гонца съ такими словами:

— „Если ты силенъ, остановись и сразись со мною; если же чувствуешь свою слабость, то все-таки не бѣгай, а дай мнѣ, какъ владыкѣ своему, земли свои и воды, и вступи въ переговоры.“

— „Никогда ни передъ кѣмъ не бѣгалъ я отъ страху, —отвѣчалъ персидскому владыкѣ скиѳскій царь,—ни прежде, ни теперь. Ничего небывалаго не дѣлаю я и нынѣ. Я по своему обычаю кочую. Остановиться мнѣ негдѣ: у насъ нѣтъ ни городовъ, ни воздѣланной земли и защищать намъ нечего, а потому и сражаться съ вами у насъ нѣтъ ни случая, ни причины. Если же непремѣнно хочешь битвы, то у насъ есть отцовскія могилы,—найдите ихъ и попробуйте тронуть ихъ, тогда вы узнаете, будемъ ли мы готовы на битву, или нѣтъ... Ты называешь себя моимъ владыкой. Да будетъ тебѣ вѣдомо, что надъ собой я знаю одного владыку—Бога... За дерзкія слова твои заплатишь ты слезами“.

Съ этого времени скиѳы стали всячески вредить персамъ: безпрестанно тревожили ихъ набѣгами, не давали покою по ночамъ, нападали во время обѣденныхъ привaловъ. Скиѳская конница постоянно одолѣвала персидскую; когда же пѣхота готовилась вступить въ бой, то скиѳы уносились отъ нея на своихъ степныхъ коняхъ.

При началѣ похода Дарія скиѳы, отступая предъ персами, засыпали колодцы и родники, уничтожали траву, чтобы всячески затруднить путь врагамъ; а теперь наоборотъ какъ бы облегчали имъ походъ, даже подгоняли нарочно стада, чтобы они попали въ ихъ руки.

Догадался Дарій, что скиѳы хотятъ заманить персовъ подальше въ свои степи, чтобы въ конецъ измучить ихъ внезапными нападеніями и затѣмъ истребить; убѣдился онъ, что при всѣхъ его громадныхъ силахъ ему не покорить степныхъ кочевниковъ и поспѣшилъ выбраться изъ дикой ихъ страны.

Поклонялись скиѳы, по словамъ Геродота, многимъ богамъ (небу, солнцу, лунѣ и др.). Храмовъ, жертвенниковъ и кумировъ не ставили,—только одному богу войны устраивали жертвенникъ. Волхвовъ, гадателей и предсказателей у скиѳовъ было великое множество. Горе было тѣмъ изъ нихъ, предсказанья которыхъ не оправдывались: ихъ ставили на повозку, запряженную волами, въ кучу хвороста, зажигали его и пускали воловъ по степи... Въ жертву богамъ приносили скиѳы воловъ, коровъ, лошадей и другихъ домашнихъ животныхъ. Богу войны приносились жертвы иначе. Устраивали изъ хворосту огромный курганъ; на верхней площадкѣ его водружали старинный желѣзный мечъ, который и служилъ кумиромъ бога войны. Этому мечу приносили въ жертву скотъ и лошадей гораздо въ большемъ количествѣ, чѣмъ другимъ бо-

гамъ. Когда же брали въ плѣнъ непріятелей, то отъ каждой сотни одного приносили въ жертву: возливъ вино на головы обреченныхъ въ жертву людей, рѣзали ихъ надъ сосудомъ, потомъ несли кровь на курганъ и лили ее на мечъ.

Скиѳы были вообще кровожадны. На войнѣ скиѳъ пилъ кровь перваго убитаго имъ врага. Головы убитыхъ непріятелей скиѳы относили царю, чтобы имѣть право участвовать въ добычѣ, а кто не приносилъ, тотъ ничего и не получалъ. Кожа съ вражьихъ череповъ искусно снималась и привѣшивалась на уздѣ къ коню. Тотъ воинъ считался храбрѣйшимъ, у котораго было больше такихъ побѣдныхъ знаковъ. Изъ череповъ знатнѣйшихъ и злѣйшихъ враговъ своихъ скиѳы дѣлали себѣ чаши; богатые отдѣлывали ихъ золотомъ, а бѣдные обтягивали воловьей кожей. На пирахъ и торжествахъ, которые устраивались

Золотая ваза изъ кургана Куль-Оба (уменьш. въ 2 раза).

Серебряная ваза изъ Чертомлыцкаго могильника (уменьш. въ 7 разъ).

разъ въ годъ, болѣе отважнымъ воителямъ оказывался особенный почетъ: имъ подносили вино; тогда какъ не отличившіеся ничѣмъ сидѣли поодаль отъ храбрыхъ, безъ всякой почести и безъ вина... Вина пили скиѳы очень много, и при томъ чистаго, не разведеннаго водою, что у древнихъ грековъ считалось признакомъ грубости и варварства.

Своихъ царей скиѳы погребали съ большими почестями и особеннымъ образомъ. Тѣло умершаго, вынувъ изъ него внутренности, наполняли благовонными травами (бальзамировали), обмазывали воскомъ, клали въ колесницу и объѣзжали по всѣмъ подвластнымъ народамъ. Печаль ихъ выражалась тѣмъ, что они наносили себѣ раны, урѣзывали уши, царапали лицо, стригли волосы.

Чѣмъ дальше везли погребальную колесницу, тѣмъ больше и больше народу присоединялось къ печальному шествію и, наконецъ, накоплялось великое множество людей. Когда привозили тѣло царя на царское кладбище (нѣкоторые полагаютъ,—по близости днѣпровскихъ пороговъ), здѣсь выкапывали большую четыреугольную яму, а въ ней отдѣльныя пещеры. Въ одной погребали царя, а затѣмъ, удушивъ одну изъ царскихъ женъ и самыхъ близкихъ къ царю слугъ, хоронили ихъ въ остальныхъ пещерахъ. Съ ними клали царскую утварь, оружіе и различныя украшенія, большею частью золотыя, такъ какъ скиѳы серебра и мѣди употребляли мало. Наконецъ, всѣ собравшіеся на погребеніе наперерывъ другъ передъ другомъ засыпали могилу землей, стараясь сдѣлать насыпь какъ можно выше; такимъ образомъ, сооружали иногда громаднѣйшій курганъ, саженъ десять вышиною, шаговъ 500 въ окружности. Черезъ годъ справлялись поминки; снова убивали лучшихъ изъ уцѣлѣвшихъ слугъ умершаго царя, убивали и лучшихъ его коней и мертвыхъ всадниковъ на мертвыхъ коняхъ ставили на кольяхъ вкругъ кургана.

Когда умирали простые скиѳы, то родственники умершихъ возили ихъ на повозкахъ по ихъ друзьямъ; тѣ угощали провожатыхъ пирами. Такіе похоронные объѣзды длились 40 дней; затѣмъ совершалось погребенье.

Строго соблюдая свои обычаи, скиѳы, по словамъ Геродота, питали отвращеніе къ обычаямъ иноземцевъ и ничего не заимствовали отъ нихъ...

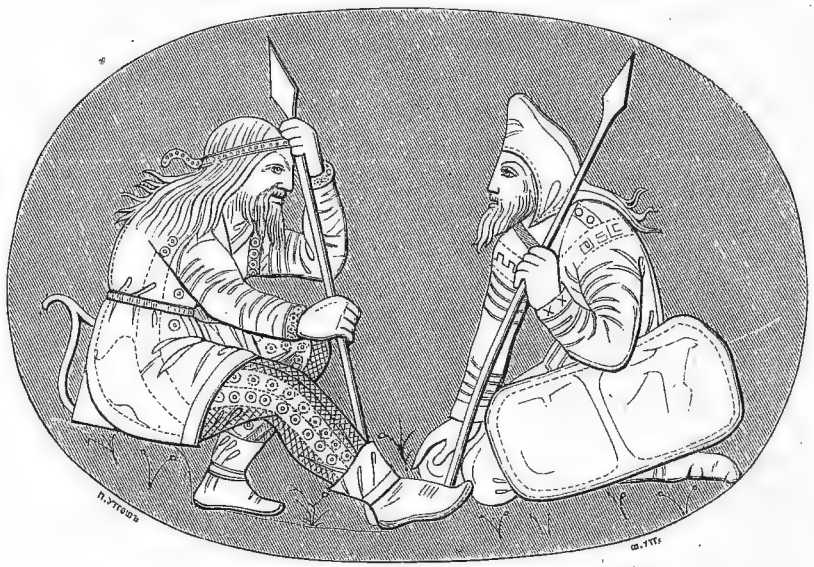
Изъ приведеннаго разсказа ясно рисуются суровые нравы скиѳовъ-кочевниковъ. Нравы и обычаи скиѳовъ-пахарей, къ сожалѣнію, не описаны; но они, конечно, отличались большею мягкостью и миролюбіемъ, какъ осѣдлые мирные промышленники. Они не только для себя воздѣлывали хлѣбъ, но и для продажи.

Къ разсказамъ Геродота о богатствѣ скиѳскихъ могилъ ученые относились долго недовѣрчиво; но когда стали раскапывать курганы, то разсказы „отца исторіи“ блистательно подтвердились.

Не смотря на то, что сокровища многихъ скиѳскихъ могилъ оказались расхищенными еще въ глубокой древности, не смотря на то, что при раскопкѣ одного царскаго кургана (Куль-оба) близъ города Керчи, было сдѣлано нападеніе грабителями и захвачено множество древнихъ золотыхъ вещей, все-таки найти и сберечь удалось огромное количество скиѳскихъ древностей. При раскопкѣ, напр., одной могилы въ 1863 г. (Чертомлыцкой) близъ Днѣпровскихъ пороговъ, неподалеку отъ мѣстечка Никополя, было найдено множество принадлежностей и украшеній конской сбруи, колесницъ, шатровъ; найдены золотые и серебряные обручи, серьги, около 700 золотыхъ бляхъ, золотые перстни... Раскопка этого кургана производилась почти два года; но труды увѣнчались блестящимъ успѣхомъ: добыть было около 2500 предметовъ, драгоцѣнныхъ для науки. Хотя большая часто вещей греческой работы, но дѣлались они сообразно нравамъ и вкусамъ скиѳовъ.

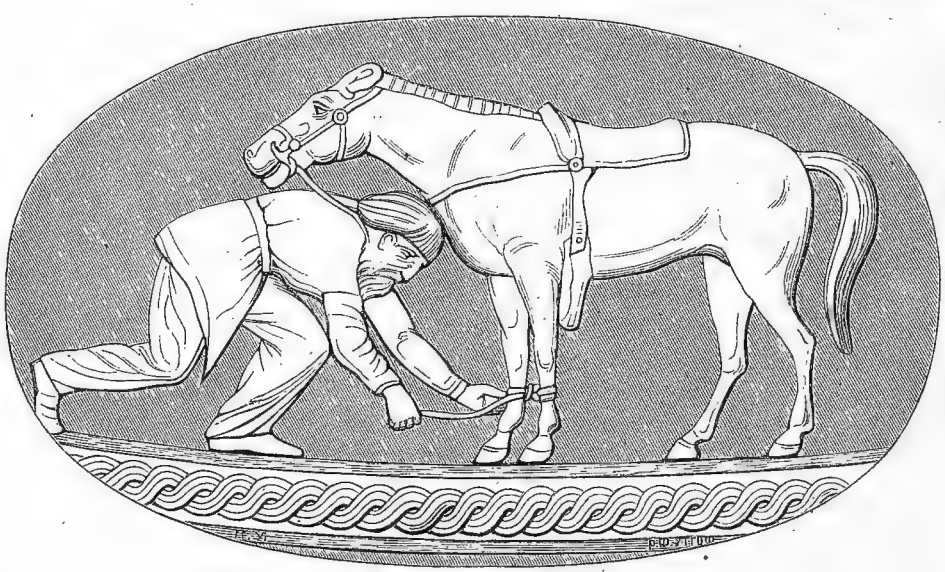
Особенно важны двѣ вазы: одна золотая, найденная въ курганѣ близъ Керчи, другая—серебряная, добытая изъ Чертомлыцкой могилы недалеко отъ мѣстечка Никополя. Оба эти изящные сосуда греческаго издѣлія украшены изображеніями скиѳовъ и даютъ понятіе о вооруженіи и одеждѣ ихъ.

Скиѳская одежда была одеждою лихого наѣздника. Короткій кафтанъ не мѣшалъ верховой ѣздѣ; запахивался онъ пола на полу и туго опоясывался ременнымъ поясомъ, украшеннымъ бронзовыми пластинками. Кафтаны были холодные и теплые; послѣдніе подбивались и опушались по краямъ мѣхомъ. Обувь



Совѣщаніе скиѳовъ (съ Куль-обской вазы).

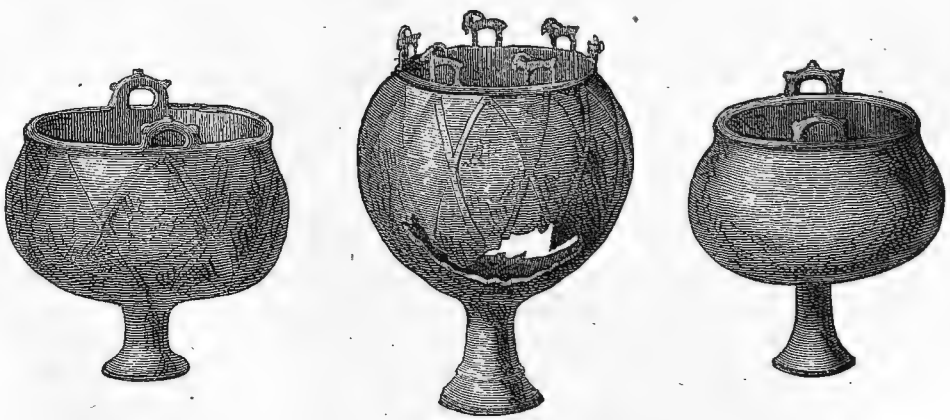
скиѳа состояла изъ короткихъ сапоговъ, которые перевязывались ремнемъ. У царей и богатыхъ вельможъ и кафтаны, и шаровары украшались золотыми бляшками, изъ которыхъ составлялись узоры: кромѣ того одежда украшалась множествомъ блестящихъ пуговокъ. Скиѳы носили бороды и длинные волосы,



Скиѳъ стреножащій коня (съ Никопольской вазы).

зачесывая ихъ назадъ; башлыки, которыми они прикрывали голову, точно такъ-же, какъ и одежда, украшались нашивными бляхами и пуговками. Вожди носили на головѣ золотыя ленточныя перевязи вродѣ вѣнчиковъ. На шею надѣвали гривны, т. е. ожерелья, цари и вельможи—золотыя въ полфунта и больше вѣсомъ; простые люди—бронзовые. Женщины у скиѳовъ очень любили украшенія: въ ихъ могилахъ найдено множество золотыхъ и бронзовыхъ ожерелій, обручей (браслетъ), перстней, колецъ, серегъ.

Главнымъ оружіемъ скиѳовъ были лукъ и стрѣлы; на поясѣ у каждаго висѣлъ лукъ въ налучьѣ, при которомъ былъ небольшой колчанъ со стрѣлами; кромѣ того, употреблялись короткіе мечи и копья. Самымъ цѣннымъ богатствомъ степнаго наѣздника былъ, конечно, конь. Простые скиѳы, какъ видно по изображеніямъ довольствовались ременной уздечкой и очень простымъ сѣдломъ; но цари и вельможи у нихъ щеголяли великолѣпными конскими уборами, которые были обильно украшены золотыми разнообразными бляхами; на шеи коямъ иногда навѣшивались гремящія цѣпочки съ бубенчиками и колокольцами.—Изъ утвари скиѳовъ найдены большіе котлы на высокихъ подставахъ: они, очевидно, ставились прямо на землю и подъ ними разводился огонь. Кромѣ того, найдены чаши и роги, служившіе скиѳамъ на ихъ пирахъ, а также вазы, блюда, ложки, ножи и проч.



Скиѳскіе котлы.

Хотя и послѣ Геродота греки говорятъ о скиѳахъ, жителяхъ восточной Европы, а затѣмъ римскіе писатели сообщаютъ нѣкоторыя извѣстія о ея обитателяхъ, называя ихъ сарматами, и другими именами, но извѣстія эти по большей части темны и сбивчивы. Подъ скиѳами и сарматами древніе писатели разумѣли вообще жителей южной части малоизвѣстной восточной Европы; между тѣмъ на ея равнинахъ обитало разомъ по нѣсколько различныхъ племенъ; притомъ, кочевые народцы здѣсь часто смѣнялись одинъ другимъ. Нѣкоторые наши ученые думаютъ, что подъ общими названіями скиѳовъ и сарматовъ скрываются и наши предки—славяне.

Послѣ Рождества Христова греческіе и римскіе писатели начинаютъ уже различать на европейскомъ востокѣ нѣсколько племенъ и называютъ ихъ раз-

ными именами; но въ путаницѣ этихъ именъ очень трудно разобраться. Въ IV вѣкѣ въ югозападной части нашего отечества готы, народъ германскаго племени, образовали было большое государство; но страшное нашествіе азіатскихъ кочевниковъ гуновъ уничтожало его и произвело въ средней Европѣ общее передвиженіе народовъ, такъ называемое «великое переселеніе племенъ».

Съ V ст. по Р. Х. появляются уже довольно ясныя извѣстія о славянахъ.

Славяне.

Разселеніе славянъ, бытъ, нравы, обычаи и вѣрованія ихъ за тысячу лѣтъ назадъ.

Сравненіе языковъ, древнихъ вѣрованій и обычаевъ европейскихъ и нѣкоторыхъ азіатскихъ народовъ показало, что славяне принадлежатъ къ большой семьѣ племенъ, происходящихъ отъ одного праотца-народа, отъ арійцевъ, въ незапамятныя времена жившихъ въ Азіи, на Иранской возвышенности. Арійское племя, размножаясь, постепенно выдѣляло изъ себя части, которыя мало по малу, подвигаясь отъ своей родины на югъ и на западъ, разселялись по разнымъ странамъ и складывались въ отдѣльныя племена (въ Европѣ грекоиталійцы, кельты, германцы, литовцы, славяне, въ Азіи — иранцы и индійцы). Тѣмъ же способомъ дознано, что славяне, пришедшіе въ Европу еще въ доисторическія времена, не походили на древнѣйшихъ дикихъ обитателей ея, чтили уже родственныя связи и обязанности, могли приручать нѣсколько животныхъ, занимались скотоводствомъ, имѣли свѣдѣнія о земледѣліи, умѣли плести, ткать, шить, знакомы были съ золотомъ, серебромъ, мѣдью; стало быть, давнымъ давно уже вышли изъ первобытнаго состоянія дикарей.

Гдѣ въ Европѣ поселились славяне по выходѣ изъ Азіи, неизвѣстно. Вѣроятно, не разъ имъ приходилось мѣнять мѣсто во время народныхъ движеній. По древнимъ преданіямъ славянъ, можно заключить, что древнѣйшимъ мѣстомъ ихъ поселенія въ Европѣ были страны по нижнему и среднему теченію Дуная и земли къ сѣверу отъ него до Карпатскихъ горъ. На Дунаѣ жить было привольно: страны здѣсь теплыя, земли плодоносныя, растительность богатая. Не ушли бы славяне отсюда по своей волѣ, да стали ихъ тѣснить съ юга, какъ говоритъ преданіе, другіе народы (волохи),—пришлось славянскому племени раздробиться и двинуться въ другія земли. Одна часть ихъ все-таки осталась на Дунаѣ; отъ этихъ славянъ ведутъ начало сербы и болгары. Другая часть пошла дальше на сѣверъ; отъ нихъ произошли чехи, моравне, словаки и поляки, а тѣ славяне, которые поселились по рѣкѣ Эльбѣ да по берегу Балтійскаго моря, со временемъ затерялись среди сильныхъ нѣмецкихъ племенъ, слились съ ними въ одинъ народъ,—онѣмечились. Третья часть славянъ пошла на сѣверо-востокъ по Днѣпру и его притокамъ. Эти восточные славяне—наши предки; отъ нихъ-то и ведетъ начало русскій народъ.

Мѣста по Днѣпру было вдоволь; тѣсниться было нечего,—свободно расходись хоть во всѣ стороны! Пробираются по рѣкѣ поселенцы; приглянется имъ какое-нибудь мѣсто на берегу,—остановятся, поживутъ нѣсколько времени. Хорошо живется, можно добыть пищу да не очень опасно,—устроятъ незатѣй-

ливыя жилища и живуть себѣ; а худо,—пойдутъ дальше искать новыхъ мѣстъ. Широко раскинулись по долинѣ Днѣпра, по его притокамъ и дальше къ сѣверу и востоку поселья восточныхъ славянъ, и разбились они на нѣсколько частей, или небольшихъ племенъ. Тѣ славяне, что разселились на поляхъ по среднему теченію Днѣпра, назвались полянами. Къ западу отъ нихъ водворились древляне, въ лѣсахъ (деревахъ) по рѣкѣ Припяти. Къ сѣверо-востоку отъ полянъ, по рѣкѣ Деснѣ,—сѣверяне. Отъ рѣки Припяти до Западной Двины болотистую мѣстность заняли дреговичи (отъ слова дрягва, что значитъ болото). По верховьямъ Днѣпра и Западной Двины поселилось большое племя кривичей; самая сѣверная часть славянъ, жившая по озеру Ильменю и по рѣкамъ, впадающимъ въ него, не имѣла особаго названія, а называлась общимъ именемъ—словенами. Къ востоку отъ Днѣпра по рѣкѣ Сожи жили радимичи, а еще далѣе къ верховьямъ Оки жили вятичи, самое восточное изъ славянскихъ племенъ. По Западному Бугу жили дулѣбы, или бужане, а далѣе по Карпатскимъ горамъ хорваты. По Днѣстру къ Дунаю и Черному морю поселились угличи и тиверцы.

Изъ отрывочныхъ извѣстій византійскихъ, германскихъ, арабскихъ писателей (съ VII до X ст. по Р. Х.) и нашей лѣтописи можно добыть кое-какія отрывочныя свѣдѣнія о житьѣ-бытьѣ нашихъ предковъ до начала государства.

Разбросавшись по огромному пространству, не только всѣ эти племена восточныхъ славянъ не составляли одного цѣлаго народа, но и каждое племя въ свою очередь дробилось на отдѣльныя общины, каждый поселокъ жилъ особнякомъ. До IX ст. по Р. Х. не было такой силы, такой одной власти, которая сплотила бы ихъ въ одинъ народъ. Въ каждой отдѣльной семьѣ повелителемъ былъ отецъ; нѣсколько семействъ, происшедшихъ отъ одной семьи, составляли родъ. Если живъ былъ дѣдъ, отъ котораго вели начало эти семьи, то онъ былъ и главою всего рода; всѣ родичи должны были слушаться своего родоначальника, какъ дѣти отца. Умиралъ дѣдъ, тогда братъ его или старшій сынъ становился главою рода. Когда съ теченіемъ времени родъ разростался, многіе забывали уже о томъ, что они ведутъ начало отъ одной семьи, забывали о кровномъ родствѣ между собою, тогда родъ распадался на нѣсколько отдѣльныхъ родовъ. Они порой даже враждовали между собою; но одинъ языкъ и одинаковые нравы отличали ихъ отъ иноземныхъ народовъ и напоминали имъ, что они одноплеменники.

Разселившись по полямъ, по лѣсамъ, по степямъ, восточные славяне не могли, конечно, вести повсюду одинъ и тотъ-же образъ жизни. По среднему теченію Днѣпра земля плодородная; тучная почва давала здѣсь богатые урожаи, могла прокормить много народу, и потому поляне могли здѣсь селиться большими поселками и промышлять земледѣліемъ. А древляне, занявшіе лѣсную область, принуждены были промышлять больше всего звѣроловствомъ, охотою и жили небольшими поселками въ разброску. Такъ и другія племена промышляли, кто чѣмъ могъ, смотря по мѣсту: гдѣ охотою и звѣроловствомъ, гдѣ рыболовствомъ, а гдѣ были хорошіе луга, тамъ—скотоводствомъ; но издавна больше всего славяне любили заниматься хлѣбопашествомъ. Не только на югѣ, гдѣ тучная

почва давала богатую жатву, но и на сѣверѣ, среди дремучихъ лѣсовъ, на бѣдной почвѣ, гдѣ только можно было, славянинъ выбиралъ мѣстечко для своей пашни, бороздилъ лѣсную глинистую почву своимъ раломъ, и хотя скудный плодъ давала сѣверная почва, но и тутъ издавна нашъ народъ чтилъ землю, свою „мать-кормилицу“, какъ величаетъ онъ ее.

Селиться славяне любили по берегамъ рѣкъ и озеръ, на высокихъ мѣстахъ, чтобы водой не затопило во время весеннихъ разливовъ. За тысячу лѣтъ тому назадъ славяне еще не умѣли строить хорошихъ жилищъ,—сплетали себѣ жалкія лачуги изъ хвороста, покрывали соломой, лишь бы укрыться отъ дождя да непогоды, жили и въ землянкахъ. Ненастье и стужа заставили уже въ древности предковъ нашихъ задуматься о томъ, какъ бы получше устраивать себѣ жилища: стали они свои плетеные изъ вѣтвей шалаши обмазывать глиною (до сихъ поръ такъ дѣлаются въ иныхъ мѣстахъ на югѣ мазанки, или хаты), а тамъ, гдѣ было вдоволь лѣсу, научились дѣлать стѣны изъ плотно сложенныхъ бревенъ и строить себѣ избы. Печей и дымовыхъ трубъ совсѣмъ не умѣли дѣлать въ древности, а устраивали среди жилища очаги, гдѣ и разводили огонь, а дымъ уходилъ въ отверзтіе въ крышѣ или въ стѣнѣ (до сихъ поръ еще въ сѣверныхъ деревняхъ у насъ встрѣчаются курныя избы безъ дымовыхъ трубъ и безъ хорошо устроенныхъ печей). Скамьи, столы и домашняя утварь дѣлались въ древности, какъ и теперь, изъ дерева.

Ненастье да морозъ заставили нашихъ предковъ, зашедшихъ съ юга, подумать и о теплой одеждѣ. Гдѣ нужда, тутъ и помога: лѣса были полны пушнымъ звѣремъ; надо было только изловчиться, а добыть шубы можно было. Быстрая стрѣла догонитъ и зайца въ полѣ, и птицу въ небѣ. Силенъ лѣсной богатырь-медвѣдь, да и съ нимъ можетъ управиться человѣкъ, когда въ рукахъ у него рогатина или копье да тяжелый топоръ, или сѣкира, про запасъ. Умѣли издавна наши предки ловить звѣрей и живьемъ капканами и западнями.

Изъ шкуръ пушныхъ звѣрей дѣлали себѣ славяне шубы и шапки; обувались сначала въ лапти, а потомъ научились дѣлать и кожаные сапоги. Лѣтомъ мужчины носили только рубахи и шаровары, а во время боя въ жаркую пору сбрасывали и рубашки, бились полунагіе; вмѣсто рубахъ иногда накидывали на плечи куски грубой ткани, вродѣ плаща. Женщины носили длинныя сорочки и такіе же плащи, какъ и мужчины, и очень любили рядиться; издавна были въ большомъ ходу у славянокъ разныя украшенія: обручи (браслеты), ожерелья, кольца, серьги, бусы.

Предки наши, стройные, русые, румяные, по словамъ иноземцевъ, отличались очень крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, высокимъ ростомъ, большой силой и необыкновенной выносливостью: могли долго терпѣть зной холодъ и голодъ. Пищею довольствовались они самою простою, а иногда въ случаѣ нужды питались даже сырою пищею,—мясомъ животныхъ и рыбою. Изъ хлѣбныхъ растеній славяне особенно воздѣлывали просо и гречиху.

Не будь у нашихъ предковъ большой выносливости, которой удивлялись иноземцы, не подъ силу было бы имъ обжиться въ суровыхъ сѣверныхъ странахъ; не будь они сильны и стойки въ бою, не отстоять бы имъ своихъ земель отъ тѣхъ степныхъ хищниковъ, которые то и дѣло что налетали на своихъ бы-

стрыхъ конях̀ъ на поселья славянъ, грабили ихъ, захватывали людей въ рабство. Особенно много терпѣть отъ степняковъ приходилось славянамъ, жившимъ близъ степей; а сѣвернымъ славянамъ не давали покою морскіе удальцы, варяги, рыскавшіе на легкихъ ладьяхъ по морямъ и рѣкамъ. Живи славяне большими плотными поселеніями, они смогли бы, конечно, дать врагу сильный отпоръ и наказать дерзкаго хищника; но на бѣду раскидались они на огромномъ пространствѣ небольшими, рѣдкими поселками, при томъ не ладили между собою,—и сотня-другая степныхъ или морскихъ грабителей, нагрянувъ внезапно, могла натворить имъ много зла, не давши имъ даже и времени собраться съ силами. Вотъ почему много бѣдъ пришлось вынести отъ враговъ восточнымъ славянамъ, хотя они уже издавна славились силой и храбростью въ бою.

— „Славяне, говоритъ одинъ арабскій писатель,—народъ столь могущественный и страшный, что не будь они раздѣлены на множество поколѣній и родовъ, ни одинъ народъ въ мірѣ не помѣрился бы съ ними силою“.

Жилища свои славяне устраивали иногда со многими выходами, чтобы легче было уйти при внезапномъ нападеніи; пожитки свои и запасы они обыкновенно зарывали въ землю, а сами уходили и скрывались въ лѣсахъ Научились они хорошо скрываться въ высокой степной травѣ, умѣли устраивать засады въ лѣсу; часто сами нападали нежданно-негаданно на непріятеля и одерживали верхъ даже надъ сильнымъ врагомъ; умѣли ловко притворнымъ бѣгствомъ заманивать непріятеля въ лѣсную глушь и тамъ, скрываясь сами за деревьями, поражали враговъ стрѣлами, концы которыхъ иной разъ намазывали ядомъ. Особенно ловко умѣли славяне плавать по рѣкамъ и нырять, могли даже по нѣсколько часовъ скрываться на днѣ рѣки: они брали въ ротъ одинъ конецъ выдолбленнаго тростника (камыша), а другой выставляли изъ воды и такимъ образомъ могли дышать, лежа на днѣ рѣкъ; у береговъ ихъ росли тростники, и потому врагамъ трудно было замѣтить хитрость славянъ. Кромѣ копій и стрѣлъ, они употребляли на войнѣ еще большіе деревянные щиты; панцырей и латъ сначала они не имѣли.

Постоянно славянамъ грозила бѣда отъ нечаяннаго нападенія; стали они на высокихъ берегахъ рѣкъ или озеръ, на холмахъ, устраивать укрѣпленныя мѣста, городить города: огородятъ небольшое пространство тыномъ изъ толстыхъ бревенъ, насыплютъ земляной валъ и крѣпость (городъ) готова. Заслышатъ врага,—и спѣшатъ жители окрестныхъ поселковъ снести свои пожитки въ городъ. Если врагъ неособенно силенъ, попытаются въ открытомъ бою сразиться съ нимъ, въ противномъ случаѣ можно укрыться въ городъ и обороняться изъ-за ограды. До сихъ поръ въ Приднѣпровьѣ встрѣчается много остатковъ древнихъ земляныхъ валовъ, такъ называемыхъ городищъ. Они-то по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, и служили въ древности укрѣпленіями, куда въ случаѣ нападенія сильныхъ враговъ сбѣгались окрестные жители-славяне для обороны.

Враги сильно безпокоили славянъ; больше и больше городили они городовъ; все ближе и ближе къ ихъ оградамъ ютились поселенцы. Прежде каждый родъ, даже каждая семья старались жить особнякомъ, а тутъ, напротивъ,

опасность заставляла ихъ сблизиться: сообща можно скорѣй и крѣпкій городъ срубить, и легче съ врагомъ справиться.

Сначала въ каждомъ родѣ былъ свой старшина (называли его восточные славяне иной разъ княземъ), а тутъ, когда вмѣстѣ жило нѣсколько родовъ, приходилось, чтобы сообща какое-либо дѣло сдѣлать, старшинамъ родовъ собираться на совѣщаніе, на мірскую сходку, какъ говорятъ теперь у насъ въ деревняхъ. Въ древности такіе мірскіе сходы называли вѣчемъ. Сначала на вѣче, вѣроятно, ходили только старшины родовъ, а потомъ и другіе взрослые люди. Здѣсь уже не отдѣльные родовые старшины орудовали всѣмъ, какъ было это прежде, когда каждый родъ жилъ особнякомъ; а рѣшали всякое дѣло сообща. Община управлялась не однимъ лицомъ, а міромъ, какъ говоритъ нашъ народъ.

Нравы славянъ вѣковъ за двѣнадцать назадъ были еще очень грубы. Встрѣчалось у нихъ даже многоженство: кто былъ побогаче, тотъ могъ имѣть двѣ, три жены и больше. У грубыхъ древлянъ, у которыхъ дольше держалась вражда между родами, мужчины силою уводили изъ другихъ родовъ себѣ женъ, похищали ихъ, „умыкали“, по словамъ лѣтописца. У полянъ, гдѣ уже по нѣсколько родовъ жило вмѣстѣ, въ союзѣ, мужчины брали себѣ женъ съ согласія ихъ родителей, платили за дѣвицъ вѣно (плата за невѣсту), т. е. покупали себѣ женъ.

До сихъ поръ у народа нашего сохранились свадебные обряды, которые указываютъ на древніе обычаи похищать или покупать себѣ женъ. Въ иныхъ деревняхъ нашихъ, когда невѣстѣ приходится ѣхать къ вѣнцу, женихъ долженъ ее перенести черезъ порогъ, какъ бы силою оторвать отъ родного дома. А въ другихъ мѣстахъ, женихъ долженъ дать какую нибудь монету брату невѣсты, который иначе не пускаетъ его сѣсть рядомъ съ ней.

Сурова была доля женщины: она становилась безотвѣтною рабою своего мужа; на ея рукахъ лежали самыя трудныя домашнія работы. Но какъ ни тяжка была участь женщинъ, онѣ все-таки были привязаны къ своимъ мужьямъ: есть извѣстіе, будто нѣкоторыя изъ нихъ даже добровольно сожигались на кострахъ съ ихъ трупами.

Во время войны, по разсказамъ византійцевъ, славяне иногда становились такъ свирѣпы, что не давали пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ и страшно истязали попавшихся къ нимъ въ руки враговъ; порою приносили въ жертву богамъ плѣнныхъ и даже своихъ дѣтей. У тѣхъ племенъ, которые вели охотничью жизнь, нравы были гораздо суровѣе, чѣмъ у земледѣльческихъ племенъ. Къ жестокимъ обычаямъ относится и родовая месть. Если кому-нибудь наносилась обида, то самъ обиженный или его родичи должны были непремѣнно отомстить обидчику или его роднѣ. Въ случаѣ убійства не только убійца, но и весь его родъ могъ ждать гибели отъ дѣтей убитаго или родичей его: позорнымъ считалось не отомстить жестоко за обиду. Суда такого, которому повиновались бы разные роды, не было, и потому приходилось самому обиженному чинить и судъ, и расправу надъ обидчикомъ, если онъ принадлежитъ къ другому роду. Немудрено, что у предковъ нашихъ въ древности безпрестанно

совершалась кровавая расправа, и долго отдѣльные роды враждовали между собою. Постоянная взаимная вражда была главнымъ несчастіемъ славянъ.

— „Между ними, говоритъ одинъ греческій писатель,—постоянный раздоръ: ни въ чемъ они не могутъ согласиться между собой; всѣ питаютъ одинъ къ другому вражду, и никто не хочетъ повиноваться другому".

Но вотъ населеніе все больше и больше скучивается около городовъ, отдѣльные роды входятъ въ союзы, и нравы понемногу начинаютъ смягчаться. Между родами, которые сблизились, породнились между собою, вражды стало гораздо меньше: „Въ мирѣ жить—съ миромъ жить", говоритъ пословица. Начинаютъ больше заниматься мирными промыслами, вступаютъ съ сосѣдними племенами въ мирныя сношенія, заводятъ мѣновую торговлю: вымѣниваютъ звѣриные шкуры, мѣха, которые добывались въ изобиліи въ сѣверныхъ лѣсахъ,—на оружіе, разныя металлическія вещи и ткани, которыя привозятъ иноземцы. Мѣха предкамъ нашимъ за тысячу лѣтъ назадъ между прочимъ замѣняли деньги.

Иноземцы, заходившіе къ славянамъ, очень хвалятъ ихъ добродушіе, почтительность къ родителямъ и особенно радушіе и гостепріимство: всякаго гостя они принимали ласково, старались угостить, чѣмъ только могли; даже не считали порокомъ, если бѣдный хозяинъ крадъ что либо у богатаго сосѣда для угощенія гостя. Хотя и суровы были обычаи у славянъ, но жестокость, которая проявлялась въ пылу боя или тотчасъ послѣ него, не была постояннымъ ихъ свойствомъ: съ плѣнными обходились они дружелюбно, назначали срокъ ихъ рабству, отпускали ихъ за выкупъ на родину, а если освобожденные не хотѣли возвращаться, то могли жить и среди славянъ на свободѣ. Любили предки наши и повеселиться: умѣли пѣть пѣсни, играть и плясать; были у нихъ уже издавна и гусли, и гудокъ, и дудка. Пляски были, вѣрно, такія же лихія, какія и теперь въ ходу у нашего народа (въ родѣ трепака или казачка).

Къ дурнымъ свойствамъ восточныхъ славянъ надо отнести склонность къ пьянству или неряшество: пили они не въ мѣру и ходить въ грязной одеждѣ было имъ ни по чемъ.

До конца десятаго вѣка предки наши были язычниками: боготворили разныя силы и явленія природы. Люди въ глубокой древности, какъ дѣти, совсѣмъ не понимали еще, что творится вокругъ нихъ, въ природѣ: всюду чудились имъ могучія существа, благія и злыя. Благодѣтельнымъ существомъ считали они солнце: оно своимъ свѣтомъ прогоняло ночную тьму, своимъ тепломъ согрѣвало землю. Предки наши думали, что солнце ведетъ, какъ живое существо, постоянную борьбу съ холодомъ и тьмою. Зимою, по древнимъ вѣрованіямъ, бралъ верхъ надъ солнцемъ холодъ, морозъ: въ зимнюю пору хоть и показывается на небѣ солнце, да рѣже, чѣмъ лѣтомъ; сизый холодный туманъ часто скрываетъ его; а если оно и проглянетъ, то недолго остается на небѣ, хоть и свѣтитъ, да не грѣетъ. Морозъ гуляетъ по землѣ, и она костенѣетъ отъ его дыханія. Вся природа словно замираетъ: ни травы въ полѣ, ни листьевъ на деревѣ,—холодной снѣжной пеленой покрыта помертвѣвшая земля. Тяжело было на душѣ у первобытнаго человѣка въ такую пору: не зналъ онъ еще навѣрно,

вернется-ли снова красное солнышко на небо, отогрѣетъ ли своимъ теплом застывшую землю... Но вотъ наступаетъ весна. Солнце понемногу входитъ въ силу: дольше остается оно на небѣ, свѣтитъ ярче, начинаетъ пригрѣвать землю; морозъ слабѣетъ; ледъ и снѣгъ начинаютъ таять; стекаютъ съ полей въ рѣки ручьи воды изъ растаявшаго снѣга. Входятъ рѣки въ силу, взламываютъ подтаявшій ледъ, что сковывалъ ихъ всю зиму, и несутъ его въ море. Входитъ въ силу и „мать-сыра-земля“; показывается трава, разбиваются въ листья древесныя почки; защебетали весело въ свѣжей листвѣ и лѣсныя пташки. Повеселѣло и у людей на сердцѣ: радостно встрѣчаютъ они пѣснями ясное солнце, радуются его побѣдѣ,—побѣдѣ жизни надъ смертью, молятъ его, чтобы оно побольше дало тепла и свѣта...

Черныя тучи представлялись первобытнымъ людямъ страшными чудовищами, драконами, громадными птицами,—врагами солнца. Страшно становилось людямъ, когда темная грозовая туча надвигалась на небо, будто невѣдомое темное существо ползло по небу, все ближе и ближе подбиралось къ солнцу, и вдругъ хватало его. Вмѣсто яснаго солнечнаго свѣта тяжелая мгла охватывала землю; смутно, становилось и на душѣ у людей. Вдругъ ударъ грома, грохотъ раскатывается по всему небу, огненныя стрѣлы пронизываютъ тучу: то идетъ страшная небесная борьба, то богъ-громовникъ разитъ чудовище-тучу своими молніями-стрѣлами. Изъ тучи льется дождь: это—живая вода, которую таило чудовище, но заставилъ его богъ громовникъ пролить ее на землю. Жадно пьетъ земля живую воду и входитъ еще въ большую силу. Разбита стрѣлами бога-громовника черная туча; сильный вѣтеръ разноситъ клочки ея и гонитъ своимъ могучимъ дыханіемъ съ неба. Снова голубое небо привѣтно обнимаетъ землю; снова надъ нею весело сіяетъ красное солнышко; радуются ему люди, приносятъ благодарность и небесному воителю, богу-громовнику, и могучему вѣтру.

Но невсегда эти боги благодѣтельны для человѣка: иногда солнце такъ жжетъ землю, что почва трескается отъ зноя, травы выгораютъ на поляхъ, хлѣба на нивахъ; вѣтеръ порою задуетъ съ такою яростью, что выворачиваетъ изъ земли вѣковыя деревья, разметываетъ жалкія хижины людей... Но страшнѣй всѣхъ богъ-громовникъ, когда раздаются надъ землей его страшные удары; когда онъ разитъ и землю-своими могучими огненными стрѣлами. Вѣковой дубъ разлетается мелкой щепой отъ ихъ ударовъ. Не щадятъ порою эти стрѣлы и человѣка. Велика милость боговъ къ нему, но ужасны ему эти боги въ гнѣвѣ своемъ! Въ страхѣ падаетъ на землю несчастный человѣкъ, умоляетъ грозныхъ боговъ о пощадѣ, готовъ онъ все отдать имъ въ жертву, показать имъ полную свою покорность.

Такимъ путемъ воображеніе первобытныхъ людей, наполняло природу множествомъ мнимыхъ существъ и создавало себѣ боговъ. До сихъ поръ еще въ нашихъ народныхъ сказкахъ, сложившихся въ глубокой древности, видно, какъ олицетворялись различныя силы и явленія природы, какъ народъ представлялъ ихъ въ видѣ животныхъ или людей. (Солнце, напр., представлялось въ видѣ жаръ-птицы, золотогриваго коня и др., морозъ—въ видѣ Кощея безсмертнаго вьюга—Бабы-Яги и т. д.).

Мало дошло до насъ свѣдѣній о языческой вѣрѣ славянъ; притомъ она не успѣла еще окончательно сложиться, какъ предки наши приняли христіанство. Изъ отрывочныхъ извѣстій, мы знаемъ, что восточные славяне чтили бога-громовника подъ именемъ Перуна, бога вѣтра — подъ именемъ Стрибога. Божество солнца называли Дажь-богомъ, Хорсомъ, чтили Велеса, или Волоса, который считался покровителемъ стадъ и потому назывался „скотьимъ богомъ“ и нѣкоторыхъ другихъ. Всѣ эти боги считались дѣтьми одного божества, — бога неба Сварога, и потому ихъ всѣхъ называли иногда Сварожичами. Кромѣ этихъ главныхъ боговъ, вѣрили во многихъ другихъ: въ лѣсу, по древнему вѣрованію нашихъ предковъ, жилъ лѣсной богъ, лѣшій; въ водѣ — водяной богъ, въ руслахъ рѣкъ — русалки; особенно же чтили домашняго бога, домоваго.

Славяне, какъ и другіе родственные народы, думали, что души умершихъ предковъ не покидаютъ роднаго очага, что онѣ заботятся о своемъ потомствѣ, хранятъ его отъ всякихъ бѣдъ, если оно чтитъ память ихъ; если же нѣтъ, — тогда эти домашніе боги становятся безпокойными, производятъ всякую тревогу въ домѣ, наводятъ бѣду. Души предковъ чтились подъ именемъ „домовыхъ“; называли ихъ также „чурами“ или „щурами“. Въ случаѣ какой-нибудь бѣды говаривали въ старину: „Чуръ меня защити“. (До сихъ поръ въ играхъ деревенскихъ дѣтей слышатся слова: „чуръ меня“; дѣти, конечно, вовсе не знаютъ древняго смысла ихъ).

Давно уже народъ нашъ принялъ христіанскую вѣру, а много еще осталось у него обрядовъ, пѣсенъ и праздниковъ отъ языческой старины; осталось у него немало и нелѣпыхъ вѣрованій, суевѣрій. Когда случится перебираться изъ старой избы въ новую, то въ иныхъ деревняхъ у насъ совершается такой обрядъ: старуха выгребаетъ изъ печки нѣсколько тлѣющихъ угольковъ въ горшокъ, бережно несетъ ихъ въ новую избу, высыпаетъ въ печку и говоритъ при этомъ: „Пожалуй, батюшка, домовой!“. Суевѣрный народъ думаетъ, что при этомъ домовой переходитъ изъ старой избы въ новую. Если домовой недоволенъ чѣмъ, тогда и въ избѣ неспокойно. Когда что-то стучитъ подъ кровлею, лошадь бьется въ стойлѣ, или скотина въ хлѣвѣ, то нерѣдко народъ говоритъ, что это — дѣло домоваго, что онъ не взлюбилъ лошади и пр.

Много древнихъ языческихъ праздниковъ въ честь бога-солнца до сихъ поръ удержалось у нашего народа. Въ концѣ декабря, когда дни начинаютъ прибывать, когда солнце, какъ говоритъ народъ, поворачиваетъ на лѣто, въ старину язычники радовались, что солнце одерживаетъ верхъ, приносили ему жертвы, молились. А теперь въ нѣкоторыхъ деревняхъ наканунѣ Рождества (24 декабря) молодые люди и дѣти собираются подъ окнами богатыхъ крестьянъ, поютъ пѣсни, величаютъ Коляду, (вѣроятно, одно изъ названій солнца).

Вотъ одна изъ этихъ пѣсенъ:

За рѣкою за быстрою,
Ой Колядка, ой Колядка!
Лѣса стоятъ дремучіе,
Въ тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе.
Вокругъ огней скамьи стоятъ,

Скамьи стоятъ дубовыя;
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы
Поютъ пѣсни Колядушкѣ.
Ой Колядка, ой Колядка!
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ;
Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ,
Хотятъ козла зарѣзати..

Въ этой пѣснѣ говорится о старомъ языческомъ праздникѣ въ честь солнца, причемъ приносили въ жертву козла. Обычаи на святкахъ гадать, переряживаться—тоже древніе языческіе. Весну (во время теперешней масляницы), когда солнце уже замѣтно входило въ силу, предки наши встрѣчали опять радостными пѣснями и празднествами. И теперь у нашего народа сохранился обычай закликать весну пѣснею:

Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостью,
Съ радостью, радостью,
Съ великою милостію,
Со льномъ высокимъ,
Съ корнемъ глубокимъ,
Съ хлѣбами обильными.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ въ концѣ масляницы сожигаютъ соломенное чучело, которое называютъ „Зимою“ (въ другихъ мѣстахъ „Мараной“) и радуются уничтоженію зимы. Въ первый день Пасхи, по народному вѣрованію, солнышко во всемъ своемъ блескѣ играетъ на небѣ. Если набѣжитъ тучка, въ деревняхъ поютъ дѣти:

Солнышко, ведрышко,
Выгляни въ окошечко!
Твои дѣтки плачутъ.
Солнышко, покажись,
Красное снарядись!

При наступленіи лѣта до сихъ поръ празднуется праздникъ „Красная горка“; поютъ пѣсни, водятъ хороводы, пляшутъ. Эти пѣсни и хороводы ведутъ начало отъ древнихъ языческихъ обрядовъ и богослуженій.

Въ разгарѣ лѣта, въ концѣ іюня (23-го числа) совершается праздникъ Купалы (одно изъ названій солнца). Солнце въ эту пору еще въ полной силѣ, но съ этого времени наступаетъ поворотъ къ осени. Въ иныхъ деревняхъ совершается въ ночь съ 23-го на 24-е іюня такой обрядъ: берутъ колесо, обвертываютъ его соломою, зажигаютъ и скатываютъ съ горы. Катящееся съ горы огненное колесо знаменуетъ солнце, сходящее съ прежней своей высоты. Кромѣ того, зажигаютъ костры, прыгаютъ чрезъ огонь, купаются въ рѣкѣ.

Въ старину почитали огонь и воду, вѣрили, что въ иныхъ случаяхъ они имѣли очистительную и цѣлебную силу. (До сихъ поръ у народа нашего считается грѣхомъ плевать въ огонь и на воду). Старухи-лекарки стараются въ Купальскій день набрать побольше цѣлебныхъ травъ; по ихъ вѣрованію, травы,

собранныя въ это время, имѣютъ особенно врачующую силу. Много еще и другихъ вѣрованій и обрядовъ языческой старины до сихъ поръ сохранилось у нашего народа; всѣхъ здѣсь не перебереш. Многіе изъ обрядовъ и обычаевъ уже совсѣмъ непонятны и для самого народа, и онъ держится ихъ только по привычкѣ. Въ народныхъ сказкахъ особенно много уцѣлѣло слѣдовъ языческихъ вѣрованій.

Особыхъ языческихъ храмовъ у предковъ нашихъ не было, а молились они своимъ богамъ въ лѣсной глуши, у озеръ, у рѣкъ, на возвышеныхъ мѣстахъ, потомъ въ городахъ. Дѣлали идоловъ, т. е. изображенія своихъ боговъ въ видѣ людей, обыкновенно изъ дерева (вѣроятно, въ родѣ тѣхъ „каменныхъ бабъ“, о которыхъ говорилось выше). Въ жертву приносили имъ разныхъ животныхъ, молились, гадали о будущемъ по разнымъ примѣтамъ. Особенныхъ жрецовъ у восточныхъ славянъ не было, а совершали жертвы старцы, старшины родовъ. Было у славянъ вѣрованіе и въ будущую загробную жизнь. Покойниковъ своихъ они зарывали въ землю, а иногда сожигали; съ покойникомъ зарывали въ могилу или клали съ нимъ на костеръ пожитки его, утварь, а также оружіе и боеваго коня, если покойникъ былъ воинъ. Предки наши, видно, вѣрили, что загробная жизнь походитъ на земную, и умершимъ понадобятся ихъ пожитки. Послѣ погребенія на могилахъ совершали пиры (тризны).

Вѣрили славяне и въ предзнаменованія; думали, что боги разными примѣтами даютъ людямъ возможность узнавать будущее. Отсюда ведетъ начало обычай гадать. Тѣ люди, которые умѣли объяснять знаменія и гадать, назывались волхвами, кудесниками, вѣдунами, знахарями и пр. По вѣрованіямъ славянъ, они даже могли своими заклинаніями и волхвованіями отвратить бѣду или накликать ее.

До сихъ поръ суевѣрный народъ не только затменіе солнца, появленіе новой кометы, но и вой собаки, карканіе вороны, куkованіе кукушки и т. п. принимаетъ за предзнаменованія. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ нашихъ до сихъ поръ встрѣчаются знахари и знахарки, которые заговариваютъ отъ разныхъ болѣзней, и многіе суевѣрные простолюдины вполнѣ вѣрятъ имъ. Всѣ эти заговоры, заклинанія примѣты, повѣрья — остатки темной языческой старины.

Сосѣди восточныхъ славянъ.

По сосѣдству съ восточными славянами въ девятомъ вѣкѣ жило нѣсколько инородныхъ племенъ.—На востокѣ, по Волгѣ, у Каспійскаго моря жили хозары, народъ турецко-татарскаго происхожденія. Хотя у хозаръ были уже города (напр. Итиль, при устьѣ Волги), но все-таки вѣрнѣе ихъ считать кочевниками, чѣмъ осѣдлыми: немногіе богатые хозары имѣли глиняныя мазанки, и только у кагана, (такъ называли хозары главнаго вождя своего), были высокія кирпичныя хоромы. Лѣтомъ городъ пустѣлъ: жители забирали свои пожитки и откочевывали въ степь. Хозары вели торговлю съ азіатскими народами и съ восточными славянами, а нѣкоторыхъ изъ нихъ принудили платить себѣ дань.

Къ сѣверу отъ хозаръ, по Волгѣ и Камѣ, жили болгары. Они были того же происхожденія, какъ и хозары; но съ ними смѣшались въ одинъ народъ

фины, жившіе въ тѣхъ же краяхъ. Болгары занимались хлѣбопашествомъ, но главнымъ ихъ промысломъ была торговля: по рѣкамъ они сносились и торговали съ хозарами, финами и славянами.

Весь сѣверный край нынѣшней Россіи былъ населенъ въ древности финскими племенами. Предки наши звали ихъ Чудью (теперь народъ нашъ зоветъ ихъ чухнами). Фины дробились подобно славянамъ на нѣсколько племенъ (Весь, Меря, Мурома, Мордва и др.) и жили среди лѣсовъ и болотъ, по берегамъ рѣкъ и озеръ, занимались рыболовствомъ и звѣроловствомъ. Жили они разбросанно, небольшими поселками и не были опасны своимъ сосѣдямъ. Сѣверные славяне вели съ ними мирныя сношенія и могли разселяться въ сѣверномъ краю безъ особенной помѣхи.

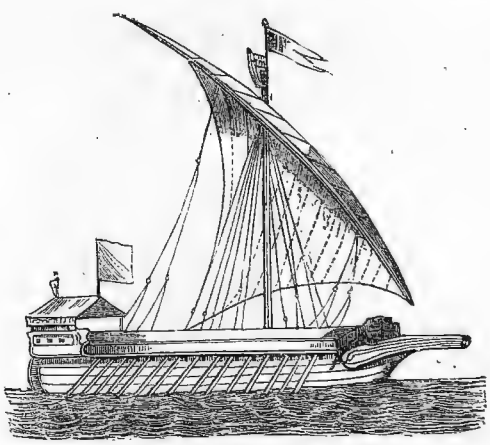
Западными сосѣдями славянъ были литовцы. Они тоже дѣлились на нѣсколько племенъ (Литва, Пруссы, Жмудь и др.) и жили по большей части въ лѣсной и болотистой мѣстности, по нижнему теченію рѣкъ: Западной Двины, Нѣмана и Вислы. По языку, древнимъ вѣрованіямъ и обычаямъ видно, что литовцы того же происхожденія, какъ и славяне.

Кромѣ этихъ сосѣднихъ племенъ, за тысячу лѣтъ до нынѣшняго времени предкамъ нашимъ приходилось сталкиваться еще съ нѣсколькими народами. По Днѣпру восточные славяне вели сношенія съ греками, получали отъ нихъ разныя ткани, оружіе и другія издѣлія, а взамѣнъ продавали имъ мѣха, медъ и воскъ. Сношеніямъ этимъ много мѣшали степныя хищныя племена, похожія на нынѣшнихъ калмыковъ и киргизовъ. Заходили эти степняки изъ Азіи, кочевали въ степяхъ между Дономъ и Днѣпромъ, рыскали по степямъ на своихъ быстрыхъ лошадяхъ и выжидали только удобнаго случая, чтобы нагрянуть врасплохъ на поселянъ или на караванъ купцовъ.

На сѣверѣ славянамъ пришлось рано познакомиться и съ морскими удальцами—норманнами,—народомъ германскаго происхожденія,—издавна поселившимся въ Скандинавіи. Страна эта суровая: покрыта она большею частію скалами, озерами, дремучими хвойными лѣсами... Трудно было тутъ заниматься земледѣліемъ, а тѣмъ, кому пришлось жить по берегамъ, гдѣ были голые утесы или пески, и совсѣмъ невозможно: имъ приходилось искать пропитанія въ морѣ. Рыболовство стало главнымъ промысломъ этихъ береговыхъ жителей. Приходилось тутъ имъ выносить жестокую стужу, бороться съ бурями, нерѣдко терпѣть и голодъ. Слабые не выносили такой жизни и гибли, но за то люди здоровые, сильные, свыкались съ тяжелыми лишеніями; постоянная борьба съ невзгодами и препятствіями закаляла ихъ, становились они крѣпкими и тѣломъ, и духомъ, равнодушными къ холоду и голоду; а когда буря завывала, гудѣлъ прибрежный сосновый лѣсъ, море бѣшено билось своими волнами въ береговыя скалы, имъ даже любо становилось. Съ молоду роднились они съ моремъ, привыкали отлично управлять своими легкими лодками. Буря имъ была ни по чемъ: тутъ можно было показать лучше и свое молодечество, и сноровку въ морскомъ дѣлѣ.

Такимъ удальцамъ не по вкусу было заниматься рыбной ловлей; нашли они себѣ другое дѣло: стали рыскать по морямъ, грабить встрѣчные корабли съ товарами да прибрежныхъ жителей разныхъ странъ. Все лучшее на землѣ

принадлежитъ храбрѣйшему и сильнѣйшему,—вотъ правило, которымъ они руководились. На то боги дали и силу, и удаль, вѣрили они, чтобы пользоваться ими. Мирнаго труда они не уважали, законовъ никакихъ не знали, смерти не боялись. Даже, по ихъ вѣрованіямъ, только тотъ и въ рай-то могъ попасть, кто погибалъ въ бою или въ морской пучинѣ; находились между ними и такіе бойцы, что въ пылу боя съ открытой грудью неистово кидались на врага, чтобы погибнуть, но не попасть въ плѣнъ, въ рабство. Всюду, куда можно было зайти смѣльчакамъ на ходкихъ ладьяхъ, заходили они и добывали все, что можетъ добыть храбрый и могучій воинъ тяжелой сѣкирой и длиннымъ мечомъ.— Шайки этихъ морскихъ удальцовъ съ VI вѣка, подъ начальствомъ своихъ безстрашныхъ вождей (морскихъ королей), наводили ужасъ на всѣхъ береговыхъ жителей Европы. Норманны не только грабили приморскихъ жителей, но по рѣкамъ входили на своихъ легкихъ плоскодонныхъ ладьяхъ въ глубину страны, грабили жителей, брали богатые окупы съ горожанъ, или обращали города въ груды пепла и развалинъ. Нагнали норманны такого страху на прибрежныхъ



Норманская ладья.

жителей Европы, что тѣ въ церквахъ въ особыхъ молитвахъ молили Бога объ избавленіи страны отъ норманскаго погрома. До сихъ поръ во Франціи, въ Бельгіи, по берегамъ рѣкъ: Сены, Рейна и др. виднѣются развалины замковъ (небольшихъ крѣпостей, или укрѣпленныхъ жилищъ), гдѣ въ былыя времена помѣщики со своими семьями и людьми искали спасенія отъ норманскаго меча.

Шайки морскихъ воителей не всегда состояли изъ однихъ норманновъ. Нерѣдко къ нимъ присоединялись удальцы и изъ другихъ племенъ, жившихъ у берега моря по близости Скандинавіи, изъ литовскихъ и славянскихъ племенъ, обитавшихъ по южному берегу Балтійскаго моря. Отвага, жажда добычи, одинъ вождь да общая опасность связывали такую сбродную шайку въ крѣпкую дружину.

Пришлось нашимъ предкамъ столкнуться съ этими воителями. Норманны издавна уже пробирались по рѣкамъ Вост. Европы въ Черное море. Изъ Финскаго залива по Невѣ плыли они въ Ладожское озеро, затѣмъ подымались по Вол-

хову въ озеро Ильмень; отсюда плыли по Ловати. Здѣсь доходили они до верховья и, гдѣ нельзя было плыть по какой нибудь рѣкѣ, тащили волокомъ по землѣ свои ладьи или несли ихъ, добирались до верховья Днѣпра, спускались по теченію до пороговъ его; тутъ опять тащили лодки нѣсколько времени волокомъ и затѣмъ безъ помѣхи доходили до Чернаго моря и плыли въ Константинополь, столицу Греціи. Ѣздили сюда они для наживы, вели торговлю, нанимались въ императорскую гвардію; рослыхъ и сильныхъ воиновъ охотно брали на службу и платили имъ хорошія деньги. Норманны называли себя по-своему „варингеръ“ (вооруженными людьми),—потому славяне и прозвали ихъ „варягами“.

II.

Преданія о первыхъ русскихъ князьяхъ.

О Рюрикѣ, Аскольдѣ и Дирѣ.

Славянское племя, раскидавшись небольшими поселками на огромномъ пространствѣ въ Приднѣпровской равнинѣ и по Ильменю, не могло устоять противъ сильныхъ сосѣдей.

Въ 859 году, по словамъ лѣтописца, „варяги изъ-за моря“ брали дань со славянъ, жившихъ по Ильменю, и со всѣхъ кривичей, а также съ двухъ сосѣднихъ финскихъ племенъ:—чуди и мери; а козары—съ полянъ, сѣверянъ и вятичей.

Въ 862 г. ильменскіе славяне и кривичи, собравшись съ силами, свергли власть варяговъ, прогнали ихъ за море и начали сами собой управляться; но не сталo между ними правды возсталъ родъ на родъ и начались усобицы. Терпѣть ихъ, видно, не въ мочь было и порѣшили тогда ильменскіе славяне, кривичи и чудь: „Поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ по праву“.

Послы отправлены были къ варяжскому племени Русь и сказали русскимъ князьямъ?

— „Земля наша велика и обильна, а наряда (порядка) въ ней нѣтъ; идите княжить и владѣть нами“.

Братья согласились и въ 862 году пришли въ землю сѣверныхъ славянъ и сосѣднихъ финовъ. Старшій изъ этихъ братьевъ—Рюрикъ водворился сначала при устьѣ Волхова, у Ладожскаго озера, срубилъ себѣ здѣсь городъ Ладогу, а потомъ перешелъ къ истоку Волхова и поселился въ Новгородѣ; второй братъ—Синеусъ водворился на Бѣломъ озерѣ, а третій Труворъ—въ Изборскѣ. Отъ нихъ и страна, гдѣ они утвердились, стала называться Русью.

Такъ разсказываетъ о началѣ нашего государства преданіе, занесенное въ древнюю лѣтопись.

Но гдѣ именно жили эти варяго-руссы и къ какому племени принадлежали, — на это нѣтъ сколько-нибудь точнаго указанія. Много трудились наши ученые надъ разъясненіемъ этого темнаго вопроса: одни предполагали, что подъ „варяго-руссами“ надо разумѣть норманновъ; другіе думали, что призванные князья-варяги были вождями сборной дружины, въ которой было очень много славянъ, и потому эта пришлая дружина скоро вполнѣ слилась съ призвавшими. Наконецъ, въ наше время нѣкоторые думаютъ, что руссы — славяне: одинъ ученый полагаетъ, что они — балтійскіе славяне; другой, что они изъ Приднѣпровья и ведутъ начало отъ роксоланъ. Словомъ, вопросъ о томъ, откуда, какъ пришли и кто были первые наши князья, не смотря на всѣ домыслы ученыхъ, вопросъ — темный, нерѣшенный, и такимъ, вѣроятно, останется навсегда, если не будетъ открыто какихъ-либо новыхъ источниковъ.

Два года спустя, говоритъ преданіе, умерли оба младшіе брата Рюрика, и онъ сталъ властвовать на сѣверѣ одинъ. Приказывалъ онъ своимъ дружинникамъ въ разныхъ мѣстахъ области рубить (строить) новые города, т. е. строить деревянныя ограды, крѣпости, гдѣ легко было держаться противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, и гдѣ можно было хранить добычу и держать плѣнниковъ. Враговъ у Рюрика довольно было и между славянами: не всѣ изъ нихъ хотѣли подчиниться чужеземцу и платить ему дань; приходилось многихъ силою принуждать къ повиновенію. Въ Новгородѣ, по преданію, произошло даже возстаніе: попробовали свергнуть Рюрика, но онъ одержалъ верхъ и казнилъ Вадима, главнаго мятежника, и многихъ сообщниковъ его. Много городовъ роздалъ Рюрикъ своимъ старшимъ дружинникамъ; они имѣли при себѣ вооруженные отряды и заставляли окрестныхъ жителей повиноваться князю и платить дань.

Двое изъ дружины Рюрика, не получившіе въ управленіе городовъ, отпросились у него идти со своими родичами въ Константинополь искать счастья. Отправились они обычнымъ путемъ варяговъ, — поплыли по Днѣпру мимо Смоленска, города кривичей, мимо Любеча, города сѣверянъ, дошли до невѣдомаго имъ городка въ очень красивой мѣстности, на крутомъ берегу Днѣпра. Узнали они, что городокъ этотъ называется Кіевомъ по имени Кія, который нѣкогда основалъ здѣсь первые поселки съ братьями: Щекомъ и Хоривомъ и сестрою Лыбедью. Узнали также, что Кіевляне платятъ дань хозарамъ. Полюбилось Аскольду и Диру это мѣсто; они помогли кіевлянамъ освободиться отъ власти хозаръ и сами стали властвовать здѣсь; набрали они себѣ сильную дружину изъ своихъ земляковъ и утвердились въ странѣ полянъ. Такъ явилось новое русское государство на среднемъ теченіи Днѣпра.

Недолго усидѣли на одномъ мѣстѣ эти воинственные дружинники: привыкли они къ боевымъ тревогамъ, и скучна была для нихъ мирная жизнь; а тутъ еще то и дѣло приходилось имъ слышать отъ бывалыхъ людей баснословные разсказы о дивныхъ богатствахъ Константинополя, о необычайной его роскоши. Слышали они часто и о томъ, что греки — народъ слабый, изнѣженный; что они боятся войны; что готовы скорѣе золотомъ откупаться отъ враговъ, чѣмъ встрѣчаться съ ними въ полѣ или морѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Соблазнъ былъ великъ. Добраться до Константинополя было не особенно трудно.—

Начались приготовленія къ походу; стали собираться непосѣдливые, предпріимчивые удальцы съ разныхъ сторонъ къ Аскольду и Диру,—охотники до воинскихъ утѣхъ и богатой добычи, пустились на двухстахъ лодкахъ въ путь. Легко было плыть по теченію Днѣпра до самыхъ пороговъ его; здѣсь приходилось съ немалымъ трудомъ проводить лодки между камнями, а въ иныхъ мѣстахъ надо было волочить ихъ по землѣ, а кое-гдѣ нести и на плечахъ. Затѣмъ опять теченіе широкаго Днѣпра несло ладьи въ Черное море Въ затишье приходилось плыть по морю на веслахъ, а при попутномъ вѣтрѣ подымались паруса, и легкія ладьи быстро скользили по поверхности моря, неслись, словно чайки морскія, по широкому его простору.

Напали руссы на Константинополь врасплохъ. Императоръ былъ въ это время съ войскомъ въ Азіи, у восточныхъ предѣловъ имперіи. Ужасъ охватилъ все населеніе роскошной столицы, когда изъ сосѣднихъ прибрежныхъ селеній бѣглецы принесли страшную вѣсть, что множество русскихъ лодокъ плыветъ къ столицѣ. Заперли городскія ворота, разставили въ разныхъ мѣстахъ по стѣнѣ городской и по башнямъ стражу, послали къ императору вѣсть о бѣдѣ.—

Страшны были для изнѣженныхъ византійцевъ суровые воины сѣвера. Это были рослые, рьяные и крѣпкіе люди со свѣтлорусыми волосами, съ быстрыми глазами; самые знатные изъ нихъ были съ длинными усами, съ бритыми подбородками; тяжелые шлемы покрывали ихъ головы; грудь защищена была кольчугой; сверхъ нея накидывали они плащи, углы которыхъ соединялись на правомъ плечѣ запонкой. Тугіе луки, острыя оперенныя стрѣлы, дротики, копья, тяжелыя сѣкиры (топоры) и обоюдоострые мечи составляли наступательное оружіе этихъ воиновъ. Большіе, полукруглые сверху и заостренные снизу щиты хорошо охраняли ихъ отъ вражьихъ ударовъ.

Подошли руссы съ моря къ Константинополю, высадились на берегъ, отрядами разсѣялись по окрестнымъ селамъ и беззащитнымъ предмѣстьямъ столицы и, по свидѣтельству византійцевъ, принялись страшно свирѣпствовать, разорять ихъ, истреблять все мечемъ и огнемъ. Ни старому, ни малому пощады не было; ни вопли дѣтей, ни мольбы матерей—ничто не трогало свирѣпыхъ воителей!—Отчаяніе овладѣло жителями столицы. Духовенство безпрерывно совершало молебствія въ церквахъ; онѣ полны были молящимися. Патріархъ Фотій говорилъ проповѣди. Онъ называлъ нашествіе руссовъ карою, посланною Богомъ за пороки и тяжкіе грѣхи, въ которыхъ погрязло населеніе столицы.

— „Народъ жестокій и дерзкій,—говорилъ онъ,—разоряетъ и губитъ все: нивы, жилища, стада, женщинъ, дѣтей, старцевъ, юношей, всѣхъ сражая мечемъ, никого не милуя, никого не щадя. Онъ, какъ саранча на нивѣ, какъ жгучій зной, какъ наводненіе, явился въ странѣ нашей и сгубилъ жителей ея“...

Указывалъ патріархъ и на малодушіе жителей, обезумѣвшихъ отъ страха.

— „Не вопите, не шумите, перестаньте плакать, молитесь спокойно, будьте мужественны“! увѣщевалъ онъ ихъ.

Но все напрасно: страхъ былъ сильнѣе его краснорѣчія!—Руссы у стѣнъ

*

города насыпали огромный валъ, добрались до верха стѣны и жители трепетали отъ ужаса, что враги вотъ-вотъ ворвутся въ городъ... Но этого не случилось: руссы совсѣмъ неожиданно для осажденныхъ поспѣшно ушли изъ-подъ стѣнъ Константинополя. Буря-ли, поднявшаяся на морѣ, или вѣсть о приближеніи императора съ большимъ войскомъ побудила ихъ къ этому—неизвѣстно. Долго послѣ того сохранялось у грековъ преданіе объ этомъ первомъ нападеніи на ихъ столицу руссовъ. Есть извѣстіе, что около этого времени нѣкоторые изъ нихъ приняли христіанство отъ грековъ.

Въ 879 г. умеръ Рюрикъ. Сынъ его Игорь былъ еще очень малъ, и за малолѣтствомъ его сталъ княжить его родичъ Олегъ.

Преданія объ Олегѣ.

Олегъ, какъ говорятъ преданія, былъ князь очень предпріимчивый и воинственный. Только что власть попала въ его руки, какъ онъ задумалъ большое дѣло—овладѣть всѣмъ теченіемъ Днѣпра, забрать въ свои руки весь водный путь въ богатую Грецію; а для этого приходилось покорить всѣхъ славянъ, жившихъ по Днѣпру. Тутъ одной княжеской дружины было мало: Олегъ набралъ изъ ильменскихъ славянъ, изъ кривичей, подчиненныхъ ему, изъ финскихъ племенъ большое войско и двинулся съ нимъ и дружиной на югъ.

Овладѣлъ Олегъ прежде всего Смоленскомъ, городомъ тѣхъ кривичей, которые не были еще подвластны никому, затѣмъ взялъ Любечъ, городъ сѣверянъ, оставилъ въ этихъ городахъ отряды своей дружины подъ начальствомъ надежныхъ, опытныхъ воеводъ, самъ же пошелъ дальше. Наконецъ, показался и Кіевъ. Зналъ Олегъ, что силою нелегко будетъ взять этотъ городъ: княжили тамъ Аскольдъ и Диръ, опытные вожди, да и дружина была у нихъ храбрая, бывалая; пришлось пуститься на хитрость: войско было оставлено позади, а Олегъ съ нѣсколькими лодками подплылъ къ Кіеву, остановился неподалеку отъ города и послалъ сказать Аскольду и Диру, что ихъ земляки, купцы варяжскіе, ѣдутъ въ Грецію, хотятъ повидаться съ ними и просятъ ихъ придти къ лодкамъ. Кіевскіе князья, не подозрѣвая вовсе злого умысла, вышли одни на берегъ. Тогда воины, спрятанные въ лодкахъ, выскочили и окружили ихъ.

— „Вы не князья и не княжескаго рода“, сказалъ имъ Олегъ и прибавилъ, указывая на Игоря: „а вотъ сынъ Рюрика“!..

По знаку Олега воины его бросились на Аскольда и Дира и убили ихъ. Погребли ихъ у берега Днѣпра на горѣ (донынѣ одна прибрежная гора у Кіева называется Аскольдовой могилой). Кіевляне, оставшіеся безъ князей и застигнутые врасплохъ, подчинились Олегу.

Полюбился ему Кіевъ, назвалъ онъ его „матерью русскихъ городовъ“, и сталъ Кіевъ съ этого времени главнымъ русскимъ городомъ. Чтобы утвердить свою власть въ покоренной области, Олегъ началъ строить новые города, какъ Рюрикъ устраивалъ ихъ на сѣверѣ. Города эти раздавалъ онъ подъ начало своимъ дружинникамъ и установилъ дань съ покоренныхъ племенъ.

Не сидѣлось Олегу спокойно въ Кіевѣ. Каждый годъ, лишь только вскрывался Днѣпръ, онъ съ дружиною своей пускался въ путь на быстрыхъ ладьяхъ,

входилъ въ рѣки, впадавшія въ Днѣпръ съ правой и съ лѣвой стороны, подчинялъ себѣ жившія по берегамъ этихъ рѣкъ славянскія племена: по Припяти покорилъ древлянъ и принудилъ ихъ платить себѣ дань по черной куницѣ съ жилья: въ слѣдующемъ году поплылъ по Деснѣ, побѣдилъ сѣверянъ, данниковъ хозаръ, и заставилъ ихъ платить себѣ небольшую дань; затѣмъ принудилъ онъ и радимичей, по рѣкѣ Сожи, платить себѣ дань, которую прежде они платили хозарамъ. Покорилъ Олегъ и еще нѣкоторыя славянскія племена, жившія на западѣ отъ Днѣпра, по Бугу и Днѣстру; всюду строилъ города, или крѣпости, ставилъ намѣстниками своихъ дружинниковъ и ежегодно ходилъ съ дружиною собирать дань съ подчиненныхъ племенъ.

Но, видно, дани этой было мало князю и дружинѣ, или слишкомъ ужъ расходилась ихъ удаль: задумалъ Олегъ большой походъ на Византію. Силы у него было гораздо больше, чѣмъ у Аскольда и Дира. Закипѣла работа,—приходилось однѣхъ ладей заготовить, по преданію, до двухъ тысячъ. Каждая ладья могла поднять до 40 человѣкъ; войско, стало быть, для того времени было огромное; составилось оно изъ варяговъ, славянъ и финовъ.

Въ 906 г. явились во второй разъ руссы подъ стѣнами Византіи. Запылали опять села въ окрестностяхъ столицы; загородные дворцы, дачи и церкви гибли въ пламени... Горе было тѣмъ, кто пробовалъ противиться свирѣпымъ воинамъ и попадалъ въ ихъ руки: плѣнныхъ рубили они мечами, разстрѣливали стрѣлами, топили въ морѣ. Византійцы успѣли загородить входъ въ свою гавань громадной цѣпью и заперлись въ городѣ. Олегъ сталъ готовиться къ приступу. Византійскій дворъ предложилъ уплатить большую дань русскимъ, лишь бы они не разоряли города. Олегъ потребовалъ по двѣнадцати гривенъ (фунтовъ) серебра на человѣка. Выплатить сразу такую громадную дань было не подъ силу и богатымъ византійцамъ: приходилось выдать нѣсколько тысячъ пудовъ серебра. Серебро и золото въ то время цѣнились гораздо дороже, чѣмъ теперь. Начались переговоры. Олегъ нѣсколько сбавилъ свои требованія, но все-таки взялъ съ грековъ дань большую; она была разсчитана не только на дружинниковъ и воиновъ, бывшихъ съ нимъ въ походѣ, но и на тѣ отряды, что стояли по разнымъ русскимъ городамъ. Кромѣ того, князь потребовалъ разныхъ льготъ русскимъ купцамъ или „гостямъ“, какъ ихъ звали въ старину. Согласились греки на всѣ требованія, и Олегъ съ дружиною и воинами вернулись домой обремененные добычей.—Дивились всѣ необычайной удачѣ походовъ удалаго князя, его уму и хитрости. Стали ходить изъ устъ въ уста всякія розсказни о ней; говорили, будто Олегъ велѣлъ подъ Константинополемъ вытащить ладьи на берегъ, приспособить къ нимъ колеса и при попутномъ вѣтрѣ на парусахъ подкатилъ на лодкахъ къ самымъ стѣнамъ греческой столицы и навелъ на жителей ужасъ. Разсказывали, какъ онъ не поддался на разныя уловки грековъ, которые славились своей хитростью; какъ прибилъ на воротахъ города свой щитъ въ знакъ своей побѣды; какъ приказалъ на лодкахъ простыхъ воиновъ сдѣлать паруса изъ полотна, а на лодкахъ дружины—изъ шелковой матеріи, взятой въ добычу у грековъ, и т. д. Разсказы эти перешли потомъ въ преданія. Стали даже многіе думать, что Олегъ одаренъ былъ какими-то особенными, нечеловѣческими свойствами, прозвали его вѣщимъ (чародѣемъ).

Черезъ пять лѣтъ послѣ похода онъ скрѣпилъ свой миръ съ греками письменнымъ договоромъ. Для этого онъ послалъ нѣсколько знатнѣйшихъ мужей изъ дружины своей въ Константинополь.

Олегъ умеръ въ 912 г. Самая кончина его, по преданію, была необычайна. Спросилъ онъ разъ у волхва, или кудесника, о причинѣ своей смерти.

— „Князь, сказалъ кудесникъ, умрешь ты отъ своего любимаго коня".

Съ тѣхъ поръ Олегъ не садился больше на этого коня; велѣлъ его и кормить, и холить, но не подводить къ себѣ. Прошло послѣ того много лѣтъ. Какъ-то разъ, вспомнивъ о конѣ и узнавъ, что онъ уже давно околѣлъ, князь посмѣялся надъ лживымъ предсказаніемъ кудесника и захотѣлъ взглянуть на кости коня. Пріѣхавъ на то мѣсто, гдѣ лежали онѣ, Олегъ наступилъ на черепъ коня и съ усмѣшкой сказалъ:

— „Не отъ этой-ли кости умереть мнѣ?"

Вдругъ изъ черепа взвилась змѣя и укусила князя въ ногу. Отъ этого онъ заболѣлъ и умеръ...

Преданія объ Игорѣ.

Послѣ Олега сталъ княжить Игорь. Древляне возмутились было, думали освободиться отъ уплаты князю установленной дани, но Игорь усмирилъ ихъ и заставилъ платить болѣе тяжелую дань. Онъ тоже совершалъ походы въ чужіе края; но удачи ему такой, какъ Олегу, не было. При немъ совершенъ былъ набѣгъ на прикаспійскихъ жителей. Въ 913 г. русскіе на пятистахъ ладьяхъ явились въ Черномъ морѣ, проплыли въ Азовское, поднялись по Дону до того мѣста, гдѣ онъ близко подходитъ къ Волгѣ, и послали къ хозарскому кагану просить пропуска черезъ его владѣнія по Волгѣ въ Каспійское море; обѣщали отдать хозарамъ половину всей добычи, какую захватятъ. Каганъ согласился. Переволокли русскіе свои ладьи въ море, разсѣялись по южнымъ и западнымъ берегамъ его, стали безпощадно убивать жителей, забирать въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Попробовали жители сопротивляться; но русскіе разбили ихъ рать. Огромную добычу захватили побѣдители и поплыли обратно въ Волгу; здѣсь отдали они, какъ условились раньше, половину награбленной добычи кагану, но захотѣли хозары и другую половину отнять у руссовъ. Послѣ трехдневной страшной битвы, большая часть русской рати была истреблена, и остатки ея, спасавшіеся вверхъ по Волгѣ, почти всѣ погибли въ борьбѣ съ болгарами.

Въ концѣ девятаго вѣка по сосѣдству съ русскими появились новыя орды кочевниковъ — печенѣговъ. Они стали кочевать въ степяхъ, отъ Дуная до Дона. Византійское правительство, чтобы спасти свои владѣнія отъ ихъ набѣговъ, старалось жить съ ними въ мирѣ, посылало богатые подарки ихъ вождямъ; а иной разъ греки подкупали печенѣговъ, чтобы тѣ нападали на руссовъ. Въ мирное время печенѣги продавали русскимъ коней, быковъ, овецъ, нанимались иной разъ перевозить товары и такимъ образомъ помогали торговымъ сношеніямъ съ греками. Но очень часто эти кочевники враждовали съ русскими; тогда они врывались небольшими отрядами въ русскую область, грабили ее, сжигали поселенія, уничтожали нивы; часто нападали на русскіе купеческіе караваны, поджидая ихъ у днѣпровскихъ пороговъ.

Печенѣги были рослые, сильные люди свирѣпаго вида. Они были превосходные наѣздники и отличные стрѣлки. Стрѣлы и копья были главнымъ ихъ оружіемъ; а кольчуги и шлемы защищали ихъ отъ вражьихъ ударовъ. На своихъ легкихъ степныхъ коняхъ съ дикимъ крикомъ кидались они на враговъ, осыпая ихъ стрѣлами. Затѣмъ, если не могли сразу сломить противника, обращались въ притворное бѣгство, стараясь завлечь врага въ погоню за собой и при помощи засады окружить его и уничтожить.

Игорю первому изъ русскихъ князей пришлось оборонять свою область отъ этихъ хищниковъ.

Задумалъ Игорь, по примѣру Олега, сдѣлать большой набѣгъ на Грецію и промыслить себѣ и дружинѣ большую добычу. Собравъ огромную рать, направился онъ обычнымъ путемъ на ладьяхъ къ берегамъ Греціи. Какъ только показались безчисленныя суда русскія на Черномъ морѣ, дунайскіе болгары дали знать объ этомъ императору.

На этотъ разъ руссы напали на азіатскіе берега имперіи и стали здѣсь, если вѣрить греческимъ извѣстіямъ, страшно свирѣпствовать: они предавали разнымъ истязаніямъ плѣнныхъ, выжигали селенія, грабили церкви и монастыри. Наконецъ, греки собрались съ силами, снарядили корабли и выступили противъ враговъ. Игорь былъ вполнѣ увѣренъ, что руссы одержатъ побѣду, но ошибся. Когда сошлись греческіе суда съ русскими, вдругъ греки стали метать огонь на русскія ладьи. Попадетъ огонь на ладью, спасенія нѣтъ!... Пламя охватываетъ ее; вода его нейметъ; упадетъ огонь на воду—и на водѣ горитъ!.. Ужасъ овладѣлъ всѣми; самые смѣлые, боевые дружинники, и тѣ дрогнули,—все пустилось въ бѣгство. Иные кидались съ загорѣвшихся лодокъ прямо въ воду и тонули; множество руссовъ погибло тутъ; много ихъ попало въ руки грекамъ. Спаслись немногіе и разсказывали потомъ съ ужасомъ, что у грековъ во время этого боя была въ рукахъ небесная молнія, что они бросали ее на русскія ладьи, и тѣ гибли въ пламени. Дѣло въ томъ, что греки употребляли на войнѣ особый составъ изъ нѣсколькихъ горючихъ веществъ (нефти, сѣры, смолы и др). Когда составъ этотъ зажигали, огонь нельзя было погасить водою; она даже усиливала пламя. По водѣ составъ этотъ плавалъ и горѣлъ. На греческихъ судахъ на носовой части устраивались особыя мѣдныя трубы; при помощи ихъ греки, подойдя близко къ непріятельскимъ судамъ, бросали горящій составъ и зажигали ихъ. Этотъ „греческій огонь“, какъ его называли, не однихъ руссовъ приводилъ въ ужасъ, но и другихъ иноплеменниковъ, нападавшихъ на грековъ.

Игорь хотѣлъ, во что бы то ни стало, загладить стыдъ своего пораженія и отмстить грекамъ. Онъ послалъ за море звать охочихъ людей изъ норманновъ въ походъ на Грецію. Толпы хищныхъ воителей, падкихъ на добычу, направились въ Кіевъ. Три года собирался Игорь; наконецъ, изготовился, нанялъ и печенѣговъ, а чтобы они не измѣнили, взялъ у нихъ заложниковъ и отправился въ путь.

Пришла въ Константинополь ужасная вѣсть изъ Корсуня (греческаго города на Таврическомъ полуостровѣ): „Идетъ Русь безъ числа: корабли ихъ

покрыли все море". За этой вѣстью послѣдовала другая отъ болгаръ: „Идетъ Русь и печенѣги съ ними".

Императоръ разсудилъ, что лучше ублажить какъ-нибудь враговъ и не вступать съ нимъ въ новую борьбу. Онъ послалъ нѣсколькихъ знатныхъ бояръ къ Игорю сказать ему:

— „Не ходи на насъ, возьми дань, какую бралъ Олегъ, мы еще и прибавимъ къ ней".

Отправили греки и печенѣгамъ богатые дары,—много золота и дорогихъ паволокъ (шелковыхъ тканей). Руссы въ это время дошли уже до Дуная. Созвалъ Игорь свою дружину, сказалъ ей о предложеніи императора и сталъ совѣтоваться, какъ быть. Порѣшили принять предложеніе.

— „Когда императоръ,— сказала дружина,—и такъ предлагаетъ уплатить дань, и мы можемъ взять золото, серебро и паволоки безъ боя, то чего же намъ еще? Развѣ извѣстно, кто одолѣетъ,—мы или они?—Да и съ моремъ не уговоришься. Не по землѣ вѣдь ходимъ, а по глубинѣ морской, общая всѣмъ намъ можетъ быть смерть".

Принялъ этотъ совѣтъ князь, взялъ у грековъ золото и паволоки себѣ и на всѣхъ воиновъ своихъ и вернулся въ Кіевъ.

На слѣдующій же годъ онъ и императоръ обмѣнялись посольствами и заключили новый договоръ, похожій на договоръ Олега съ греками. Игорь пришелъ со старшими своими дружинниками (болярами) на холмъ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна. Всѣ положили свое оружіе, копья, мечи, щиты и клялись греческимъ посламъ, что будутъ соблюдать договоръ. Были между дружинниками христіане; тѣ присягали въ церкви св. Иліи.

Одарилъ князь греческихъ пословъ мѣхами, воскомъ и челядью (т. е. рабами) и отпустилъ ихъ.

Договоры съ греками Игоря и раньше Олега показываютъ, что русскіе совершали не просто дикіе набѣги, но имѣли въ виду и торговыя выгоды. Въ договорахъ этихъ уже выговариваются русскимъ торговцамъ разныя льготы; обязываются съ той и другой стороны оказывать помощь купцамъ, потерпѣвшимъ крушеніе, — справедливо разбирать и судить разныя ссоры, могущія возникнуть при торговыхъ сношеніяхъ и пр. Опасливые греки, видимо, побаиваясь воинственныхъ руссовъ, требуютъ, чтобы въ столицу не входило ихъ разомъ болѣе 50 человѣкъ, при томъ безоружныхъ и пр.

Подъ старость Игорь не ходилъ самъ со своей дружиной на полюдіе. (Полюдіемъ назывался сборъ дани; князь со своей дружиной обыкновенно ходилъ по селамъ и городамъ, „по людямъ", и собиралъ дань, которую дѣлилъ съ дружиной). Сталъ князь поручать сборъ дани своему боярину Свенельду. Это невыгодно было для Игоревой дружины, и стала она роптать:

„Отроки (дружинники) Свенельда разбогатѣли оружіемъ и платьемъ, а мы наги; пойди, князь, съ нами за данью, и ты добудешь, и мы"!

Послушался ихъ Игорь, пошелъ въ землю древлянъ собирать дань, при чемъ онъ и дружина его прибѣгали къ насиліямъ. Князь уже возвращался въ Кіевъ съ данью; но захотѣлось ему пособрать еще; большую часть дружины отпустилъ онъ въ Кіевъ, а съ небольшимъ отрядомъ вернулся опять въ землю

древлянъ производить поборы. Древляне возмутились, собрались на вѣче и порѣшили съ Маломъ, своимъ старшиною, или княземъ, какъ называли они его:

— „Когда повадится волкъ ходить въ стадо овецъ, то все стадо расхититъ, если не убьютъ его; такъ и этотъ (Игорь), если не убьемъ его,—всѣхъ насъ погубитъ“.

Когда Игорь снова началъ силою собирать дань, древляне изъ города Коростена перебили маленькій отрядъ Игоря и самого его убили (945 г.). Есть извѣстіе, будто они привязали его къ двумъ деревьямъ, пригнувъ ихъ верхушки одну къ другой, потомъ пустили ихъ, и онъ былъ разорванъ на двѣ части.

Преданія объ Ольгѣ.

Положеніе Руси было опасно по смерти Игоря. Святославъ, сынъ его, былъ еще ребенкомъ, а тутъ древляне подняли мятежъ; за ними могли послѣдовать и другія недовольныя племена; степные сосѣди—печенѣги тоже только и ждали случая пограбить Русскую землю. Но Ольга, мать Святослава, оказалась женщиною очень умною, притомъ твердаго и рѣшительнаго нрава; къ счастью, были и между боярами опытные военачальники, вполнѣ преданные ей.

Прежде всего надо было унять и обуздать мятежныхъ древлянъ. Ольга пошла на нихъ съ дружиной и войскомъ и жестоко отомстила имъ за смерть мужа.

Вотъ что говорятъ преданія объ этой мести. Древляне, убивши Игоря, порѣшили уладить дѣло съ Ольгою; выбрали изъ среды своей двадцать лучшихъ мужей и послали къ ней съ предложеніемъ выйти замужъ за князя ихъ Мала. Когда они прибыли въ Кіевъ, и княгиня узнала, въ чемъ дѣло, то сказала имъ:

— „Люба мнѣ ваша рѣчь; мужа своего мнѣ не воскресить. Хочу вамъ завтра оказать почетъ предъ людьми моими; идите теперь въ ладьи ваши; завтра я пришлю за вами людей, а вы скажите имъ: не хотимъ ни верхомъ ѣхать, ни пѣшкомъ идти, несите насъ въ лодкахъ; васъ и понесутъ“.

Когда на другой день утромъ къ древлянамъ пришли отъ Ольги люди звать ихъ, они отвѣтили такъ, какъ она научила.

— „Намъ неволя, князь нашъ убитъ, а княгиня наша хочетъ выходить за вашего князя!“ сказали кіевляне и понесли древлянъ въ лодкѣ.

Послы же сидѣли спѣсиво, гордясь высокою честью. Принесли ихъ на дворъ и бросили съ лодкою въ яму, которую раньше вырыли по приказу Ольги. Наклонилась она къ ямѣ и спросила:

— „Хороша-ли вамъ честь?“

— „Честь эта намъ хуже Игоревой смерти?“ отвѣчали несчастные.

Ольга приказала засыпать ихъ живыхъ землею. Затѣмъ послала своихъ пословъ къ древлянамъ сказать имъ:

— „Если вправду вы просите меня, то пришлите за мною самыхъ лучшихъ людей вашихъ, чтобы съ великой честью я пришла къ вамъ; иначе не пустятъ меня кіевляне“.

Прибыли новые послы отъ древлянъ. Ольга по тогдашнему обычаю при-

казала приготовить для нихъ баню. Когда они вошли туда, ихъ по приказу княгини заперли и сожгли вмѣстѣ съ баней. Тогда послала она опять сказать древлянамъ:

— „Я уже иду къ вамъ; приготовьте побольше меду,—хочу сотворить на могилѣ моего мужа тризну (поминки)“.

Древляне исполнили ея требованіе. Ольга съ небольшою дружиною пришла къ могилѣ Игоря, плакала по мужѣ своемъ и приказала своимъ людямъ насыпать высокій могильный холмъ. Затѣмъ стали править тризну. Древляне сѣли пить; отроки (младшіе дружинники) Ольгины услуживали имъ.

— „Гдѣ же наши послы?“ спрашивали древляне у княгини.

— „Идутъ съ дружиною мужа моего“, отвѣчала она.

Когда древляне опьянѣли, княгиня велѣла своей дружинѣ рубить ихъ мечами. Много ихъ было изрублено. Ольга поспѣшила въ Кіевъ, стала собирать войско и на слѣдующій годъ пошла на Древлянскую землю; при ней былъ и сынъ. Древляне думали было сразиться въ полѣ. Когда обѣ рати сошлись, маленькій Святославъ первый бросилъ копье; но слаба была еще его дѣтская рука: копье едва пролетѣло между ушей коня и упало къ ногамъ его.

— „Князь уже началъ!“ крикнули воеводы, „дружина, впередъ, за князем!“

Древляне были разбиты, бѣжали и укрылись въ своихъ городахъ. Ольга хотѣла приступомъ взять Коростенъ; но всѣ усилія были напрасны. Отчаянно оборонялись жители: знали они, что ждетъ ихъ, если сдадутся. Цѣлое лѣто простояла кіевская рать подъ городомъ, а взять его не могла. Гдѣ сила не береть, тамъ иной разъ умомъ да сноровкою можно взять. Послала княгиня сказать коростенцамъ:

— „Чего вы не сдаетесь? Всѣ города ваши уже сдались мнѣ, платятъ дань и спокойно воздѣлываютъ нивы свои, а вы, видно, хотите досидѣться до голодной смерти?!“

Древляне отвѣчали, что они опасаются мести, а дань они готовы дать и медомъ, и мѣхами. Ольга послала сказать имъ, что она уже достаточно отомстила имъ, и требуетъ отъ нихъ малой дани: по три голубя и по три воробья съ каждаго двора. Обрадовались древляне, что такъ дешево могутъ отдѣлаться отъ бѣды, и исполнили ея желаніе. Ольга приказала воинамъ своимъ привязать къ ногамъ птицъ куски трута (т. е. тряпокъ, пропитанныхъ сѣрою), и, когда смерклось, велѣла зажечь трутъ и пустить птицъ. Воробьи полетѣли подъ крыши въ свои гнѣзда,—голуби въ свои голубятни. Жилья въ то время были все деревянныя, крыши соломенныя. Скоро Коростенъ запылалъ со всѣхъ концовъ; всѣ дома охватилъ пожаръ! Въ ужасѣ кинулся народъ вонъ изъ города и попадалъ прямо въ руки враговъ своихъ. Старшинъ княгиня взяла въ плѣнъ, а простыхъ людей—однихъ велѣла избить, другихъ отдала въ рабство дружинникамъ своимъ, а на остальныхъ наложила тяжелую дань.

Многихъ плѣнныхъ древлянъ Ольга принесла въ жертву богамъ и велѣла похоронить вокругъ могилы Игоря; затѣмъ справила тризну по мужѣ; при чемъ въ честь покойнаго князя происходили воинственныя игры, какъ требовали тогдашніе обычаи.

Если Ольга и не была такъ хитра, а древляне такъ довѣрчивы, какъ говоритъ преданіе, то все-таки въ народѣ и въ дружинѣ вѣрили, что дѣло было именно такъ: хвалили Ольгу за то, что она хитро и жестоко отомстила древлянамъ за смерть мужа. Суровы были въ старину нравы нашихъ предковъ. Кровавой мести требовалъ обычай, и чѣмъ ужаснѣе мститель мстилъ убійцамъ за смерть своего родича, тѣмъ большей похвалы заслуживалъ, по понятіямъ того времени.

Усмиривъ древлянъ, Ольга съ сыномъ и дружиною пошла по ихъ селамъ и городамъ и установила, какую дань должны они платить ей. На слѣдующій годъ обошла она съ дружиною и другія свои владѣнія, дѣлила земли на участки, опредѣляла, какіе подати и оброки должны были жители платить ей. Княгиня, какъ видно, понимала, сколько зла было отъ того, что князь и дружина брали дани, сколько вздумается, а народъ не зналъ впередъ, сколько онъ обязанъ уплатить.

Самымъ важнымъ дѣломъ Ольги было то, что она первая изъ княжеской семьи приняла христіанство.

Со времени Аскольда и Дира, какъ говоритъ преданіе, христіанство стало понемногу распространяться среди полянъ. Руссы давно уже сносились съ греками, часто ѣздили въ Царьградъ для торговли и тамъ могли познакомиться съ христіанскою вѣрою. Великолѣпіе греческихъ храмовъ и торжественность богослуженія возбуждали у нихъ удивленіе. При Игорѣ и въ Кіевѣ была уже христіанская церковь св. Иліи; было нѣсколько христіанъ и въ дружинѣ,—стало быть, съ этой поры русскіе могли и у себя дома узнать, въ чемъ состоитъ христіанская вѣра. Не трудно было Ольгѣ при ея умѣ понять, насколько эта вѣра выше языческой.

Въ 957 г. Ольга поѣхала въ Константинополь: она хотѣла принять крещеніе отъ самого патріарха. Когда русская княгиня прибыла въ Царьградъ, здѣсь пришлось ей въ гавани не мало времени ждать доступа къ императорскому двору. При дворѣ долго обдумывали, какъ бы устроить ей торжественный пріемъ такъ, чтобы и достоинства императора не унизить, и высокую гостью не обидѣть. Наконецъ, послѣ разныхъ проволочекъ и выполненія всякихъ придворныхъ обычаевъ и обрядовъ, она была допущена во дворецъ и удостоилась видѣть императора и императрицу.

Императоръ сидѣлъ на великолѣпномъ золотомъ тронѣ въ одеждѣ, сіяющей драгоцѣнными камнями; около него стояли знатнѣйшіе вельможи въ пышныхъ нарядахъ. Затѣмъ, длиннымъ рядомъ богатыхъ покоевъ повели Ольгу къ императрицѣ. Въ огромной палатѣ, которая роскошно была отдѣлана мраморомъ, блистала позолотой и драгоцѣнными матеріями, находилось возвышеніе, покрытое пурпуровой тканью. На немъ стоялъ золотой тронъ, на которомъ сидѣла императрица; подлѣ нея, также на золотомъ тронѣ, сидѣла ея невѣстка. Около нихъ стояли царедворцы и придворныя женщины въ извѣстномъ порядкѣ, смотря по знатности. Одинъ изъ сановниковъ отъ имени императрицы привѣтствовалъ русскую княгиню; послѣ чего она и сопровождавшія ее русскія боярыни были отведены въ особый покой для отдыха.

Затѣмъ послѣдовалъ торжественный обѣдъ. Когда ввели русскихъ въ па-

лату, гдѣ былъ приготовленъ столъ, всѣ сдѣлали очень низкій поклонъ императору и императрицѣ. Ольга же только слегка наклонила голову. Императрица и ея невѣстка сидѣли за особымъ столомъ на возвышеніи; русской княгинѣ пришлось сидѣть съ придворными женщинами. Во время обѣда пѣвчіе пѣли хвалебныя пѣсни въ честь императорскаго дома, играла музыка, а придворные плясуны тѣшили всѣхъ своей ловкой, искусной пляской. Послѣ обѣда императорское семейство съ Ольгою перешло въ другой покой, гдѣ приготовлены были разныя сласти на блюдахъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями. Русской княгинѣ и окружавшимъ ее русскимъ боярынямъ были поднесены въ подарокъ по нѣскольку десятковъ червонцевъ. Тогда было въ обычаѣ обмѣниваться подарками. Ольга привезла императорской семьѣ много драгоцѣнныхъ мѣховъ.

Константинопольскій патріархъ, по словамъ нашего лѣтописца, самъ совершалъ обрядъ св. крещенія; а императоръ Константинъ Багрянородный былъ крестнымъ отцомъ Ольги. Нарекли ее при крещеніи Еленою въ честь матери Константина Великаго.

Не мало, конечно, дивились русскіе богатствамъ и великолѣпію императорскаго дворца и роскошной столицы. Какая разница между тѣмъ, къ чему привыкли они у себя въ Кіевѣ, и тѣмъ, что они увидѣли здѣсь! Тамъ жалкія деревянныя лачуги, плетенныя изъ вѣтвей изгороди, бревенчатыя городскія стѣны; здѣсь громадные роскошные дворцы, великолѣпные храмы съ позолоченными сіяющими главами, крѣпкія и красивыя городскія стѣны съ бойницами и сторожевыми башнями.

По возвращеніи въ Кіевъ сильно хотѣла Ольга обратить и Святослава въ христіанскую вѣру.

— „Вотъ я познала истиннаго Бога и радуюсь, говорила она сыну, крестись, познаешь и ты Бога, будетъ радость и въ твоей душѣ“.

— „Какъ я приму одинъ иную вѣру?—возражалъ Святославъ, дружина станетъ смѣяться надо мною“!...

— „Если ты крестишься, настаивала Ольга, всѣ за тобою послѣдуютъ“.

Но Святославъ оставался непреклоненъ.

Преданія о Святославѣ.

Съ малыхъ лѣтъ онъ освоился съ боевою жизнью; только и веселья ему было, что на войнѣ. Удалые походы да битвы кровавыя—вотъ что больше всего занимало его. Понятно, что христіанство съ его ученіемъ о кротости и миролюбіи было не по душѣ Святославу. Онъ былъ храбрый воитель, настоящій князь-дружинникъ. Вся жизнь его прошла въ походахъ да битвахъ. Походы онъ совершалъ необыкновенно быстро,—ходилъ какъ барсъ, по словамъ лѣтописца. Никакого обоза не возилъ за собою; никакихъ шатровъ не имѣлъ при себѣ; спалъ на голой землѣ, постеливъ только конскую попону да подъ голову подложивъ сѣдло. Котловъ онъ во все время похода тоже не бралъ съ собою; никакихъ особенныхъ кушаній не готовилось для него: онъ самъ пекъ для себя на угольяхъ, что доводилось,—конину, звѣрину или говядину.

Каковъ былъ князь, такова была и дружина его.

Не любилъ онъ прибѣгать къ хитрости, не нападалъ на непріятеля нежданно. — „Иду на васъ!“ посылалъ онъ сказать врагамъ, на которыхъ готовился напасть, и давалъ имъ возможность приготовиться къ боевой встрѣчѣ. Закаленная въ бояхъ дружина, сильное испытанное войско да своя молодая сила и отвага давали Святославу вѣру въ успѣхъ.

Задумалъ онъ совершить большой походъ на хозаръ. По степямъ, по рѣкамъ, чрезъ лѣсныя дебри добрался онъ до Оки; тамъ жило суровое племя вятичей.

— „Кому дань платите?“ спросилъ онъ.

— „Даемъ дань хозарамъ“, отвѣчали вятичи.

Князь заставилъ ихъ платить себѣ и продолжалъ походъ.

Спустился онъ съ войскомъ своимъ по Окѣ въ Волгу и поплылъ внизъ по теченію ея. Плохо пришлось болгарамъ, жившимъ по Волгѣ: Святославъ разорилъ и предалъ грабежу и города, и села ихъ. Большое хозарское войско съ самимъ каганомъ во главѣ вышло на встрѣчу русскимъ. Начался бой. Хозары были совершенно разбиты. Разорилъ Святославъ землю ихъ, взялъ главный городъ ихъ на Дону—Бѣлую Вѣжу, и побѣдилъ ясовъ и косоговъ, воинственныхъ жителей Прикавказья. Молва о смѣлыхъ набѣгахъ удалого князя, о неукротимой отвагѣ его и страшной его дружинѣ надолго нагнала страху на жителей закаспійскихъ областей.

Не успѣлъ Святославъ отдохнуть въ Кіевѣ отъ походовъ на востокъ, какъ явилось къ нему посольство отъ греческаго императора Никифора-Фоки — просить у него помощи противъ дунайскихъ болгаръ; тридцать пудовъ золота обѣщали ему за помощь.

Святославъ охотно принялъ это предложеніе. Съ войскомъ около шестидесяти тысячъ, въ 968 году, русскія ладьи явились на Дунаѣ. Напрасно болгарское ополченіе пыталось помѣшать русскимъ высадиться на берегъ. Болгары были разбиты. Множество городовъ ихъ было взято и разграблено, въ томъ числѣ и Малая Преслава, или Переяславецъ, и сильно укрѣпленный Доростолъ. Святославу очень понравилось въ Болгаріи на Дунаѣ: земля здѣсь была богатая, всего было вдоволь, положеніе выгодное,—съ Византіей и другими богатыми сосѣдними странами шла здѣсь большая торговля. Не хотѣлъ Святославъ и уходить отсюда; а Русь въ это время оставалась безъ князя.

Въ Кіевѣ была Ольга, ужъ очень престарѣлая, съ малолѣтними внуками; недалеко отъ русской столицы разстилалась степь, а по ней рыскали орды кочевниковъ-печенѣговъ; они только и выжидали удобнаго случая напасть врасплохъ и пограбить. Нахлынули орды ихъ на Русь. Заперлась Ольга съ внуками въ городѣ. Толпы печенѣговъ расположились станомъ вокругъ Кіева: ни въ городъ нельзя было никому пройти, ни изъ города выйти. Плохо пришлось кіевлянамъ; мало у нихъ уже оставалось съѣстныхъ припасовъ,—приходилось сдаваться; помощи ждать имъ было неоткуда. На противоположномъ берегу Днѣпра собрался небольшой отрядъ ратныхъ людей подъ начальствомъ воеводы Претича. Могъ бы онъ попытаться помочь кіевлянамъ и спасти Ольгу съ внуками отъ плѣна, да на бѣду онъ вовсе и не зналъ, что кіевлянамъ приходится такъ плохо: онъ думалъ, что они еще смогутъ продержаться до прихода Свято-

слава. Стали кіевляне думать, какъ бы извѣстить Претича о томъ, что имъ приходится сдаться, если никто не поможетъ имъ. Нашелся между ними, какъ говоритъ преданіе, отважный юноша, который взялся извѣстить воеводу о положеніи кіевлянъ. Незамѣтно для враговъ вышелъ онъ изъ города съ уздечкой въ рукѣ, прошелъ между печенѣгами, спрашивая всѣхъ встрѣчныхъ, не видали-ли его лошади. (Онъ говорилъ по-печенѣжски, и печенѣги приняли его за одного изъ своихъ). Добравшись до Днѣпра, юноша быстро сбросилъ съ себя одежду, кинулся въ рѣку и поплылъ... Тутъ только спохватились печенѣги; засвистѣли стрѣлы; но онъ былъ уже далеко, — попасть въ него было трудно. Русскіе съ той стороны Днѣпра завидѣли пловца и поспѣшили на встрѣчу ему на лодкѣ.

— „Если не подступите завтра къ городу, сказалъ онъ, то кіевляне хотятъ сдаться печенѣгамъ“.

— „Подступимъ завтра, постараемся спасти княгиню и княжичей, сказалъ Претичъ дружинѣ, перевеземъ ихъ на эту сторону. Если не сдѣлаемъ этого, то погубитъ насъ всѣхъ Святославъ“.

Всѣ согласились. На другой день на разсвѣтѣ раздались на Днѣпрѣ громкіе звуки трубъ; показались лодки съ вооруженными людьми. Кіевляне громкимъ, радостнымъ крикомъ привѣтствовали ихъ со стѣнъ. Смѣлая попытка Претича удалась: печенѣги испугались, — имъ представилось, что самъ Святославъ съ войскомъ идетъ на выручку Кіева. Они поспѣшно отошли отъ города. Того и нужно было Претичу. Ольга съ внуками успѣла сѣсть въ лодку и переѣхать на другой берегъ. Печенѣжскій князь вступилъ съ русскими въ переговоры.

— „Кто это пришелъ?“ спросилъ онъ у Претича.

— „Люди съ той стороны“, отвѣчалъ тотъ.

— „А ты не князь-ли?“ спросилъ печенѣгъ.

— „Я — княжій мужъ, сказалъ Претичъ, и пришелъ съ передовымъ отрядомъ, а за мною идетъ князь съ большимъ войскомъ“.

Хитрость удалась. Печенѣжскій князь вовсе не расположенъ былъ встрѣчаться съ самимъ Святославомъ и предложилъ заключить миръ. Претичъ, конечно, согласился. Оба подали другъ другу руки и обмѣнялись подарками: печенѣжскій князь подарилъ русскому воеводѣ копя, саблю и стрѣлы; а Претичъ далъ ему броню, щитъ и мечъ.

Кіевляне, говоритъ преданіе, послали сказать Святославу:

— „Ты, князь, чужой земли ищешь и блюдешь ее, а отъ своей отрекся: насъ вмѣстѣ съ твоею матерью и дѣтьми чуть не взяли печенѣги. Если ты не защитишь, то они возьмутъ насъ. Неужели тебѣ не жаль ни твоей отчины, ни старухи матери, ни дѣтей твоихъ?“

Святославъ поспѣшилъ съ дружиной своей въ Кіевъ, собралъ войско и прогналъ печенѣговъ далеко въ степь. Недолго пожилъ онъ съ семьею; не сидѣлось ему дома.

— „Не любо мнѣ въ Кіевѣ, говорилъ онъ матери и боярамъ, — хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ. Тамъ средина земли моей; туда сходится все благое съ разныхъ сторонъ: изъ Греціи везутъ туда золото, ткани, вина и раз-

ные плоды, изъ земли чеховъ и венгровъ идутъ серебро и кони, изъ Руси — мѣха, воскъ, медъ и рабы".

Ольга уговаривала его нѣсколько повременить.

— „Я уже больна, не уходи, просила она, похорони меня сперва, а тамъ иди, куда хочешь".

Три дня спустя Ольга скончалась. Она заповѣдала, чтобы по ней не справляли языческой тризны; у нея былъ священникъ,—онъ и похоронилъ ее по христіанскому обряду.

Святославъ спѣшилъ въ Болгарію. Эту страну, завоеванную имъ, считалъ онъ уже своею. Русская земля, по понятіямъ того времени, принадлежала не одному князю, а всему княжескому роду; Святославъ подѣлилъ ее между своими сыновьями: старшему сыну—Ярополку отдалъ Кіевскую область, Олегу—землю Древлянскую, Новгородская область досталась младшему сыну—Владиміру.

Между тѣмъ въ Греціи дѣла измѣнились. Императоръ Никифоръ-Фока былъ убитъ, и убійца его Іоаннъ Цимисхій завладѣлъ тономъ. Новый императоръ былъ человѣкъ очень дѣятельный, предпріимчивый, зналъ хорошо и военное дѣло. Понималъ онъ, что Византіи грозитъ постоянная опасность, если въ Болгаріи утвердится воинственный Святославъ Болгары тоже не хотѣли господства русскаго князя. Ему пришлось бороться съ ними. Большое болгарское войско вышло на встрѣчу русскому. Началась у Переяславца жестокая сѣча. Нѣсколько разъ возобновлялся ожесточенный бой; наконецъ, къ вечеру Святославъ одолѣлъ и взялъ въ плѣнъ двухъ сыновей болгарскаго царя. Потомъ прошелъ онъ съ огнемъ и мечемъ всю Болгарію и страшно отомстилъ болгарамъ за враждебную встрѣчу! Іоаннъ Цимисхій отправилъ къ нему посольство съ богатыми дарами. Послы отъ имени императора объявили князю, чтобы онъ, получивъ награду, обѣщанную прежнимъ императоромъ, удалился изъ Болгаріи. Не понравилось это Святославу; онъ считалъ уже эту страну своею.

— „Выкупите у меня всѣ взятые мною города, отвѣчалъ онъ посламъ, выкупите вашихъ плѣнниковъ, заплатите золотомъ за Болгарію, и я оставлю ее, а если не хотите, то нѣтъ вамъ мира"!

Началась война съ греками. По словамъ нашего лѣтописца, Святославу пришлось встрѣтиться съ огромнымъ греческимъ войскомъ. Смутились сначала руссы: ихъ было гораздо меньше, чѣмъ враговъ; но безстрашный князь воодушевилъ своихъ сподвижниковъ.

— „Некуда намъ ужъ дѣться, сказалъ онъ имъ, волею или неволею надо сразиться. Не посрамимъ русской земли, ляжемъ костьми: мертвымъ нѣтъ срама!.. Если въ бѣгство обратимся, то и срамъ намъ будетъ, и бѣды не избѣжимъ. Станемъ твердо. Я пойду впереди. Если сложу свою голову, то думайте о себѣ сами"!

— „Гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и мы свои сложимъ"! отвѣчали воины.

Завязался жестокій бой и Святославъ одолѣлъ! Такъ говоритъ нашъ лѣтописецъ. Но съ каждой битвой все меньше и меньше становилось русскихъ воиновъ, а ждать помощи имъ было неоткуда: до Русской земли далеко, а греки

были у себя дома! Императоръ поднялъ громадныя силы, снарядилъ корабли, заготовилъ множество запасовъ и съ наступленіемъ весны двинулся на Святослава. Тяжелое время настало для русскаго войска. Въ Дунай вошли греческіе корабли съ ужасными огнеметательными снарядами. Огромное и хорошо устроенное греческое войско явилось въ Болгаріи. Болгары тоже возстали противъ Святослава. Напали греки неожиданно на Переяславецъ и завладѣли имъ. Стоявшій тамъ отрядъ руссовъ сразился съ греками сначала предъ городомъ, потомъ долженъ былъ защищаться въ городѣ. Когда греки вытѣснили русскихъ отсюда, они заперлись въ царскомъ дворцѣ, который былъ расположенъ на отдѣльномъ возвышеніи и окруженъ особою стѣною. Не могли греки никакъ взять этого дворца; стали они со всѣхъ сторонъ бросать въ него огонь. Зданіе запылало. Пришлось руссамъ выйти; окружили ихъ со всѣхъ сторонъ греки. Отчаянно рубились руссы; но почти всѣ погибли здѣсь, только нѣсколькимъ воинамъ удалось спастись и уйти къ Святославу, который съ главнымъ своимъ войскомъ стоялъ въ Доростолѣ. Первая битва подъ стѣнами этой крѣпости была очень упорна. Руссы, сомкнувъ свои щиты, стояли стѣной предъ городомъ.

Дружинники были хорошо вооружены: крѣпкіе шлемы, кольчуги, щиты защищали ихъ отъ ударовъ; тяжелыми мечами, сѣкирами и острыми копьями поражали они непріятелей. Простые воины были вооружены похуже: не у всѣхъ были шлемы и кольчуги; стоили они въ то время очень дорого, и только князья да дружинники могли имѣть хорошее вооруженіе. Лучшее оружіе пріобрѣталось изъ Византіи.

Бой подъ Доростоломъ былъ жестокій. Руссы дрались съ неукротимою отвагою и съ ярымъ крикомъ поражали враговъ. День уже склонялся къ вечеру, а побѣда все еще колебалась. Грековъ было гораздо больше, чѣмъ русскихъ; вооружены были они лучше, а, главное, руссы сражались пѣшіе, а у грековъ была конница; Іоаннъ Цимисхій пустилъ ее въ дѣло. Она ринулась на руссовъ, уже сильно утомленныхъ боемъ. Не выдержали они этого стремительнаго натиска, отступили и заключились въ городскихъ стѣнахъ. Императоръ приказалъ устроить укрѣпленный лагерь на возвышеніи, близъ города. Греки окопались и поставили свои шатры. Греческіе корабли стояли на Дунаѣ, и русскимъ нельзя было отступить; они старались только какъ-нибудь укрыть у берега свои лодки, чтобы греки не истребили ихъ своимъ „страшнымъ огнемъ“: руссы живо еще помнили разсказы отцевъ о томъ, какъ этотъ огонь уничтожилъ суда Игоря.

Русскіе оборонялись съ необычайнымъ мужествомъ и стойкостью. Они не укрывались постоянно за городскими стѣнами, но очень часто выходили изъ города и сражались съ греками въ открытомъ полѣ. Русская кольчужная рать обыкновенно выступала изъ города и, закрывшись своими длинными щитами, стѣною шла на непріятеля. Ничто не могло устоять противъ страшнаго напора этого желѣзнаго строя, но Цимисхій не даромъ слылъ искуснымъ вождемъ: онъ и его полководцы умѣли внезапными нападеніями съ боковъ и съ тыла, стремительными налетами отрядовъ конницы разстраивать сомкнутый строй русскихъ воиновъ и принуждали ихъ отступать. Руссы не обращались въ бѣгство, но, закинувъ за спину свои огромные щиты, медленно шли къ городу. Ночью иной

разъ они выходили въ поле, подбирали тѣла убитыхъ товарищей и сжигали ихъ на кострахъ; при этомъ закалывали въ жертву своимъ богамъ многихъ плѣнниковъ, убивали, по своему обычаю, и женщинъ (вѣроятно, женъ болѣе знатныхъ покойниковъ). Кромѣ того, приносили въ жертву младенцевъ и пѣтуховъ, которыхъ погружали въ Дунай. Погребальные обряды они сопровождали дикими воплями и плачемъ въ честь покойниковъ. Есть извѣстіе, что греки въ числѣ убитыхъ русскихъ находили женщинъ; онѣ въ мужской одеждѣ шли за своими мужьями въ сраженія.

Греки установили метательныя машины, кидали тяжелые камни въ городъ

Русскій дружинникъ.

и убивали многихъ осажденныхъ. Русскіе въ свою очередь дѣлали по ночамъ вылазки, старались уничтожить эти машины и добыть въ окрестныхъ селахъ съѣстные припасы: въ нихъ уже чувствовался недостатокъ. Иной разъ вылазки эти бывали удачны и производили въ греческомъ станѣ большой переполохъ.

Два мѣсяца слишкомъ длилась осада Доростола. Многихъ храбрыхъ дружинниковъ не стало; погибли въ бою и лучшіе русскіе воеводы. Пріуныли храбрые воины Святослава. Созвалъ онъ на совѣтъ своихъ воеводъ и старшихъ дружинниковъ и спросилъ, какъ быть, что дѣлать. Кто совѣтовалъ въ глухую ночь, въ удобную пору, спасаться бѣгствомъ; кто думалъ, что лучше заклю-

чить миръ съ императоромъ. Но не по душѣ Святославу были такіе совѣты: жизнь, спасенная бѣгствомъ или купленная цѣною унизительнаго мира, не привлекала его. Его мнѣніе было—или побѣдить, или погибнуть славною смертью въ бою.

Опять начались отчаянныя схватки. Въ одной изъ нихъ греческій витязь, одаренный необыкновенной силой, замѣтилъ въ толпѣ русскихъ воиновъ Святослава, ринулся къ нему, мечомъ своимъ проложилъ себѣ путь къ русскому князю и нанесъ ему страшный ударъ въ плечо. Святославъ упалъ,—такъ силенъ былъ ударъ. Но щитъ и крѣпкая кольчуга спасли его. Греческій витязь погибъ подъ ударами русскихъ. Смерть этого богатыря поразила греческихъ воиновъ страхомъ. Руссы стали тѣснить ихъ. Плохо приходилось грекамъ. Императоръ увидѣлъ опасность, велѣлъ ударить въ бубны и трубить въ трубы, а самъ съ копьемъ въ рукахъ, во главѣ своего отряда „безсмертныхъ“ (такъ назывался отрядъ лучшихъ воиновъ въ греческомъ войскѣ), понесся на русскихъ. Бой загорѣлся съ прежнимъ ожесточеніемъ. Греческая рать, воодушевленная своимъ вождемъ, сильно напирала на руссовъ. На бѣду для нихъ вдругъ поднялась сильная буря, вѣтеръ дулъ имъ прямо въ лицо, облака пыли неслись имъ въ глаза. Между тѣмъ одинъ отрядъ грековъ зашелъ въ тылъ русскому войску и грозилъ отрѣзать его отъ города,—пришлось поспѣшно отступить. Самъ Святославъ, израненный, истекающій кровью, едва спасся отъ плѣна...

Дольше сопротивляться нельзя было. Въ Доростолѣ насталъ страшный голодъ. Приходилось мириться. Цимисхію тоже было не легко продолжать войну: греки были изнурены продолжительными битвами и сильно желали мира. Русскій князь обязался выдать всѣхъ плѣнныхъ грековъ, сдать Доростолъ и уйти изъ Болгаріи; обязывался онъ и впередъ не начинать войны съ греками и даже мѣшать нападеніямъ и другихъ племенъ на Грецію. По обычаю руссы должны были клясться Перуномъ и Волосомъ, что они будутъ точно соблюдать договоръ.

Святославъ пожелалъ повидаться съ императоромъ. По словамъ одного греческаго писателя (Льва Діакона), они свидѣлись на берегу Дуная. Цимисхій, верхомъ на богато убранномъ конѣ, въ раззолоченныхъ доспѣхахъ, окруженный блестящей свитой, подъѣхалъ къ берегу Дуная; а Святославъ подплылъ на простой ладьѣ, самъ управляя весломъ наравнѣ съ другими гребцами

Съ любопытствомъ смотрѣли греки на страшнаго для нихъ Святослава. Отъ нихъ узнаемъ мы о наружности его. Это былъ человѣкъ средняго росту, коренастый, широкоплечій. Голова у него была бритая и сверху ея свѣшивался пукъ волосъ (означавшій благородство), въ одномъ ухѣ была золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубиномъ посрединѣ. Лицо его было мрачно Сурово глядѣли его голубые глаза изъ подъ густыхъ бровей, носъ былъ нѣсколько плоскій, борода бритая, усы длинные. Одежда его поразила грековъ своей простотой;—бѣлая рубаха его отличалась отъ одежды другихъ его товарищей только бо̀льшей чистотой. Свиданіе его съ императоромъ продолжалось недолго.

Пока Святославъ боролся съ греками въ Болгаріи, орды дикихъ печенѣговъ опустошали его области и чуть не овладѣли Кіевомъ. Святославъ съ

остаткомъ своего войска и дружиною зимовалъ у Днѣпровскаго устья. Съ наступленіемъ весны поплыли они вверхъ по Днѣпру. У пороговъ подстерегали русскихъ печенѣги: они знали, что въ отрядѣ мало воиновъ и справиться съ нимъ будетъ не трудно. Въ самомъ опасномъ мѣстѣ, гдѣ русскимъ пришлось обходить пороги по берегу, отрядъ Святослава былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ печенѣгами. Произошла отчаянная свалка. Святославъ погибъ въ бою со всѣми своими дружинниками, только нѣсколькимъ человѣкамъ удалось уйти въ Кіевъ.

Преданіе говоритъ, что печенѣжскій вождь Куря велѣлъ изъ черепа Святослава сдѣлать чашу и на пирахъ пилъ вино изъ нея.

Такъ покончилъ свою жизнь (972 г.) самый воинственный изъ первыхъ русскихъ князей.

Простой русскій воинъ X-го вѣка.

Одежда Святослава

Бытъ русскихъ въ IX—X ст.

Изъ преданій видно, что первые князья, кромѣ Ольги, мало думали о своей землѣ. Собирали они дань съ подвластныхъ имъ славянъ, брали у нихъ людей въ свое войско, дѣлились данью съ храброю дружиной своей и больше всего думали объ удалыхъ походахъ и богатой добычѣ. Не всегда даже князья

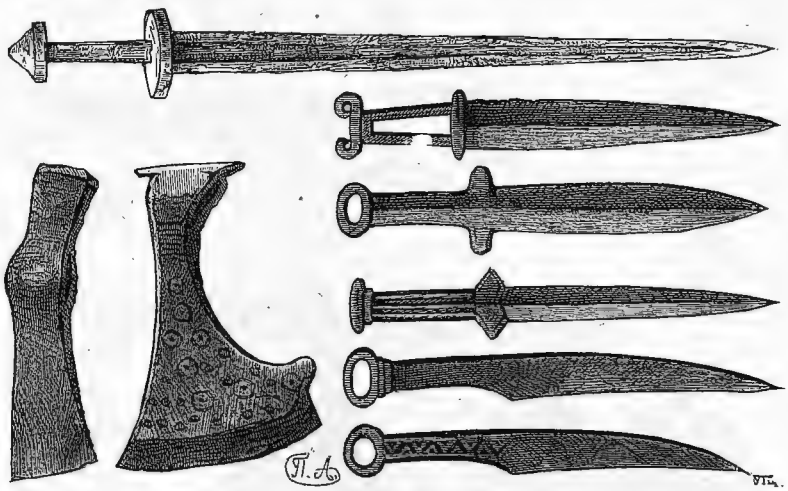
могли, какъ слѣдуетъ, защищать подвластныя имъ племена отъ враговъ. Но все-таки совершилось великое дѣло: восточные славяне соединились подъ одной властью, составили одинъ народъ. Явилась сила, которая мало-по-малу должна была силотить разрозненные племена и роды въ одно цѣлое. Силою этою былъ князь съ дружиною своей. Онъ стоитъ выше родовыхъ споровъ; ему нечего мирволить однимъ, обижать другихъ; онъ становится княземъ всей земли, и для него всѣ подвластные роды и племена равны. Не слушаться его опасно: у него подъ рукою надежная сила—его вѣрная дружина, съ ней онъ заставитъ себѣ повиноваться,—словомъ, въ князѣ у восточныхъ славянъ явилась сильная правящая власть, которой раньше не было и безъ которой не можетъ быть и государства.

Первые князья, какъ это видно изъ преданій, не привязаны еще къ той или другой части населенія, къ тому или другому мѣсту: Олегъ перенесъ столицу въ Кіевъ; Святославъ подумывалъ водвориться еще южнѣе, въ Переяславцѣ на Дунаѣ. Связаны первые князья неразрывными узами лишь съ дружиной,—въ ней вся сила ихъ: безъ нея ни лихого похода нельзя предпринять, ни оборониться отъ нападеній хищниковъ, нельзя даже и дани собрать съ нѣкоторыхъ данниковъ своихъ и сдержать въ своей волѣ покоренныя, но непокорныя племена,—словомъ, князь безъ дружины шагу ступить не можетъ: безъ нея онъ, что голова безъ тѣла; да и она безъ князя, что тѣло безъ головы. Съ дружиной князь совѣщается, съ нею дѣлитъ боевые труды и добычу, старшимъ дружинникамъ (боярамъ) даетъ въ управленіе города и области. Предпріимчивъ князь да удачливъ,—нѣтъ недостатка и въ лихихъ удальцахъ, готовыхъ служить въ его дружинѣ, идутъ въ нее изъ народа сильные да удалые люди. Задумалъ князь большой походъ, который сулитъ богатую добычу, но мало ему дружины,—стоитъ только кличъ кликнуть, изъ населенія найдется всегда множество охотниковъ до боевой потѣхи, до богатой добычи, до пировъ веселыхъ,—и вотъ у князя собирается, кромѣ постоянной дружины, и временное войско. Вотъ почему Олегъ, Игорь и Святославъ могли предпринимать большіе походы на богатый югъ. Но мало-по-малу начинаютъ князья сознавать, что и у себя дома дѣла довольно: то въ одномъ мѣстѣ поднимается мятежъ отъ безпорядочнаго сбора дани, сравниваютъ алчнаго сборщика съ хищнымъ волкомъ, то въ другомъ мѣстѣ населеніе сѣтуетъ и коритъ своего князя за то, что онъ чужія земли воюетъ, а своей не блюдетъ. Приходится князьямъ подумать о порядкѣ въ странѣ, о томъ „нарядѣ“, для котораго, по преданію, и призваны были они, необходимо заняться устройствомъ земли, охраною ея отъ враговъ-хищниковъ. Своя-же личная выгода побуждаетъ князей оборонять своихъ данниковъ отъ раззоренія. И вотъ князья мало-по-малу изъ непосѣдливыхъ воителей, ублажающихъ свою дружину славой и добычей, должны обратиться въ устроителей земли своей, въ охранителей ея. Для обороны страны и для управленія ею строются новые города, куда князья сажаютъ намѣстниками своихъ бояръ съ отрядами дружины.

Хотя при первыхъ князьяхъ сословія не обозначались еще рѣзко; но все-таки видно, что княжьи мужи, боляре и дружинники, занимаютъ первое мѣсто; затѣмъ идутъ свободные „люди“, низшій разрядъ которыхъ составляли

„смерды“. Наконецъ, были еще рабы, плѣнные, захваченные на войнѣ. Почти безпрерывная борьба съ хищными кочевниками доставляла рабовъ, вѣроятно, очень много, такъ что русскіе торговали ими.

Около городовъ собирается все больше и больше населенія; усиливаются разные промыслы и торговля. Въ городѣ живетъ князь или княжій бояринъ съ дружиной. Война даетъ дружинникамъ богатую добычу; князья дѣлятся съ ними и данью. Есть чѣмъ платить; тутъ былъ бы только товаръ пригодный, а покупатель найдется. Нужны дружинникамъ и жилья хорошія, и одежда красивая, и обувь, и оружіе: немало работы разнымъ пригороднымъ ремесленникамъ, плотникамъ, скорнякамъ, кузнецамъ, оружейникамъ и др. Находятся и люди, которые тѣмъ промышляютъ, что въ одномъ мѣстѣ купятъ какія-нибудь вещи, а въ другомъ продадутъ ихъ съ выгодою для себя, съ большимъ барышемъ. Гдѣ явятся такіе купцы, или „гости“, какъ ихъ называли въ старину, тамъ усиливается сбытъ издѣлій, разные промыслы и ремесла идутъ лучше.



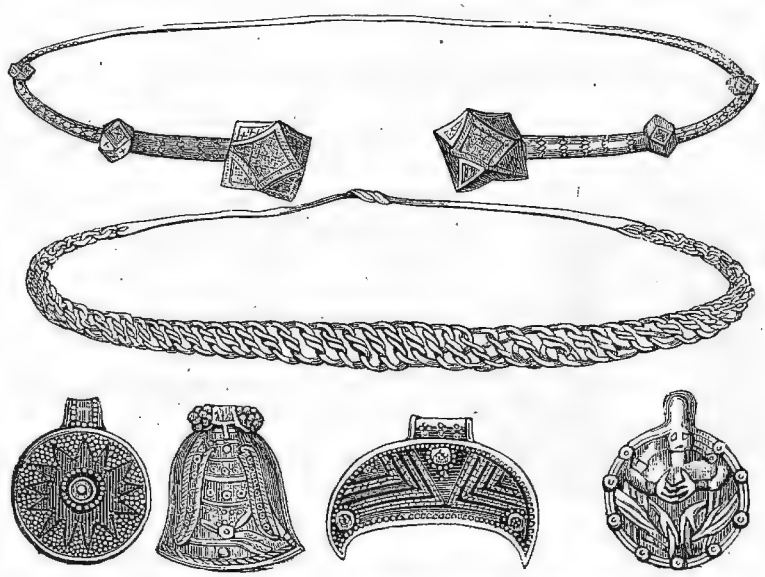
О р у ж і е.

Мечъ, топоры, кинжалы и ножи (найдены въ древнихъ могилахъ).

Князь и дружинники въ старину между прочимъ и сами часто торговали. Съ наступленіемъ зимы они выходили за сборомъ дани (на полюдіе), весною возвращались въ Кіевъ и привозили съ собою множество мѣховъ, воску и меду; избытокъ всего этого отправляли въ Византію; туда же посылали они на продажу и рабовъ. На сѣверѣ, гдѣ было вдоволь лѣсу, и между жителями было много плотниковъ, за зиму заготовлялось множество лодокъ. Съ наступленіемъ весны ихъ сплавляли по Днѣпру къ Кіеву. Здѣсь ихъ отдѣлывали, снастили, грузили товарами и отправляли въ Византію. Новгородъ и Кіевъ стояли на водномъ пути съ сѣвера въ Византію и все больше и больше богатѣли, благодаря торговлѣ. Изъ Греціи привозили тонкія ткани (поволоки), вина, различные южные плоды, золото. Ѣздили русскіе купцы и на востокъ для торговли въ землю хозаръ обыкновенно тоже воднымъ путемъ: по Черному морю плыли въ Азовское море, затѣмъ въ устье Дона, поднимались вверхъ по этой рѣкѣ до хозарской крѣпости Саркела (Бѣлой Вѣжи), перетаскивали отсюда свои ладьи

волокомъ до Волги и спускались по теченію ея въ Итиль, столицу хозаръ. Главнымъ товаромъ, который сбывался здѣсь, были дорогіе мѣха. Съ востока же къ русскимъ шли драгоцѣнные камни, золотыя и серебряныя издѣлія: цѣпочки, ожерелья, кольца, серебряныя украшенія для одежды, для конской сбруи, разныя матеріи и проч. Съ Востока же и изъ Греціи попадали къ русскимъ золотыя и серебряныя монеты. Онѣ очень цѣнились и наравнѣ съ другими украшеніями переходили изъ роду въ родъ, закапывались съ покойниками, по старому обычаю, въ могилы.

Предки наши, вѣрившіе, что и за предѣлами гроба продолжается жизнь, погребая покойника, словно снаряжали живого человѣка въ путь: клали въ могилу всѣ вещи, которыя особенно любилъ умершій, нѣкоторыя драгоцѣнности его; ставили ему даже питье и яства въ сосудахъ. Вотъ почему древнія могилы иногда заключаютъ много драгоцѣнностей. Въ землю же наши предки

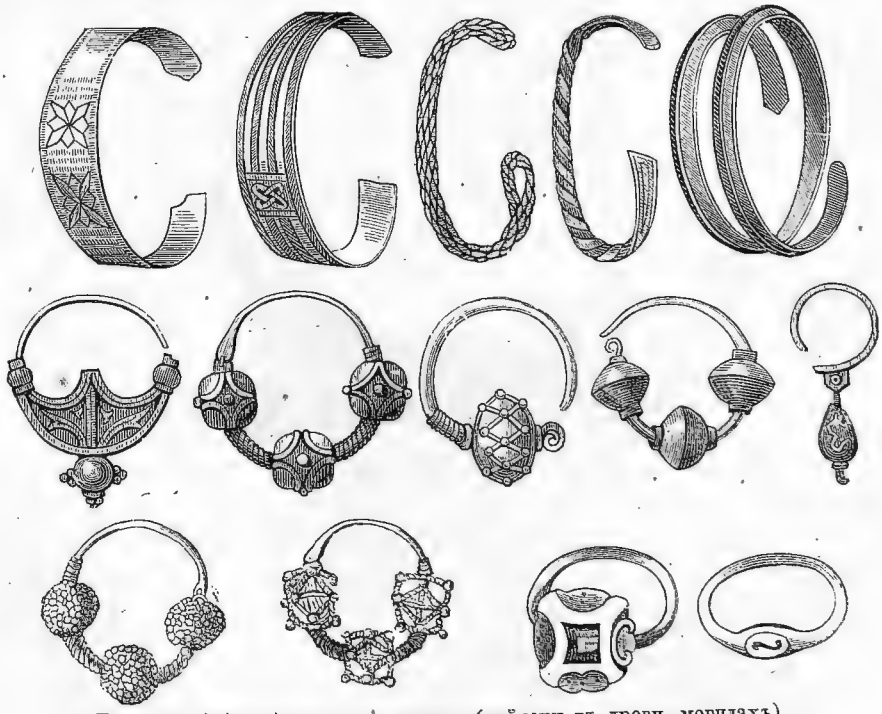


Ожерелья или гривны и подвѣски къ нимъ (найдены въ древнихъ могилахъ).

скрывали обыкновенно свои сокровища,—другого лучшаго способа хранить ихъ они не знали. Отлучаясь на торгъ или на войну, зажиточный человѣкъ тѣхъ временъ зарывалъ тайкомъ гдѣ-нибудь близъ своего жилья свои деньги и другія драгоцѣнности, клалъ на это мѣсто камень или сажалъ дерево, или какъ-нибудь иначе по разнымъ примѣтамъ запоминалъ мѣсто, чтобы, вернувшись, найти свое достояніе. Нерѣдко случалось, что обладатель клада умиралъ или погибалъ на чужбинѣ, не сказавши о немъ, и тогда цѣлые вѣка земля хранила скрытыя драгоцѣнности, и онѣ попадали въ руки ученыхъ изслѣдователей или какихъ-нибудь счастливцевъ, случайно открывшихъ ихъ. По древнимъ торговыхъ путямъ много находили на Руси такихъ кладовъ. Иные изъ нихъ вѣсили по нѣскольку пудъ, заключали въ себѣ тысячи монетъ, особенно много найдено арабскихъ денегъ IX—X вѣковъ по восточному торговому пути. Это доказываетъ, что уже при началѣ государственной жизни и даже

раньше у предковъ нашихъ шла дѣятельная торговля съ востокомъ. По южному торговому пути, т. е. по Днѣпру найдено не мало византійскихъ, римскихъ и др. денегъ, начиная отъ первыхъ вѣковъ христіанства и до X вѣка. Все это свидѣтельствуетъ о древнихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Византіей.

Кромѣ того, вели торговлю и съ другими сосѣдними народами: съ болгарами, жившими по Волгѣ и Камѣ, и финскими племенами. Торговля велась на сѣверѣ съ полудикими народами больше мѣновая. Вотъ что говорятъ о подобной торговлѣ болгаръ съ Весью (однимъ изъ финскихъ племенъ). Пріѣзжаютъ болгарскіе купцы въ опредѣленное мѣсто, оставляютъ тамъ свои товары, а сами удаляются. Туземцы приходятъ, раскладываютъ свои вещи рядомъ съ болгарскими. Болгары черезъ нѣсколько времени возвращаются, и если находятъ, что мѣна для нихъ выгодна, берутъ съ собою туземные товары, а свои оставляютъ.



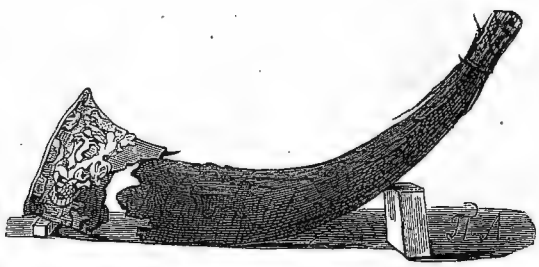
Браслеты (обручи), серьги и кольца (найдены въ древн. могилахъ).

Если же имъ кажется, что финны мало предлагаютъ въ обмѣнъ, то удаляются опять, не тронувъ товаровъ. Это значило, что желаютъ прибавки. Финны надбавляли своего товару и такимъ образомъ удовлетворяли болгаръ. Такую торговлю арабы называли „нѣмою“. Вѣроятно, русскіе такимъ же способомъ, какъ болгары, производили обмѣнъ съ полудикими финскими племенами, жившими на дальнемъ сѣверѣ.

Разные промыслы и занятія вели къ тому, что люди стали больше различаться, чѣмъ прежде, и по занятіямъ, и по состоянію. Тѣ занятія, гдѣ нужно было больше силы, ловкости и смѣлости, давали и больше значенія людямъ. Война и охота были главнымъ дѣломъ дружинниковъ. Когда князья затѣвали

большой походъ, то одной дружины было мало и они набирали „воевъ“. Въ войско шли изъ народа крѣпкіе и смѣлые люди, мужи, какъ ихъ называли въ старину, а тѣ, что были послабѣе и мало годились для войны, мужики (уменьшительное имя отъ „мужъ“), тѣ оставались дома и занимались мирными промыслами: земледѣліемъ, пчеловодствомъ, скотоводствомъ и разными ремеслами.

Война и торговля обогащали нѣкоторыхъ. Богатые люди, дружинники и купцы стали больше отличаться отъ бѣдныхъ, чѣмъ прежде. Жилья начали себѣ строить, конечно, получше, попросторнѣе и поудобнѣе, одежду дѣлать побогаче, носить дорогія украшенія, пищу употреблять болѣе изысканную. Торговля доставляла русскимъ разные плоды, тонкія ткани, серебряныя и золотыя украшенія, разныя драгоцѣнности. Все это шло на потребу болѣе богатыхъ людей. Особенно женщины любили рядиться; въ большомъ ходу были серьги, браслеты, ожерелья (особенно любили женщины носить зеленыя бусы на шеѣ). При раскопкахъ древнихъ могилъ не мало найдено этихъ вещей.



Турій рогъ въ серебряной оправѣ (найденъ въ древн. могилѣ).

III.

Принятіе христіанства и распространеніе его на Руси.

Владиміръ-язычникъ.

При жизни своей Святославъ раздѣлилъ Русскую землю на три княжества: Кіевское, Древлянское и Новгородское, и роздалъ эти удѣлы своимъ сыновьямъ. Ярополкъ, какъ старшій, получилъ Кіевскую область и званіе великаго князя. Недолго братья ладили между собою. Случилось разъ, что Олегъ, князь Древлянскій, на охотѣ убилъ Люта, сына престарѣлаго Свенельда, главнаго совѣтника Ярополка. Озлобленный отецъ сталъ подбивать его къ войнѣ:

— „Пойди на брата своего Олега и отними у него волость“.

Тотъ послушался, началъ войну съ братомъ, и побѣдилъ его. Олегъ во время битвы погибъ: онъ упалъ въ ровъ съ моста, на которомъ тѣснились его бѣгущіе воины. Тѣло его потомъ едва могли найти подъ грудою мертвыхъ. Горько плакалъ Ярополкъ: онъ вовсе не хотѣлъ смерти своего брата. Узналъ о печальномъ событіи младшій изъ братьевъ Владиміръ, князь Новгородскій и поспѣшилъ съ дядею Добрынею, руководителемъ своимъ, къ варягамъ, чтобы набрать тамъ войско и отомстить старшему брату за смерть Олега, какъ требовалъ обычай. Ярополкъ присоединилъ Новгородъ къ своимъ владѣніямъ; но Владиміръ скоро вернулся изъ-за моря съ хорошею ратью, занялъ снова свой удѣлъ, завоевалъ Полоцкъ, умертвилъ князя полоцкаго Рогвольда и двухъ сыновей его, женился на дочери его Рогнѣдѣ, невѣстѣ Ярополка, противъ ея воли; затѣмъ двинулся на Кіевъ. У Ярополка войска было немного, но онъ сначала оборонялся, а потомъ, по совѣту своего вѣроломнаго боярина, сдался на милость брата. По приказу Владиміра два варяжскіе воина поразили мечами Ярополка въ то время, когда тотъ шелъ къ нему мириться.

Снова соединилась вся Русская земля въ рукахъ одного князя. Не мало пришлось Владиміру вести войнъ съ сосѣдями: воевалъ онъ съ поляками и отнялъ у нихъ нѣсколько городовъ (часть нынѣшней Галиціи); два раза ходилъ на вятичей, которые пробовали освободиться отъ дани, и усмирилъ ихъ; овла-

дѣлъ землею хищнаго племени ятвяговъ, западныхъ сосѣдей Русской земли, жившихъ по верховьямъ Нѣмана; ходилъ и на волжскихъ болгаръ и побѣдилъ ихъ.

Удачны были походы эти, и всякій разъ Владиміръ возвращался въ Кіевъ съ большой добычей. Было чѣмъ подѣлиться съ удалой дружиной! Начинались тутъ пиры и веселья; раздавались веселыя пѣсни, гудѣла музыка; крѣпкіе меды туманили головы удалыхъ дружинниковъ; турій рогъ наполнялся виномъ заморскимъ и обходилъ ряды пирующихъ. Обильны были пиры Владиміра и яствами, и питьями. Случилось разъ, говоритъ лѣтописецъ, захмѣлѣвшіе дружинники стали корить князя:

— „Горе головамъ нашимъ! —даютъ намъ ѣсть ложками деревянными, а не серебряными“.

Услышалъ это князь и велѣлъ исковать имъ серебряныя ложки.

— „Серебромъ и золотомъ не найду я храброй дружины, сказалъ онъ, а съ удалою дружиной найду и серебро, и золото.

Понималъ Владиміръ, что, не будь у него храброй и сильной дружины, и власти бы у него было немного: у сосѣдей добычи ему не взять бы да и съ народа своего не собрать бы дани. Понималъ все это князь и высоко цѣнилъ свою дружину, жилъ съ нею душа въ душу.

Ласковый къ дружинѣ, склонный къ веселымъ пирамъ и разгулу, Владиміръ былъ плохимъ семьяниномъ: онъ былъ многоженецъ, тогда было въ обычаѣ держать по нѣсколько женъ; у Владиміра же ихъ было нѣсколько сотъ. Вотъ что говоритъ преданіе объ одной изъ женъ его, Рогнѣдѣ. Жила она съ маленькимъ сыномъ Изяславомъ близъ Кіева, въ своемъ теремѣ. Давно уже Владиміръ не видался съ нею, и она горевала, что онъ позабылъ ее для другихъ. Разъ, возвращаясь съ охоты, онъ случайно заѣхалъ къ ней. Задумала она изъ ревности убить его. Когда онъ уснулъ, она взяла ножъ и хотѣла уже поразить его; но онъ внезапно проснулся и успѣлъ схватить ее за руку.

— „Полюбила я тебя, сказала Рогнѣда, хоть ты убилъ и отца моего, и мать, и братьевъ; но теперь ты охладѣлъ и ко мнѣ, и къ младенцу моему“.

Владиміръ рѣшился самъ казнить Рогнѣду за преступный замыселъ. Онъ велѣлъ ей одѣться въ княжеское платье, какъ была она одѣта въ день свадьбы, сѣсть на богато-убранномъ ложѣ и ждать его. Вошелъ онъ съ мечемъ, но вдругъ явился маленькій Изяславъ и сказалъ: „отецъ, ты не одинъ здѣсь!“ (такъ сдѣлать научила его мать). Владиміръ не рѣшился при сынѣ убить мать; онъ велѣлъ позвать своихъ бояръ, разсказалъ имъ все, какъ было, и просилъ ихъ совѣта. Бояре посовѣтовали ему пощадить мать ради сына; Владиміръ послушался ихъ и даже далъ Изяславу съ матерью Полоцкую область во владѣніе.

Владиміръ былъ сначала очень ревностнымъ язычникомъ: съ первыхъ лѣтъ своего княженія сталъ онъ ставить въ Кіевѣ на видныхъ мѣстахъ, на холмахъ, кумировъ, или идоловъ (т. е. изображенія языческихъ божествъ). Идолъ главнаго бога Перуна былъ сдѣланъ изъ дерева, голова была серебряная, а усы золотые. Поставлены были также кумиры Дажбога, Стрибога и друг. Предъ этими идолами совершались языческіе обряды, жертвоприношенія; приносили иногда въ жертву даже людей.

Вотъ какой случай разсказываетъ нашъ лѣтописецъ. Послѣ удачнаго похода на ятвяговъ старцы и бояре сказали:

— „Бросимъ жребій на юношей и дѣвицъ; на кого падетъ онъ, того и принесемъ въ жертву богамъ“.

Жребій палъ на сына одного варяга, христіанина, жившаго въ Кіевѣ. Посланы были люди взять обреченнаго на жертву отрока. Отецъ его сталъ противиться.

— „Ваши боги—дерево, говорилъ онъ, сегодня стоятъ, а завтра сгніютъ; они не ѣдятъ, не пьютъ; они сдѣланы руками людей. Есть единый истинный Богъ, котораго почитаютъ греки, который сотворилъ землю и звѣзды, луну и солнце; Онъ сотворилъ и человѣка. Ваши же боги что сотворили? они сами дѣланные! Не дамъ сына своего бѣсамъ“!

Народъ разсвирѣпѣлъ, толпами, съ оружіемъ въ рукахъ, ринулся на дворъ варяга, разметалъ заборъ. Несчастный отецъ стоялъ на крыльцѣ своего дома и заслонялъ сына.

— „Отдай сына своего въ жертву богамъ!“ кричалъ ему народъ.

— „Если они боги, то пусть пошлютъ одного изъ среды своей, пусть онъ возьметъ у меня сына моего, а вы зачѣмъ требуете?“

Язычники въ ярости съ дикими криками бросились на жилище несчастнаго варяга, подрубили сѣни, на которыхъ стоялъ отецъ съ сыномъ, и оба они погибли.

Это были первые и послѣдніе мученики-христіане въ Кіевѣ (Ѳеодоръ и Іоаннъ).

Сказаніе объ испытаніи вѣръ.

Видѣть такіе случаи и слышать такія рѣчи приходилось Владиміру, вѣроятно, не разъ. Въ Кіевѣ было много христіанъ, было не мало ихъ и въ дружинѣ. Владиміръ, при его умѣ, легко могъ задуматься о томъ, гдѣ истина,—въ томъ ли язычествѣ, которому онъ сначала ревностно служилъ, или въ христіанствѣ.

Нетрудно было умному князю понять высоту христіанскаго ученія сравнительно съ грубыми языческими вѣрованіями,—и сталъ онъ колебаться въ своемъ язычествѣ. Объ этомъ, конечно, провѣдали и въ сосѣднихъ странахъ. Въ Кіевѣ, какъ въ торговомъ городѣ, сходились купцы со всѣхъ сторонъ; они разносили молву по своимъ землямъ обо всемъ, что видѣли и слышали. Стали пытаться сосѣдніе народы обратить Владиміра въ свою вѣру: каждому изъ нихъ хотѣлось сдѣлать такого сильнаго князя своимъ единовѣрцемъ.

Вотъ какъ передаетъ нашъ лѣтописецъ сказаніе объ этомъ. Въ 986 году пришли изъ земли болгаръ магометане къ Владиміру и сказали ему:

— „Ты—князь мудрый, а истинной вѣры не знаешь. Прими нашу вѣру и поклонись Магомету“.

— „Какая же ваша вѣра?“ спросилъ Владиміръ.

— „Вѣруемъ мы въ единаго Бога, отвѣчали болгары, а Магометъ заповѣдуетъ намъ свинины не ѣсть, вина не пить“.

Затѣмъ разсказали о раѣ, гдѣ люди, исполнявшіе законъ Магометовъ,

будутъ вѣчно наслаждаться. Разсказъ о будущей жизни Владиміру пришелся по душѣ, но запретъ ѣсть свинину и особенно пить вино совсѣмъ не понравился.

— „Руси веселье есть питье, не можемъ безъ него быти“! сказалъ онъ.

Затѣмъ явились къ Владиміру нѣмцы, послы отъ папы (римскаго патріарха). Владиміръ выслушалъ ихъ и отпустилъ ни съ чѣмъ.

— „Отцы наши не принимали вашего закона“ сухо сказалъ онъ имъ.

Приходили и евреи изъ земли Хозарской.

— „Слышали мы, сказали они, что были у тебя послы отъ магометанъ и христіанъ и проповѣдывали каждый свою вѣру. Христіане вѣрятъ въ того, кого мы распяли; мы же вѣримъ въ единаго Бога, — Бога Авраама, Исаака и Іакова“.

— „Въ чемъ состоитъ законъ вашъ?“ спросилъ Владиміръ.

— „Свинины не ѣсть и субботу чтить“, сказали евреи.

— „Гдѣ же ваша земля?“ спросилъ князь.

— „Въ Іерусалимѣ“, отвѣчали они.

— „Тамъ ли?“ переспросилъ Владиміръ.

— „Богъ разгнѣвался на отцовъ нашихъ, сознались евреи, и разсѣялъ насъ за грѣхи наши по разнымъ странамъ, а землю нашу отдалъ во власть христіанъ“.

— „Какъ же вы другихъ учите, сказалъ Владиміръ, когда сами отвергнуты Богомъ и расточены по разнымъ странамъ за грѣхи ваши? Если бы Богъ любилъ васъ и вѣру вашу, то не разсѣялъ бы васъ по чужимъ землямъ. Хотите ли, чтобы и съ нами было тоже?“

Прислали къ Владиміру и греки человѣка краснорѣчиваго и ученаго (философа). Сталъ онъ говорить Владиміру о заблужденіяхъ магометанъ, объ ошибкахъ западныхъ христіанъ, подчиненныхъ папѣ. Владиміръ съ любопытствомъ слушалъ краснорѣчиваго грека.

— „Приходили ко мнѣ евреи, сказалъ онъ, и говорили, что въ того, кого они распяли, нѣмцы и греки вѣруютъ какъ въ Бога. Правда-ли это?“

— „Если хочешь послушать, сказалъ философъ, я разскажу тебѣ все сначала, ради чего сошелъ Богъ съ неба на землю“.

— „Радъ послушать“, сказалъ Владиміръ.

И началъ греческій проповѣдникъ разсказывать о томъ, какъ Богъ сотворилъ весь міръ и первыхъ людей, какъ блаженствовали они въ раю, какъ нарушили заповѣдь и лишились рая, какъ люди потомъ погрязли въ грѣхахъ и наказаны были всемірнымъ потопомъ. Разсказывалъ дальше проповѣдникъ объ исторіи евреевъ, пребываніи ихъ въ Египтѣ, о томъ, какъ Моисей вывелъ ихъ оттуда, какъ стали управлять евреями цари, какъ народъ сталъ забывать заповѣди Божіи, какъ Богъ посылалъ пророковъ, чтобы образумить заблуждающихся и предсказать рожденіе Спасителя.

Внимательно слушалъ Владиміръ чудный разсказъ проповѣдника.

— „Сбылось ли то, что предсказали пророки, или теперь сбудется?“ спросилъ онъ.

И разсказалъ проповѣдникъ о рожденіи Христа, объ ученіи его, чуде-

сахъ, страданіи, смерти, воскресеніи и вознесеніи на небо, объяснилъ, ради чего пострадалъ Христосъ, какую жизнь заповѣдалъ христіанамъ.

— „Настанетъ день, сказалъ проповѣдникъ въ заключеніе, когда Богъ, сошедъ съ неба, будетъ судить живыхъ и мертвыхъ и воздастъ каждому по дѣламъ его: праведнымъ дастъ царство небесное, красоту неизрѣченную, радость безъ конца и жизнь вѣчную; грѣшникамъ—мученія безконечныя. Такія же мученія будутъ и тѣмъ, кто не вѣруетъ въ Бога нашего Іисуса Христа. Въ огнѣ будутъ мучиться тѣ, кто не крестятся“.

При этомъ проповѣдникъ показалъ Владиміру картину страшнаго суда Господня, указалъ праведниковъ на правой сторонѣ, которые съ радостью шли въ рай, и грѣшниковъ на лѣвой сторонѣ, идущихъ въ муку“. И разсказъ проповѣдника, и картина, сильно подѣйствовали на князя. Вздохнулъ онъ и сказалъ:

— „Добро этимъ, что на правой сторонѣ, и горе тѣмъ, что на лѣвой!“

— „Если хочешь стоять съ праведниками на правой сторонѣ, сказалъ проповѣдникъ, то крестись“.

Задумался Владиміръ.

— „Подожду еще немного“, сказалъ онъ.

Хотѣлось ему разузнать хорошенько о всѣхъ вѣрахъ. Щедро одаривъ краснорѣчиваго проповѣдника, князь съ великимъ почетомъ отпустилъ его отъ себя.

Созвалъ послѣ этого Владиміръ бояръ своихъ и городскихъ старцевъ и сказалъ имъ:

— „Приходили ко мнѣ болгары, предлагали принять ихъ вѣру; потомъ были нѣмцы, и тѣ хвалили свой законъ; послѣ нихъ пришли евреи. Наконецъ, приходилъ ко мнѣ посолъ отъ грековъ. Онъ порицаетъ всѣ законы, а свой хвалитъ. Много говорилъ онъ о началѣ міра. Чудны эти разсказы; всякому любо слушать ихъ. Сказывалъ, что и другой свѣтъ есть; кто вступитъ въ греческую вѣру, тотъ, говоритъ, если и умретъ, то снова воскреснетъ и не умретъ уже во вѣки, а кто другую вѣру приметъ,—горѣть тому на томъ свѣтѣ въ вѣчномъ огнѣ. Что вы мнѣ посовѣтуете? Что скажете?“

— „Самъ знаешь, князь, сказали бояре и старцы, всякій свое хвалитъ, а не хулитъ. У тебя есть мужи; пошли ихъ развѣдать, какъ служатъ Богу разные народы“.

Совѣтъ этотъ понравился Владиміру; выбралъ онъ десять лучшихъ и смышленныхъ мужей и послалъ ихъ къ болгарамъ, нѣмцамъ, грекамъ—развѣдать, какъ у нихъ совершается церковная служба.

Послы эти побывали у болгаръ и у нѣмцевъ; не понравилось имъ богослуженіе этихъ народовъ. Наконецъ, прибыли послы въ Царьградъ. Узналъ царь, съ какою цѣлью явились они, принялъ ихъ съ большою честью, и послалъ сказать патріарху, чтобы онъ совершилъ богослуженіе какъ можно торжественнѣе для русскихъ, „да видятъ славу Бога нашего“. Повели пословъ въ церковь. Храмъ сіялъ огнями. Блистали на иконахъ золотыя ризы и драгоцѣнные камни. Шла торжественная архіерейская служба. Раздавалось прекрасное пѣніе пѣвчихъ. Благовоніями курились кадильницы. Русскіе послы

были поставлены на удобномъ мѣстѣ, такъ что могли видѣть всю службу. Ничего подобнаго они не видывали!.. Они были поражены великолѣпіемъ и торжественностью службы. На прощаніе ихъ богато одарили и съ большою честью проводили.

Когда вернулись они въ Кіевъ, созвалъ Владиміръ снова бояръ своихъ и старцевъ и сказалъ:

— „Вотъ пришли посланные нами мужи; послушаемъ, что скажутъ они“.

— „Ходили мы, разсказывали послы, къ болгарамъ, смотрѣли, какъ они молятся въ своихъ храмахъ (въ мечетяхъ): стоятъ они безъ пояса; поклонившись, сядутъ и глядятъ и туда, и сюда, словно бѣшеные. Нѣтъ красоты въ служеньи ихъ; не хорошъ ихъ законъ. Ходили мы и къ нѣмцамъ, были у нихъ въ храмахъ, красоты же никакой не нашли. Когда же пришли мы къ грекамъ, и когда ввели насъ въ храмъ, гдѣ служатъ Богу своему, мы не знали, на небѣ ли мы были, или на землѣ. Нѣтъ на землѣ такого вида и такой красоты, и разсказать о ней мы не умѣемъ; знаемъ только то, что тамъ Богъ пребываетъ съ людьми, и служба ихъ лучше всѣхъ странъ. Мы не можемъ забыть той красоты: всякій человѣкъ, вкусивши сладкаго, не захочетъ послѣ вкушать горькаго, такъ и мы, не хотимъ здѣсь быть“.

— „Если бы худъ былъ законъ греческій, сказали Владиміру бояре, созванные на совѣтъ, то не приняла бы его бабушка твоя Ольга, мудрѣйшая изъ всѣхъ людей“.

— „Гдѣ же мы примемъ крещеніе“? спросилъ Владиміръ.

— „Гдѣ тебѣ угодно“, отвѣчали бояре.

Крещеніе Владиміра, кіевлянъ и новгородцевъ.

Не хотѣлось русскому князю просить у грековъ крещенія какъ милости, да кромѣ того у него были, видно, какіе нибудь счеты съ греками. Онъ выступилъ съ войскомъ на Корсунь, богатый греческій городъ на Таврическомъ полуостровѣ. Корсунцы затворились въ городѣ и крѣпко отбивались. Владиміръ послалъ сказать имъ, что если они не сдадутся, онъ будетъ хоть три года стоять подъ городомъ. Угроза эта не помогла. Князь приказалъ у стѣнъ города сдѣлать земляную насыпь: съ высоты удобнѣе было поражать стрѣлами и камнями осажденныхъ. Но они прорыли подъ стѣною подземный ходъ и ночью тайкомъ уносили къ себѣ въ городъ землю, что насыпали русскіе за день. Долго бы пришлось Владиміру простоять подъ Корсунемъ, да нашелся въ городѣ доброхотъ русскимъ. Онъ пустилъ въ ихъ станъ стрѣлу, на которой было написано князю: „За тобою, съ восточной стороны находятся колодцы; отъ нихъ вода идетъ по трубѣ въ городъ, перекопай ее и перейми воду“. Владиміръ, узнавъ объ этомъ, сказалъ:

— „Если это сбудется, и Корсунь сдастся, я крещусь“.

Онъ велѣлъ въ указанномъ мѣстѣ перекопать водопроводъ; корсунцы остались безъ воды, и жажда заставила ихъ сдаться. Владиміръ вошелъ съ дружиною въ городъ и послалъ сказать греческимъ императорамъ:

— „Взялъ я славный вашъ городъ; я слышалъ, что у васъ есть сестра-

дѣвица. Если не отдадите ее за меня, то и съ вашей столицей будетъ тоже, что съ Корсунемъ".

Опечалились императоры и послали сказать, что нѣтъ обычая у христіанъ выдавать родственницъ своихъ за язычниковъ.

— „Если крестишься, прибавили они, то и сестру нашу получишь, а также и царство небесное, и съ нами будешь единовѣрникъ".

Владиміръ отвѣчалъ на это царскимъ посланцамъ:

— „Скажите царямъ, что я хочу креститься; я уже прежде испыталъ вашъ законъ; люба мнѣ ваша вѣра". Затѣмъ онъ послалъ сказать императорамъ: „Пусть тѣ священники, которые придутъ съ вашею сестрою, крестятъ меня".

Не малаго труда стоило царямъ уговорить сестру свою Анну выйти за русскаго князя.

— „Иду точно въ полонъ, говорила она,—лучше бы здѣсь мнѣ умереть".

Братья убѣдили ее тѣмъ, что она будетъ содѣйствовать обращенію всей Русской земли къ истинному Богу, а Греческую землю избавитъ отъ лютой рати.

— „Видишь, прибавили они, сколько зла надѣлала Русь грекамъ? И теперь, если не пойдешь, будетъ тоже".

Анна съ большою печалью простилась съ роднею своею, сѣла на корабль съ нѣсколькими священниками и отплыла въ Корсунь. Здѣсь она была торжественно встрѣчена. Въ это время, говоритъ преданіе, у Владиміра разболѣлись глаза; онъ не могъ ничего видѣть и сильно тужилъ. Царевна сказала ему:

— „Если хочешь исцѣлиться отъ болѣзни, то крестись поскорѣе".

Епископъ корсунскій съ тѣми священниками, что прибыли съ царевною, крестилъ Владиміра, и когда возложилъ на него руки, то онъ вдругъ прозрѣлъ. Удивился князь такому чуду и воскликнулъ:

— „Теперь только я узналъ истиннаго Бога!"

Многіе изъ дружины его, видя это, крестились. Затѣмъ совершено было бракосочетаніе.

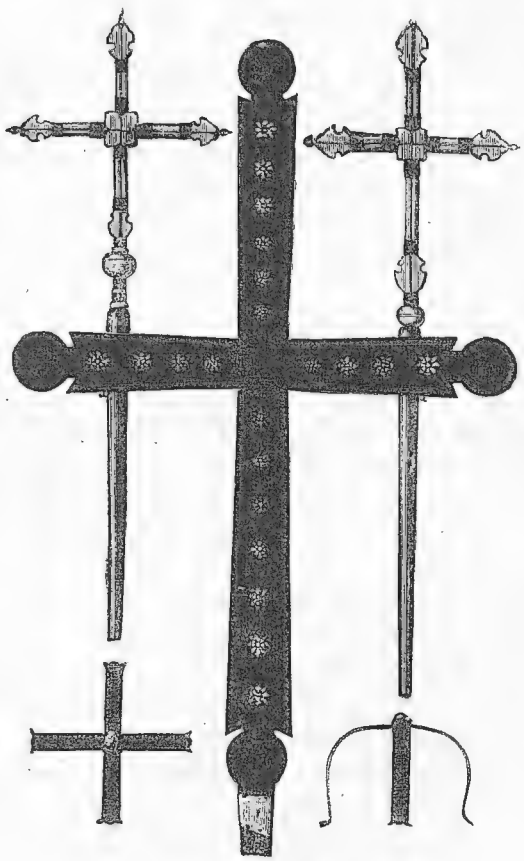
Владиміръ отдалъ Корсунь грекамъ „въ вѣно за жену свою", какъ говоритъ лѣтописецъ. Затѣмъ онъ взялъ отсюда священниковъ, мощи двухъ святыхъ (Климента и Фива), церковные сосуды, иконы, кресты и вернулся въ Кіевъ. Здѣсь прежде всего крестилъ онъ своихъ сыновей и близкихъ людей; затѣмъ велѣлъ уничтожить кумиры: нѣкоторые изрубить, другіе сжечь. Перуна же приказалъ привязать къ хвосту коня и стащить съ горы въ рѣку. Въ то время, когда волокли кумиръ, нѣсколько человѣкъ били его прутьями для бо́льшаго поруганія язычества. Многіе язычники горько плакали, видя это. Идолъ былъ брошенъ въ Днѣпръ; до самыхъ пороговъ шли по берегу по приказанію Владиміра люди и смотрѣли, чтобы кумиръ не пристalъ гдѣ-нибудь. Въ то время, какъ онъ колыхаясь плылъ по теченію, нѣкоторые язычники бѣжали по берегу и кричали: „Выдыбай, Перуне!" (т. е. выплывай).

Многіе кіевляне сами съ радостію крестились; были и такіе, что колебались и выжидали; немало было и ревностныхъ язычниковъ, которые крѣпко держались за старую вѣру. Видя это, Владиміръ послалъ по всему городу оповѣстить, чтобы на другой день всѣ некрещенные шли къ рѣкѣ:

— „Кто не придетъ къ рѣкѣ, возвѣщали вѣстники,—богатый или бѣдный, работникъ или нищій, тотъ будетъ считаться противникомъ князю.

Призывъ этотъ заставилъ рѣшиться и тѣхъ, которые еще раздумывали и колебались, побудилъ и многихъ закоренѣлыхъ язычниковъ страха ради исполнить приказаніе князя. Нѣкоторые, по словамъ лѣтописца, утѣшали себя мыслью, что, не будь крещеніе дѣломъ благимъ, не приняли бы его князь и бояре.

На другой день пришелъ Владиміръ съ митрополитомъ, съ корсунскими



Корсунскіе кресты.

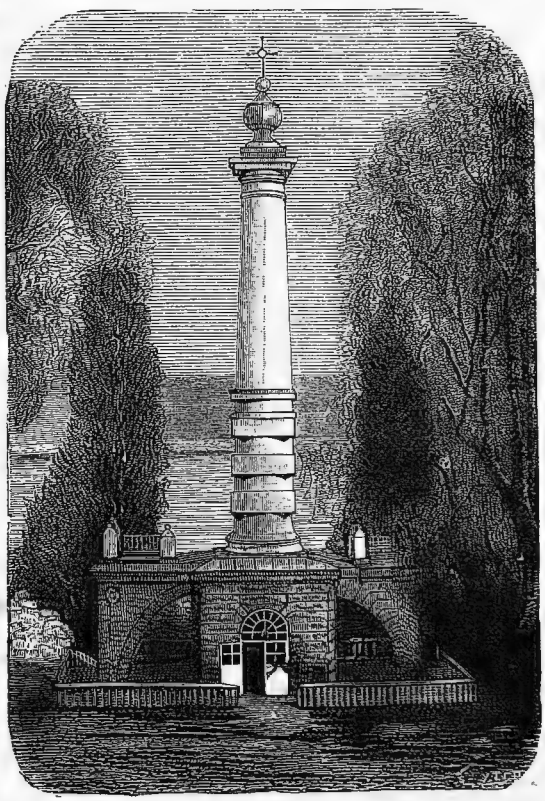
священниками на Днѣпръ. Множество народу сошлось сюда. Всѣ вошли въ воду. Одни стояли въ водѣ по шею, другіе по грудь, малыя дѣти стояли у берега, взрослые держали на рукахъ младенцевъ. На берегу было немало крещеныхъ раньше. Священники читали молитвы. Радъ былъ Владиміръ, что позналъ истиннаго Бога и самъ, и народъ его. Поднялъ взоры онъ къ небу и молился:

— „Боже, сотворивый небо и землю! призри на новыя люди сія, и подаждь имъ, Господи, увѣдѣти Тебя, истиннаго Бога, якоже увѣдѣша страны христіанскія; утверди и вѣру въ нихъ праву и несовратну“.

КРЕЩЕНІЕ КІЕВЛЯНЪ.

Такъ разказываетъ нашъ лѣтописецъ о крещеніи кіевлянъ. Совершилось это событіе въ 988 году.

Тотчасъ послѣ крещенія Владиміръ велитъ строить церкви на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде стояли кумиры. На холмѣ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна, сооружена была церковь во имя Св. Василія. (Владиміръ во св. крещеніи названъ былъ Василіемъ). Есть извѣстія, что первый митрополитъ Михаилъ, прибывшій вмѣстѣ съ Владиміромъ изъ Корсуня, ходилъ съ епископами, присланными изъ Царяграда, съ Добрынею, дядею Владиміра, на сѣверъ отъ Кіева и крестилъ народъ. Язычество держалось на сѣверѣ крѣпче, чѣмъ на



Памятникъ на мѣстѣ крещенія въ Кіевѣ.

югѣ, и не мало понадобилось труда, чтобы обратить суровыхъ язычниковъ въ христіанство.

Когда узнали новгородцы, что Добрыня идетъ крестить ихъ, то собрали вѣче и поклялись не пускать его въ городъ и не давать кумировъ на поруганіе. Когда же онъ пришелъ, новгородцы, разобравъ мостъ, ведущій чрезъ Волховъ съ Торговой стороны въ самый городъ, вышли на встрѣчу съ оружіемъ. Попробовалъ было Добрыня уговаривать ихъ, — они и слушать ничего не хотѣли, вывезли пороки (камнеметательныя машины) противъ дружины его. Епископъ со священниками остановились на Торговой сторонѣ. Ходили они по

рынкамъ и улицамъ, учили людей, сколько могли; въ два дня успѣли они окрестить нѣсколько сотъ человѣкъ. На другой же сторонѣ одинъ изъ старшинъ новгородскихъ, Угоняй, ѣздилъ на конѣ между народомъ и кричалъ:

— „Лучше умереть намъ, чѣмъ дать боговъ нашихъ на поруганіе“!

Возбужденный имъ народъ разорилъ домъ Добрыни, разграбилъ его имѣніе, убилъ его жену и нѣкоторыхъ родичей. Тогда Путята, воевода Владиміра, съ небольшимъ отрядомъ надежныхъ воиновъ ночью переправился чрезъ Волховъ, немного выше города, напалъ на дворъ Угоняя, схватилъ его и еще нѣсколькихъ главныхъ коноводовъ и отправилъ ихъ къ Добрынѣ за рѣку. Когда народъ узналъ объ этомъ, то сбѣжалось нѣсколько тысячъ людей. Окружили они маленькій отрядъ Путяты, и началась злая сѣча. На разсвѣтѣ подоспѣлъ на помощь ему Добрыня со всѣми своими людьми и велѣлъ для острастки новгородцевъ зажечь нѣкоторые дома на берегу. Новгородцы испугались и стали просить мира у него. Онъ приказалъ уничтожать идолы: деревянные жечь, а каменные разбивать и бросать въ рѣку. Многіе язычники съ воплями и слезами просили не трогать ихъ боговъ; но Добрыня съ насмѣшкой говорилъ имъ:

— „Нечего вамъ жалѣть о тѣхъ, которые сами не могутъ оборонить себя! какой пользы вы можете ждать отъ нихъ?“

Онъ приказалъ, чтобы всѣ шли креститься: многихъ удалось уговорить, и они шли по своей волѣ; но были и такіе, которыхъ воины тащили силою. О новгородцахъ сложилась поговорка, что ихъ „Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ.“

Есть извѣстіе, что самъ Владиміръ ходилъ въ 992 году съ епископами на юго-западъ, распространялъ христіанскую вѣру въ землѣ Червенской, крестилъ людей и построилъ здѣсь городъ Владиміръ. Если въ Новгородѣ, въ большомъ городѣ, гдѣ уже не мало жило христіанъ, такъ крѣпко держалось язычество, то въ другихъ болѣе глухихъ мѣстахъ, оно было еще упорнѣе. Много времени нужно было, чтобы распространилось христіанство по всей Руси. Да и большею частью тѣ, что приняли новую вѣру, сначала не могли понимать ее, какъ слѣдуетъ. Такихъ священниковъ, которые могли объяснять св. писаніе, было очень мало. Корсунскіе священники, прибывшіе въ Кіевъ съ Владиміромъ, были греки,—имъ пришлось еще учиться славянскому языку. Если и были на Руси въ это время священники изъ дунайскихъ болгаръ, то, конечно, не въ большомъ числѣ. Понималъ Владиміръ, что безъ своихъ священниковъ, способныхъ говорить доступнымъ для народа языкомъ, нельзя обойтись. Приказалъ онъ брать дѣтей у лучшихъ людей и отдавать ихъ въ книжное ученіе. Матери плакали по нихъ, говоритъ нашъ лѣтописецъ, какъ по мертвыхъ, потому что еще не утвердились вѣрою. Дѣтей раздавали учиться по церквамъ священникамъ и церковнымъ причетникамъ.

Сначала всѣ необходимыя для церкви книги шли къ намъ изъ Болгаріи.

Первоучители славянъ,—Свв. Кириллъ и Меѳодій.

За сто лѣтъ слишкомъ до крещенія Руси, почти въ одно время съ основаніемъ русскаго государства, совершилось великое дѣло,—впервые раздалось въ церкви Слово Божіе на славянскомъ языкѣ.

Въ городѣ Солуни, въ Македоніи, населенной по большей части славянами, жилъ знатный сановникъ-грекъ по имени Левъ. Изъ семерыхъ сыновей его двоимъ, Меѳодію и Константину (въ монашествѣ Кириллъ), на долю выпало совершить великій подвигъ на пользу славянъ.

Младшій изъ братьевъ Константинъ уже съ дѣтства поражалъ своими блестящими способностями и страстью къ ученью. Онъ получилъ хорошее домашнее воспитаніе, а затѣмъ въ Византіи закончилъ свое образованіе подъ руководствомъ лучшихъ учителей. Тутъ страсть къ наукамъ развилась въ немъ съ полной силой, и онъ усвоилъ всю доступную ему книжную мудрость... Слава, почести, богатства,—всѣ мірскія блага ждали даровитаго юношу, но онъ не поддался никакимъ искушеніямъ. Всѣмъ соблазнамъ міра предпочелъ онъ скромное званіе священника и должность библіотекаря при церкви Св. Софіи, гдѣ онъ могъ продолжать свои любимыя занятія,—изучать священныя книги, вникать въ духъ ихъ. Его глубокія знанія и способности доставили ему высокое ученое званіе и титулъ философа.

Старшій братъ его Меѳодій пошелъ сначала другой дорогой,—поступилъ въ военную службу и нѣсколько лѣтъ былъ правителемъ области, населенной славянами; но мірская жизнь не удовлетворила его, и онъ постригся въ монахи въ обители на горѣ Олимпѣ. Братьямъ не пришлось однако успокоиться,—одному въ мирныхъ книжныхъ занятіяхъ, а другому — въ тихой монашеской кельѣ. Константину не разъ приходилось принимать участіе въ спорахъ по вопросамъ вѣры и выказывать здѣсь силу своего ума и знаній; затѣмъ онъ долженъ былъ съ братомъ, по желанію царя, отправиться въ землю козаръ и здѣсь проповѣдовать Христову вѣру и отстаивать ее противъ евреевъ и сарацинъ. По возвращеніи отсюда Меѳодій крестилъ болгарскаго князя Бориса и болгаръ.

Вѣроятно, еще раньше этого задумали братья перевести для македонскихъ славянъ священныя и богослужебныя книги на ихъ языкъ, съ которымъ могли вполнѣ освоиться еще съ дѣтства, въ родномъ своемъ городѣ.

Для этого Константинъ составилъ славянскую азбуку, — взялъ всѣ 24 греческія буквы, а такъ какъ въ славянскомъ языкѣ звуковъ больше, чѣмъ въ греческомъ, то прибавилъ недостающія буквы изъ армянскаго, еврейскаго и др. языковъ; нѣкоторыя же самъ придумалъ. Всѣхъ буквъ въ первой славянской азбукѣ было 38.—Важнѣе азбуки былъ переводъ главнѣйшихъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Переводить съ такого богатаго словами и оборотами языка, какъ греческій, на языкъ совсѣмъ необразованныхъ македонскихъ славянъ было дѣломъ весьма труднымъ. Приходилось придумывать подходящіе обороты, создавать новыя слова, чтобы передать новыя для славянъ понятія... Все это требовало не только основательнаго знанія языка, но и большаго таланта.

Трудъ перевода еще не былъ конченъ, когда, по просьбѣ моравскаго князя Ростислава, Константинъ и Меѳодій должны были отправиться въ Моравію. Здѣсь, а также и въ сосѣдней Панноніи, уже раньше начали распространять христіанское ученіе латинскіе проповѣдники изъ южной Германіи, но дѣло шло очень туго, такъ какъ богослуженіе совершалось на латинскомъ языкѣ, вовсе непонятномъ народу. Западное духовенство, подчиненное римскому папѣ, держалось страннаго предразсудка, будто совершать богослуженіе можно только на еврейскомъ языкѣ, на греческомъ и латинскомъ, потому что надпись на крестѣ Господнемъ была на этихъ трехъ языкахъ; восточное же духовенство допускало слово Божіе на всѣхъ языкахъ. Вотъ почему моравскій князь, заботясь объ истинномъ просвѣщеніи своего народа Христовымъ ученіемъ, и обратился къ византійскому императору Михаилу съ просьбой прислать въ Моравію свѣдущихъ людей, которые учили-бы народъ вѣрѣ на понятномъ языкѣ.

Императоръ поручилъ это важное дѣло Константину и Меѳодію. Они прибыли въ Моравію и ревностно принялись за трудъ: строили церкви, начали совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ, заводили училища. Христіанство не по виду только, а по духу, стало быстро распространяться среди народа. Сильную вражду возбудило это въ латинскомъ духовенствѣ: клеветы, доносы, жалобы, — все пошло въ ходъ, чтобы погубить дѣло славянскихъ апостоловъ. Они принуждены были даже ѣхать въ Римъ, чтобы оправдываться предъ самимъ папою. Папа вполнѣ оправдалъ ихъ и благословилъ ихъ дѣло. Константинъ, изнуренный трудами, постригся здѣсь въ монахи подъ именемъ Кирилла; онъ скоро скончался (14 февраля 868 г.) и погребенъ былъ въ Римѣ.

Всѣ думы, всѣ заботы св. Кирилла предъ смертью были о его великомъ дѣлѣ.

— „Мы, братъ,—говорилъ онъ умирая Меѳодію,—тянули съ тобой одну борозду, и вотъ я падаю, кончаю дни мои. Ты слишкомъ любишь нашъ родной Олимпъ (монастырь), но ради него смотри, не покидай нашего служенія,— имъ ты скорѣй можешь спастись“.

Меѳодія папа возвелъ въ санъ епископа Моравіи. Но тамъ въ эту пору начались смуты и усобицы. Князь Ростиславъ былъ изгнанъ своимъ племянникомъ Святополкомъ. Латинское духовенство напрягло всѣ силы противъ Меѳодія; но, не смотря на все,—на клеветы, невзгоды и гоненія, онъ продолжалъ свое святое дѣло, просвѣщалъ Христовой вѣрой славянъ на понятномъ имъ языкѣ и книжнымъ ученіемъ. Около 871 г. онъ крестилъ Боривоя, князя Чехіи, утвердилъ и здѣсь славянское богослуженіе. Скончался св. Меѳодій 6-го апрѣля 885 года.

По смерти его латинскому духовенству удалось вытѣснить славянское богослуженіе изъ Чехіи и Моравіи. Ученики свв. Кирилла и Меѳодія были изгнаны отсюда, бѣжали болѣе всего въ Болгарію и тутъ продолжали святой подвигъ первоучителей славянъ, — переводили съ греческаго языка церковныя и поучительныя книги, проповѣди, творенія отцевъ церкви... Книжное богатство все росло и росло и какъ великое наслѣдіе досталось нашимъ предкамъ.

Церковно-славянская письменность особенно процвѣтала въ Болгаріи при царѣ Симеонѣ, въ началѣ десятаго вѣка. При немъ было переведено множество

книгъ, не только необходимыхъ для богослуженія, но и сочиненій разныхъ церковныхъ писателей и проповѣдниковъ Такимъ образомъ, готовыя церковныя книги шли къ намъ изъ Болгаріи, а потомъ, когда и между русскими появились грамотные люди, книги стали переписываться и у насъ, а затѣмъ и переводиться. Стало быть, съ христіанствомъ вмѣстѣ явилась на Руси и грамотность.

Владиміръ-христіанинъ.

Владиміръ, по словамъ лѣтописца, совсѣмъ перемѣнился послѣ крещенія. Изъ князя жестокосердаго и разгульнаго онъ сталъ кроткимъ, человѣколюбивымъ и умѣреннымъ: онъ не хотѣлъ даже казнить смертью разбойниковъ; сами епископы стали убѣждать его строже карать преступниковъ.

Владиміръ выказалъ большую охоту строить церкви и украшать ихъ, пожелалъ онъ построить храмъ въ Кіевѣ, подобный тому, какой видѣлъ въ Корсунѣ. Были призваны мастера изъ Греціи. Шесть лѣтъ трудились они надъ постройкой церкви; соорудили ее на томъ мѣстѣ, гдѣ пролита была кровь христіанъ-варяговъ. Владиміръ отдалъ въ эту церковь все, что привезъ изъ Корсуня: иконы, сосуды, кресты, и опредѣлилъ на содержаніе ея десятую часть доходовъ отъ всего имѣнія и городовъ своихъ, потому и назвали ее Десятинною церковью.

Склонность къ войнѣ у него послѣ принятія христіанства видимо ослабѣла: большихъ походовъ на сосѣдей онъ уже не предпринималъ; только съ печенѣгами приходилось постоянно вести борьбу. Владиміръ еще въ началѣ своего княженія построилъ много городовъ по рѣкамъ: Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ, чтобы защитить свою землю со стороны степей. Не смотря на это, орды печенѣговъ, кочевавшихъ въ привольныхъ южныхъ степяхъ, то и дѣло, что врывались въ русскую землю и страшно пустошили ее.

Вотъ что говоритъ преданіе объ одной войнѣ съ печенѣгами. Русское войско встрѣтилось съ этими хищниками на рѣкѣ Трубежѣ. Русскіе стояли по одной сторонѣ рѣки, печенѣги—по другой; ни тѣ, ни другіе не рѣшались перейти рѣку. Тогда подъѣхалъ къ берегу печенѣжскій князь и предложилъ Владиміру кончить дѣло единоборствомъ.

— „Выставимъ—ты своего воина, а я своего,—пусть сразятся,—сказалъ онъ. Если твой одолѣетъ моего, то мы не будемъ воевать три года; если же мой побѣдитъ, то мы будемъ три года опустошать твою землю“.

Послалъ Владиміръ бирючей (вѣстниковъ) по войску кличъ кликать: „Нѣтъ-ли охотника выйти на поединокъ съ печенѣгомъ?“ Охотника не было. Закручинился князь... Но вотъ приходитъ къ нему одинъ старый воинъ и говоритъ:

— „Князь, вышелъ я съ четырьмя сыновьями, а есть у меня меньшой сынъ; онъ остался дома. Съ самаго дѣтства никто не могъ его одолѣть. Разъ я его забранилъ въ то время, какъ онъ мялъ воловью кожу; разсердился онъ на меня и въ досадѣ разорвалъ кожу руками“.

Обрадовался князь, услышавъ о такомъ силачѣ; послалъ за нимъ, и разсказалъ ему, въ чемъ дѣло.

— „Не знаю, сказалъ тотъ, смогу-ли я. Пусть сперва испытаютъ мою силу. Нѣтъ-ли большого и сильнаго быка?“

Привели огромнаго быка. Разъярили его раскаленнымъ желѣзомъ, и разсвирѣпѣвшее животное помчалось въ бѣшенствѣ мимо силача; тотъ изловчился, ухватилъ быка за бокъ и вырвалъ у него кусокъ мяса съ кожею, сколько захватила рука.

— „Ты можешь бороться съ печенѣгомъ“, сказалъ Владиміръ.

На другой день произошло единоборство.

Выступили оба борца другъ противъ друга. Печенѣжскій богатырь былъ громаднаго роста и страшенъ на видъ. Вышелъ и русскій боецъ. Печенѣгъ-великанъ, завидѣвъ его, сталъ смѣяться надъ его небольшимъ ростомъ. Размѣрили мѣсто между обоими войсками. Началась борьба. Крѣпко обхватили бойцы другъ друга; русскій силачъ задавилъ печенѣга руками и ударилъ его мертваго о-земь. Радостный крикъ вырвался у русскихъ, а печенѣги бѣжали. Русскіе гнались за ними, рубили ихъ и далеко прогнали ихъ въ степи. Радъ былъ Владиміръ побѣдѣ, и тутъ же, на мѣстѣ борьбы, по преданію, заложилъ городъ и назвалъ его Переяславль. (Названъ такъ городъ, объясняетъ нашъ лѣтописецъ, потому, что русскій боецъ *переялъ славу* у печенѣжскаго витязя).

Три года спустя печенѣги снова напали на Русскую землю. Владиміръ не успѣлъ собрать силы, вышелъ съ небольшимъ отрядомъ. Враги одолѣли, князь едва спасся отъ плѣна. Черезъ два года послѣ этого степные хищники сдѣлали новый набѣгъ. Эти безпрестанныя нападенія заставили Владиміра подумать объ укрѣпленіи границъ со стороны степей съ юга и востока. Онъ велѣлъ строить новые города по южнымъ окраинамъ Русской земли.

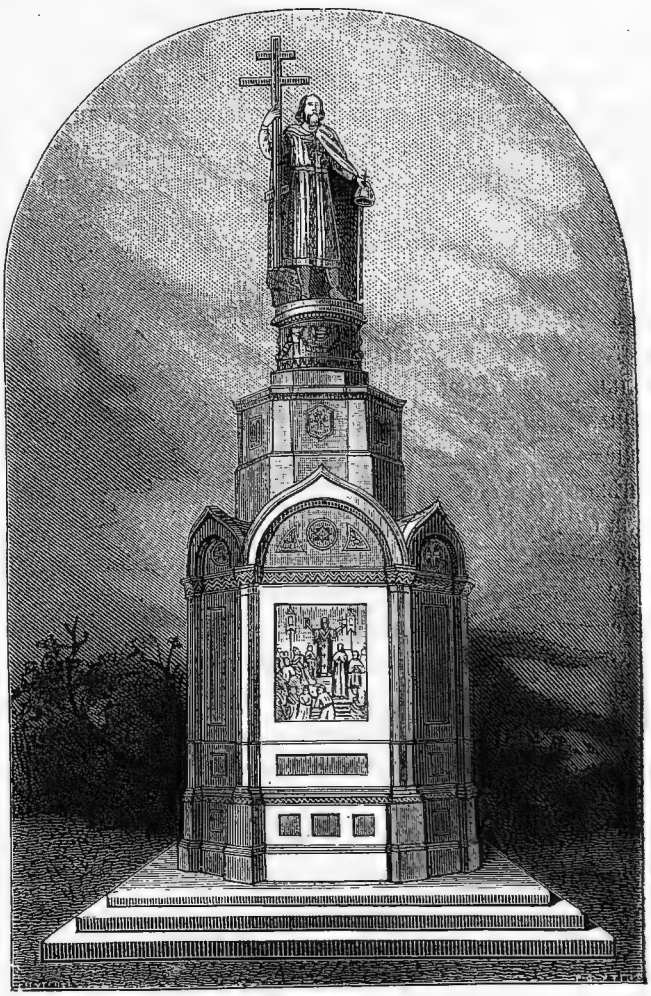
Много пришлось потрудиться княжей дружинѣ, отражая враговъ. Любилъ Владиміръ своихъ дружинниковъ, всегда совѣтовался съ ними о военныхъ дѣлахъ и о мирныхъ. Былъ онъ щедръ; ничего не жалѣлъ для нихъ: тѣшилъ ихъ часто веселыми пирами; не забывалъ при этомъ и меньшую братію. Слова Евангелія: „блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ“ и „продайте имѣнья ваша и дадите нищимъ“ глубоко запали ему въ сердце Приказывалъ Владиміръ всякому нищему и убогому приходить на княжій дворъ и брать все нужное изъ княжескихъ запасовъ: питье, пищу; раздавались и куны (деньги). Мало того. „Немощные и больные не могутъ дойти до двора моего“, сказалъ онъ, и велѣлъ возить по городу на телѣгахъ хлѣбъ, мясо, рыбу, разные овощи, бочки съ медомъ и квасомъ. Княжьи люди останавливались у дворовъ и спрашивали: „Гдѣ больные и нищіе, что ходить не могутъ?“ и щедро одѣляли ихъ всѣмъ нужнымъ. Кромѣ разныхъ праздниковъ, каждую недѣлю по воскреснымъ днямъ устраивались въ княжеской гридницѣ пиры: бояре, всѣ дружинники, старшіе и младшіе, и лучшіе люди изъ горожанъ приходили сюда и пировали при князѣ и безъ него.

Народныя былины о Владимірѣ Красномъ-Солнышкѣ и его богатыряхъ.

Щедрость и доброта Владиміра, о которыхъ говоритъ лѣтописецъ, видно, по душѣ пришлись русскимъ людямъ. Въ своихъ былинахъ народъ нашъ вспо-

минаетъ о пирахъ Владиміра, называетъ его „ласковымъ княземъ“, „краснымъ солнышкомъ“.

Въ былинахъ этихъ смѣшались преданія народа о глубокой языческой старинѣ, о Владимірѣ, и о томъ, что было послѣ него. Тутъ сказывается память о той порѣ, когда тяжело жилось людямъ; только и дѣла имъ было, что отбиваться отъ сильныхъ враговъ: налетали они на Русскую землю, словно



Памятникъ Св. Владиміру (въ Кіевѣ).

хищныя птицы. Да и дома у себя было довольно тяжелаго труда предкамъ нашимъ: лѣсныя трущобы шли на сотни верстъ; полны онѣ были лютымъ звѣремъ; ни проѣзду, ни проходу не было въ непролазныхъ дебряхъ. Надо было и пути прокладывать, и отъ злого звѣря землю очищать, и отъ хищнаго врага ее стеречь. Приходилось вести тяжелую борьбу; нужна была тутъ сила да ловкость. Силачи да удальцы въ большомъ почетѣ бываютъ въ такія времена. Выдавались въ ту пору и у предковъ нашихъ „удалые добрые молодцы“, „богатыри

могучіе". О нихъ-то и сложилъ народъ тѣ былины, гдѣ вспоминаетъ и о Владимірѣ. Вотъ что, между прочимъ, говорится въ нихъ.

Пируетъ Владиміръ Красное-Солнышко въ своей гридницѣ высокой; пируетъ съ нимъ и дружина его храбрая. Много у него на пиру славныхъ, могучихъ богатырей. Подаютъ тутъ яства сахарныя, питья медвяныя; всѣ наѣдаются досыта, напиваются допьяна. Весело и привольно всѣмъ подлѣ Краснаго-Солнышка: на гусляхъ звонкихъ наигрываютъ, пѣсни веселыя поютъ; самъ князь радъ, потѣшается, по свѣтлой гридницѣ похаживаетъ, да гостей потчуетъ; турій рогъ съ виномъ заморскимъ обходитъ гостей. Подносятъ одному ковшъ меду сладкаго, другому чару зелена вина въ „полтора ведра". Принимаетъ богатырь ту чару единой рукой, выпиваетъ „за единый духъ". Много на пиру славныхъ могучихъ богатырей: тутъ удалой наѣздникъ Добрыня Никитичъ, что страшнаго Змѣя Горыныча убилъ; тутъ и Алеша Поповичъ, что не столько силою, сколько хитростью да сноровкой одолѣлъ Тугарина Змѣевича; тутъ и Илья Муромецъ; не мало и другихъ богатырей пируетъ у Владиміра. Всѣмъ удальцамъ, какого бы рода и племени они ни были, есть мѣсто на „почестномъ пиру" у Владиміра. Много сильныхъ и храбрыхъ богатырей за княжьимъ столомъ, но нѣтъ могучѣе Ильи Муромца!

Былъ Илья родомъ крестьянскій сынъ. Не владѣлъ онъ сначала ни руками, ни ногами,—въ сидняхъ сидѣлъ тридцать лѣтъ и три года. Пришли къ нему разъ нищіе—калики перехожіе. (Самъ Іисусъ Христосъ и два апостола, говорится въ нѣкоторыхъ былинахъ). Просятъ они Илью дать имъ воды испить. Не могъ сначала онъ встать. Второй разъ требуютъ калики воды у него; вдругъ почуялъ онъ въ себѣ силы, сталъ вставать „словно встрепанный". Пьютъ калики и Ильѣ велятъ испить воды. Выпилъ онъ и почуялъ въ себѣ силу непомѣрную. Не сидится Ильѣ послѣ этого въ родительскомъ домѣ, проситъ онъ у своихъ родителей „великаго благословеньица" ѣхать въ Кіевъ къ князю Владиміру „на поможеніе" и „на сбереженіе". Даетъ отецъ Ильѣ заповѣдь великую: не проливать крови понапрасному ни христіанской, ни басурманской. Начинаетъ Илья свои подвиги. Подъѣзжаетъ онъ къ Чернигову, а подъ городомъ стоитъ вражья сила — смѣты нѣтъ. Богатырское сердце „разгорчиво" и „неуемчиво". Береть Илья въ руки саблю вострую, и началъ ею по силушкѣ погуливать; гдѣ проѣдетъ—дѣлалъ улицы, гдѣ повернется—переулочки. Избилъ онъ рать вражью, только трехъ царевичей въ живыхъ оставилъ, — заказалъ имъ повсюду сказывать, что „святая Русь не пуста стоитъ", что „на святой Руси есть сильные могучіе богатыри". — Напали разъ на Илью разбойники, хотѣли его ограбить. Вынимаетъ онъ изъ налушна тугой лукъ, изъ колчана стрѣлку каленую, стрѣляетъ не въ разбойниковъ, а въ сырой сучковатый дубъ. Разлетѣлся дубъ мелкой щепкой; а отъ треску и грому разбойники съ коней попадали, пять часовъ безъ памяти пролежали.—Захотѣлъ Илья проѣхать въ Кіевъ къ Владиміру Красному-Солнышку дорогою прямоѣзжею, да нельзя прямымъ путемъ попасть туда ни пѣшему, ни конному: заложена та дорога Соловьемъ разбойникомъ. Сидитъ онъ на семи дубахъ, кричитъ онъ по-звѣриному, свиститъ по-соловьиному, никому не устоять противъ его посвиста. Поѣхалъ Илья дорогой прямоѣзжею, подъѣхалъ къ Соловью. Сталъ Соловей свистать по-

соловьиному, шипѣть по-змѣиному, ревѣть по-звѣриному. На колѣни палъ конь Ильи. Пустилъ онъ стрѣлу каленую и угодилъ Соловью въ правый глазъ. Полетѣлъ Соловей съ дуба комомъ къ сырой землѣ. Илья привязываетъ его къ сѣдлу и везетъ въ Кіевъ. Съ этой удачи богатырской вошелъ онъ въ большую славу, сталъ служить Владиміру и оборонять землю Русскую. Идолище поганое является къ Кіеву съ похвальбой и требуетъ поединщика. Илья выходитъ и убиваетъ его. Стоитъ затѣмъ Илья съ могучими богатырями на заставѣ богатырской, оберегаетъ отъ бѣды землю Русскую. Бьется тутъ Илья съ Жидовиномъ-богатыремъ и убиваетъ его.

Подвиги свои Илья совершаетъ тогда, когда нужно избавить кого отъ бѣды, постоять за честь земли Русской. Дѣйствуетъ онъ не изъ корысти, почета не ищетъ, похвальбы не любитъ, да и принимается за дѣло только тогда, когда нельзя обойтись безъ него, когда ему „не кѣмъ замѣнитися“. Хитрости, лукавства въ немъ нѣтъ; всякое дѣло ведетъ онъ прямо, начистоту. Всѣ эти свойства высоко цѣнитъ нашъ народъ; потому-то Илья и самый любимый его богатырь.

Много былинъ сохранилось у народа и о другихъ богатыряхъ. Въ пѣсняхъ этихъ много и небылицъ; похожи онѣ на сказки, но есть и доля правды: въ нихъ живо отражается то время, когда безпрерывная борьба вызывала богатырскія силы; безъ этихъ силъ плохо пришлось бы нашимъ предкамъ!..

Почтило и позднѣйшее потомство память Владиміра и его святаго дѣла. въ Кіевѣ на высокомъ берегу Днѣпра поставленъ памятникъ Владиміру, а на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, крестились кіевляне, воздвигнутъ памятникъ крещенія.

Великое дѣло совершилъ Владиміръ, обративъ народъ свой въ христіанство: оно хотя и медленно, но все же стало проникать въ нравы народа и понемногу смягчать ихъ.

Церковь наша признала Владиміра послѣ его смерти Святымъ и Равноапостольнымъ.

Съ христіанствомъ вмѣстѣ явилась у насъ, какъ сказано, и грамотность. Книжное искусство было въ рукахъ духовенства; но князья и бояре стали учить и своихъ дѣтей грамотѣ. Самъ Владиміръ еще не зналъ ея, но дѣти его были уже грамотны.

Усобицы по смерти Владиміра.

Владиміръ умеръ въ 1015 году. Святополкъ, сынъ Ярополка, усыновленный Владиміромъ, узнавъ о его смерти, прискакалъ съ дружиной изъ своего удѣла, Турова, и какъ старшій въ родѣ сѣлъ на великокняжескій престолъ; но этого было ему мало, — хотѣлъ онъ забрать всю Русскую землю въ свои руки и задумалъ страшное дѣло: истребить всѣхъ сыновей Владиміра Св. и завладѣть ихъ удѣлами.

Борисъ съ кіевскою ратью въ это время возвращался съ похода на печенѣговъ. Его дружинники совѣтовали ему овладѣть Кіевомъ и сдѣлаться вели-

кимъ княземъ, но благочестивый князь отвѣчалъ, что не подниметъ руки противъ старшаго брата, и даже распустилъ свою рать и остался съ небольшой дружиной. Убійцы, посланные Святополкомъ, ночью подкрались къ шатру Бориса, на рѣкѣ Альтѣ, и въ то время, когда онъ молился, поразили его вмѣстѣ съ нѣсколькими отроками (младшими дружинниками). У Смоленска убійцы настигли Глѣба, и онъ погибъ мученическою смертью. Борисъ и Глѣбъ, любимые сыновья Владиміра, отличались необычайной кротостью, добротой и христіанскимъ благочестіемъ. Церковь наша признала ихъ святыми.

Былъ убитъ затѣмъ и Святославъ Древлянскій. Святополкъ, чтобы расположить къ себѣ кіевлянъ, сталъ очень щедро раздавать многимъ изъ нихъ подарки: кому дарилъ корзна (плащи), кому куны (деньги) и роздалъ ихъ многое множество.

Ярославъ Новгородскій еще ничего не зналъ ни о смерти отца, ни о томъ, что творится въ Кіевѣ. Незадолго предъ тѣмъ онъ собралъ въ Новгородѣ много варяжскихъ наемныхъ воиновъ. Они безчинствовали въ городѣ, творили разныя насилія народу и такъ озлобили противъ себя новгородцевъ, что тѣ возстали и избили ихъ. Ярославъ жестоко отмстилъ мятежникамъ, — созвалъ къ себѣ подъ видомъ совѣщанія знатнѣйшихъ людей новгородскихъ и велѣлъ ихъ умертвить. Послѣ этой кровавой расправы, вдругъ ночью онъ получаетъ страшную вѣсть изъ Кіева отъ своей сестры:

— „Отецъ умеръ. Святополкъ въ Кіевѣ; онъ убилъ Бориса, послалъ убійцъ на Глѣба, — берегись и ты“.

Ужаснулся Ярославъ: бѣда была велика, а помощи ждать было неоткуда. Созвалъ онъ на другой день вѣче и сказалъ новгородцамъ:

— „Отецъ мой умеръ; Святополкъ утвердился въ Кіевѣ и губитъ братьевъ“.

Новгородцы рѣшили помочь своему князю, не смотря на зло, какое онъ причинилъ имъ. Они готовы были помочь ему и деньгами, и войскомъ, лишь бы не подчиняться кіевскому князю, не платить ему тяжкой дани и не принимать къ себѣ его посадника. Подобно тому, какъ Владиміръ Св., въ борьбѣ съ Ярополкомъ пользовался помощью норманскихъ или варяжскихъ воиновъ, воспользовался услугами ихъ и Ярославъ. Бродячія дружины варяговъ, привыкшихъ съ юныхъ лѣтъ къ военному дѣлу, охотно нанимались на службу къ нашимъ князьямъ: война была для варяговъ промысломъ. Испытанные бойцы, закаленные въ битвахъ, хорошо вооруженные, они цѣнились высоко и получали хорошую плату.

Собралъ Ярославъ варяжскую дружину числомъ около тысячи человѣкъ да прочаго войска около сорока тысячъ, и пошелъ на Святополка; тотъ призвалъ на помощь печенѣговъ. Сошлись обѣ рати на Днѣпрѣ, у Любеча; одна стала по сю сторону рѣки, другая — по ту. Ни тѣ, ни другіе долго не рѣшались переправиться и начать битву. Первые напали новгородцы. Одинъ изъ воеводъ Святополка побудилъ ихъ къ этому; онъ разъѣзжалъ на конѣ по берегу взадъ и впередъ и подзадоривалъ ихъ:

— „Чего вы, плотники, кричалъ онъ, пришли сюда съ хромымъ кня-

земъ вашимъ? (Ярославъ былъ хромъ). Вотъ погодите, мы васъ заставимъ рубить себѣ хоромы!“.

Обозлились новгородцы.

— „Завтра-же переправимся и ударимъ на нихъ“, рѣшили они.

Святополкъ всю ночь безпечно пировалъ съ дружиной.. До разсвѣта тайкомъ новгородцы переѣхали черезъ Днѣпръ, высадились на берегъ, а лодки оттолкнули, чтобы и не думать о бѣгствѣ... Святополкъ бился храбро; но печенѣги, стоявшіе за озеромъ, не поспѣли вовремя ему помочь. Новгородская рать

Воины — варяги.

оттѣснила войско его на озеро. Тогда начались уже морозы, и озеро покрылось льдомъ; но онъ былъ еще тонокъ, не выдержалъ толпы людей, подломился, — и множество воиновъ Святополка утонуло. Онъ бѣжалъ въ Польшу, а Ярославъ занялъ Кіевъ.

Но Святополоку помогъ его тесть, польскій король, и Ярославу пришлось опять уйти въ Новгородъ. Когда поляки ушли изъ Кіевской области, онъ снова напалъ на своего противника. Упорная битва завязалась на берегахъ рѣки Альты, гдѣ былъ убитъ Борисъ. Съ восхода солнца до вечера длилась злая сѣча. Три раза загоралась рукопашная схватка, кровь лилась ручьями по

землѣ. Къ вечеру Ярославъ одолѣлъ. Святополкъ бѣжалъ. Онъ, по словамъ лѣтописца, впалъ въ тяжкую болѣзнь, и такъ ослабѣлъ, что не могъ даже сидѣть,—несли его въ носилкахъ; укоры совѣсти и страхъ обуяли его.

— „Бѣжимъ, бѣжимъ, безпрестанно вскрикивалъ онъ, гонятся за нами!“

Скоро Святополкъ умеръ въ тяжкихъ мученіяхъ. Лѣтописецъ сравниваетъ этого князя-братоубійцу съ Каиномъ, называетъ Окаяннымъ...

Пришлось Ярославу вести борьбу и съ племянникомъ своимъ Брячиславомъ Изяславичемъ, княземъ полоцкимъ, который напалъ на Новгородъ, и съ братомъ своимъ Мстиславомъ, который княжилъ въ Тмутракани (у Азовскаго моря).

Мстиславъ былъ князь очень мужественный и обладалъ богатырской силой. Вотъ что разсказываетъ лѣтописецъ о немъ. Пошелъ онъ разъ на косоговъ, кавказское воинственное племя. Князь косожскій Редедя вышелъ на встрѣчу. Когда сошлись обѣ рати, Редедя сказалъ Мстиславу:

— „Чѣмъ губить намъ свои дружины, лучше покончимъ дѣло единоборствомъ. Одолѣешь ты,—возьмешь мое имѣніе, жену, дѣтей моихъ и землю; а одолѣю я, —возьму я у тебя все твое“.

Редедя былъ богатырь громаднаго роста и необычайной силы, и надѣялся на себя. Мстиславъ принялъ вызовъ. Рѣшено было бороться безъ оружія.

Крѣпко схватились лихіе борцы. Долго длилась борьба: оба были почти равной силы. Наконецъ, Мстиславъ сталъ изнемогать и началъ молиться:

— „Пречистая Богородица, помоги мнѣ! Если одолѣю, построю церковь во имя твое“.

Напрягъ онъ всѣ свои силы, сломилъ Редедю, ударилъ его оземь; затѣмъ вынулъ ножъ и зарѣзалъ его.

Съ этимъ-то княземъ-богатыремъ пришлось бороться Ярославу: Мстиславъ не довольствовался одною Тмутраканскою областью, требовалъ себѣ отъ брата еще земель. Загорѣлась война; Ярославъ былъ побѣжденъ и долженъ былъ уступить брату всѣ земли къ востоку отъ Днѣпра. Въ 1036 году Мстиславъ умеръ; тогда вся Русская земля соединилась въ рукахъ Ярослава.

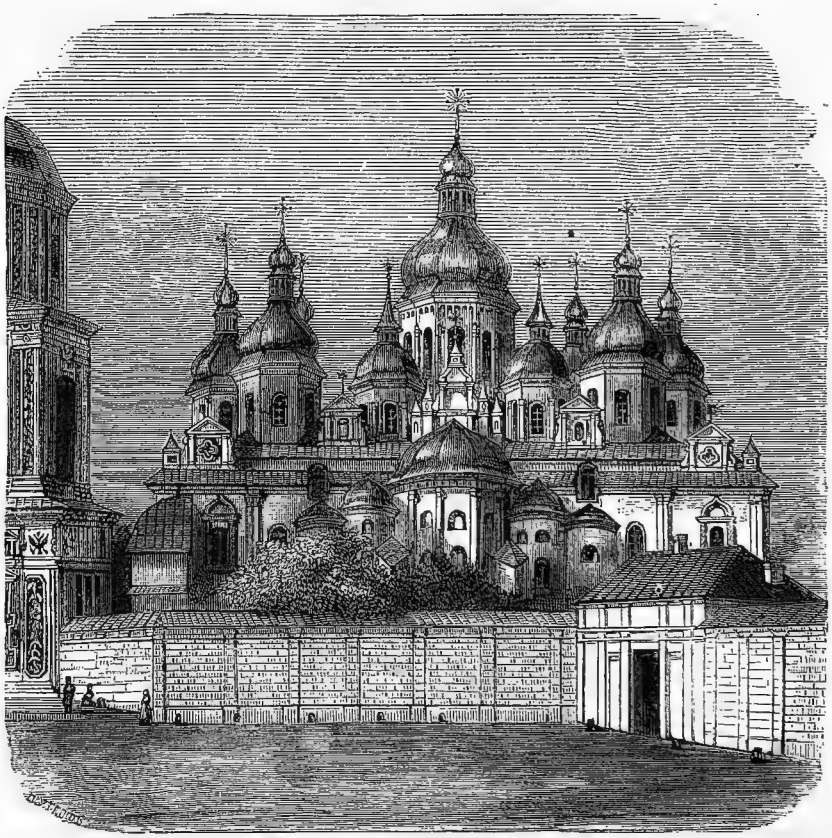
Княженіе Ярослава.

Хотя Ярославъ не былъ охотникомъ до войны, но безъ нея дѣло не обошлось; печенѣги продолжали свои опустошительные набѣги. Ярославу удалось, наконецъ, нанести имъ страшное пораженіе подъ самымъ Кіевомъ. Ходилъ онъ и на сѣверъ—на Чудь, и на западъ—на Ятвяговъ и на Литву; вернулъ отъ Польши червенскіе города (Галицію), захваченные раньше королемъ Болеславомъ.

При Ярославѣ былъ предпринятъ послѣдній походъ на Византію. Со времени крещенія сношенія русскихъ съ греками были дружелюбны; но въ 1043 г. въ Константинополѣ случилась ссора изъ-за чего-то между греческими и русскими торговцами; дѣло кончилось тѣмъ, что одинъ изъ знатныхъ русскихъ гостей (купцовъ) былъ убитъ. Отсюда возникло неудовольствіе между обоими правительствами и привело къ войнѣ. Огромную русскую рать и наемныхъ варяговъ повелъ на Византію старшій сынъ Ярослава, Владиміръ; но

походъ кончился неудачно: русскія ладьи были истреблены частію греческимъ огнемъ, частію бурею.

Чтобы укрѣпить сильнѣе границы своего государства, Ярославъ построилъ нѣсколько новыхъ городовъ: на сѣверѣ, въ землѣ финскаго племени, неподалеку отъ озера Чудскаго, основанъ былъ городъ Юрьевъ (христіанское имя Ярослава было Юрій); на Волгѣ — Ярославль; по южной границѣ, на рѣкѣ Роси, было тоже построено нѣсколько городовъ. Кіевъ обведенъ хорошею каменною стѣною. Главныя городскія ворота названы были „Золотыми“.



Софійскій соборъ въ Кіевѣ.

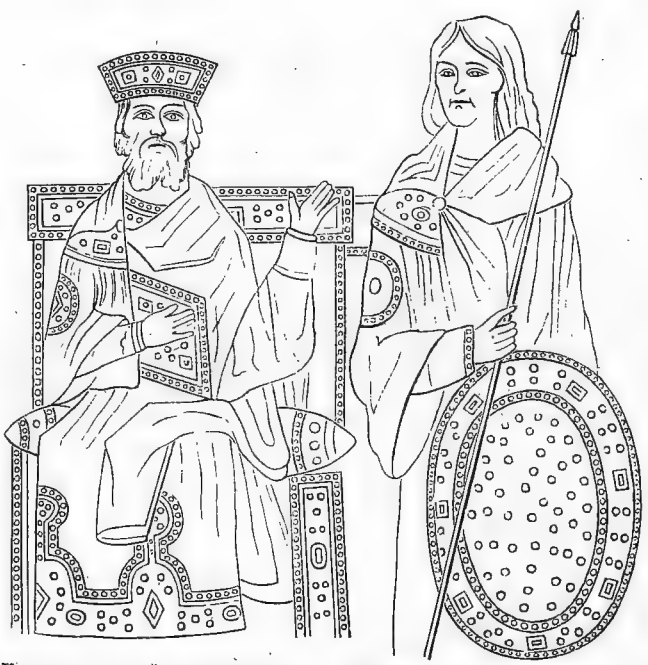
Ярославъ очень любилъ строиться; онъ украсилъ Кіевъ новыми церквами. Особеннымъ великолѣпіемъ поражалъ современниковъ Софійскій соборъ. Заложенъ былъ онъ въ память побѣды, одержанной надъ печенѣгами, на мѣстѣ самой битвы. Зданіе сооружалось греческими мастерами; князь не жалѣлъ издержекъ, храмъ былъ украшенъ роскошной мозаикой (мусіей, какъ говорили въ старину): стѣны были расписаны живописью; иконы византійскаго письма блистали въ богатыхъ серебряныхъ и золотыхъ ризахъ.

Стѣнная живопись (фрески), надъ которою трудились греческіе живописцы, уцѣлѣвшая мѣстами и до сихъ поръ, представляетъ много любопытнаго.

Тутъ находимъ изображенія охоты, всадниковъ, стрѣлковъ, князя въ торжественной одеждѣ, оруженосцевъ, даже музыкантовъ, плясуновъ и скомороховъ.

Небольшіе искусники были тогда греческіе живописцы, но рисунки ихъ любопытны для насъ особенно тѣмъ, что представляютъ картины изъ русской жизни, и даютъ понятіе объ одеждѣ и о нѣкоторыхъ обычаяхъ одиннадцатаго вѣка.

Ярославъ построилъ также монастырь св. Георгія, въ честь своего ангела, монастырь св. Ирины, возобновилъ Десятинную церковь, построенную при Владимірѣ Св. Главные храмы Кіева строились большею частію въ подражаніе Цареградскимъ и носили ихъ имена (св. Софіи, св. Ирины). Много церквей



Князь на тронѣ и оруженосецъ. (Фрески Софійскаго собора).

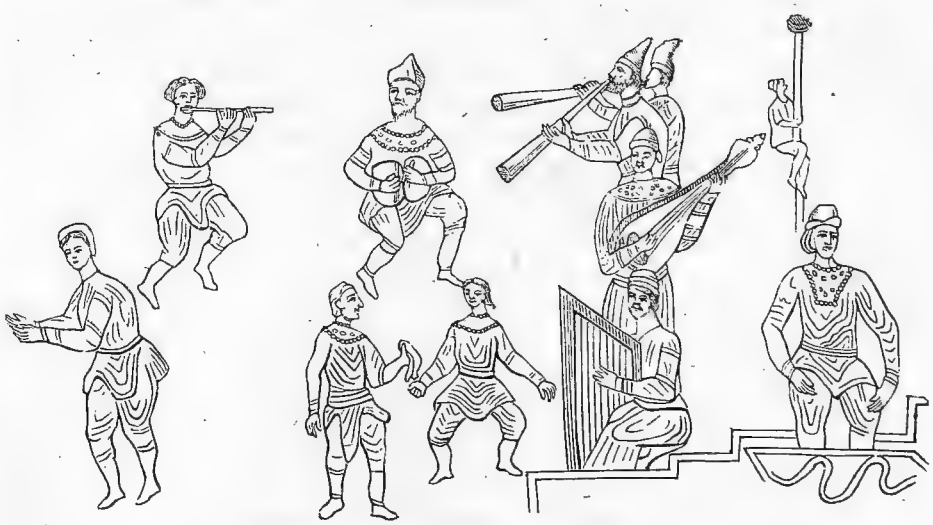
сооружалось такъ-же, какъ въ Царьградѣ, въ честь Богородицы. По примѣру Кіева возникали и въ другихъ главныхъ русскихъ городахъ соборные храмы или софійскіе, или богородичные (Рождественскіе и Успенскіе). Въ Новгородѣ сынъ Ярослава Владиміръ заложилъ новый Софійскій соборъ въ 1045 году. Съ постройкой храмовъ появляются на Руси не только зодчество, но и живопись. Мало-по-малу русскіе должны были перенять эти искусства у пріѣзжихъ греческихъ мастеровъ, которыхъ призывалъ князь, не жалѣя издержекъ на украшеніе храмовъ и благолѣпіе церковной службы. Изъ Греціи были вызваны въ Кіевъ и пѣвчіе, у которыхъ русскіе переняли напѣвы и научились согласному пѣнію.

По примѣру византійскихъ императоровъ Ярославъ, а раньше и Владиміръ Св., давали извѣстную часть изъ княжескихъ доходовъ на содержаніе храмовъ и ихъ причта, надѣляли ихъ землями и разными угодьями. Кромѣ

того, епископы занимались судопроизводствомъ (по церковнымъ и семейнымъ дѣламъ) и судебныя пошлины шли въ пользу ихъ церкви.

Много строилось новыхъ церквей,—много нужно было и грамотныхъ людей для церковнаго причта; нужны были и книги богослужебныя. Ярославъ сильно заботился о просвѣщеніи: въ Новгородѣ, по его приказу, было устроено училище на 300 мальчиковъ, сыновей священниковъ и старостъ. Онъ любилъ церковное дѣло, духовенство, монаховъ, а священныя книги читалъ не только днемъ, но и ночью, и много собралъ ихъ; поручалъ иногда переводить ихъ прямо съ греческаго языка или переписывать болгарскіе переводы.

Подъ его покровительствомъ начали распространяться на Руси монастыри; среди иноковъ были грамотные люди, которые принялись за переписку книгъ и сильно помогли распространенію христіанскаго просвѣщенія на Руси.



Музыканты и плясуны. (Фрески Софійскаго собора).

Лѣтописецъ высоко цѣнитъ заслуги Ярослава и говоритъ:

— „Какъ одинъ вспашетъ землю, другой посѣетъ, а третьи жнутъ и ѣдятъ хлѣбъ,—такъ Владиміръ вспахалъ и умягчилъ землю, т. е. просвѣтилъ ее крещеніемъ, Ярославъ насѣялъ книжными словами сердца вѣрныхъ людей, а мы пожинаемъ, принимая книжное ученіе“.

Русская правда.

На Руси были уже церковные законы; перешли они вмѣстѣ съ христіанствомъ изъ Византіи (собраніе ихъ называлось у насъ „Кормчей книгой“). Задумалъ Ярославъ установить и въ мірскихъ дѣлахъ лучшій порядокъ суда и расправы. Онъ составилъ первый сборникъ законовъ „Русскую правду“.

Въ первобытныя времена люди руководятся во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ только природными побужденіями, чувствами. Убьетъ кто нибудь человѣка,—близкіе родичи убитаго естественно изъ чувства мести стараются убить убійцу.

Побьютъ кого,—побитый чувствуетъ злобу и желаетъ выместить свою обиду на обидчикѣ. Украдутъ-ли у кого вещь какую-нибудь, потерпѣвшій отъ кражи, понятно, будетъ стараться отыскать вора, отобрать отъ него свою вещь и, кромѣ того, причинить какое-нибудь зло ему, чтобы отвадить его отъ воровства. Такъ и въ другихъ случаяхъ въ первобытное время люди творили судъ и расправу, слѣдуя только природному чувству. Съ теченіемъ времени все это входило въ привычку. Видѣли люди, какъ творили отцы ихъ и дѣды въ разныхъ случаяхъ, и сами поступаютъ точно такъ-же, руководясь уже не только своимъ чувствомъ и соображеніемъ, но и примѣромъ старыхъ людей. Такимъ образомъ, извѣстныя дѣйствія при судѣ и расправѣ входятъ въ привычку цѣлаго племени, становятся обычаемъ. Въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ родовые старшины хранятъ старые обычаи, и многія поколѣнія довольствуются судебными обычаями. Но со временемъ ихъ накопляется слишкомъ много, а если племя сталкивается съ другими народами, то отъ нихъ заходятъ и новые обычаи, иной разъ непохожіе на прежніе, происходитъ путаница; тогда необходимо привести ихъ въ порядокъ, записать точно и ясно, чтобы можно было судьямъ руководиться ими. Записанные обычаи, которые дѣлаются правилами для всѣхъ и которые поддерживаетъ правительство, становятся законами.

„Русская Правда“ представляетъ у насъ первое собраніе обычаевъ. Здѣсь говорится о мести за убійство, о наказаніи за побои и оскорбленія, за кражу. 1) За смерть мужа мстить братъ или сынъ, или отецъ, или двоюродные братья, или племянники. Если не будетъ мстителя, убійца долженъ уплатить 40 гривенъ. 2) за ударъ палкою, жердью, мечемъ, виновный платитъ 12 гривенъ; за отсѣченіе руки 40 гривенъ; за вырваніе уса или бороды 12 гривенъ; за обнаженіе меча 1 гривну. 3) за уводъ челядница и коня 3 гривны и проч.

За убійство дружинника, или княжаго тіуна (княжій слуга) положена пеня, или „вира“, двойная, т. е. 80 гривенъ. Вира шла князю. Если же виновный не могъ уплатить, то онъ лишался всего имущества, и домъ его предавался разграбленію. Если преступникъ скрывался, то виру платила вервь (округъ), гдѣ было совершено убійство.

Воровство считалось также тяжкимъ преступленіемъ. Хозяинъ имѣлъ право даже убить „какъ пса“ пойманнаго вора въ томъ случаѣ, если онъ сопротивлялся и не позволялъ себя связать.

И такъ, мы видимъ, что родственникамъ убитаго предоставлялось самимъ отыскивать убійцу и чинить надъ нимъ судъ и расправу, а хозяинъ могъ распорядиться, какъ хотѣлъ, съ воромъ.

Понятно, что при такомъ самоуправствѣ творилось не мало неправды и насилій; но слѣдуетъ помнить, что это было слишкомъ за восемь столѣтій до нашего времени, когда государственная жизнь только еще начиналась. Незадолго до Ярослава русскіе жили родами, которые вели между собою борьбу. Случится обида или убійство, у кого было искать управы? Родичи убитаго считали своимъ священнымъ долгомъ отомстить убійцѣ. Позоръ ожидалъ того, кто не выполнялъ этой обязанности. Привыкли предки наши такъ поступать, и родовая месть вошла въ обычай, а обычай этотъ попалъ и въ „Русскую Правду“.

Сверхъ наказаній за преступленія, въ „Русск. Правдѣ“ находимъ постановленія о наслѣдствѣ. Всѣ сыновья, по закону, получали поровну; сестра при братьяхъ не получала ничего, но они обязаны были выдать ее замужъ; жена умершаго, если оставалась жить съ дѣтьми, имѣла право на часть наслѣдства. Такъ поступали, если не было завѣщанія, но умирающій могъ иначе распредѣлить свое достояніе наслѣдникамъ.

Любопытно постановленіе о холопахъ (челядинцахъ, рабахъ). Не только плѣнные обращались въ рабовъ или „обѣльныхъ“ (полныхъ) холоповъ, но становились ими также и свободные люди, если женились на рабыняхъ, не заключивъ предварительнаго условія съ ихъ господиномъ, если поступали въ слуги, или тіуны, къ другому лицу безъ всякаго договора; обращались въ холоповъ также и несостоятельные должники. Господинъ имѣлъ полную власть не только продать своего раба, но даже и убить его

Судъ творилъ самъ князь, а гдѣ его не было,—намѣстникъ. Мѣстомъ разбирательства былъ княжій дворъ. Обиженный долженъ былъ представить свидѣтелей (видоковъ и послуховъ); но можно было обойтись и безъ нихъ, если были ясныя доказательства обиды, напр., знаки побоевъ, увѣчья.

Изслѣдовать и разбирать преступленія въ XI вѣкѣ предки наши не умѣли: если трудно было рѣшить, виноватъ, или нѣтъ, обвиняемый, онъ же самъ не сознавался, а дѣло было важное,—тогда прибѣгали къ „испытанію водой и желѣзомъ“. Вѣрили, что самъ Богъ покажетъ, правъ или виновенъ подсудимый. Заставляли его опускать руку въ кипятокъ или подержать нѣсколько времени раскаленное желѣзо въ рукѣ Если оказывались послѣ этого на рукѣ сильные ожоги и язвы, то обвиняемаго считали виновнымъ. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло подробныхъ извѣстій, какъ совершалось испытаніе водой и желѣзомъ у нашихъ предковъ; вѣроятно, подобнымъ же образомъ, какъ у родственныхъ племенъ. Въ Чехіи, напр., подсудимый долженъ былъ, пока произносилъ слова присяги, продержать два пальца на раскаленномъ желѣзѣ, или простоять на немъ. У сербовъ обвиненный долженъ былъ опускать руку въ раскаленный котелъ или брать изъ огня раскаленное желѣзо. Испытуемый водою долженъ былъ идти въ глубину рѣки; если онъ при этомъ робѣлъ, то проигрывалъ дѣло.

Прибѣгали къ подобнымъ испытаніямъ, конечно, только въ тѣхъ случаяхъ, когда увѣренность въ преступности подсудимаго была очень ужъ сильна, но онъ не сознавался, а ясныхъ уликъ не было. Притомъ, конечно, немногіе изъ подсудимыхъ отваживались на испытаніе, если сознавали за собой вину, и потому, надо думать, что дикій обычай „испытанія водой и желѣзомъ“ примѣнялся очень рѣдко.

Когда происходила тяжба между двумя сторонами и никакъ не могли разсудить тяжущихся, то предоставлялось имъ судиться судомъ Божіимъ, т. е. выйти на поединокъ. Кто побѣждалъ, тотъ и считался правымъ.

Въ XI столѣтіи и у другихъ западныхъ народовъ судопроизводство было не лучше; только въ Италіи и Византіи, гдѣ образованность стояла выше, оно велось правильнѣе.

Изданіе „Русской Правды“ было великимъ дѣломъ. Настоящее право-

судіе только тогда и можетъ быть, когда есть твердые и опредѣленные законы, которые высшая власть беретъ подъ свою охрану. Современники Ярослава понимали, какую услугу народу онъ оказалъ своимъ законодательствомъ и называли его „Правосудомъ“ и „Мудрымъ“.

Сношенія съ иноземцами.

Съ принятіемъ христіанства сношенія русскихъ съ греками, а затѣмъ и съ другими европейскими народами усилились.

Изъ Византіи шли въ Русскую землю церковные порядки, разныя искусства, образованіе; отсюда же потомъ стали проникать къ намъ и новые порядки

Князь.

Княжна.

государственные. Когда грубый, первобытный народъ входитъ въ сношенія съ народомъ образованнымъ, онъ прежде всего заимствуетъ то, что больше бросается въ глаза,—внѣшнюю обстановку. Строились у русскихъ, какъ сказано уже великолѣпные храмы на подобіе византійскихъ, украшались иконами, живописью, золотомъ. Князь сталъ жить роскошнѣе, чѣмъ прежде: жилище его стало отличаться большимъ великолѣпіемъ, чѣмъ раньше; одежду князья въ торжественныхъ случаяхъ стали носить богатую, златотканную подобно византійскимъ царямъ, на голову надѣвали золотые вѣнцы, или короны.

Русскіе въ это время были въ постоянныхъ сношеніяхъ не только съ Византіей, но и съ Западной Европой. Ярославъ даже породнился съ нѣсколь-

кими иноземными государями: одну дочь свою выдалъ онъ за принца норвежскаго, другую за французскаго короля (Генриха I), третью за венгерскаго короля; сыновей своихъ тоже поженилъ на иностранныхъ принцессахъ.

Ярославъ не жалѣлъ издержекъ на постройку церквей и украшеніе ихъ, и потому не мало было работы на Руси заѣзжимъ зодчимъ, иконописцамъ (преимущественно грекамъ). Кіевъ, благодаря постройкѣ новыхъ храмовъ, городскихъ стѣнъ и каменныхъ домовъ, сильно измѣнился къ лучшему. Иноземцы, видѣвшіе его въ это время, очень хвалятъ его красоту и мѣстоположеніе. Видно, въ это время русская столица не уступала по своему устройству западно-европейскимъ городамъ, да и русскій народъ по нравамъ и понятіямъ не стоялъ тогда ниже своихъ западныхъ сосѣдей.

Золотыя и серебряныя монеты Св. Владиміра.

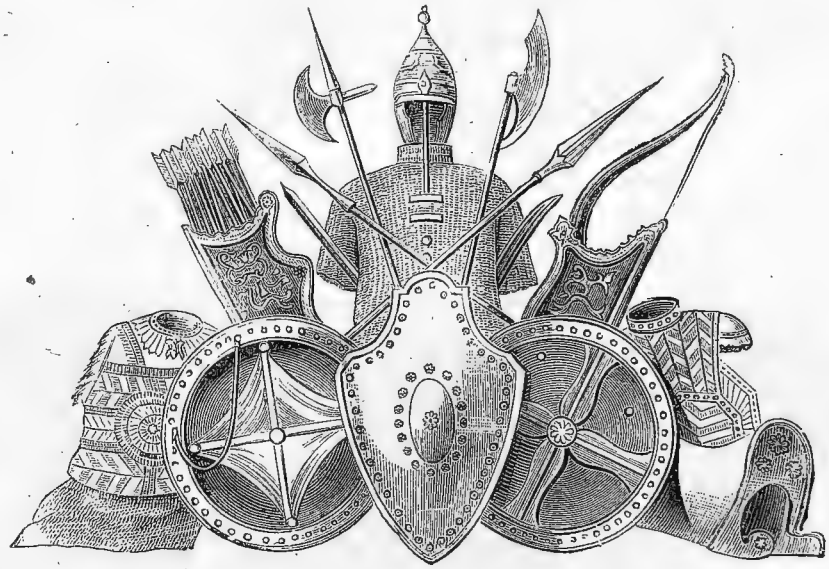
Въ Кіевъ съѣзжалось много торговцевъ со всѣхъ сторонъ: тутъ встрѣчались венгры, нѣмцы, скандинавы, восточные купцы; не мало было и евреевъ. Цѣлыя части города заселялись иноземными купцами. На Днѣпрѣ у Кіева стояло множество купеческихъ судовъ. Въ городѣ было восемь рынковъ: торговля, видно, шла бойко.

Хотя еще держалась мѣновая торговля, и русскіе мѣнялись на мѣха куньи, лисьи, бѣличьи (слово „куны“ означало вообще деньги); но были уже и металлическія деньги.

Въ это время встрѣчаются „гривны“. Такъ назывались сначала ожерелья; а потомъ они стали употребляться, какъ деньги. Серебряная гривна

вѣсила около фунта. При Ярославѣ и даже при Владимірѣ явились на Руси свои серебряныя и золотыя монеты. Греческихъ мастеровъ въ Кіевѣ было довольно,— они могли чеканить монету для русскихъ по образцу греческой. При раскопкѣ древнихъ могилъ найдены серебряныя и золотыя монеты съ именемъ Ярослава и Владиміра.

Серебряныя монеты Ярослава.



IV.

Время удѣльныхъ смутъ и усобицъ.

Усобица при сыновьяхъ Ярослава.

Передъ смертью Ярославъ призвалъ своихъ сыновей и, по словамъ лѣтописи, сказалъ имъ:

— „Отхожу я уже изъ этого свѣта, дѣти мои! Да будетъ между вами любовь: вы—родные братья, дѣти одного отца и одной матери. Если будете жить въ любви и согласіи между собою, то Богъ будетъ съ вами и покоритъ вамъ враговъ вашихъ; если же будете жить въ ненависти и распряхъ, то и сами погибнете, и погубите землю отцовъ вашихъ и дѣдовъ, которую пріобрѣли они съ большимъ трудомъ. Живите мирно, слушайте братъ брата. Назначаю Кіевъ старшему сыну моему и брату вашему Изяславу. Слушайте его, какъ слушали меня; пусть онъ будетъ вамъ вмѣсто отца. Святославу даю Черниговъ, Всеволоду—Переяславль, Игорю—Владиміръ (Волынскій), Вячеславу—Смоленскъ“.

Раздѣливъ такъ землю Русскую между своими сыновьями, Ярославъ заповѣдалъ имъ не трогать чужихъ областей, и затѣмъ сказалъ Изяславу:

— „Если кто захочетъ обидѣть брата своего, то ты помогай правому“.

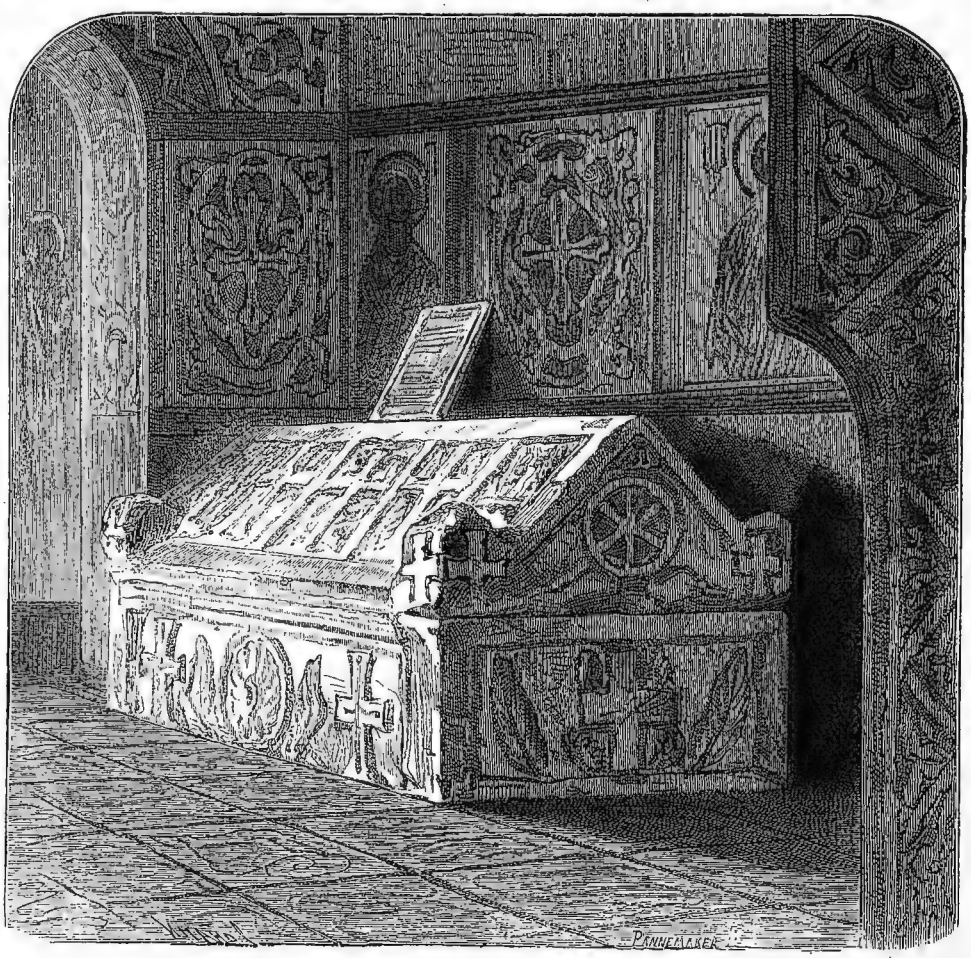
Умеръ Ярославъ въ 1054 году 76-ти лѣтъ отъ роду. Тѣло его положили въ мраморную гробницу въ Софійскомъ Соборѣ.

Ярославъ слѣдовалъ примѣру отца и дѣда, и подѣлилъ Русскую землю на удѣлы, да, пожалуй, и не могъ иначе поступить. Раздѣла земли требовалъ обы-

чай: по понятіямъ того времени, вся земля была достояніемъ цѣлаго княжескаго рода, и каждый родичъ долженъ былъ владѣть какой нибудь областью.

Понятія о необходимости для государства одной сильной власти еще не было. Вотъ почему удѣльный порядокъ долго держался на Руси. Много бѣдъ и горя принесъ онъ русскому народу!

Лѣтъ десять сыновья Ярослава княжили мирно въ своихъ удѣлахъ, не ссорились между собою; съ общаго согласія они дополнили Русскую Правду и отмѣнили родовую месть.



Гробница Ярослава (въ Софійскомъ соборѣ).

Въ 1061 году нападаютъ на русскія области половцы, смѣнившіе печенѣговъ въ степяхъ на южныхъ и восточныхъ окраинахъ Русской земли. Это были такіе же хищники, какъ и печенѣги: грабежъ и убійство служили для нихъ, по словамъ лѣтописца, воинской потѣхой, шатры — жилищемъ, а лошадиное молоко, сырое мясо, кровь животныхъ, а иногда и падаль,—пищею. Половцы съ того времени, какъ стали кочевать въ степяхъ у рѣки Дона, не давали покою русскимъ: весною или раннимъ лѣтомъ, когда былъ для лошадей

подножный кормъ, эти хищники на своихъ степныхъ коняхъ ордами врывались въ русскіе предѣлы, безпощадно пустошили землю и цѣлыми тысячами угоняли къ себѣ въ рабство захваченныхъ плѣнныхъ...

Черезъ три года послѣ перваго набѣга половцевъ начинаются усобицы и между русскими князьями.

Ярославъ надѣлилъ своихъ сыновей областями, но ничего не далъ внуку своему Ростиславу Владиміровичу. Недовольный этимъ князь съ отрядомъ удальцовъ, набранныхъ въ Новгородѣ, напалъ внезапно на Тмутраканскую область (у Азовскаго моря) и выгналъ отсюда своего двоюроднаго брата. Черезъ два года Ростислава не стало. Тогда начинаются усобицы на сѣверѣ. Всеславъ, князь Полоцкій, хотѣлъ увеличить свой удѣлъ, напалъ на Новгородъ, захватилъ въ плѣнъ многихъ жителей, ограбилъ Софійскій соборъ. Изяславъ съ братьями пошелъ противъ Всеслава, разбилъ его, зазвалъ его къ себѣ въ шатеръ будто для переговоровъ. Онъ повѣрилъ клятвѣ Ярославичей, что ему ничего худаго не сдѣлаютъ, явился къ великому князю, а тотъ велѣлъ своимъ воинамъ схватить его. Обманутаго Всеслава вмѣстѣ съ двумя его сыновьями отвезли въ Кіевъ и посадили въ темницу.

Но вѣроломство это не помогло,—миръ не водворился на Руси. И году не прошло, какъ снова нахлынули половцы. Вышли Ярославичи противъ нихъ съ небольшими силами, но такъ были разбиты, что пришлось имъ спасаться бѣгствомъ. Хищные половцы разсѣялись по южнымъ русскимъ областямъ, страшно опустошили ихъ и творили всякія насилія. Собрались кіевляне на вѣче и потребовали у Изяслава, чтобы онъ велъ ихъ въ поле сражаться съ половцами; князь колебался и не зналъ, что дѣлать. Тогда народъ въ Кіевѣ возсталъ, выпустилъ изъ темницы Всеслава, призналъ его своимъ княземъ, разграбилъ княжій дворъ, расхитилъ множество золота, серебра, куньихъ и бѣличьихъ мѣховъ. Изяславъ бѣжалъ въ Польшу. Съ помощью поляковъ онъ снова водворился въ Кіевѣ, но не надолго. Братья его Святославъ и Всеволодъ выгнали его изъ Кіева,—великимъ княземъ сдѣлался Святославъ.

Напрасно искалъ Изяславъ помощи у иноземныхъ государей: у императора германскаго (Генриха IV), у папы. Императоръ прислалъ даже пословъ къ Святославу, чтобы убѣдить его возвратить брату захваченный кіевскій престолъ. Великій князь принялъ пословъ очень вѣжливо, показывалъ имъ свои богатства, щедро одарилъ ихъ, такъ что они уѣхали отъ него очень довольные, но и не добились того, зачѣмъ пріѣзжали.

Не помогли и увѣщанія духовенства,—Святославъ не мирился со старшимъ братомъ и продолжалъ княжить въ Кіевѣ. Только послѣ смерти его (1076 г.) Изяславъ, примирившись съ Всеволодомъ, вернулся въ Кіевъ, но и тогда усобица не стихла: пришлось имъ обоимъ вмѣстѣ вести упорную борьбу съ племянникомъ Олегомъ Святославичемъ. Это былъ князь очень воинственный; онъ хотѣлъ, во что бы ни стало, завладѣть Черниговскою областью, гдѣ княжилъ раньше его отецъ, и которую занялъ по смерти Святослава Всеволодъ. Олегъ призвалъ на помощь половцевъ; они рады были случаю пограбить и сильно опустошили Черниговскую область. Изяславъ и Всеволодъ выступили противъ нихъ. Произошла кровопролитная битва близъ Чернигова (при селѣ «Не-

жатина Нива»). Олегъ былъ разбитъ и едва успѣлъ спастись съ небольшою дружиною въ Тмутракань. Въ этой битвѣ былъ убитъ великій князь Изяславъ (1078 г.).

Послѣ смерти Изяслава сталъ княжить въ Кіевской области братъ его Всеволодъ. Это былъ князь набожный, добродушный и большой „книголюбецъ“; трудно было ему въ то тревожное время: племянники его добивались областей, то и дѣло спорили между собой; приходилось ихъ мирить, разбирать да унимать; а тутъ еще кочевники (торки и половцы) постоянно безпокоили съ юга Русскую землю. Не справился бы со всѣми дѣлами Всеволодъ, да былъ

Одежда князей.
(по рисунку въ Изборникѣ 1073 г., представляющему семью вел. кн. Святослава).

у него хорошій помощникъ, сынъ его Владиміръ. Это былъ князь очень дѣятельный; много ему пришлось потрудиться при отцѣ: то онъ усмирялъ непокорныхъ князей, то поражалъ хищныхъ половцевъ. Подъ старость немощный Всеволодъ слишкомъ ужъ довѣрялся своимъ намѣстникамъ и тіунамъ (должностные люди при князѣ). Много зла творили они: стали на судѣ мирволить богатымъ, брать взятки и творить всякія насилія бѣднымъ... Кіевляне все это сносили,—надѣялись, что послѣ Всеволода станетъ княжить въ Кіевѣ сынъ его Владиміръ Мономахъ, названный такъ потому, что его мать была дочь византійскаго императора Константина Мономаха.

Усобицы при внукахъ Ярослава.

Когда умеръ Всеволодъ (1093 г.), то Владиміръ разсудилъ, что было бы несправедливо ему утвердиться въ Кіевѣ помимо Святополка Изяславича, старшаго двоюроднаго брата: заботился Владиміръ больше всего о томъ, чтобы миръ былъ на Руси. Послалъ онъ звать Святополка, а самъ вернулся въ Черниговъ.

Владиміръ, какъ видно, хотѣлъ соблюдать порядокъ старшинства. Русская земля, по понятіямъ того времени, принадлежала всему княжескому роду. Дѣлилась она на удѣлы по числу членовъ княжескаго рода. Старшій братъ, великій князь, занималъ главный городъ — Кіевъ съ его областью, а младшіе братья размѣщались въ другихъ удѣлахъ по старшинству. Когда умиралъ великій князь, то не сынъ, а старшій за нимъ братъ занималъ Кіевъ и становился великимъ княземъ, а оставленный имъ удѣлъ переходилъ въ руки слѣдующаго за нимъ по старшинству брата и т. д. По смерти великаго князя должно было совершаться перемѣщеніе всѣхъ удѣльныхъ князей. При этомъ надо замѣтить, что сыновья тѣхъ князей, которые умирали, не достигнувъ великокняжескаго престола, навсегда лишались права на него. Такіе князья назывались „изгоями“. Если и получали они небольшіе удѣлы, то какъ бы изъ милости старшихъ князей. Великіе князья иной разъ сильно хлопотали о томъ, чтобы своихъ сыновей пристроить на хорошіе удѣлы и при дѣлежѣ земли поступали не всегда справедливо. Распоряженіямъ старшихъ князей иногда не повиновались младшіе. — Если и родные братья Ярославичи ссорились между собою, то еще труднѣе было ужиться въ мирѣ двоюроднымъ и троюроднымъ братьямъ. Могли ли удѣльные князья чтить великаго князя „какъ отца“, когда князь этотъ, хотя и старшій по происхожденію, могъ быть и несправедливъ, и менѣе другихъ князей опытенъ, и менѣе способенъ? Кромѣ того, при общемъ передвиженіи, не всѣ князья охотно оставляли прежнія свои области; въ иныхъ городахъ и народъ не хотѣлъ тѣхъ князей, какимъ приходилось по очереди занимать эти города, возставалъ противъ нихъ и призывалъ другихъ. Понятно, сколько смуты и неурядицы поднималось на Руси въ удѣльное время: споры, раздоры, усобицы шли безъ конца... Чуть не каждый годъ вторгались въ Русскую землю орды половцевъ и другихъ враговъ, которымъ иной разъ сами же русскіе князья показывали путь въ свою землю. Тяжело жилось въ это время русскому люду!

Только что Святополкъ занялъ великокняжескій столъ, какъ началась война съ половцами. Онъ не послушался опытныхъ своихъ воеводъ и Владиміра, которые совѣтовали ему снарядить побольше войска, выступилъ въ походъ съ небольшими силами и былъ разбитъ. Русскимъ пришлось спасаться бѣгствомъ. Разсѣялись шайки хищниковъ по Русской землѣ и начался грабежъ.

Запустѣли города и села. Цѣлыми толпами уводили половцы плѣнныхъ къ себѣ въ степи. Шли несчастные въ плѣнъ, по словамъ лѣтописца, скорбные, дрожащіе отъ холода, голодные, томимые жаждою, исхудалые, нагіе и босые;

ноги ихъ были истерзаны терніемъ. Со слезами они разсказывали другъ другу, откуда кто изъ нихъ, изъ какого города, изъ какой деревни...

Попытался опять Святополкъ сразиться съ хищниками, но снова былъ разбитъ и принужденъ былъ заключить въ 1094 году миръ съ ними, даже женился на дочери Тугоръ-хана, одного изъ сильнѣйшихъ половецкихъ хановъ, думая хоть этимъ оградить свою землю отъ безкопечныхъ хищническихъ вторженій и грабежей. Напрасныя надежды! Несчастная война съ половцами была только началомъ бѣдствій и горя, обрушившихся на Русскую землю въ злополучное княженіе Святополка II.

Поднялись усобицы. Причиной ихъ были старые счеты за Черниговъ, а потомъ споры за Волынь. Олегъ Святославичъ, княжившій въ Тмутракани, послѣ смерти Всеволода задумалъ во что бы ни стало добиться Чернигова, отцовской области. Въ 1094 году, онъ внезапно явился съ большими ордами половцевъ подъ Черниговъ. Здѣсь былъ въ это время Владиміръ Мономахъ. Силъ у него послѣ злосчастной борьбы съ половцами было мало, не могъ онъ встрѣтить врага въ открытомъ полѣ и заперся въ городѣ. Восемь дней Владиміръ отбивался. Но когда Олегъ далъ волю половцамъ безпощадно разорять и грабить села и деревни, расхищать и жечь монастыри, Владиміръ сдалъ Черниговъ, а самъ ушелъ въ отцовскій удѣлъ — Переяславль: тяжело ему было видѣть разореніе Русской земли и не хотѣлъ онъ цѣною ея бѣдствій покупать свои выгоды... Вошелъ Олегъ въ отцовскій городъ; но грабежи половцевъ продолжались. Князь не только не запрещалъ имъ, но, по словамъ лѣтописи, даже самъ побуждалъ ихъ грабить. Да и какъ было ему иначе отблагодарить своихъ хищныхъ пособниковъ?!

„Это уже въ третій разъ,—скорбно замѣчаетъ лѣтописецъ,—онъ наводилъ нечестивыхъ на Русскую землю!“...

Ему волею или неволей приходилось дружить съ половцами,—въ нихъ только онъ и находилъ себѣ опору. Но за то трудно ему было ужиться съ другими князьями: когда они стали звать его на половцевъ, то онъ, конечно, уклонился... Въ 1096 г. Святополкъ и Владиміръ послали сказать ему:

— „Пріѣзжай въ Кіевъ, урядимся о Русской землѣ предъ епископами, игуменами, предъ мужами отцовъ нашихъ и предъ горожанами, какъ бы оборонить Русскую землю отъ поганыхъ“.

На это приглашеніе Олегъ гордо отвѣтилъ:

— „Не подобаетъ меня судить ни епископу, ни игуменамъ, ни смердамъ!“

Тогда князья велѣли сказать ему:

— „Вотъ ты ни на поганыхъ не идешь, ни къ намъ на совѣтъ, стало быть, ты мыслишь противъ насъ и хочешь поганымъ помогать. Пусть же Богъ насъ разсудитъ!“

Святополкъ и Владиміръ пошли на Олега. Онъ бѣжалъ изъ Чернигова, заперся въ Стародубѣ и болѣе мѣсяца отбивался здѣсь; а въ это время орды половцевъ снова нахлынули на Русскую землю и стали грабить ее. Наконецъ, онъ запросилъ мира у князей; они согласились. Но не о мирѣ думалъ Олегъ: кинулся онъ на сѣверъ въ отцовскія Муромо-Рязанскія земли, напалъ здѣсь на сына Мономахова Изяслава, который завладѣлъ было Муромскимъ удѣломъ.

Въ битвѣ подъ стѣнами Мурома палъ Изяславъ Владиміровичъ. Неугомонный Олегъ не довольствовался отцовскими землями, а занялъ Ростовъ и Суздаль, наслѣдственныя волости Мономаха, посадилъ тамъ своихъ намѣстниковъ и сталъ собирать дань. Тогда старшій сынъ Мономаха Мстиславъ, крестникъ Олега, княжившій въ Новгородѣ, пришелъ въ Суздальскую область, прогналъ олеговыхъ сборщиковъ дани и намѣстниковъ, затѣмъ предложилъ крестному отцу миръ:

— „Я моложе тебя, говорилъ онъ,—договаривайся съ моимъ отцомъ, а я во всемъ тебя послушаю".

Не изъ такихъ былъ Олегъ, чтобы уступить въ чемъ либо... Онъ выказалъ готовность помириться, но затѣмъ быстро двинулся на Мстислава, когда тотъ распустилъ дружину свою по деревнямъ. Не даромъ современники называли его „Гореславичемъ"—много горя надѣлалъ онъ Русской землѣ! Мстиславъ однако успѣлъ собраться съ силами, встрѣтилъ Олега на берегахъ рѣчки Колокши, впадающей въ Клязьму, и разбилъ его. Преслѣдуя бѣгущаго дядю своего и крестнаго отца, Мстиславъ послалъ сказать ему:

— „Не бѣгай никуда, но пошли къ братьямъ своимъ съ мольбой не лишать тебя Русской земли, и я буду просить за тебя у отца моего!"

На этотъ разъ Олегъ послѣдовалъ совѣту. Какъ ни горевалъ Владиміръ по своемъ убитомъ сынѣ, но все же для блага Русской земли готовъ былъ помириться съ Олегомъ.

Въ 1097 г. князья, по мысли Владиміра, съѣхались въ Любечѣ, чтобы уладить спорныя дѣла.

— „Зачѣмъ губимъ мы землю Русскую, ссорясь между собою!? говорили нѣкоторые изъ князей,—а половцы раззоряютъ нашу землю и радуются, что у насъ усобицы. Станемъ отнынѣ жить согласно, станемъ общими силами блюсти Русскую землю; пусть каждый изъ насъ владѣетъ отцовской волостью—(отчиною)".

Владиміръ уступилъ Черниговскую область сыновьямъ Святослава (Олегу, Давиду и Ярославу). Давиду Игоревичу достался Владиміръ Волынскій, а Володарю и Василько Ростиславичамъ, князьямъ-изгоямъ (внукамъ Владиміра Ярославовича), города Перемышль и Теребовль. Такъ порѣшили князья и цѣловали крестъ.

— „Если кто изъ князей, клялись они, возстанетъ на другаго, то противъ него будемъ всѣ мы и честной крестъ".

Благое было намѣреніе у князей, собравшихся на съѣздъ, но мало вышло пользы отъ этого. Не успѣли еще всѣ они разъѣхаться по своимъ областямъ, какъ клятва ихъ жить мирно между собою была нарушена. Совершилось злодѣйство, неслыханное до тѣхъ поръ на Руси!..

Ослѣпленіе Василька.

Давидъ Игоревичъ, который и раньше злобился на Василька за то, что тому досталась лучшая часть Волынской области, сталъ наговаривать Святополку на Василька, будто онъ съ Владиміромъ тайно согласился захватить волости Кіевскую и Волынскую и подѣлить ихъ между собою.

—„Если не схватимъ Василька, говорилъ Давидъ великому князю, то не княжить ни тебѣ въ Кіевѣ, ни мнѣ во Владимірѣ“.

Подозрительный Святополкъ повѣрилъ Давиду. Въ это время Василько возвращался изъ Любеча и остановился на ночлегъ съ людьми своими неподалеку отъ Кіева. На другой день утромъ прислалъ Святополкъ звать его къ себѣ на именины. Василько отговаривался тѣмъ, что ему необходимо спѣшить домой. Святополкъ посылаетъ снова сказать ему:

— „Если не хочешь оставаться здѣсь до моихъ именинъ, то хоть зайди ко мнѣ повидаться, побесѣдуемъ съ тобою и Давидомъ“.

Предостерегалъ Василька одинъ изъ отроковъ его, чтобъ онъ не довѣрялся великому князю, но Василько, не обратилъ на это вниманія: вѣдь такъ еще недавно всѣ князья клялись жить между собою мирно,—и поѣхалъ въ Кіевъ съ нѣсколькими дружинниками. На княжемъ дворѣ вышелъ на встрѣчу ему Святополкъ, ввелъ его въ комнату; пришелъ сюда и Давидъ. Сталъ снова великій князь уговаривать гостя остаться на именины, но тотъ отказался, говоря, что онъ уже отправилъ своихъ людей впередъ.

— „Хоть позавтракай у меня, братъ“, просилъ великій князь.

На это Василько согласился.

— „Посидите здѣсь, сказалъ Святополкъ ему и Давиду, а я пойду, распоряжусь!“

Началъ Василько разговаривать съ Давидомъ, но тотъ былъ въ такомъ смущеніи, что ни говорить, ни слушать не могъ; немного спустя и онъ вышелъ изъ комнаты. Тогда пришли воины, заковали Василька въ двойныя оковы и стали стеречь его. Утромъ на другой день великій князь созвалъ бояръ и кіевлянъ и передалъ имъ слова Давида, будто-бы Василько съ Владиміромъ условились напасть на него, великаго князя, и погубить его и города его захватить. Бояре и кіевляне уклончиво отвѣтили:

— „Тебѣ, князь, слѣдуетъ беречь себя: пусть Василько приметъ казнь, если Давидъ сказалъ правду; если-же неправду, то его Богъ накажетъ, пусть онъ отвѣчаетъ предъ Богомъ“.

Святополкъ колебался и не зналъ, какъ поступить.

— „Если отпустить, твердилъ Давидъ ему, то ни тебѣ не княжить, ни мнѣ“.

Малодушный Святополкъ уступилъ Давиду и позволилъ ему дѣлать, что онъ хочетъ. Въ ту-же ночь привезли Василька скованнаго на телѣгѣ въ Бѣлгородъ, въ 10 верстахъ отъ Кіева, ввели его въ избу. Сидя тутъ, онъ увидѣлъ торчина, который точилъ ножъ. Догадался Василько, что грозитъ ему большая бѣда, и сталъ съ плачемъ и стономъ призывать Бога. Вошли конюхи Святополка и Давида, разостлали на полу коверъ, схватили Василька и хотѣли его повалить на коверъ; но онъ сильно боролся, и они не могли справиться съ нимъ. Тогда пришли имъ на помощь другіе слуги, повалили князя, связали его, сняли съ палатей доску, положили ему на грудь и сѣли на концы доски; но все-таки не могли его сдержать; взяли другую доску и еще двое человѣкъ сѣли на нее; такъ сдавили несчастнаго, что въ груди его затрещали кости. Тогда торчинъ, пастухъ Святополковъ, подошелъ съ ножемъ и хотѣлъ

ударить въ глазъ, но не попалъ и порѣзалъ Василько лицо; затѣмъ ударилъ ножемъ въ глазъ и выхватилъ его, потомъ другой. Василько лежалъ, какъ мертвый. Его положили на повозку и повезли во Владиміръ. Въ городкѣ Вздвиженьѣ сняли съ него окровавленную рубашку и дали вымыть попадьѣ. Она вымыла, надѣла на него и стала плакать по немъ, какъ по мертвомъ.

Онъ очнулся, услышавъ плачъ, и спросилъ: — „Гдѣ я?“

— „Въ городѣ Вздвиженьѣ“; отвѣчали ему.

Попросилъ онъ воды испить, пришелъ въ себя, ощупалъ свою рубаху и сказалъ:

— „Зачѣмъ это вы надѣли на меня другую? Пусть бы я умеръ въ той окровавленной сорочкѣ и предсталъ въ ней предъ Богомъ“.

На шестой день пріѣхали во Владиміръ. Прибылъ сюда и Давидъ; приставилъ онъ тридцать человѣкъ стеречь Василька,—радовался, словно звѣря затравилъ.

Въ ужасъ пришли русскіе князья, когда узнали о злодѣйствѣ. Владиміръ заплакалъ...

— „Не бывало еще такого зла въ Русской землѣ ни при отцахъ нашихъ, ни при дѣдахъ“! воскликнулъ онъ.

Возмущены были и Святославичи (Давидъ и Олегъ) этимъ звѣрствомъ и вѣроломствомъ. Всѣ эти князья послали къ Святополку потребовать отвѣта отъ него.

— „Чего ради ты совершилъ это зло Русской землѣ?—спрашивали они у него,—зачѣмъ ты бросилъ среди насъ ножъ (т. е. завелъ новую распрю)? Зачѣмъ ослѣпилъ своего брата? Если на немъ была какая вина, то почему ты не обличилъ его предъ нами? Объясни теперь намъ, какая его вина?“

Святополкъ отвѣчалъ:

— „Давидъ сказалъ мнѣ, что Василько хочетъ и меня погубить и землями моими завладѣть; что онъ и Владиміръ порѣшили овладѣть Кіевскою областью и Волынскою; а свою жизнь я воленъ защищать, и не я ослѣпилъ Василька, а Давидъ, онъ и увелъ его къ себѣ“.

На это сказали Святополку послы:

— „Не ссылайся на Давида, что онъ ослѣпилъ; не въ Давидовомъ городѣ Василько взятъ и ослѣпленъ, но въ твоемъ“.

Князья хотѣли переправиться чрезъ Днѣпръ и напасть на Святополка, а онъ собирался уже бѣжать изъ Кіева; но кіевляне не допустили этого. Они послали вдову Всеволода, мачиху Владиміра, жившую въ Кіевѣ, и митрополита Николая, къ Владиміру.

— „Умоляемъ, князь, тебя и братьевъ твоихъ,—сказали они, не губите Русской земли. Когда начнется война между вами, порадуются поганые враги наши (половцы и др.) и захватятъ землю русскую, которую пріобрѣли съ великимъ трудомъ отцы наши и дѣды, а вы хотите погубить ее!“

Когда эти слова услышалъ Владиміръ, то прослезился и сказалъ:

— „По истинѣ, отцы наши и дѣды берегли землю русскую, а мы хотимъ погубить ее“!

Послушалъ Владиміръ митрополита и княгиню, которую чтилъ, какъ мать.

Начались переговоры. Порѣшили на томъ, что идти на Давида Игоревича, захватить его въ плѣнъ или выгнать изъ его области долженъ самъ Святополкъ. Онъ клялся, цѣловалъ крестъ, что исполнитъ это. Провѣдалъ Давидъ о бѣдѣ, какая грозитъ ему, не зналъ, какъ ему быть, попробовалъ даже помириться съ Василькомъ и послалъ къ нему просить, чтобы онъ не допустилъ новой усобицы, при чемъ складывалъ всю вину на Святополка. Василько выслушалъ предложеніе и сказалъ посланцу:

— „Слышалъ я, что Давидъ намѣренъ отдать меня въ руки ляхамъ; видно, онъ еще не насытился моею кровью. Я мстилъ ляхамъ за отечество и сдѣлалъ имъ много зла. Не боюсь я смерти. Открою тебѣ всю мою душу. Богъ наказалъ меня за мою гордость. Надѣялся я на помощь торковъ, берендѣевъ и половцевъ, и думалъ въ гордости своей: теперь скажу брату Володарю и Давиду: дайте мнѣ только свою младшую дружину; а сами пейте и веселитесь. Зимою выступлю въ походъ, лѣтомъ завоюю Польшу. Земля у насъ скудна жителями; пойду на дунайскихъ болгаровъ и плѣнниками заселю пустыни. А тамъ буду проситься у Святополка и Владиміра на общихъ враговъ земли русской, на половцевъ: добуду славы или сложу голову за родную землю. Въ душѣ моей не было иной мысли. Клянусь Богомъ, не хотѣлъ сдѣлать я ни малѣйшаго зла ни Святополку, ни Давиду, ни другимъ братьямъ“.

Новыя усобицы.

Давидъ, не смотря на опасность, которая грозила ему, все еще думалъ овладѣть удѣломъ Василька, и началъ усобицу съ его братомъ Володаремъ. Не посмѣлъ Давидъ сразиться въ полѣ съ нимъ, заперся въ городѣ Бужскѣ; осадилъ его тутъ Володарь и послалъ ему сказать:

— „Совершилъ ты зло и не каешься въ этомъ. Вспомни, сколько бѣды ты сотворилъ“.

Давидъ сталъ оправдываться:

— „Развѣ я это сдѣлалъ, отвѣчалъ онъ, въ моемъ-ли городѣ я совершилъ это? Я боялся самъ, чтобы меня не взяли и не сдѣлали со мною того-же. Неволя заставила меня дѣйствовать сообща съ великимъ княземъ“.

— „Богъ вѣдаетъ, кто виноватъ, отвѣчалъ Володарь, а теперь отпусти брата моего, и я помирюсь съ тобою“.

Давидъ отпустилъ Василька. Но только что наступила весна, Володарь и Василько напали на Давида; они хотѣли жестоко отомстить ему. Сожгли они до тла городъ его Всеволожь, безчеловѣчно умертвили жителей. Осадили Владиміръ, гдѣ заперся Давидъ, и потребовали, чтобы владимірцы выдали главныхъ его совѣтниковъ, которые содѣйствовали злодѣянію. Собрались жители города на вѣче и потребовали отъ князя, чтобы онъ выдалъ виновныхъ.

— „Выдай этихъ людей, говорили они, за тебя биться можемъ, но за нихъ не хотимъ. Если не выдашь ихъ, то мы отворимъ городскія ворота, а ты самъ промышляй о себѣ, какъ хочешь!“

Давидъ принужденъ былъ выдать требуемыхъ лицъ. Ихъ повѣсили, а затѣмъ разстрѣляли стрѣлами.

Послѣ этого Ростиславичи (Володарь и Василько) удалились; но Давидъ не избѣжалъ бѣды. Великій князь шелъ на него и овладѣлъ его областью. Онъ бѣжалъ въ Польшу.

Святополкъ скоро опозорилъ себя новымъ вѣроломствомъ. Вступая въ Волынскую область, онъ торжественно клялся Ростиславичамъ, что ихъ владѣній не тронетъ, а смиритъ только ихъ общаго врага Давида; но, побѣдивъ его, вздумалъ захватить Перемышль и Теребовль, не смотря на свою клятву. Ростиславичи выступили противъ него, чтобы отстоять свои области. Слѣпой Василько явился на мѣстѣ боя. Когда сошлись оба войска, онъ взялъ въ руки крестъ, поднялъ его и громко закричалъ Святополку:

— „Вотъ крестъ, на которомъ ты клялся! Отнялъ ты у меня зрѣніе, а теперь хочешь и жизнь отъ меня отнять. Пусть этотъ крестъ разсудитъ насъ!“

Началась битва. Съ той и съ другой стороны бились отчаянно; множество людей пало. Володарь и Василько, одержавъ побѣду, остановились на границѣ своихъ владѣній и дальше не шли.

— „Довлѣетъ (довольно) намъ стать на межѣ своей“, сказали они.

Святополкъ послалъ звать на помощь венгровъ. Между тѣмъ явился снова Давидъ, помирился съ Ростиславичами, а самъ отправился въ землю половцевъ, чтобы съ ихъ помощью вернуть свое владѣніе. Венгры потерпѣли пораженіе. Междоусобія продолжались. Вѣроломство, жестокость, малодушіе и властолюбіе Святополка и Давида возмущали Владиміра Мономаха и другихъ лучшихъ князей. Рѣшили они снова съѣхаться на съѣздъ, чтобы сообща прекратить возмутительныя распри... Собрались они въ августѣ 1100 года въ городѣ Витичевѣ. Святополкъ, Мономахъ и Святославичи, заключили между собою союзъ и звали на съѣздъ Давида; онъ не посмѣлъ ослушаться и пріѣхалъ.

— „Чего отъ меня хотите? Я здѣсь. Кто недоволенъ мной?“—спросилъ онъ.

— „Ты самъ раньше говорилъ, отвѣчалъ ему Владиміръ, хочу братья, придти къ вамъ, и пожаловаться на свои обиды. Вотъ теперь сидишь ты съ нами на одномъ коврѣ. Чего-же ты не жалуешься? на кого изъ насъ есть у тебя жалоба?“

Давидъ молчалъ. Князья встали и сѣли на коней. Отъѣхавъ въ сторону, каждый совѣтовался съ дружиной своей. Давидъ сидѣлъ одинъ. Наконецъ, они согласились между собою и послали своихъ мужей объявить ему свое рѣшеніе. Посланные торжественно заявили:

— „Вотъ что говорятъ тебѣ твои братья. не хотимъ тебѣ дать Владимірской области за то, что ты между насъ бросилъ ножъ; другаго зла мы тебѣ не причинимъ. Даемъ тебѣ городъ Бужскъ и Острогъ; Святополкъ даетъ тебѣ Дубно и Черторижскъ. Сверхъ того Мономахъ даетъ тебѣ 200 гривенъ, Олегъ и Давидъ Святославичи даютъ столько же“.

Послали князья своихъ пословъ и къ Володарю Ростиславичу сказать ему:

— „Возьми къ себѣ брата своего Василька и будетъ вамъ одна область Перемышль, или пусти его къ намъ,—мы будемъ содержать его, а плѣнныхъ, захваченныхъ вами, отпустите“.

Но Ростиславичи и не думали повиноваться этому несправедливому рѣшенію; Василько остался княжить въ своемъ Теребовлѣ.

Борьба съ половцами.

Раздѣленіе земли на удѣлы ослабило Русскую землю. Власть князей не имѣла уже той силы, какъ при Ярославѣ. Народъ, видя постоянныя ссоры князей, не чтилъ ихъ, какъ слѣдуетъ. Особенно недружелюбно смотрѣлъ онъ на тѣхъ князей, которые болѣе другихъ производили смуты. Новгородцы даже не хотѣли пустить къ себѣ на княженіе Святополкова сына. Радовались этимъ смутамъ только враги Русской земли—половцы.

Весною, какъ только показывалась трава въ степяхъ, русскіе такъ ужь и ждали со страхомъ хищныхъ гостей. Невыносимо тяжело становилось жить населенію близъ степи. Оборонять безконечно-длинную, вовсе незащищенную природой границу, да еще при малочисленномъ и разбросанномъ населеніи, было невозможно. Оставалось русскимъ одно—попытаться идти въ степи, разгромить орды хищниковъ, чтобы хотя на время обезопасить свою землю отъ гибельныхъ налетовъ этой степной саранчи. Приходилось князьямъ отъ оборонительной войны съ половцами перейти къ наступательной.

На другой годъ послѣ Витичевскаго съѣзда Владиміръ задумалъ побудить Святополка къ войнѣ съ половцами общими силами. Великій князь совѣтовался объ этомъ со своею дружиною, но та отвѣчала:

— „Не годится идти въ походъ весною: только лошадей и поселянъ отъ полевыхъ работъ отнимать“!

Съѣхались Владиміръ и Святополкъ близъ Кіева, у Долобскаго озера, на лѣвомъ берегу Днѣпра, (1103 г.) и сѣли въ одномъ шатрѣ, Святополкъ со своею дружиною, а Владиміръ со своею, и долго молчали. Владиміръ, наконецъ, сказалъ Святополку:

— „Братъ, ты старшій, говори, какъ-бы намъ промыслить о Русской землѣ“.

— „Лучше ты начни говорить“ возразилъ Святополкъ.

— „Что-же мнѣ говорить? сказалъ Владиміръ, противъ меня будутъ и твоя дружина, и моя,—скажутъ, что хочу погубить поселянъ, оторвать ихъ отъ работы. Дивлюсь я только тому, что и поселянъ жалѣете, и лошадей ихъ, а того и не подумаете, что весною станетъ крестьянинъ пахать съ лошадью,—придетъ Половчинъ, застрѣлитъ мужика, а лошадь его и жену, и дѣтей возьметъ себѣ и гумно сожжетъ“.

Вся дружина согласилась съ Владиміромъ и Святополкъ заявилъ:

— „Готовъ и я идти съ тобою противъ половцевъ“.

— „Великое добро, братъ, сдѣлаешь ты Русской землѣ“! сказалъ Владиміръ.

Они послали звать въ походъ и другихъ князей. Многіе пришли съ пѣхотою и конницею. Пѣшіе плыли въ лодкахъ по Днѣпру; конница шла по берегу. Русскіе послѣ жестокаго, кроваваго боя разбили половцевъ, 20 хановъ

перебили, взяли много скота, овецъ, лошадей, верблюдовъ, кибитки со всякой рухлядью и множество рабовъ.

Еще значительнѣе была война съ половцами въ 1111 году. Владиміръ М. снова уговорилъ всѣхъ князей общими силами ударить на половцевъ, которые не давали покоя русскимъ. Былъ великій постъ. Народъ молился въ церквахъ, а воины собирались въ походъ. Выступили 26 февраля. На берегахъ рѣки Ворсклы всѣ торжественно цѣловали крестъ, готовясь умереть. Наконецъ, подошли къ Дону. Здѣсь всѣ воины надѣли на себя свои брони (оружіе обыкновенно возили за пѣшими воинами на повозкахъ) и двинулись къ югу.

Со временъ Святослава русскіе не заходили еще такъ далеко въ степи,

Русскій конный воинъ XI—XII ст.

какъ на этотъ разъ. Передъ ратниками Владиміра шли по его приказанію священники и одушевляли воиновъ церковнымъ пѣніемъ. 24 марта русскіе разбили половцевъ и праздновали вмѣстѣ съ побѣдою день Благовѣщенія. Черезъ два дня послѣ этого половцы окружили русскихъ со всѣхъ сторонъ на берегахъ рѣки Сала. Битва была отчаянная и кровопролитная. Владиміръ своимъ примѣромъ воодушевлялъ воиновъ. Искуснымъ и быстрымъ движеніемъ своихъ полковъ онъ сломилъ непріятелей. Съ множествомъ плѣнныхъ и большой добычею вернулись русскіе изъ этого похода. Слава о немъ разнеслась по всей Руси и по другимъ странамъ.

Долго послѣ этого пораженія половцы не тревожили Русской земли.

Владиміръ Мономахъ.

Чрезъ два года послѣ этого похода (1113 г.) умеръ Святополкъ. Собрались кіевляне на вѣче, порѣшили выбрать своимъ княземъ Владиміра Мономаха и послали звать его. Владиміръ медлилъ; быть можетъ, и на этотъ разъ не хотѣлъ онъ нарушать старшинства и сѣсть на великокняжескій столъ помимо Святославичей, старшихъ двоюродныхъ братьевъ своихъ. Въ Кіевѣ начались безпорядки: разграбили дворъ Путяты, любимца покойнаго князя, стали грабить жидовъ, озлобившихъ народъ своимъ лихоимствомъ. Послали снова кіевляне просить Владиміра:

— „Иди, князь, въ Кіевъ, а не то разграбятъ и княгиню Святополкову, и бояръ, и монастыри".

Владиміръ тогда прибылъ въ Кіевъ. Народъ встрѣтилъ своего любимца съ восторгомъ. Мятежъ утихъ. Святославичи не посмѣли противиться общему желанію; Владиміра давно уже знала и любила вся русская земля: трудно было оспаривать у него великокняжескій столъ.

Владиміръ былъ человѣкъ необыкновенно дѣятельный. Безпрестанно онъ ходилъ въ походы, во все вникалъ, входилъ самъ во всѣ дѣла и княжескія, и церковныя, и домашнія, любилъ читать книги и бесѣдовать съ духовными лицами. Былъ онъ притомъ и смѣлымъ охотникомъ: нерѣдко съ нѣсколькими удальцами-дружинниками на лихихъ коняхъ онъ рыскалъ по степямъ, лавливалъ самъ по нѣскольку дикихъ степныхъ коней въ день; заходилъ и въ дремучіе лѣса; не разъ случалось ему перевѣдаться съ хищнымъ звѣремъ. Охоты въ тѣ времена были совсѣмъ не то, что теперь. Тогда приходилось близко подпускать къ себѣ звѣря: дикаго кабана, зубра, медвѣдя стрѣлою не убить,— надо было дѣйствовать больше копьемъ да рогатиною. Уже въ ту пору любили тѣшиться и птичьими—соколиными или ястребиными охотами.

Вступилъ онъ на великокняжескій столъ уже шестидесяти лѣтъ, но былъ еще бодръ и духомъ, и тѣломъ. Половцы не смѣли при немъ тревожить Русскую землю. Княжескія усобицы притихли. Правдивый и набожный, добродушный и вмѣстѣ съ тѣмъ воинственный, онъ высоко стоялъ въ глазахъ всѣхъ своихъ современниковъ, привыкшихъ видѣть всюду вѣроломство, насиліе и злобу. Удѣльные князья уважали Владиміра и вмѣстѣ съ тѣмъ боялись его,— былъ онъ милостивъ, но бывалъ и строгъ. Когда какой нибудь князь начиналъ смуту, онъ старался всячески уговорить его, умиротворить, уладить дѣло мирнымъ путемъ. Если же безпокойный князь упорствовалъ, то Владиміръ строго наказывалъ его, даже отнималъ у него удѣлъ. Княженіе Владиміра Мономаха было самою счастливою порою въ удѣльное время. Казалось, исполнилось завѣтное желаніе Ярослава Мудраго, чтобы великій князь замѣнялъ для младшихъ удѣльныхъ князей любящаго и вмѣстѣ съ тѣмъ строгаго отца. Былъ Владиміръ правосудень,— не давалъ слабыхъ въ обиду сильнымъ, самъ на своемъ княжемъ дворѣ творилъ судъ. Русскую Правду дополнилъ, постановилъ, чтобы заимодавцы не брали большихъ рѣзовъ, т. е. лихвы (процентовъ) съ должниковъ. Любилъ и чтилъ онъ духовенство; глубоко проникнутъ былъ Евангельскимъ ученіемъ.

Лучше всего мысли и чувства Владиміра видны изъ того поученія, которое написалъ онъ своимъ дѣтямъ.

Поученіе Владиміра Мономаха.

„Дѣти мои или кто иной, прочитавъ эту грамотку, не посмѣйтесь, но примите ее въ сердце свое. Прежде всего, ради Бога и души своей страхъ Божій имѣйте въ сердцѣ своемъ и милостыню давайте нескудную. Это—начало всякому добру.—Встрѣтили разъ меня на Волгѣ послы братьевъ моихъ и передали мнѣ ихъ слова: „Соединись съ нами, выгонимъ Ростиславичей (Володаря и Василько) и волость ихъ отнимемъ. Если не пойдешь съ нами, то мы порвемъ союзъ съ тобою". И сказалъ я имъ: „Хоть вы и гнѣваться станете, не могу идти съ вами и нарушить клятву". Отпустивъ пословъ, взялъ я въ печали псалтырь, раскрылъ ее и вотъ какое мѣсто попалось мнѣ: „Вскую печалуеши, душе, вскую смущаеши мя? и проч. (т. е. чего печалишься, душа, чего смущаешься)? Не ревнуй лукавствующимъ, не завидуй творящимъ беззаконье, лукавые погибнутъ, повинующіеся Господу, тѣ получатъ власть надъ землею..." Но истинѣ, дѣти мои, подумайте, какъ человѣколюбивъ Богъ и милостивъ. Мы, люди грѣшные и смертные, если намъ кто зло сотворитъ, хотимъ уничтожить врага нашего и кровь его пролить, а Господь нашъ, въ рукахъ котораго и жизнь, и смерть людей, терпитъ грѣхи наши „выше главы нашей" (выше всякой мѣры). Онъ, какъ отецъ, который, любя свое дитя, хоть и наказываетъ, но затѣмъ и ласкаетъ.—Тремя добрыми дѣлами можно отъ грѣха избавиться и царствія Божія не лишиться: покаяньемъ, слезами и милостынею. Не тяжкая эта заповѣдь, дѣти мои. Бога ради, не лѣнитесь; молю васъ, не забывайте этихъ трехъ дѣлъ. Ни одиночество (отшельничество), ни монашество, ни голодъ (постъ), чему подвергаютъ себя нѣкоторые благочестивые люди, не такъ важны, какъ эти три дѣла... Послушайте меня, дѣти мои. Если не все наставленіе мое примите, то примите хоть половину. Пусть Богъ смягчитъ ваше сердце; проливайте слезы о грѣхахъ вашихъ, говоря: „Какъ разбойника и мытаря помиловалъ ты, Господи, такъ и насъ грѣшныхъ помилуй". И въ церкви это дѣлайте, и спать ложася. Когда на конѣ ѣдете, говорите мысленно: „Господи помилуй". Эта молитва всѣхъ лучше.

Всего же болѣе убогихъ не забывайте, но по мѣрѣ силъ кормите ихъ. Сироту и вдову сами на судѣ по правдѣ судите; не дайте ихъ сильнымъ въ обиду.

Ни праваго, ни виноватаго не убивайте, и не позволяйте убивать, хотя бы и заслуживалъ смерти; не губите никакой христіанской души.

Когда рѣчь ведете о чемъ, не клянитеся Богомъ, не креститесь; нѣтъ въ этомъ никакой нужды. Если же придется вамъ крестъ цѣловать (давать клятву), то подумайте сначала хорошенько, можете ли сдержать клятву; а поклявшись, держитесь клятвы, чтобы, нарушивъ ее, не погубить своей души.

Епископовъ, поповъ и игуменовъ почитайте, принимайте отъ нихъ благословеніе. Любите ихъ и по мѣрѣ силъ заботьтесь о нихъ, чтобы они молились за васъ.

Болѣе всего не имѣйте гордости ни въ сердцѣ вашемъ, ни въ умѣ: мы

всѣ смертны,—сегодня живы, а завтра въ гробу. Все, что далъ намъ Богъ, не наше, а поручено намъ на короткое время. Въ землю сокровищъ не зарывайте: то великій грѣхъ. Старика почитайте, какъ отца, молодыхъ какъ братьевъ.

Въ дому своемъ не лѣпитесь, но за всѣмъ присматривайте сами; не полагайтесь на тіуна вашего и отрока, чтобы приходящіе къ вамъ не посмѣялись надъ домомъ вашимъ и надъ обѣдомъ. На войнѣ не лѣнитесь, не надѣйтесь на воеводъ вашихъ, не предавайтесь ни питью, ни ѣдѣ, ни спанью. Сами стражу разставляйте. Устроивъ все, ложитесь спать около воиновъ, а вставайте рано. Оружія съ себя не снимайте, не разглядѣвъ, есть ли опасность, или нѣтъ: отъ безпечности человѣкъ можетъ внезапно погибнуть.

Когда проѣзжаете по своимъ землямъ, не давайте слугамъ безчинствовать и причинять вредъ ни своимъ, ни чужимъ, ни въ селахъ, ни на нивахъ, чтобы не проклинали васъ. Куда пріѣдете, гдѣ остановитесь, напойте, накормите бѣднаго. Болѣе всего чтите гостя, откуда ни пришелъ бы онъ, простой ли человѣкъ, или знатный, или посолъ. Если не можете почтить подаркомъ, то угостите кушаньемъ и питьемъ. Гости эти мимоходомъ по всѣмъ странамъ разнесутъ молву о человѣкѣ, какъ о добромъ или какъ о зломъ.

Больнаго посѣтите; покойниковъ провожайте и не минуйте никого безъ привѣта, скажите всякому доброе слово. Жену свою любите, но не давайте ей власти надъ собою.

Что знаете полезнаго, не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь. Мой отецъ, дома сидя, зналъ пять языковъ. За это большая честь отъ другихъ земель. Лѣность всему худому мать: что знаешь, то забудешь; чего не знаешь, тому не выучишься. Творите добро, не лѣнитесь ни на что хорошее.

Прежде всего идите въ церковь. Пусть не застанетъ васъ солнце на постели. Такъ дѣлалъ мой отецъ блаженный и всѣ лучшіе люди. Сотворивъ утреннюю молитву и воздавъ Богу хвалу, слѣдуетъ съ дружиною думать о дѣлахъ или творить судъ людямъ, или ѣхать на охоту (если нѣтъ никакихъ важныхъ дѣлъ), а потомъ лечь спать. Въ полдень самимъ Богомъ присуждено спать и человѣку, и звѣрю, и птицѣ.

А вотъ повѣдаю вамъ, дѣти мои, о своихъ трудахъ и ловахъ. (Здѣсь Владиміръ подробно перечисляетъ свои походы). Всѣхъ моихъ походовъ было, говорится далѣе въ поученіи, 83 большихъ, а прочихъ меньшихъ и не вспомню. Девятнадцать разъ заключалъ я миръ съ половцами при отцѣ и послѣ смерти его. Болѣе ста вождей ихъ выпустилъ изъ оковъ (изъ плѣна). Избито ихъ въ разное время около двухсотъ. А вотъ какъ трудился я на охотахъ и ловахъ: коней дикихъ по 10, по 20, вязалъ я своими руками; два тура (дикіе быки) метали меня на рогахъ съ конемъ вмѣстѣ; олень меня бодалъ; два лося—одинъ ногами топталъ, другой рогами бодалъ; вепрь оторвалъ у меня мечъ съ боку: медвѣдь у колѣна прокусилъ подсѣдельный войлокъ; лютый звѣрь вскочилъ ко мнѣ на колѣни и повалилъ коня со мною; а Богъ сохранилъ меня цѣлымъ и невредимымъ; съ коня много разъ я падалъ, голову разбивалъ два раза, и руки, и ноги вредилъ себѣ въ юности моей, жизни своей не жалѣлъ, головы своей не щадилъ. Что можно было дѣлать и отроку моему, то самъ я дѣлалъ—

на войнѣ и на ловахъ, ночью и днемъ, въ лѣтній зной и въ зимнюю стужу. Не давалъ я себѣ покою, не полагался ни на посадниковъ, ни на биричей,— самъ все дѣлалъ, что надо; самъ смотрѣлъ за порядкомъ въ домѣ, охотничье дѣло самъ правилъ, о конюшняхъ, о соколахъ и ястребахъ самъ заботился. Простаго человѣка, убогой вдовицы не давалъ въ обиду сильнымъ; за церковнымъ порядкомъ и службой самъ присматривалъ.

Не осудите меня, дѣти мои, или иной, кто прочтетъ эти слова. Не себя я хвалю, а хвалю Бога и прославляю милость Его за то, что Онъ меня, грѣшнаго и худого, сохранялъ отъ смерти столько лѣтъ и сотворилъ меня нелѣнивымъ и способнымъ на всѣ человѣческія дѣла.

Прочитавъ эту грамотку, постарайтесь творить всякія добрыя дѣла. Смерти, дѣти мои, не бойтесь ни отъ войны, ни отъ звѣря, но творите свое дѣло, какъ дастъ вамъ Богъ. Не будетъ вамъ, какъ и мнѣ, вреда ни отъ войны, ни отъ звѣря, ни отъ воды, ни отъ коня, если не будетъ на то воли Божіей, а если отъ Бога смерть, то ни отецъ, ни мать, ни братья, не могутъ спасти. Божья охрана лучше человѣческой...

Изъ поученія этого ясно видно, какъ глубоко понималъ Владиміръ Мономахъ ученіе Христово, какъ заботился онъ о правомъ судѣ и защитѣ слабыхъ, какъ высоко понималъ обязанности князя.

Насколько Владиміръ Мономахъ былъ проникнутъ христіанскимъ чувствомъ, это хорошо видно также изъ его письма къ двоюродному брату Олегу Святославичу, который, напавъ на Муромъ, былъ, какъ извѣстно, причиною смерти сына Владиміра. Подавляя въ своей душѣ горькое чувство, Владиміръ пишетъ:

„О многострастный и печальный я! много боролся я съ моимъ сердцемъ, помышляя, какъ стать предъ страшнымъ Судьею безъ покаянья и примиренья. Сказать: Бога люблю, а брата своего не люблю, будетъ ложь. „Аще не отпустите прегрѣшеній брату, ни вамъ отпуститъ Отецъ вашъ небесный“... Что можетъ быть лучше и прекраснѣе, какъ жить дружно; но дьяволъ не хочетъ добра роду человѣческому и ссоритъ насъ. Написалъ я тебѣ это письмо, потому что побудилъ меня сынъ мой (Мстиславъ), крестникъ твой; прислалъ онъ мнѣ грамотку, гдѣ говоритъ: уладимся и примиримся, а брату моему судъ Божій (смерть) пришелъ, а мы не будемъ мстниками (мстителями), но возложимъ это на Бога... Они станутъ предъ Богомъ, а мы Русской земли не погубимъ. И я, видя смиреніе сына моего, умилился душею, устрашился Бога и сказалъ: сынъ мой въ юности своей и неопытности такъ смиряется и все на Бога возлагаетъ а я—человѣкъ (зрѣлыхъ лѣтъ) грѣшенъ больше другихъ. И послушалъ я сына и написалъ тебѣ грамоту, примешь ли ее съ добромъ или съ поруганіемъ... Что мы грѣшные люди! Нынѣ живы, а завтра мертвы; сегодня въ славѣ и въ почетѣ а завтра въ гробу, и другіе раздѣлятъ собранное нами имѣніе.—Вспомни, братъ, о нашихъ отцахъ. Что они взяли съ собою? Только то, что сотворено ихъ душами“. Далѣе Владиміръ укоряетъ Олега, что онъ даже и утѣшительной грамотки не прислалъ по смерти сына и проситъ послать къ нему сноху... „Я не желаю зла братіи, но желаю добра ей и Русской землѣ“! пишетъ Владиміръ

въ заключеніе,—„Если кто изъ васъ не хочетъ добра и мира христіанамъ,—не узрѣтъ ему отъ Бога мира для души своей въ будущей жизни".

Вспомнимъ, какъ хлопоталъ онъ о прекращеніи усобицъ, о примиреніи враждующихъ, — вспомнимъ, что по его мысли собирались княжескіе съѣзды (Любецкій, Витичевскій и Долобскій); что онъ постоянно настаивалъ на общемъ союзѣ князей противъ половцевъ,—и мы поймемъ, почему такъ высоко ставили современники этого великаго человѣка.

Онъ, по словамъ лѣтописца, не величался, по заповѣди Божіей творилъ добро врагамъ своимъ, былъ очень милостивъ къ нищимъ и убогимъ, не щадилъ имѣнія своего,—все раздавалъ нуждающимся. Понятно, отчего его такъ любилъ и простой народъ, и духовенство; да и дружина не могла не любить его,—вождя, незнавшаго страха въ бою, отважнаго охотника, князя милостиваго и щедраго, хотя и не дававшаго своимъ приближеннымъ большой воли, не позволявшаго имъ обижать народъ. Благочестіемъ онъ отличался такимъ, что, стоя въ церкви и слушая церковное пѣніе, не могъ удерживаться отъ слезъ. Только къ половцамъ, заклятымъ врагамъ Русской земли, онъ былъ суровъ, а иногда и безпощаденъ. (Въ одномъ случаѣ онъ даже позволилъ своимъ боярамъ вѣроломно убить двухъ половецкихъ пословъ).

Умеръ Мономахъ на 74-мъ году отъ роду (1125 г.).

Тѣло его было привезено въ Кіевъ. Сыновья и бояре понесли его къ св. Софіи; тутъ его и погребли рядомъ съ отцемъ его. Народъ плакалъ по немъ, какъ дѣти плачутъ по отцѣ или матери.

Потрудился онъ для Русской земли. „Слава о его доблести сіяла какъ солнце и прошла по всѣмъ странамъ". По мѣткимъ словамъ лѣтописца, Владиміръ былъ „братолюбецъ и нищелюбецъ, и добрый страдалецъ за землю Русскую".

При жизни его было воздвигнуто не мало новыхъ красивыхъ церквей. Онѣ украшались иконами греческаго письма. Книжное искусство тоже все больше и больше распространялось. Кіевъ въ началѣ XII-го вѣка украсился богатыми постройками. Еще при Святополкѣ Изяславичѣ былъ сооруженъ въ Кіевѣ Михайловскій Златоверхій монастырь; стѣны его до сихъ поръ сохранились. Близъ Кіева построенъ Выдубицкій монастырь на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ загородный дворъ Всеволода. Незадолго до смерти, Владиміръ соорудилъ прекрасную церковь на рѣкѣ Альтѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ убитъ былъ Борисъ.

Владиміръ Мономахъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ со многими европейскими государями. Съ нѣкоторыми изъ нихъ и породнился. Самъ онъ былъ, какъ сказано, сынъ греческой царевны. Первой супругой его была Гида, дочь англійскаго короля Гарольда. Старшій сынъ Владиміра—Мстиславъ былъ женатъ на Христинѣ, дочери шведскаго короля. Одна дочь Владиміра была за мужемъ за угорскимъ (венгерскимъ) королемъ, другая за греческимъ царевичемъ.

Дорогую по себѣ память оставилъ Владиміръ Мономахъ въ народѣ, который свою любовь къ нему перенесъ и на потомство его. Князья Мономахова рода долго пользовались особенной любовью народа.

Цари московскіе впослѣдствіи великою честью для себя считали назы-

ваться его потомками. Въ Московской Оружейной палатѣ хранятся такъ называемая Мономахова золотая шапка и еще нѣкоторыя принадлежности торжественнаго царскаго убора (скипетръ, держава и бармы). По преданію, они были присланы греческимъ императоромъ въ даръ Владиміру Мономаху. Впослѣдствіи московскіе цари, въ день торжественнаго вѣнчанія на царство, стали возлагать на себя эту шапку и бармы.

Усобицы при сыновьяхъ и внукахъ Владиміра Мономаха.

Не долго продержались на Руси миръ и тишина по смерти Владиміра. Старшій сынъ его Мстиславъ княжилъ всего семь лѣтъ. Онъ походилъ и умомъ, и нравомъ на своего отца. Жестоко наказалъ половцевъ, которые обрадовались смерти Мономаха и напали на Русскую землю. Въ рукахъ держалъ Мстиславъ и удѣльныхъ князей. Большею частью это были или братья его, или племянники. Владиміръ Мономахъ съумѣлъ мало-по-малу забрать въ свои руки чуть не всю Русскую землю и раздать ее въ удѣлы своимъ сыновьямъ и внукамъ, а Мстиславъ овладѣлъ Полоцкимъ княжествомъ и отдалъ его своему сыну Изяславу. Такимъ образомъ, въ руки дѣтей и внуковъ Мономаха попали почти всѣ удѣлы (Кіевскій, Новгородскій, Смоленскій, Суздальскій, Переяславскій, Волынскій и Полоцкій). Только два удѣла не принадлежали роду Мономаха — это Черниговскій и Червенскій (нынѣшняя Галиція).

Умеръ Мстиславъ (1132 г.) и при его братѣ Ярополкѣ настаютъ неурядицы и усобицы въ потомствѣ Мономаха.

Усобицы начались за Переяславль (южный). Утвердился здѣсь Всеволодъ Мстиславичъ, но Юрій Суздальскій, не желавшій уступить племяннику, выгналъ его и самъ занялъ Переяславль. Затѣмъ начались ссоры племянниковъ съ дядями... Пользуясь этими раздорами Мономаховичей, Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій, по смерти Ярополка (1139), сѣлъ на престолѣ Кіевскомъ. Но какъ ни ловокъ былъ Всеволодъ, ему нелегко было держаться въ Кіевѣ: не хотѣлъ онъ ссориться съ Мономаховичами, и въ тоже время желалъ надѣлить волостями своихъ родичей. Не разъ при немъ выражалась народомъ особенная любовь къ дѣтямъ и внукамъ Мономаха. Въ Кіевѣ не любили Всеволода и по смерти его (1146) только тогда цѣловали крестъ брату его Игорю, когда тотъ поклялся, что онъ освободитъ Кіевъ отъ ненавистныхъ тіуновъ всеволодовыхъ и будетъ самъ творить судъ.

Но все-таки Кіевляне, не смотря на клятву, скоро призвали къ себѣ Изяслава Мстиславича:—„Ты нашъ князь; ступай скорѣе; Ольговичей не хотимъ!“ Тотъ, не долго думая, явился, разбилъ Игоря и взялъ его въ плѣнъ, а самъ сѣлъ въ Кіевѣ. Мало думалъ Изяславъ о чьихъ-либо правахъ.

— „Не мѣсто идетъ къ головѣ, но голова къ мѣсту“ говаривалъ онъ.

Кіевляне, впрочемъ, сами его желали.

— „Ты намъ князь, сказали они ему, не хотимъ переходить къ Ольговичамъ по наслѣдству!“

Но дядя Изяслава, Юрій Владиміровичъ Суздальскій считалъ себя болѣе племянника въ правѣ владѣть Кіевомъ, и между ними загорается долгая и

упорная борьба. Два раза Юрій изгонялъ отсюда Изяслава; и если онъ продержался около четырехъ лѣтъ (1150—1154), то благодаря только тому, что призвалъ въ Кіевъ другого дядю своего—слабаго Вячеслава и правилъ подъ его именемъ до самой смерти.

Много горестныхъ дней пережила Русская земля за это время. Больше всего бѣдъ и вреда причинили ей Ольговичи, не разъ приводившіе половцевъ себѣ на помощь. Народъ питалъ къ этому княжескому роду сильную вражду, которая, случалось, переходила въ дикую ярость.

Такъ въ 1147 году Изяславъ, узнавъ о враждебныхъ замыслахъ черниговскихъ князей, послалъ въ Кіевъ сказать объ этомъ брату Владиміру, митрополиту и кіевлянамъ. Когда народъ собрался отъ мала до велика на вѣче, посолъ Изяслава сказалъ:

— „Князь вашъ вамъ кланяется и говоритъ: я вамъ преждеобъ являлъ, что задумалъ съ братомъ Ростиславомъ и Давидовичами идти на дядю Юрія, звалъ и васъ въ походъ; но тогда вы сказали, что не можете на Владимірово племя, на Юрія, рукъ поднять, а на Ольговичей однихъ пошли бы и съ дѣтьми; такъ теперь вамъ объявляю: Давидовичи и Всеволодичь Святославъ, которому я много добра сдѣлалъ, цѣловали тайкомъ отъ меня крестъ Святославу Ольговичу, послали и къ Юрію, а меня хотѣли или схватить, или убить за Игоря; но Богъ меня заступилъ и крестъ честной... Такъ теперь, братья, что обѣщали, то и сдѣлайте,—ступайте ко мнѣ къ Чернигову на Ольговичей, собирайтесь всѣ отъ мала до велика: у кого есть конь, тотъ на конѣ, у кого нѣтъ, тотъ въ ладьѣ. Вѣдь, они не меня одного хотѣли убить, но и васъ всѣхъ искоренить“.

Кіевляне на это отвѣчали:

— „Рады, что Богъ сохранилъ тебя намъ отъ большой бѣды; идемъ за тобой и съ дѣтьми“.

Тутъ кто-то въ толпѣ заговорилъ:

— „За княземъ-то своимъ мы пойдемъ съ радостью; но прежде надо вотъ о чемъ подумать, чтобы не случилось того, что при Изяславѣ Ярославичѣ; злые люди выпустили тогда изъ заточенія Всеслава и поставили княземъ себѣ, и много зла было нашему городу; а теперь Игорь, врагъ нашего князя и нашъ, не въ заточеніи, а въ Ѳедоровскомъ монастырѣ. Убьемъ его и пойдемъ въ Черниговъ за своимъ княземъ, покончимъ съ ними“.

Слова эти разожгли народную ярость. Толпа кинулась къ монастырю. Напрасно князь Владиміръ въ ужасѣ старался остановить толпу.

Въ отвѣтъ ему кричали:

— „Мы знаемъ, что добромъ не кончить съ этимъ племенемъ ни вамъ, ни намъ!“ Тщетно и митрополитъ, и тысяцкіе думали удержать народъ отъ дикаго преступленія.

Толпа ворвалась въ монастырскую церковь, гдѣ Игорь стоялъ у обѣдни и потащила его съ криками: „бейте! бейте!“

— „Охъ, братъ, куда это меня ведутъ?“ спросилъ несчастный, увидавъ князя Владиміра.

Тотъ бросился съ коня, покрылъ Игоря своимъ корзномъ, заслонялъ его собою отъ ударовъ и умолялъ кіевлянъ:

—„Братья мои! не дѣлайте этого зла, не убивайте Игоря!“

Всѣ усилія спасти несчастнаго Игоря остались тщетными. Онъ погибъ мученическою смертью, какъ жертва народной ненависти къ Ольговичамъ и любви къ Мономаховичамъ...

Когда до Изяслава дошла вѣсть о гибели Игоря, онъ заплакалъ и сказалъ дружинѣ:

—„Еслибы я зналъ, что это можетъ случиться, то отослалъ бы его подальше, и сберегъ бы его. Теперь мнѣ не уйти отъ людскихъ рѣчей: станутъ говорить, что я велѣлъ убить его; но Богъ свидѣтель, что я не приказывалъ и никого не научалъ“.

Дружина отвѣтила князю:

—„Нечего тебѣ заботиться о людскихъ рѣчахъ; Богъ знаетъ, да и всѣ люди знаютъ, что не ты его убилъ, а братья его; крестъ къ тебѣ цѣловали и потомъ нарушили клятву, хотѣли убить тебя“...

Борьба Юрія Владиміровича Долгорукаго съ племянникомъ Изяславомъ Мстиславичемъ отличалась большимъ упорствомъ. Приводимъ нѣкоторыя любопытныя подробности, описанныя въ лѣтописи.

Изяславъ при помощи венгровъ въ 1151 году во второй разъ вытѣснилъ Юрія Долгорукаго изъ Кіева, призвалъ другого своего дядю добродушнаго и слабаго Вячеслава, призналъ его великимъ княземъ кіевскимъ, а Вячеславъ усыновилъ его, Изяслава. Такимъ образомъ титулъ достался первому, какъ старшему изъ оставшихся въ живыхъ сыновей Владиміра Мономаха, а дѣйствительная власть ловкому и дѣятельному Изяславу. Но Юрій Долгорукій не хотѣлъ признать этой сдѣлки, соединился съ черниговскими князьями, призвалъ на помощь половцевъ, двинулся на Кіевъ и сталъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Изяславъ старался помѣшать переправѣ непріятеля. Схватки начались на рѣкѣ. Изяславъ, по словамъ лѣтописи, „дивно исхитрилъ свои лодки“: видны были только весла, а гребцы были скрыты подъ досчатой плоской кровлей, на которой стояли стрѣлки въ броняхъ и поражали враговъ стрѣлами. Лодки были такъ приспособлены, что могли ходить взадъ и впередъ, не поворачиваясь; на носу и на кормѣ каждой изъ нихъ были кормчіе.—Послѣ долгихъ тщетныхъ попытокъ Юрію однако удалось переправиться вбродъ южнѣе Кіева. Тамъ стоялъ небольшой отрядъ Изяслава подъ начальствомъ воеводы: воины обратились въ бѣгство, потому что съ ними не было никого изъ князей, а бояръ не всѣ охотно слушались. Въ войскѣ и Юрія, и Изяслава были ватаги степныхъ кочевниковъ: (торки, берендѣи, черные клобуки). Всѣ они, хищники, подобные половцамъ, рады были служить, кому угодно, а при случаѣ готовы были пограбить своихъ союзниковъ.

Вячеславъ пытался удержать Юрія отъ кровопролитія и послалъ сказать ему между прочимъ слѣдующее:

— „Изяславъ, добывши Кіевъ, теперь поклонился мнѣ, честь мнѣ воздалъ, въ Кіевѣ меня посадилъ и отцомъ своимъ назвалъ, а я его—сыномъ. Ты говорилъ: младшему не поклонюсь... А я тебя много старше: я уже былъ брадатъ, когда ты родился!“

Но никакіе уговоры на честолюбиваго Юрія не дѣйствовали. Однако послѣ

нѣсколькихъ неудачныхъ схватокъ, онъ отступилъ, чтобы соединиться съ княземъ Галицкимъ Владиміромъ, шедшимъ ему на помощь. Къ Изяславу тоже велъ на помогу полки венгровъ сынъ его Мстиславъ. Но союзники еще не явились ни къ тому, ни къ другому, какъ произошелъ рѣшительный бой на берегахъ рѣки Руты (притокъ Роси). Лишь только затрубили въ трубы, ударили въ бубны, какъ сынъ Юрія, отважный Андрей понесся на конѣ впередъ и прежде всѣхъ ударилъ на враговъ. Скоро копье его было изломано, щитъ оторванъ, шлемъ сбитъ съ головы. Конь его, раненный въ ноздри, сталъ соваться туда и сюда... Изяславъ Мстиславичъ тоже одинъ изъ первыхъ врѣзался въ непріятельскіе полки, изломалъ копье, получилъ рану и свалился съ навшаго коня. Послѣ упорнаго боя рать Изяслава одержала побѣду. Половцы, союзники Юрія, охотники пускать тучи стрѣлъ, не выносили горячихъ схватокъ. Они скоро ударились въ бѣгство, за ними Ольговичи, а тамъ и Юрій съ дѣтьми. Много дружины ихъ было побито, взято въ плѣнъ и потонуло въ Рутѣ.

Когда побѣдители возвращались съ погони на поле битвы, то нѣкоторые изъ нихъ замѣтили, что изъ груды раненыхъ одинъ привставалъ. Толпа пѣшихъ кіевлянъ подбѣжала къ нему и хотѣла его убить.

— „Я—князь!“ проговорилъ раненный.

— „Ну такъ тебя-то намъ и надобно!“ крикнулъ одинъ изъ кіевлянъ и началъ сѣчь его по шлему, на которомъ было золотое изображеніе св. Пантелеймона (таково было христіанское имя Изяслава).

— „Я—Изяславъ, князь вашъ!.. промолвилъ раненный и снялъ шлемъ.

Тогда кіевляне, узнавъ своего любимаго князя, съ восторгомъ подняли его на руки и воскликнули: „Киріе елейсонъ!“ (Господи помилуй!)

Всѣ полки ликовали, когда провѣдали, что князь живъ и одержана полная побѣда...

Послѣ того Кіевъ переходитъ изъ рукъ въ руки (чередовались здѣсь Ростиславъ Мстиславичъ, Изяславъ Давидовичъ, Юрій Владиміровичъ).

Кіевляне совсѣмъ потеряли голову: то одному клянутся въ вѣрности и готовности умереть за него, то принуждены признать княземъ своимъ другого. Наконецъ, за Кіевъ загорается усобица: Андрей Суздальскій, сынъ Юрія, ведетъ борьбу съ племянникомъ своимъ Мстиславомъ Изяславичемъ. Плохо пришлось Кіеву. Большую рать собралъ Андрей. Одиннадцать князей было тутъ съ ихъ дружинами и войсками. Велъ всю эту силу на Кіевъ сынъ Андрея—Мстиславъ. Осадили городъ на второй недѣлѣ великаго поста. Три дня бился Мстиславъ Изяславичъ, три приступа отбиты; но 12-го марта 1169 года Кіевъ палъ.

Никогда еще до тѣхъ поръ Кіевъ, мать русскихъ городовъ, какъ назвалъ его Олегъ, не подвергался такому поруганію. Грабили, жгли его два дня. Пощады не было ни женщинамъ, ни старикамъ, ни дѣтямъ. Въ церкви врывались, срывали ризы съ иконъ, колокола снимали.. Мстили суздальцы кіевлянамъ за старую обиду, — за то, что послѣ смерти Юрія они перебили суздальцевъ, пришедшихъ къ нимъ.

Все больше и больше пустѣетъ южная Русь. Тяжело здѣсь жилось мирному, промышленному люду. Не пойдетъ и работа на умъ, когда не знаешь,

будешь-ли цѣлъ завтра: того и гляди, что степная погань нагрянетъ и къ себѣ, въ свои степи погонитъ цѣлыя толпы въ горькую неволю да въ работу тяжкую. А не то, такъ и русскій князь какой-нибудь, враждуя съ другимъ, наѣдетъ съ дружиной своей и воями, нивы потопчетъ, запасы заберетъ, а воины его, набранные изъ всякихъ встрѣчныхъ людей, охочихъ до боевой жизни, а еще больше до грабежа, въ конецъ разорятъ—и лошадь возьмутъ, и скотину со двора сведутъ, да и другихъ пожитковъ не минуютъ. Тутъ для поселянина совсѣмъ плохое житье. Много появилось въ это время на Руси бѣдняковъ. У иного и силы довольно, и сноровка, и умѣнье есть, да безъ сохи и безъ лошади земли не вспашешь. Остается одно,—идти въ работники, въ наймиты къ тому, у кого и соха есть, и лошадь лишняя найдется. Чтобъ съ голоду не умереть, шли бѣдняки въ наемники къ богатымъ. Такихъ наемниковъ называли обыкновенно „закупами“. Иногда они даже сами добровольно за деньги какъ бы продавали себя въ неволю или шли въ „кабалу“ къ богатому хозяину на нѣсколько лѣтъ или на всю жизнь; тогда они назывались холопами и должны были, какъ рабы, быть въ полной волѣ своего хозяина. Такіе холопы жили на землѣ своего господина, работали на него, получали за это извѣстную долю сбора съ полей. Дѣти ихъ обыкновенно тоже становились холопами. Рабы прежде были большею частію изъ плѣнныхъ иноземцевъ, а съ XI вѣка на Руси стало отъ бѣдности все больше и больше своихъ людей обращаться въ холопство Кромѣ безпрестанныхъ усобицъ и нападеній половцевъ, пустѣла Русская земля и отъ другихъ бѣдъ: неурожаевъ, голода, повальныхъ болѣзней...

Народъ съ благодатнаго, хлѣбороднаго юга все больше и больше переходилъ на сѣверъ. Земля здѣсь была хуже, бывали зачастую неурожаи, да жить было покойнѣе: усобицы тутъ бывали рѣже, да и половцы сюда не заходили.

Запустѣли южно-русскія области: Переяславская, Кіевская и Черниговская.—„Пуста земля моя, говоритъ одинъ переяславскій князь, отъ половецкихъ нашествій!“ а другой князь жалуется, что у него въ Черниговской области города обезлюдѣли; что живутъ въ нихъ только псари его да половцы (плѣнные).

Плохо живется мирному люду во время постоянныхъ войнъ да смутъ безконечныхъ; но въ такое время много является и воинственныхъ людей, которые такъ къ войнѣ привыкаютъ, что она для нихъ, словно охота, становится любимымъ дѣломъ, потѣхой молодецкой. Немало было на Руси такихъ князей—удальцовъ, которые только и ждали удобной поры, чтобы развернуться и показать свою удаль. Дружинники, постоянно ходившіе съ князьями своими на войну, тоже были падки до нея: силу и удаль здѣсь могли они показать, да и добычу захватить можно было хорошую. Нетрудно было тогда собрать удалому князю себѣ дружину и шайку воиновъ: дружинники другихъ князей могли, какъ люди свободные, явиться и предложить свои услуги въ случаѣ войны.

Въ XII вѣкѣ по южнымъ окраинамъ Русской земли осталось населеніе, которое привыкло къ войнѣ: оно терпѣло отъ набѣговъ половцевъ, но и само, улучивъ время, готово было мстить врагу тѣмъ же.

Много было удали, силы и молодечества на Руси, да все это тратилось попусту, и князья не могли совладать съ исконнымъ своимъ врагомъ—полов-

цами. Бѣда была въ томъ, что не было единодушія у русскихъ князей, ссорились они между собой, воевали и даже иной разъ сами путь показывали половцамъ въ Русскую землю.

Сказаніе о походѣ Игоря.

Лучше всего можно видѣть, сколько было отваги у князей и какъ напрасно тратилась она иной разъ, изъ древняго сказанія о походѣ въ 1185 году сѣверскаго князя Игоря Святославича и брата его Всеволода. Вотъ это сказаніе. (Слово о полку Игоревѣ).

„Не начать ли намъ, братья, печальное сказаніе о походѣ Игоря. Станемъ сказывать повѣсть свою по былинамъ нашего времени, а не по вымысламъ Бояна (древняго пѣвца). Боянъ вѣщій, когда хотѣлъ кому пѣснь воспѣть, то носился мыслью по лѣсамъ, сѣрымъ волкомъ рыскалъ по полю, сизымъ орломъ парилъ подъ небесами... Въ старыя времена князья на охотѣ пускали своихъ соколовъ на стаю лебедей; чей соколъ прежде настигалъ лебедь, въ честь тому князю первому и пѣснь пѣлась. Боянъ же не десять соколовъ пускалъ на стадо лебедей, а клалъ свои вѣщіе персты на живыя струны, и онѣ сами князьямъ славу рокотали.

Начнемъ же повѣсть свою объ Игорѣ. Наполнилось сердце его ратнымъ духомъ и доблестью; захотѣлось ему повести свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

Недоброе знаменіе было ему: солнце затмилось; тьма покрыла воиновъ его. Неймется князю: доблесть полонила сердце его. „Братья и дружина, говоритъ онъ, лучше изрублену быть, чѣмъ въ плѣнъ попасть!.. сядемъ, братцы, на своихъ борзыхъ коней, поглядимъ на синій Донъ. Хочу копье свое испытать въ полѣ половецкомъ съ вами, русичи, хочу голову свою тамъ сложить или напиться шлемомъ изъ Дону.

Кони ржутъ за рѣкою Сулою. Гремитъ слава въ Кіевѣ. Трубы трубятъ въ Новгородѣ (Сѣверскомъ). Стоятъ знамена въ Путивлѣ. Игорь ждетъ милаго брата Всеволода. И сказалъ Игорю Буй-туръ Всеволодъ (за силу свою и удаль сравнивается онъ съ буйнымъ или ярымъ туромъ):

„Одинъ братъ, одинъ свѣтъ ты, свѣтлый Игорь! Оба мы дѣти Святослава. Сѣдлай, братъ, своихъ быстрыхъ коней, а мои кони уже готовы, осѣдланы, стоятъ у Курска, впереди. Мои куряне —лихіе наѣздники, подъ трубами они пеленаны, подъ шлемами взлелѣяны, концемъ копья вскормлены, дороги имъ вѣдомы, овраги имъ знакомы, луки у нихъ натянуты, колчаны открыты, сабли навострены, скачутъ на коняхъ, словно волки въ полѣ, ищутъ себѣ чести, а князю славы...

Тогда вступилъ Игорь въ свое златое стремя и поѣхалъ по чистому полю. То предъ нимъ солнце затмилось, а теперь, какъ наступила ночь, буря застонала, гроза разбудила птицъ въ лѣсахъ. Звѣри воютъ въ степяхъ; зловѣщая птица (дивъ) кричитъ съ верху дерева.

Неторенными дорогами несутся половцы къ великому Дону. Ведетъ

Игорь къ Дону и своихъ воиновъ. Птицы уже чуютъ добычу; волки по оврагамъ завываютъ; орлы своимъ клектомъ скликаютъ звѣрей на трупы.

Утромъ въ пятницу русскіе смяли поганые полки половецкіе и помчали въ плѣнъ красныхъ дѣвицъ половецкихъ, а съ ними золото, ткани, дорогія парчи. Кожухами и епанчами стали дороги мостить по болотамъ да по топкимъ мѣстамъ. Красное знамя, бѣлая хоругвь, серебряное древко достались храброму Игорю.

Отдыхаетъ въ полѣ храброе гнѣздо (русскихъ воиновъ). Не родилось оно на обиду ни соколу, ни кречету, ни тебѣ черный воронъ, поганый половчинъ. Гзакъ (половецкій ханъ) бѣжитъ сѣрымъ волкомъ, Кончакъ слѣдъ ему прокладываетъ къ широкому Дону.

Кровавой зарею начинается день. Черныя тучи съ моря идутъ. Закроютъ онѣ князей русскихъ. Трепещутъ въ тучахъ синія молніи. Быть грому великому; идти дождю стрѣлами съ Дону широкаго; копьямъ тутъ поизломаться; саблямъ зазубриться о шлемы половецкіе на рѣкѣ на Каялѣ, у Дону широкаго.

О Русь, далеко зашла ты! Вотъ вѣтры, Стрибоговы внуки, вѣютъ стрѣлами съ моря на храбрые полки Игоря! Земля дрожитъ, рѣки мутно текутъ, пыль по полямъ стелется, знамена шумятъ. Идутъ половцы отъ Дона, идутъ отъ моря, со всѣхъ сторонъ окружили они русское войско. Криками своими наполнили они поля. Заградили себя храбрые руссичи багряными щитами. Яръ-туръ Всеволодъ! ты стоишь впереди, прыщешь стрѣлами, гремишь мечами булатными по шлемамъ. Гдѣ проскачетъ Буй-туръ, своимъ золотымъ шлемомъ посвѣчивая, тамъ лежатъ поганыя головы половецкія, раздроблены шлемы аварскіе твоими саблями закаленными, Яръ-туръ Всеволодъ!

Какой раны, побоится тотъ, братцы, кто позабылъ о почестяхъ, о жизни. о золотомъ престолѣ, кто отказался отъ ласки жены своей, прекрасной Глѣбовны?

Были тяжелыя времена, были походы Олега Святославича. Олегъ тотъ мечемъ крамолу ковалъ, стрѣлы по родной землѣ сѣялъ. Много горя причинилъ онъ Всеволоду и Владиміру. Тогда при этомъ Олегѣ Горіславичѣ сѣялись и всходили усобицы, гибла жизнь человѣческая, въ княжьихъ крамолахъ вѣкъ людской сократился. Рѣдко тогда на поляхъ въ Русской землѣ раздавались голоса пахарей; но часто вороны каркали, дѣля между собою трупы убитыхъ. То бывало во времена прежнихъ битвъ, прежнихъ походовъ, а о такой битвѣ, какъ эта, и не слыхано. Съ утра до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гремятъ сабли о шлемы, трещатъ копья стальныя въ невѣдомомъ полѣ, среди земли Половецкой. Земля была копытами вспахана, костьми засѣяна, кровью полита; горемъ взошелъ посѣвъ этотъ по Русской землѣ...

Строитъ Игорь снова свои полки. Жаль ему милаго брата Всеволода.

Бились день, бились другой, на третій день къ полудню пали знамена Игоря. Тутъ братья разлучились на берегу быстрой Каялы, тутъ кроваваго вина не достало, тутъ пиръ покончили храбрые руссичи, сватовъ попоили, а сами полегли за Русскую землю!

Никнетъ трава отъ жалости, и дерево, словно въ печали, опустило вѣтви къ землѣ. Тяжелая невзгода въ пустынѣ силу похоронила...

Не стало у князей единомыслія на поганыхъ. Говаривалъ братъ брату: „это мое и то мое-же“, и стали князья малое считать за великое и сами на себя крамолу ковать, а поганые (половцы) тѣмъ временемъ со всѣхъ сторонъ съ побѣдами приходили на землю Русскую... О далеко залетѣлъ соколъ (Игорь), избивая птицъ, къ морю... Игоревой храброй дружины уже не воскресить! А по Русской землѣ поскакали половцы. Стали плакать жены русскія причитаючи: „Уже намъ своихъ милыхъ мужей ни мыслію примыслить, ни думою придумать, ни глазомъ увидѣть, а золотомъ и серебромъ совсѣмъ ужь не тѣшиться“. Застоналъ, братья, Кіевъ отъ скорби, а Черниговъ отъ напастей. Тоска разлилась, печаль великая потекла по Русской землѣ!... А князья сами другъ на друга крамолу ковали; а поганые на Русскую землю нападали и дань брали по бѣлкѣ съ двора. Храбрые Игорь и Всеволодъ пробудили снова ту вражду, которую усыпилъ было отецъ ихъ, грозный Святославъ. Онъ, какъ гроза, привелъ въ трепетъ землю Половецкую своими сильными полками, своими булатными мечами... Тутъ (иноземные торговцы въ Кіевѣ) нѣмцы и венеціане, греки и моравцы прославляютъ Святослава, корятъ Игоря, что онъ силу потопилъ на днѣ Каялы, рѣки половецкой, много золота русскаго разсыпалъ...

Видитъ Святославъ недобрый сонъ. „Въ прошлую ночь, разсказываетъ онъ боярамъ, снилось мнѣ, что въ Кіевѣ на горахъ съ вечера покрывали меня чернымъ покрываломъ на тесовой кровати, черпали мнѣ синее вино съ зельемъ смѣшанное, сыпали мнѣ крупный жемчугъ на постель... Всю ночь каркали вороны“. И отвѣчали бояре князю: „Тоска, князь, полонила умъ твой: два сокола слетѣли съ отцовскаго золотаго трона, чтобы опять добиться Тмутракани или напиться шлемомъ изъ Дона. Уже подсѣкли сабли поганыхъ крылья у обоихъ соколовъ, а самихъ оковали желѣзными путами. На рѣкѣ Каялѣ тьма покрыла свѣтъ. По Русской землѣ разошлись половцы, словно хищные барсы. Князья наши потопили свое счастье и дерзость придали хану“.

Тогда Святославъ изронилъ изъ души золотое слово, слезами облитое: „Дѣти мои, Игорь и Всеволодъ! рано вы начали Половецкую землю сокрушать мечами, а себѣ славы искать: безславно вы побѣдили, безславно кровь поганую пролили. Ваши мужественныя сердца крѣпкимъ булатомъ скованы, буйной удалью закалены!—и вотъ что причинили вы моей сѣдинѣ! (Далѣе сочинитель „Слова“, выражая свою печаль, называетъ сильныхъ князей, современныхъ ему—Всеволода Юрьевича, Ярослава Галицкаго и др., которые могли бы сокрушить половцевъ, если бы хотѣли.

„Великій князь Всеволодъ! тебѣ и на мысль не пришло прилетѣть издалека на защиту отцовскаго золотаго престола? А можешь ты Волгу веслами раскропить, Донъ шлемами вычерпать!... А ты Галицкій Осмомыслъ—Ярославъ! Высоко ты сидишь на своемъ златокованномъ престолѣ, укрѣпилъ ты карпатскія горы своими могучими полками, заслонивъ путь венгерскому королю... Молва о грозныхъ силахъ твоихъ разносится по землѣ. Стрѣлами своими грозишь ты съ престола твоего султану. Стрѣляй, государь, въ Кончака, раба поганаго, заступись за русскую землю, за раны Игоря, храбраго Святославича. И ты буйный Романъ и Мстиславъ! Мужественная мысль возноситъ

умъ вашъ на великій подвигъ; вы пылко стремитесь на дѣло, какъ соколъ, рѣющій по воздуху, на птицу...

Далѣе въ сказаніи припоминаются и другіе князья, которые при всей ихъ храбрости напрасно кровь проливали и своими крамолами накликали литовцевъ на русскую землю, и отъ нихъ приходилось терпѣть тѣ-же насилія, какъ отъ половцевъ. Вспоминается и непосѣдливый, безпокойный князь Всеславъ Изъ-за него на рѣкѣ Немизѣ (Нѣманѣ) много сгибло русскихъ силъ „словно на току вмѣсто сноповъ стелили людей, молоти и цѣпами булатными (мечами), вѣяли душу отъ тѣла“... И не добрымъ засѣяны берега Нѣмана,—засѣяны трупами сыновъ русскихъ! „Но безпокойный Всеславъ и самъ не ма о бѣды вытерпѣлъ. Еще въ древности мудрый Баянъ припѣвалъ ему разумную припѣвку: „ Ни хитрому, ни гораздому суда божьяго не миновать“.

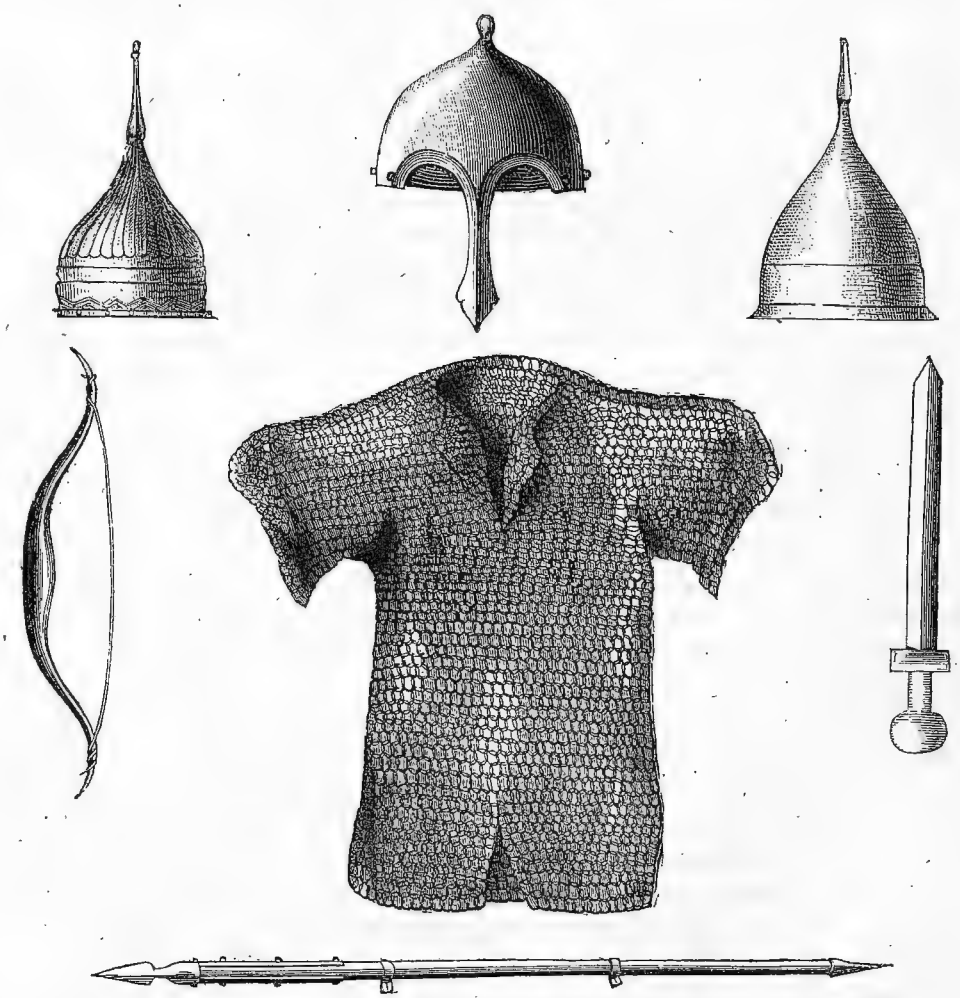
Затѣмъ сказаніе переходитъ къ женѣ Игоря (Евфросиніи Ярославнѣ, дочери Галицкаго князя „Осмомысла“).

„Слышенъ голосъ Ярославны (супруги Игоря), словно кукушка невидимая, рано она плачетъ и причитаетъ: „Полечу, говоритъ она, къ Дону кукушкою, омочу бобровый рукавъ свой въ Каялѣ рѣкѣ, оботру князю кровавыя раны его на могучемъ тѣлѣ его“. Плачетъ Ярославна въ Путивлѣ на городской стѣнѣ. „О, вѣтеръ, вѣтрило! говоритъ она, зачѣмъ, господинъ, несешь ты несчастье? Зачѣмъ несешь ты ханскія стрѣлы на воевъ мужа моего. Мало тебѣ развѣ вѣять на высотѣ подъ облаками? Лелѣешь корабли ты на морѣ, зачѣмъ-же ты мое счастье развѣялъ по ковылю? О Днѣпръ Словутичъ! (славный) ты пробилъ каменныя горы сквозь землю половецкую, ты лелѣялъ на себѣ суда Святослава, взлелѣй, господинъ, моего мужа ко мнѣ, чтобы я не слала ему слезъ моихъ.— Свѣтлое, пресвѣтлое солнце! Всѣмъ тепло и красно ты, зачѣмъ-же ты жгло лучами своими воевъ мужа моего? въ полѣ безводномъ засухою у нихъ луки согнуло, натуго у нихъ колчаны сомкнуло?“

(Игорю удается бѣжать изъ половецкаго плѣна).

Игорю-князю Богъ путь даетъ изъ земли Половецкой въ землю Русскую къ отцовскому золотому престолу. Погасла вечерняя заря. Игорь спитъ... Игорь пробудился... Мысленно онъ поле измѣряетъ отъ Дону великаго до малаго Донца. Готовъ конь къ полуночи, Овлуръ (сообщникъ Игоря) свистнулъ за рѣкою. Князя Игоря нѣтъ! Крикнулъ онъ, дрогнула земля, зашумѣла трава, поднялся станъ половецкій. Пустился Игорь, словно горностай въ тростникѣ, несется на борзомъ конѣ своемъ, словно волкъ въ степи. Не догнать Гзаку и Кончаку своего плѣннаго. „Тяжело тебѣ головѣ безъ плечъ, говорилъ въ старину Баянъ, худо тебѣ тѣлу безъ головы“, такъ тяжело землѣ русской безъ Игоря. Что солнце сіяетъ на небѣ, такъ Игорь въ русской землѣ. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ Святой Богородицѣ Пирогощей (церковь въ Кіевѣ). Страны рады, города веселы, воспѣвая пѣснь старымъ князьямъ, а потомъ молодымъ. Воспоемъ и мы: слава Игорю Святославичу, Буй-туру-Всеволоду, Владиміру Игоревичу! Да здравствуютъ князья и дружина, поборающая за христіанъ на полки поганые!

Въ приведенномъ сказаніи разсказано совершенно согласно съ лѣтописью о злополучномъ походѣ Игоря въ 1185 г. Неизвѣстно, кто писалъ это сказаніе, но, конечно, не духовное лицо. Называть людей внуками Дажь-Бога, упоминать Велеса, Стрибога и проч. могъ только мірянинъ, который не чуждался народныхъ языческихъ выраженій и суевѣрій. Вѣроятно, это былъ дружинникъ, хорошо знакомый съ военнымъ дѣломъ, быть можетъ, участникъ неудачнаго Игорева похода, во всякомъ случаѣ, это былъ человѣкъ умный и талантливый, хорошо понимавшій, въ чемъ главное зло Русской земли, и умѣвшій вылить свою мысль и чувство въ живое слово... Дорога была его сердцу Русская земля, и глубоко скорбитъ онъ, что и сила русская, и удаль пропадаютъ попусту отъ гибельной розни князей, которые „куютъ крамолу“, и степныхъ хищниковъ наводятъ на свою землю... Скорбно говоритъ онъ о родныхъ поляхъ, которыя кровью политы, костями людскими усѣяны, на которыхъ рѣдко слышится пѣсня пахаря, а часто вороны каркаютъ на мертвыхъ тѣлахъ!...



Древніе шлемы.—Кольчуга.—Мечъ.—Лукъ.—Копье (сулица).

V.

Монашество и просвѣщеніе на Руси въ XI—XII ст.

Начало русскаго монашества.

Къ концѣ десятаго вѣка, когда къ предкамъ нашимъ зашло христіанство изъ Византіи, тамъ было уже много монастырей. Монашество впервые явилось на востокѣ въ третьемъ вѣкѣ по Р. Х. Ученіе Христа и набожность такъ увлекали иныхъ людей, что они отказывались отъ всякихъ мірскихъ утѣхъ и житейскихъ заботъ, удалялись въ пустыню и тамъ проводили одинокую жизнь въ тяжкихъ лишеніяхъ, постѣ и молитвѣ.

Съ востока монашество перешло и въ Грецію. Въ Константинополѣ и въ большихъ и богатыхъ греческихъ городахъ нравственный упадокъ въ IV—V вѣкахъ доходилъ до крайней степени: богачи утопали въ роскоши, въ излишествахъ всякаго рода, въ порокахъ; а чернь отъ нищеты страшно грубѣла и становилась склонна къ звѣрству и насилію. Тщеславіе, зависть, жадность, обманъ, воровство встрѣчались на каждомъ шагу. Напрасно лучшіе проповѣдники въ своихъ рѣчахъ громили общество, обличали пороки его, напоминали ему о христіанскихъ обязанностяхъ. Ничто не помогало! Тяжело, душно было жить всякому истинно-нравственному человѣку среди пороковъ и нечестія. Люди, полные благочестія и христіанскаго чувства, не выносили подобной жизни,—отказывались отъ семьи, отъ всякихъ благъ земныхъ, раздавали свое имѣніе нищимъ, уходили изъ городовъ и проводили одинокую жизнь въ благочестивомъ размышленіи, покаяніи и молитвѣ. Богачи жили въ раззолоченныхъ палатахъ, сіяли златотканной одеждой, блистали драгоцѣнными камнями, наслаждались самою утонченною и дорогою пищею; а отшельники

находили себѣ пріютъ въ мрачныхъ пещерахъ, въ дуплахъ старыхъ деревъ, одѣвали грубую, жесткую власяницу, питались сухимъ хлѣбомъ, и то не всякій день. Эти отшельники, или аскеты (подвижники), какъ ихъ называли въ Греціи, даже нарочно старались изнурять свое тѣло голодомъ, жаждою; зимою они подвергали себя холоду, а лѣтомъ жгучему зною. Тѣло, по понятіямъ ихъ, было только обузою, бременемъ для души, помѣхою для душевнаго спасенія; на земную жизнь смотрѣли они, какъ на временное испытаніе для души. Жизнь праведника, по ихъ взгляду, должна была состоять въ неустанной борьбѣ съ тѣлесными потребностями, при помощи которыхъ лукавый искушалъ людей и старался ввести въ грѣхъ. Отшельникъ, изможденный голодомъ, жаждою и безсонницей, но сильный духомъ, могущій проводить дни и ночи въ непрестанной молитвѣ, покаяніи и слезахъ, сталъ образцомъ истиннаго христіанина-подвижника. Понятно, что среди изнѣженнаго, малодушнаго и своекорыстнаго люда такіе могучіе духомъ подвижники возбуждали всеобщее удивленіе и вызывали свѣжихъ людей на подражаніе. По близости нѣкоторыхъ изъ такихъ отшельниковъ селились ихъ подражатели—другіе подвижники. Каждый жилъ особнякомъ. Такимъ образомъ возникали уединенныя жилища (монастыри). Обитатели этихъ монастырей—монахи (слово „монахъ“ значитъ одиноко живущій, инокъ) считались какъ бы братьями, подчинялись старѣйшему (игумену, настоятелю) и чтили его какъ отца.

Русскій народъ, еще молодой и свѣжій, не страдалъ, конечно, тѣми неизлѣчимыми недугами и пороками, въ какіе погрязло изветшавшее византійское общество; но и на Руси творилось много всякаго зла, сильно и долго держались еще языческіе обычаи, много было грубости. Все это, конечно, должно было мало-по-малу ослабѣть съ большимъ просвѣщеніемъ, съ усиленіемъ Христовой вѣры въ народѣ; но пока все-таки людямъ съ глубокимъ чувствомъ и умомъ тяжело жилось въ обществѣ, или, какъ говорилось, „въ міру„: слишкомъ ужъ груба и темна была для нихъ „мірская жизнь“ полуязыческаго и невѣжественнаго населенія; а отъ священныхъ книгъ, отъ ученія Христова вѣяло такимъ тепломъ, такимъ свѣтомъ!... Какъ было людямъ чуткимъ и умнымъ не увлекаться страстно мыслью всецѣло служить Богу, отречься отъ всего мірскаго? При томъ разсказы о самоотверженіи и подвигахъ византійскихъ пустынниковъ вызывали желаніе подражать имъ. Понятно, почему и на Руси должно было рано возникнуть монашество.

У насъ явились монастыри вскорѣ послѣ принятія христіанства; при Ярославѣ ихъ было уже нѣсколько. Но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ такого важнаго значенія, какъ Кіево-Печерскій. Основателями его были свв. Антоній и Ѳеодосій.

Антоній родился въ мѣстечкѣ Любечѣ, неподалеку отъ Чернигова. Съ юныхъ лѣтъ онъ уже отличался благочестіемъ и набожностью; странствовалъ по монастырямъ Греціи и достигъ Святой горы (Аѳонской), гдѣ было нѣсколько монастырей. Благочестивая жизнь въ этихъ обителяхъ такъ пришлась ему по душѣ, что онъ пожелалъ остаться инокомъ въ одной изъ нихъ. Настоятель постригъ его въ монахи и разъяснилъ ему всѣ монашескія обязанности. Поселился Антоній отшельникомъ въ уединенной пещерѣ и началъ свою под-

вижническую жизнь. Его благочестіе и строгая жизнь обратили на него общее вниманіе братіи. Тогда игуменъ сказалъ ему:

— „Иди снова въ Русскую землю; да будетъ съ тобою благословеніе Святой горы! Отъ тебя произойдетъ множество черноризцевъ".

Прибылъ Антоній въ Кіевъ, обошелъ всѣ монастыри; но нигдѣ не захотѣлось ему остаться. Тогда началъ онъ ходить по горамъ и лѣсамъ близъ Кіева и, наконецъ, нашелъ небольшую пещеру въ лѣсу, у берега Днѣпра, и поселился здѣсь. Пещеру эту ископалъ Иларіонъ, священникъ изъ села Берестова, сдѣлавшійся потомъ митрополитомъ; онъ любилъ уединяться для молитвы въ лѣсу и на случай непогоды устроилъ себѣ въ крутомъ обрывѣ прибрежнаго холма небольшую пещерку. Антоній прорылъ ее поглубже и поселился здѣсь. Онъ пребывалъ постоянно въ молитвѣ, трудахъ, не давалъ себѣ покою ни днемъ, ни ночью; сухой хлѣбъ, и то черезъ день, былъ его пищею; простая вода—единственнымъ напиткомъ.

Скоро пошла по людямъ молва о новомъ подвижникѣ; стали приходить къ нему набожные люди за благословеніемъ, приносили ему все нужное для жизни. Нашлись и такіе, что стали просить у него позволенія поселиться близъ него и вести жизнь по его примѣру. Первый поселился подлѣ Антонія Никонъ, а въ 1032 г. пришелъ Ѳеодосій.

Св. Ѳеодосій.

Родился Ѳеодосій неподалеку отъ Кіева, въ городкѣ Васильевѣ. Родителямъ его пришлось скоро переселиться въ Курскъ; здѣсь и провелъ Ѳеодосій свое отрочество. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ обнаруживалъ набожность и благочестіе. Церковь Божія была первымъ его училищемъ; любилъ онъ слушать въ церкви чтеніе божественныхъ книгъ, дѣтскихъ игръ чуждался, не хотѣлъ носить богатой цвѣтной одежды. Не могли его принудить родители, люди зажиточные, надѣвать богатые наряды и играть съ дѣтьми. Скоро онъ научился грамотѣ у одного изъ городскихъ учителей. Тринадцати лѣтъ онъ лишился отца. Мать Ѳеодосія, женщина крутого нрава, очень упрямая, не могла выносить его склонностей; она любила своего сына страстно; поступки-же его казались ей и странными, и унизительными для него и ея рода. Невыносимо было ей видѣть, какъ ея сынъ въ плохой одеждѣ, ничѣмъ не отличаясь отъ рабовъ, шелъ съ ними на работу. Она запрещала ему это, умоляла его одѣться въ богатое платье, идти играть со сверстниками, приходила въ ярость, когда онъ не повиновался ей въ этомъ, била его... Ничто не помогало! Смиренно выносилъ Ѳеодосій побои матери, но продолжалъ поступать по-прежнему.

Наслушавшись разсказовъ о святыхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ, училъ и страдалъ Спаситель, Ѳеодосій захотѣлъ, во что бы ни стало, побывать тамъ. Узнавъ отъ странниковъ, проходившихъ чрезъ Курскъ, что они идутъ въ Іерусалимъ, онъ упросилъ ихъ взять его съ собой. Когда они извѣстили его, что собираются въ путь, онъ всталъ ночью, тайкомъ вышелъ изъ дому, не взялъ съ собою ничего, кромѣ той плохой одежды, въ какой обыкновенно ходилъ, и пошелъ вслѣдъ за странниками. Когда мать узнала, что сынъ ея ушелъ съ богомоль-

*

цами, бросилась она въ погоню за нимъ,—наконецъ, догнала. Злоба ея не знала границъ. Въ ярости схватила она его за волосы, бросила на-земь, била его ногами. Связаннаго, словно злодѣя, привела она сына домой. Гнѣвъ ея былъ такъ великъ, что она и дома била его до изнеможенія; послѣ того, велѣла заковать его и держала его нѣсколько времени въ оковахъ. Наконецъ, гнѣвъ ея понемногу улегся, заговорила въ ея душѣ материнская любовь, — жалко ей стало сына; начала она его увѣщевать, умолять, чтобы онъ не уходилъ отъ нея. Любила она его больше всѣхъ дѣтей своихъ, не могла жить безъ него. Ѳеодосій обѣщалъ не покидать ее; а она предоставила ему полную свободу поступать, какъ онъ хочетъ.

По-прежнему сталъ онъ ежедневно ходить въ церковь и, замѣтивъ, что былъ недостатокъ въ просфорахъ, принялся печь ихъ и продавать. Излишекъ вырученныхъ денегъ раздавалъ онъ нищимъ, а на остальныя снова покупалъ жито, самъ мололъ его и пекъ просфоры. Сверстники Ѳеодосія насмѣхались надъ нимъ, всячески укоряли и ругали его; онъ же сносилъ молча всѣ поруганія, тайно радуясь въ сердцѣ своемъ; но материнское чувство не вынесло насмѣшекъ надъ сыномъ, начала снова она умолять его, съ любовью увѣщевать.

— „Молю тебя, дитя мое, говорила она, оставь это дѣло, не позорь своего рода: нестерпимо для меня слышать отъ всѣхъ укоры тебѣ. Неприлично тебѣ такое дѣло дѣлать!.

— „О, мать моя, отвѣчалъ Ѳеодосій, послушай меня. Господь нашъ Іисусъ Христосъ самъ подалъ намъ примѣръ смиренія: былъ Онъ и поруганъ, и оплеванъ, и заушаемъ,—все перенесъ Онъ спасенія нашего ради. Намъ-же грѣшнымъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ терпѣть. А что до моего дѣла, то послушай: если самъ Господь назвалъ хлѣбъ своею плотію, то какъ-же мнѣ не радоваться, что Онъ сподобилъ меня приготовлять его плоть“?

Подивилась мать разуму сына своего, перемогла свою досаду и оставила его въ покоѣ,—но не надолго. Разъ, увидѣвъ на немъ обжоги, стала она снова укорять его, грозить, умолять, чтобы онъ оставилъ неподходящее его званію дѣло. Смутился юноша и долго недоумѣвалъ, какъ ему быть. Порѣшилъ онъ наконецъ— уйти отъ матери. Ночью тайно ушелъ онъ изъ дому въ сосѣдній городъ; тамъ его принялъ къ себѣ въ домъ одинъ священникъ, и сталъ Ѳеодосій по-прежнему печь просфоры для церкви. Долго мать въ страшной горести разыскивала бѣглеца-сына. Наконецъ, узнала, гдѣ онъ, нашла его, и снова Ѳеодосій подвергся побоямъ и истязаніямъ...

Понравился онъ властителю города (намѣстнику княжьему), взялъ тотъ его къ себѣ въ домъ, одѣвалъ въ богатое платье; но Ѳеодосій дарилъ нищимъ это платье, а самъ по-прежнему ходилъ въ старомъ и плохомъ. Мало того, онъ велѣлъ кузнецу сковать тяжелыя вериги (цѣпи), опоясался ими и носилъ ихъ подъ платьемъ. Желѣзо перетирало ему тѣло до крови; но онъ не показывалъ и виду, что ему больно. Случайно мать увидѣла кровь на одеждѣ его, узнала, что онъ истязаетъ себя, снова пришла она въ ярость, сорвала съ него вериги и прибила его.

Однажды Ѳеодосій, при чтеніи Евангелія, услышалъ снова: „аще кто не оставитъ отца и матерь, и вслѣдъ Мене не идетъ, нѣсть Мене достоинъ“ и

далѣе: „пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененные, и азъ вы упокою“. На этотъ разъ слова эти особенно сильно подѣйствовали на Ѳеодосія. Онъ рѣшилъ уйти изъ дому, во что бы то ни стало, и посвятить себя всецѣло Богу. Слышалъ онъ, что въ Кіевѣ есть монастыри: тамъ думалъ онъ найти пріютъ. Дороги въ Кіевъ онъ не зналъ. По счастію для него, шелъ туда въ это время купеческій обозъ; Ѳеодосій пошелъ слѣдомъ за нимъ, не упуская его изъ виду, и такимъ образомъ добрался до Кіева. Здѣсь ходилъ онъ по монастырямъ и просился, чтобы его приняли въ иноки; но въ нѣкоторыхъ монастыряхъ не пожелали принять юношу, одѣтаго въ бѣдную, изорванную одежду. Услыхалъ онъ объ Антоніи и пришелъ къ нему. Увидѣвъ его, Ѳеодосій поклонился до земли и со слезами умолялъ принять его къ себѣ.

— „Чадо, сказалъ Антоній, видишь-ли эту пещеру. Мѣсто это скорбное и тѣсное; ты-же еще юнъ, и, думаю, не снесешь ты печали въ этомъ мѣстѣ“.

— „Честный отецъ, отвѣчалъ Ѳеодосій, ты знаешь, что Богъ привелъ меня къ тебѣ, —все, что только ты велишь, буду я творить“.

Тогда Антоній благословилъ Ѳеодосія и велѣлъ Никону постричь его и возложить на него черныя монашескія ризы.

Начались иноческіе подвиги Ѳеодосія... Но ему предстояло новое тяжелое испытаніе. Его мать была въ отчаяніи... Напрасно она разыскивала его сама по всѣмъ окрестнымъ мѣстамъ; тщетно искали его всюду посланные ею люди; щедрую награду обѣщала она тому, кто его приведетъ,—все напрасно! Четыре года прошло,—о Ѳеодосіи ни слуху, ни духу! Но вотъ случайно отъ путниковъ, пришедшихъ изъ Кіева, она узнаетъ, что Ѳеодосія видѣли тамъ. Немедленно спѣшитъ она сюда, бросается по всѣмъ монастырямъ; наконецъ, узнаетъ, что онъ въ пещерѣ у преподобнаго Антонія. Она приходитъ къ пустыннику и слышитъ, что сынъ ея живъ и находится здѣсь; она хочетъ видѣть его, но онъ, отдавшій себя Богу, рѣшается отказать матери въ свиданіи. Никакія мольбы не могутъ измѣнить его рѣшенія; даже увѣщанія самого Антонія не дѣйствуютъ на Ѳеодосія. Тогда его мать отъ мольбы переходитъ къ угрозамъ.

— „Покажи мнѣ сына моего, говоритъ она въ отчаяніи Антонію, если ты мнѣ его не покажешь, то я погублю себя у твоей пещеры!“

Антоній въ тяжелой скорби входитъ въ пещеру и снова умоляетъ Ѳеодосія выйти къ матери; наконецъ, онъ повинуется и выходитъ. Увидѣла мать своего сына блѣднаго, исхудалаго, изможденнаго, бросилась къ нему на шею, горько рыдала, обливала его своими слезами. Успокоившись немного, стала она умолять его.

— „Возвратись въ домъ свой, дѣтище мое! Все, что тебѣ надо для спасенія души,—все ты будешь творить по своей волѣ, только не отлучайся отъ меня. Умру я, погребешь ты меня, тогда возвращайся въ пещеру эту. Не могу я жить и не видѣть тебя!“

Напрасны были мольбы матери. Ѳеодосій, вѣрный данному монашескому обѣту, былъ непреклоненъ. Онъ предложилъ матери, если она хочетъ видаться съ нимъ,—постричься въ одномъ изъ кіевскихъ ближнихъ женскихъ монастырей. Послѣ долгой борьбы материнское чувство взяло верхъ надъ всѣми мір-

скими утѣхами, и мать Ѳеодосія, не будучи въ силахъ разстаться навсегда съ сыномъ, постриглась въ женскомъ монастырѣ св. Николая. (Всѣ подробности эти преподобный Несторъ, написавшій житіе Ѳеодосія, узналъ отъ келаря Ѳеодора, который слышалъ отъ самой матери св. подвижника).

Молва о днѣпровской пещерѣ и трехъ подвижникахъ ея: Антоніи, Никонѣ и Ѳеодосіи далеко разносилась по Русской землѣ. Со всѣхъ концовъ ея изъ разныхъ сословій стала стекаться братія.

Сынъ одного знатнаго вельможи Іоанна явился разъ къ Антонію, долго бесѣдовалъ съ нимъ, выразилъ желаніе постричься въ монахи. На другой день пріѣхалъ онъ къ пещерѣ въ свѣтлой одеждѣ, на богатомъ конѣ, въ сопровожденіи своихъ слугъ. Отшельники вышли изъ пещеры и привѣтствовали его, какъ вельможу; онъ же въ отвѣтъ поклонился имъ до земли, и, снявъ съ себя боярскую одежду, положилъ ее предъ старцемъ, поставилъ предъ нимъ и коней въ богатыхъ уборахъ и сказалъ:

— „Все это, отче, прелесть міра сего; какъ хочешь, такъ и поступи съ нею. Я же хочу, презрѣвъ все это, быть монахомъ и жить съ вами въ пещерахъ и не возвращусь больше въ домъ свой“.

Антоній напоминалъ ему о силѣ обѣта, о власти отца, о гнѣвѣ князя, но рѣшимость юноши не поколебалась. Тогда Никонъ постригъ его и нарекъ Варлаамомъ. Вслѣдъ за нимъ княжій слуга, любимецъ князя, также постригся въ монахи подъ именемъ Ефрема. Узнавъ объ этомъ, великій князь Изяславъ сильно разгнѣвался,—велѣлъ, чтобъ къ нему привели одного изъ отшельниковъ. Явился Никонъ.

— „Ты-ли, спросилъ его съ гнѣвомъ Изяславъ, постригъ боярина моего и слугу въ монахи безъ повелѣнія моего“?

— „Божіею благодатію, отвѣчалъ Никонъ, я постригъ ихъ повелѣніемъ Царя небеснаго Іисуса Христа, призвавшаго ихъ на подвигъ“.

— „Иди, сказалъ князь, и увѣщай ихъ, чтобы они возвратились къ себѣ домой; иначе я пошлю тебя и всѣхъ живущихъ съ тобою въ заточеніе, и пещеру вашу раскопаю“.

— „Владыко, какъ тебѣ угодно, такъ и твори, а я не могу отнимать воиновъ у Царя небеснаго“! отвѣчалъ кротко Никонъ.

Жена Изяслава стала просить за иноковъ и смягчила гнѣвъ своего мужа.

Много усилій употребилъ отецъ Варлаама, чтобы вернуть сына изъ пещеры; наконецъ, силою увелъ его къ себѣ домой. Варлаамъ молча сидѣлъ въ углу, не трогалъ пищи, принесенной ему, не обращалъ вниманія на просьбы и ласки жены. Три дня просидѣлъ онъ молча, не ѣвши, и только мысленно молилъ Бога, чтобы Онъ подкрѣпилъ его. Наконецъ, родители поняли, что ничего съ нимъ не подѣлать, и со слезами отпустили его. Оплакивала его жена, плакали слуги, любившіе его. Онъ остался твердымъ въ своемъ рѣшеніи.

Варлаамъ былъ игуменомъ послѣ того, какъ Никонъ ушелъ изъ Кіева въ Тмутракань. Вскорѣ по желанію князя Варлаамъ сталъ настоятелемъ въ монастырѣ Св. Димитрія въ Кіевѣ; тогда, по благословенію Антонія, братія избрала игуменомъ Ѳеодосія.

Первыми подвигами его въ игуменствѣ были постройка большой церкви и

введеніе монастырскаго устава. Недалеко отъ пещеры нашелъ онъ удобное мѣсто, соорудилъ тамъ храмъ во имя Пресв. Богородицы, а около него выстроилъ кельи. Въ своемъ монастырѣ ввелъ онъ уставъ Студійскаго Константинопольскаго монастыря. Правила этого устава очень просты. Общая молитва всей братіи въ церкви считается выше одиночной, келейной. У иноковъ должна быть общая трапеза; пищу вкушать за братской трапезой должны были безмолвно, внимая чтенію; безъ благословенія игумена никто не смѣлъ ни ѣсть, ни пить, ни держать хлѣба или воды въ кельѣ, ни съѣсть ягоды въ полѣ. Имущество у иноковъ должно быть общимъ, даже и одежда; никто не могъ ничего назвать своимъ; даже въ разговорѣ запрещалось употреблять слова: м о е, с о б с т в е н н о е, т в о е. Инокъ не долженъ былъ принимать милостыни ни отъ кого; взять что либо у кого-нибудь позволялось неиначе, какъ съ благословенія игумена. Инокамъ не позволялось ходить по келіямъ другъ къ другу. Безъ разрѣшенія игумена никто не смѣлъ выходить за монастырскія ворота. Разныя ремесла и искусства составляли занятіе иноковъ въ досужее отъ молитвы время.

Болѣе всего Ѳеодосій требовалъ отъ иноковъ полнѣйшаго повиновенія волѣ игумена; всякое уклоненіе отъ приказанія игумена считалось тяжкимъ грѣхомъ. Братія привыкла такъ повиноваться волѣ своего настоятеля, что разъ вратарь не рѣшился безъ спросу у него впустить въ монастырь даже великаго князя такъ какъ онъ пріѣхалъ въ такую пору, когда Ѳеодосій запретилъ впускать постороннихъ въ монастырскую ограду.

Жизнь иноковъ проходила въ долгихъ церковныхъ службахъ и тяжелыхъ трудахъ. Пища была скудная: монастырь былъ еще бѣденъ, и случалось, что братія съ вечера не знала, чѣмъ будетъ питаться завтра; но всѣ иноки и игуменъ твердо вѣрили, что Богъ, питающій небесныхъ птицъ, пропитаетъ и ихъ. Съ теченіемъ времени, когда отъ разныхъ пожертвованій и вкладовъ обитель нѣсколько обогатилась, Ѳеодосій сталъ отдѣлять десятую долю всѣхъ доходовъ монастыря на бѣдныхъ, даже устроилъ особый дворъ, гдѣ жили на счетъ монастыря нищіе, калѣки и больные. Каждую субботу посылалъ Ѳеодосій возъ съ хлѣбами по темницамъ. Въ кельѣ у себя держалъ онъ разслабленнаго старца и ходилъ за нимъ.

Ѳеодосій требовалъ, чтобы всѣ иноки строго исполняли свои обязанности. Онъ часто обходилъ келіи, и если находилъ у кого сверхъ общихъ братскихъ вещей лишнюю одежду или другія вещи, то бросалъ ихъ въ огонь. Даже по ночамъ строгій игуменъ обходилъ келіи, слушалъ у дверей, что дѣлаетъ каждый изъ иноковъ. Если онъ слышалъ въ келіи молитву, то благодарилъ Бога за благочестіе инока; если же слышалъ бесѣду двухъ или трехъ иноковъ, то стучалъ въ дверь. Утромъ же призывалъ виновныхъ и обличалъ ихъ, обличалъ кротко, со слезами...

„Молю васъ, братія, говоритъ онъ инокамъ въ одномъ поученіи, будемъ подвизаться въ постѣ и молитвѣ. Попечемся о спасеніи душъ нашихъ. Возвратимся отъ злобы и отъ путей грѣха, каковы клевета, празднословіе, пьянство, объяденіе, непріязнь къ брату. Взыщемъ Бога рыданіемъ, слезами, постомъ, неустанною молитвою, покорностью, послушаніемъ. Назвавшись чернецами, мы должны каждый день каяться въ своихъ грѣхахъ. Покаяніе есть путь, приво-

дящій къ Богу; оно есть ключъ къ царству: безъ него никому нельзя войти въ царство небесное".

Строгій къ другимъ, Ѳеодосій былъ еще строже къ самому себѣ. Никогда не видали его праздным: онъ не гнушался никакимъ трудомъ, работалъ цѣлый день, не давая отдыха своимъ рукамъ и ногамъ, часто ходилъ въ пекарню,— мѣсилъ тѣсто и пекъ хлѣбы вмѣстѣ съ пекарями. Примѣръ его сильно дѣйствовалъ на братію. Разъ пекарь сказалъ Ѳеодосію, что нѣтъ воды, а наносить некому; тогда блаженный тотчасъ всталъ и началъ носить воду съ колодца. Одинъ изъ братіи увидѣлъ это и поспѣшилъ сказать другимъ; сейчасъ-же нашлось нѣсколько человѣкъ, которые наносили воды съ избыткомъ... Въ другой разъ случилось, что не было дровъ для кухни. Келарь пришелъ къ Ѳеодосію и сказалъ:

— „Ты-бы велѣлъ кому-либо изъ братій, кто не занятъ, наносить дровъ!"

— „Вотъ я не занятъ, отвѣчалъ Ѳеодосій, такъ я и пойду".

Братіи онъ велѣлъ идти въ трапезу, такъ какъ было время обѣда, а самъ взялъ топоръ и сталъ рубить дрова. Когда иноки послѣ обѣда увидѣли настоятеля за работой; тотчасъ-же каждый взялъ свой топоръ и скоро наололи дровъ на много дней.

За братской трапезой ѣлъ онъ только сухой хлѣбъ и вареную зелень безъ масла, не пилъ ничего кромѣ воды; одежду носилъ ветхую въ заплатахъ, а подъ нею колючую власяницу. Спать онъ обыкновенно не ложился, а послѣ повечерія засыпалъ сидя; часто проводилъ онъ ночи безъ сна, молясь за себя и за братію. Съ наступленіемъ великаго поста онъ обыкновенно удалялся въ особую пещеру, (извѣстную до сихъ поръ подъ именемъ Ѳеодосіевой или дальней); возвращался въ обитель наканунѣ Лазаревой субботы.

Своимъ примѣромъ, добротой и привѣтомъ Ѳеодосій производилъ чудесное дѣйствіе даже на испорченныхъ людей. Разъ привели къ нему связанныхъ разбойниковъ, которыхъ поймали въ одномъ монастырскомъ селѣ за кражею. Блаженный при видѣ ихъ связанныхъ сильно опечалился. Прослезившись, онъ велѣлъ освободить ихъ и накормить; потомъ долго поучалъ ихъ никого не обижать, никому не дѣлать зла, далъ имъ много необходимаго и отпустилъ съ миромъ. Отпущенные такъ умилились душою, что съ этихъ поръ перестали дѣлать кому либо зло, стали довольствоваться своимъ трудомъ.

Смиреніе Ѳеодосія было необыкновенно. Случилось ему разъ быть далеко отъ обители у князя Изяслава. Князь приказалъ одному изъ своихъ слугъ отвезти настоятеля въ монастырь. Слуга, видя инока въ нищенской одеждѣ, и не зная, кого везетъ, сказалъ ему дорогою:

— „Ты, чернецъ, всегда праздень, а я живу въ трудахъ: пусти меня отдохнуть въ повозкѣ, а самъ садись на лошадь".

Ѳеодосій безпрекословно обмѣнялся мѣстомъ со слугою, и цѣлую ночь то ѣхалъ верхомъ, то шелъ подлѣ лошади, чтобы не уснуть. Когда разсвѣло, бояре, ѣхавшіе къ великому князю, при встрѣчѣ съ подвижникомъ сходили съ коней и низко кланялись ему. Слуга, увидѣвъ это, испугался; но Ѳеодосій успокоилъ его, ласково ввелъ въ обитель и приказалъ угостить его.

Кроткій и смиренный Ѳеодосій былъ въ тоже время суровъ, твердъ и непоколебимъ, гдѣ надо было изобличить неправду. Когда, изгнавъ изъ Кіева Изяслава, завладѣлъ его княженіемъ Святославъ, Ѳеодосій строго обличалъ его за это; не разъ въ присутствіи бояръ или княжьихъ людей, укорялъ князя за его несправедливости къ брату и насиліе и просилъ бояръ передать свои слова князю. Мало того, онъ самъ написалъ ему большое посланіе, гдѣ сравнивалъ поступокъ его съ преступленіемъ Каина. Князь, прочитавъ посланіе, пришелъ въ ярость. Братія, опасаясь за подвижника, умоляла его смириться и не раздражать князя. Многіе бояре, приходившіе въ обитель, упрашивали игумена о томъ-же и говорили, что Святославъ грозитъ послать его въ заточеніе.

— „Радуюсь я этому, сказалъ Ѳеодосій,—для меня это самое лучшее въ жизни. Чего мнѣ бояться? Потери-ли имущества и богатства? Лишусь-ли дѣтей или селъ? Нагими мы пришли въ этотъ міръ, нагими же подобаетъ намъ и уйти изъ него“.

Ѳеодосій продолжалъ свои обличенія. И принужденъ былъ великій князь смириться предъ инокомъ, сіявшимъ своимъ благочестіемъ. Сила смирилась предъ правдою! Князь старался даже сблизиться съ обличителемъ своимъ; часто пріѣзжалъ въ обитель къ нему, искалъ его бесѣды, кротко выслушивалъ укоры его, съ радостью принималъ наставленія. Къ нему обращались часто міряне съ просьбою заступиться за нихъ, попросить за нихъ у князей и бояръ. Князья и бояре чтили Ѳеодосія, какъ праведника, и охотно исполняли его просьбы.

Князья не только приходили сами къ Ѳеодосію, но нерѣдко приглашали его къ себѣ. Разъ пришелъ онъ къ Святославу во время пира: гремѣла музыка, раздавались пѣсни, скоморохи плясали... подвижникъ сѣлъ поодаль, грустно опустилъ голову и, наконецъ, обратившись къ князю, проговорилъ:

— „Будетъ-ли такъ на томъ свѣтѣ?!“

Князь понялъ, какъ оскорбляетъ мірское веселіе смиреннаго инока, проводящаго дни и ночи въ покаяніи, слезахъ и молитвѣ, и велѣлъ тотчасъ-же прекратить веселіе. Съ тѣхъ поръ, какъ только докладывали князю о приходѣ игумена, музыка и веселіе прекращались. Князь такъ уважалъ Ѳеодосія, что говорилъ ему:

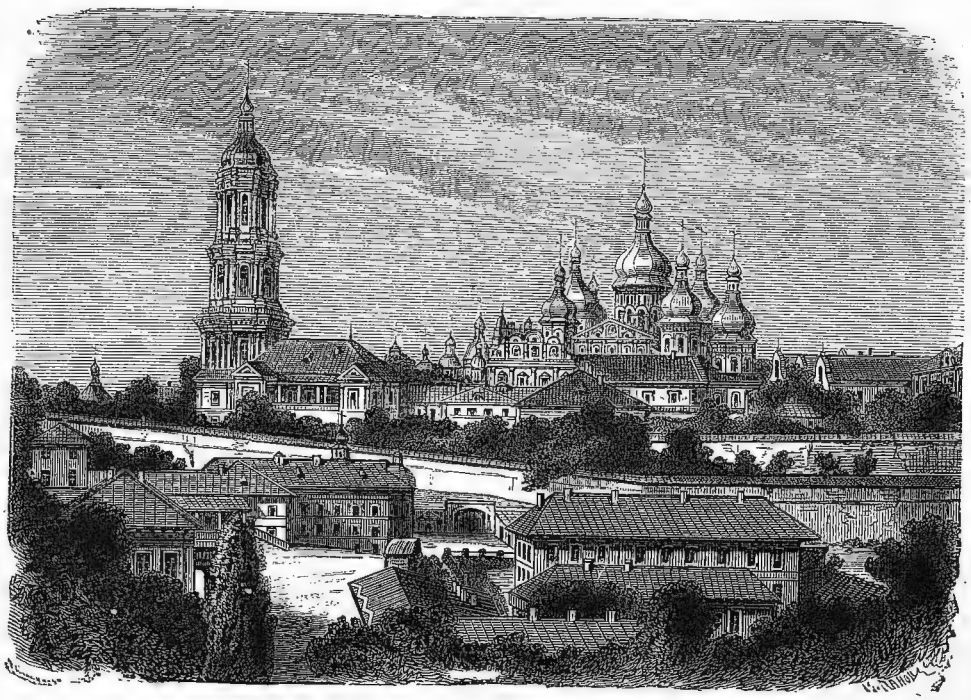
— „Если-бы отецъ мой всталъ изъ мертвыхъ, я такъ не былъ-бы обрадованъ этимъ, какъ твоимъ приходомъ!“

Ѳеодосій, не смотря на то, что Святославъ благоговѣлъ предъ нимъ и много добра сдѣлалъ братіи, все-таки не простилъ ему проступка: на эктеніяхъ во время богослуженія въ монастырѣ всегда молились сначала за Изяслава, какъ законнаго великаго князя, а за нимъ уже поминали Святослава...

Отъ Ѳеодосія до нашего времени сохранилось нѣсколько поученій: одни изъ нихъ касаются монашеской жизни; другія вообще христіанскихъ обязанностей. Въ одной проповѣди своей—„О казняхъ Божіихъ“ онъ признаетъ голодъ, болѣзни, нашествіе враговъ карою небесною за грѣхи; указываетъ на разныя языческія суевѣрія народа, нерасположеніе его къ духовнымъ лицамъ. (Встрѣчу, напр., съ чернецомъ, съ черницею народъ считалъ дурнымъ предзнаменованіемъ). Нападаетъ также Ѳеодосій на чародѣйство, на гаданья, на

ростовщичество, на мірскія забавы, на музыку и пляску. Болѣе всего распространяется о пьянствѣ: видно, этотъ порокъ былъ и въ ту пору сильно распространенъ. Особенно въ своихъ поученіяхъ предостерегаетъ онъ православныхъ отъ сближенія съ иновѣрцами,—съ латинцами: онъ, видимо, опасался, чтобы они не совратили русскихъ въ свою вѣру.

Монастырь все болѣе и болѣе расширялся; благодаря вкладамъ и пожертвованіямъ, онъ годъ отъ году богатѣлъ; число братіи росло. Задумалъ Ѳеодосій воздвигнуть большую каменную церковь въ честь Успенія Богородицы. Великій князь Святославъ подарилъ для новой церкви хорошее мѣсто близъ стараго Печерскаго монастыря и пожертвовалъ большія деньги (около ста гривенъ золота)



Кіево-Печерская лавра.

на сооруженіе ея. Были и другія пожертвованія. Закладка церкви происходила въ 1073 г. Ѳеодосій съ братьей ежедневно работалъ при постройкѣ и помогалъ мастерамъ. Но не пришлось ему дожить до окончанія ея: онъ сильно занемогъ и скоро почувствовалъ приближеніе кончины. Созвалъ онъ всю братію. Всѣ плакали.

— „Чада мои, любимая братія, говорилъ онъ, отхожу я уже къ владыкѣ нашему Господу Іисусу Христу; изберите себѣ сами игумена и повинуйтесь ему, какъ духовному отцу, бойтесь его“...

Затѣмъ умирающій заповѣдалъ, чтобы погребли его въ той пещерѣ, куда онъ обыкновенно удалялся во время великаго поста. Горько плакали всѣ иноки. Ѳеодосій утѣшалъ ихъ:

— „Обѣщаюсь вамъ, что я только тѣломъ отхожу отъ васъ, а духомъ вѣчно пребуду съ вами".

Онъ скончался 3-го мая 1074 года, на 65-мъ году отъ роду. За годъ предъ тѣмъ скончался Антоній 90-ти лѣтъ.

Долго строилась Успенская церковь. Окончена постройка была чрезъ 16 лѣтъ послѣ закладки. Красота этой церкви изумляла современниковъ: внутри она блистала золотомъ и мозаикою; помостъ устроенъ былъ изъ разноцвѣтныхъ каменьевъ узорами; церковныя главы были позолочены. Крестъ на главномъ куполѣ былъ выкованъ изъ чистаго золота. Современники называли печерскую церковь „славою и украшеніемъ всей земли Русской".

Значеніе Кіево-Печерскаго монастыря.

Духъ смиреннаго благочестія и тяжкаго подвижничества, внесенный въ обитель Ѳеодосіемъ, долго пребывалъ въ ней. Много было здѣсь благочестивыхъ иноковъ и суровыхъ подвижниковъ и при Ѳеодосіи, и по его смерти. Кромѣ иноковъ, жившихъ по кельямъ и сходившихся по уставу въ церкви за общею молитвою, да въ трапезной, въ Печерской обители были и затворники. Таковъ былъ Исаакій, раньше богатый торопецкій купецъ. Увлекся онъ подвижническою жизнью, роздалъ все свое имѣніе нищимъ, пришелъ въ пещеру, постригся въ монахи и началъ тяжелую подвижническую жизнь, надѣлъ власяницу, сверхъ нея покрылся сырой козлиной кожей, которая на немъ высохла, и затворился въ тѣсной пещерѣ. Здѣсь онъ непрестанно молился; воздерживался отъ пищи и питья; чрезъ день по одной просфорѣ подавали ему чрезъ окошечко, куда едва проходила рука. Воздерживался онъ и отъ сна,— сидя засыпалъ ненадолго. Изнурилъ онъ до крайности свою плоть; тяжелыя видѣнія томили его; онъ испытывалъ страшныя искушенія. Другой подвижникъ, Іоаннъ Многострадальный старался умертвить свою плоть, убить въ ней всѣ потребности. Долго боролся онъ съ самимъ собою; наконецъ, закопалъ себя въ землю по грудь и такъ провелъ нѣсколько лѣтъ. Кромѣ затворниковъ, въ Кіево-Печерской обители было много и другихъ иноковъ, прославившихся высокимъ благочестіемъ. Таковы, напр., Даміанъ цѣлитель, Матвѣй прозорливецъ, старецъ Іеремія, помнившій крещеніе Русской земли при Владимірѣ, Агапитъ безмездный врачъ, Алимпій, первый русскій иконописецъ и др.

Много дивныхъ разсказовъ о Кіево-Печерскомъ монастырѣ и подвижникахъ его разносили по Русской землѣ богомольцы, бывавшіе въ Кіевѣ. Разсказывали о чудномъ воздержаніи, терпѣніи печерскихъ подвижниковъ, смиреніи, непрестанной борьбѣ ихъ съ искушеніями, чудесахъ... Дивились всѣ подвигамъ печерскихъ иноковъ—этихъ богатырей духовной силы.

Кіевъ сдѣлался священнымъ городомъ въ глазахъ православныхъ. Въ самомъ городѣ красовались великолѣпныя церкви: Десятинная и Софійская; въ первой была гробница Св. Равноапостольнаго Владиміра; близъ Кіева, въ Вышгородѣ находились гробницы Свв. Бориса и Глѣба, а въ окрестностяхъ Кіева, на берегу Днѣпра, сіяла Печерская обитель, гдѣ покоились мощи свв. Антонія, Ѳеодосія и многихъ другихъ подвижниковъ, погребенныхъ въ пеще-

рахъ. Мало по малу народъ привыкъ со всѣхъ концевъ Русской земли стекаться въ Кіевъ для поклоненія его святынямъ.

Чѣмъ больше росла слава Печерской обители, тѣмъ больше приходило сюда и богомольцевъ; росли и пожертвованія. Кн. Ярополкъ Изяславичъ далъ Печерскому монастырю три волости; дочь его пожертвовала пять селъ съ челядью; было немало и другихъ щедрыхъ и крупныхъ пожертвованій въ пользу обители. Монастырь могъ теперь въ большихъ размѣрахъ совершать дѣла благотворительности: давать пріютъ и пропитаніе калѣкамъ, больнымъ и нищимъ, о которыхъ всегда такъ заботился св. Ѳеодосій; могъ предпринимать богатыя постройки, украшать свои церкви. По своей славѣ Кіево-Печерскій монастырь считался самымъ главнымъ на Руси. Болѣе пятидесяти человѣкъ изъ кіево-печерскихъ иноковъ были епископами; нѣкоторые иноки становились игуменами другихъ монастырей; всюду они старались водворить порядки, уставъ и духъ Кіево-Печерской Лавры. Отсюда же распространялись св. книги и просвѣщеніе. Монастырей въ то время на Руси было не мало. Въ одномъ Кіевѣ и его окрестностяхъ было ихъ семнадцать (мужскихъ и женскихъ).

Монашеская жизнь мало по малу стала считаться на Руси образцемъ истинно-праведной жизни. Къ сожалѣнію, многіе стали думать, будто міряпинъ никакъ ужь не можетъ вести угодной Богу, праведной жизни. Сложилось убѣжденіе, что желающій угодить Богу долженъ изнурять свое тѣло постомъ, долгой молитвой, вести одинокую жизнь, постоянно сокрушаться о своей грѣховности, каяться и пр. Жизнь, не похожая на монашескую, стала считаться грѣховною. Всѣ благочестивые міряне старались по мѣрѣ возможности подражать монахамъ и дѣлали богатые вклады въ монастыри, надѣясь молитвами истинныхъ угодниковъ Божіихъ снискать себѣ душевное спасеніе.

Борьба съ язычествомъ.

Въ то время, какъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ многіе иноки сіяли истиннымъ благочестіемъ, и оно проникало мало по малу въ среду князей, бояръ и горожанъ, вдали отъ Кіева на сѣверѣ, въ глухихъ мѣстахъ, многія языческія вѣрованія сильно еще держались. Народъ, хотя и крестился, ходилъ въ церкви, но многаго не понималъ, смѣшивалъ своихъ языческихъ боговъ съ христіанскими святыми, Перуна съ пророкомъ Ильею, Волоса со Св. Василіемъ. По прежнему вѣрилъ народъ въ домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ и русалокъ. Много приходилось духовенству бороться противъ такого двоевѣрія.

Разные невѣжественные странники и богомольцы, сами плохо разумѣя то, что дѣлалось и читалось въ церквахъ, своими разсказами часто мѣшали народу понимать, какъ слѣдуетъ, христіанское ученіе. Съ нимъ сплетались разныя языческія повѣрія и суевѣрія. Житія святыхъ смѣшивались со сказками (легенды); библейскіе разсказы, сказанія о подвигахъ какого нибудь святаго сливались съ пѣснями о богатыряхъ (духовные стихи). Народъ вѣрилъ въ разныя примѣты, прибѣгалъ къ гаданьямъ, къ помощи разныхъ кудесниковъ и волхвовъ. Особенно сильны были языческія суевѣрія на сѣверѣ. Лѣтопись приводитъ нѣсколько случаевъ, гдѣ волхвы возмущали народъ.

Въ Ростовѣ (около 1070 г.) насталъ страшный голодъ. Въ это время появились два волхва въ Ростовской области; пошли они по Волгѣ и вездѣ распускали нелѣпую молву, будто женщины причиняютъ голодъ. Множество несчастныхъ женщинъ было перебито суевѣрнымъ народомъ, пока наконецъ Яну, боярину князя Святослава Черниговскаго, не удалось захватить волхвовъ. Они были преданы разнымъ мученіямъ, а потомъ повѣшены.

Сильное волненіе было и въ Новгородѣ въ 1071 году. Появился тамъ кудесникъ и сталъ хулить христіанство. Чернь взволновалась, хотѣла убить епископа Ѳеодора. Онъ съ крестомъ въ рукахъ явился на вѣче, звалъ къ себѣ всѣхъ христіанъ, но изъ народа никто не пошелъ къ нему,—всѣ стали на сторону волхва; на сторонѣ епископа былъ только князь Глѣбъ съ дружиною. Князь подошелъ къ волхву и спросилъ:

— „Знаешь ли ты, что будетъ завтра утромъ и вечеромъ?“

— „Все знаю“, отвѣчалъ тотъ.

— „Ну, а что будетъ нынче?“ спросилъ князь.

— „Я сотворю, отвѣчалъ кудесникъ, великія чудеса“.

Тогда князь выхватилъ спрятанный подъ корзномъ (плащемъ) топоръ и однимъ ударомъ разсѣкъ волхва надвое... Народъ, пораженный ужасомъ, разошелся по домамъ. Князь, показавъ своей жестокой расправой при всемъ народѣ ничтожество волхва, прекратилъ народное возстаніе.

Мало по малу, конечно, народъ терялъ довѣріе къ волхвамъ и менѣе поддавался ихъ обманамъ. Когда въ 1227 году появились четыре волхва въ Новгородѣ и попробовали своими росказнями возмутить населеніе, то на нихъ возстало ужъ не одно духовенство, но и весь народъ. Само вѣче присудило казнить ихъ.

Въ Кіевѣ христіанство укоренилось сильнѣе, чѣмъ на сѣверѣ, и поднять народъ противъ духовенства было здѣсь труднѣе. Въ концѣ XI вѣка появился и тутъ кудесникъ. Онъ сталъ разсказывать, будто боги ему открыли, что черезъ пять лѣтъ Днѣпръ потечетъ вверхъ, и Русская земля станетъ на мѣстѣ Греческой, а Греческая на мѣстѣ Русской. Хотя нашлись и въ Кіевѣ люди, которые повѣрили кудеснику, но большая часть смѣялась надъ нимъ и говорила:

— „Бѣсъ играетъ тобою на пагубу тебѣ“!

Кудесникъ въ Кіевѣ не имѣлъ успѣха.

Упорную борьбу съ язычествомъ пришлось вести въ Муромѣ. Край этотъ, глухой, лѣсистый, былъ заселенъ финскими племенами—Муромой и Мордвой; славянскихъ поселковъ въ этой области было мало. Князья здѣсь являются съ конца XI вѣка, когда получилъ въ удѣлъ Муромо-Рязанскія земли сынъ Святослава Черниговскаго Ярославъ, родоначальникъ рязанскихъ князей и просвѣтитель этого края. Прибылъ онъ въ Муромъ съ сыновьями—Михаиломъ и Ѳеодоромъ, съ духовенствомъ и дружиною. Язычники встрѣтили его враждебно, съ оружіемъ въ рукахъ, и даже убили княжича Михаила. Ярославъ занялъ городъ и велѣлъ строить въ немъ церкви. Чѣмъ усерднѣе старался князь распространять христіанство, тѣмъ болѣе злобились язычники. Однажды они цѣлыми толпами обступили княжій дворъ и хотѣли убить князя; Ярославъ неустрашимо вышелъ одинъ къ толпѣ съ иконою въ рукахъ; твердость князя

смутила мятежниковъ. Ему удалось многихъ изъ нихъ обратить въ христіанство. Въ назначенный день на Окѣ произошло крещеніе народа подобно тому, какъ въ Кіевѣ при св. Владимірѣ.

Ревнителямъ христіанства много еще было дѣла; приходилось не только бороться съ двоевѣріемъ, но и съ настоящимъ и упорнымъ язычествомъ. Кіево-Печерскій монастырь сильно помогалъ дѣлу просвѣщенія Русской земли христіанствомъ. Одинъ изъ бывшихъ иноковъ монастыря св. Леонтій сдѣлался епископомъ въ Ростовѣ. Первые два епископа ростовскіе, греки по происхожденію, принуждены были бѣжать отъ ярости язычниковъ; но св. Леонтій не бѣжалъ, хотя язычники бранили, били, выгнали изъ города и грозили убить его. Онъ поселился за городомъ, привлекалъ къ себѣ ласками дѣтей и училъ ихъ: видѣлъ онъ, какъ трудно обратить въ христіанство людей взрослыхъ, закоренѣлыхъ язычниковъ, и думалъ дѣйствовать на подростающее поколѣніе. Поднялись противъ него язычники за то, что онъ дѣтей ихъ отвращаетъ отъ старой вѣры, бросились къ церкви съ дубинами и оружіемъ. Всѣ окружавшіе епископа трепетали отъ ужаса, но Леонтій облачился въ святительскія ризы и съ крестомъ въ рукахъ вышелъ къ дикой толпѣ. Спокойная твердость его поразила язычниковъ, а сильное слово святителя такъ подѣйствовало на толпу, что многіе изъявили готовность принять крещеніе. Подвиги Св. Леонтія кончились однако мученическою смертью (около 1070 года). Преемникъ его св. Исаія усердно продолжалъ его дѣло: ходилъ по всей Ростовской и Суздальской землѣ, всюду проповѣдывалъ, крестилъ народъ, уничтожалъ идоловъ и строилъ церкви.

Позже всѣхъ славянскихъ племенъ крестились Вятичи. И здѣсь просвѣтителемъ язычниковъ былъ инокъ Кіево-Печерскаго монастыря Св. Кукша. Подобно Св. Леонтію и онъ претерпѣлъ мученическую смерть. Сохранились церковныя преданія и о другихъ мученикахъ изъ кіево-печерскихъ иноковъ. Преп. Евстратій попался въ плѣнъ къ половцамъ, разграбившимъ Печерскій монастырь въ 1096 году. Онъ вмѣстѣ съ монастырскими работниками былъ проданъ въ Корсунь одному еврею, который сталъ принуждать ихъ отречься отъ христіанства, морилъ ихъ голодомъ; Евстратій подкрѣплялъ ихъ своими наставленіями. Они рѣшились скорѣе умереть, чѣмъ измѣнить вѣрѣ; всѣ они и умерли отъ голода. Евстратій пережилъ ихъ: онъ съ юности привыкъ къ посту, и потому дольше другихъ могъ выносить голодъ. Въ день Пасхи еврей распялъ Евстратія на крестѣ. Страдалецъ, умирая, благодарилъ Господа Іисуса Христа за то, что Онъ удостоилъ его пострадать такъ, какъ пострадалъ нѣкогда самъ.

— „Я вѣрую, говорилъ мученикъ своимъ мучителямъ, наступитъ день и мнѣ Господь скажетъ, какъ сказалъ разбойнику: днесь будеши со мною въ раю“...

Тяжкимъ мученьямъ подвергся и другой инокъ кіево-печерскій преп. Никонъ. Попалъ онъ также въ плѣнъ къ половцамъ. Богатые родственники хотѣли выкупить его изъ плѣна, но онъ воспротивился.

— „Если бы Господу было угодно, — говорилъ онъ, — чтобы я былъ свободенъ, Онъ не отдалъ бы меня въ руки беззаконниковъ. Охотно перенесу все, что случится со мною по волѣ Его“.

Не получивъ выкупа, половцы озлобились, начали мучить плѣнника разными муками: морили голодомъ, били, жгли на огнѣ, рѣзали ножами, лѣтомъ сажали на солнце, зимой держали на морозѣ, подрѣзали ему жилы на обѣихъ ногахъ, чтобы не могъ онъ бѣжать. Онъ все переносилъ съ терпѣніемъ...

Примѣры необыкновенной твердости духа и переходившіе изъ устъ въ уста разсказы о подвижникахъ и мученикахъ, — этихъ богатыряхъ духовной силы, дѣйствовали на народъ очень сильно, — сильнѣе, чѣмъ проповѣди, и помогали распространенію христіанской вѣры и большему утвержденію ея въ народѣ.

Просвѣщеніе.

Кіево-Печерская обитель и другіе монастыри помогали усиленію на Руси христіанства не только тѣмъ, что изъ нихъ выходили проповѣдники, но и распространеніемъ книгъ. Онѣ въ то время были исключительно богослужебныя и поучительныя, и потому читать ихъ уже считать дѣломъ благочестивымъ, а переписывать ихъ и этимъ содѣйствовать распространенію слова Божія, конечно, считалось подвигомъ очень важнымъ и богоугоднымъ. Съ каждымъ годомъ воздвигались новыя церкви, и богослужебныхъ книгъ (евангелій, псалтырей и др.) требовалось много. Князья и богатые люди, которые заботились о церквахъ, платили хорошія деньги за книги. Цѣнились онѣ въ то время очень дорого, такъ какъ были рукописныя. Понятно поэтому, что въ монастыряхъ монахи, умѣвшіе писать, усердно трудились надъ перепиской книгъ: дѣло было и богоугодное, и выгодное для обители, такъ какъ плата за трудъ шла въ пользу монастыря. Св. Ѳеодосій во время своего игуменства очень заботился о томъ, чтобы грамотные иноки занимались перепиской книгъ. Съ тѣхъ поръ это дѣло не прекращалось въ Кіево-Печерской обители.

Въ то время не знали еще скорописи, каждую букву старательно вырисовывали; нѣкоторые писцы писали очень искусно. Заглавныя и начальныя буквы обыкновенно весьма старательно рисовали и придавали имъ иногда очень затѣйливый видъ; писали по большей части киноварью (красною краскою); иногда эти буквы и узорчатыя украшенія въ началѣ книги или главы наводили золотомъ. Писали въ тѣ времена на пергаментѣ, (такъ называлась особеннымъ образомъ выдѣланная телячья или баранья кожа). Понятно, что пергаментная рукопись, изящно писанная, цѣнилась очень дорого.

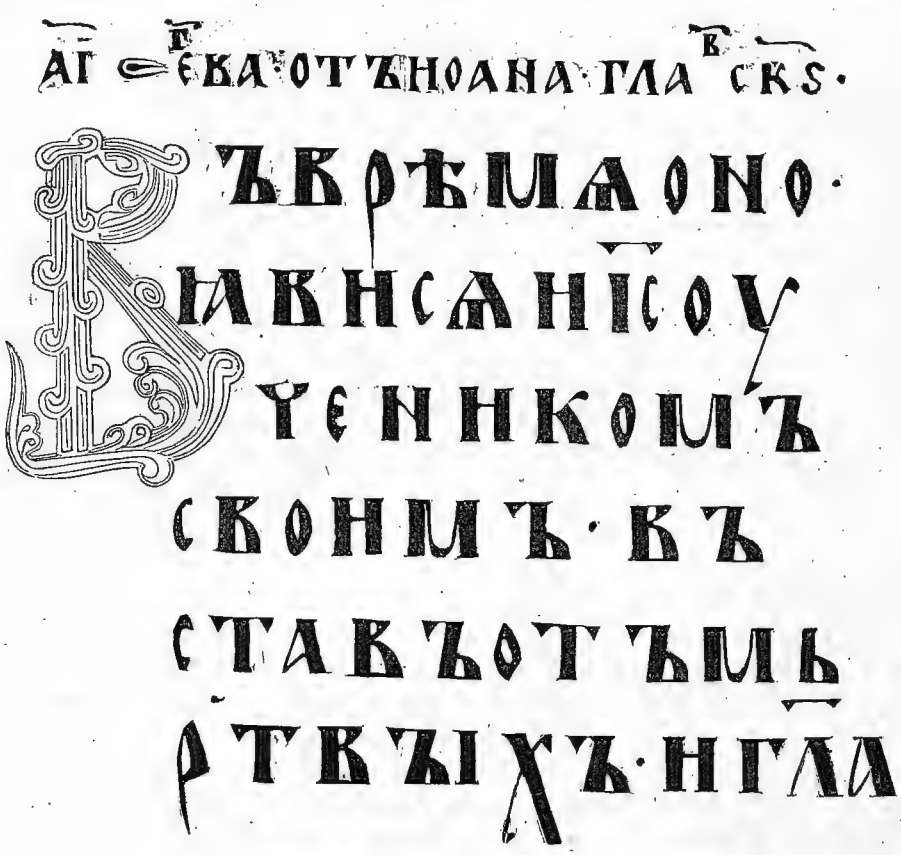
Списываніе книгъ считалось такимъ важнымъ искусствомъ, что занимались имъ не только духовныя, но и высокопоставленныя свѣтскія лица, напр., княжна полоцкая Евфросинія (XII в.), Владиміръ, князь Волынскій (XIII в.).

Самый древній памятникъ церковно-славянской письменности на Руси, дошедшій до насъ, — это евангеліе, написанное въ Новгородѣ въ 1056—57 гг., въ княженіе Изяслава Ярославича, дьякономъ Григоріемъ для посадника Остромира. (Хранится это евангеліе въ настоящее время въ Императорской Публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ).

Книги пріобрѣтались не только для церквей, но и благочестивые князья и богатые люди изъ бояръ не жалѣли иной разъ издержекъ, чтобы имѣть у себя

дома рукописи. Любилъ книги, какъ мы уже видѣли, Ярославъ I; сынъ его Святославъ Черниговскій имѣлъ у себя полныя клѣти книгъ; Всеволодъ Ярославичъ то-же былъ большой книголюбецъ; Владиміръ Мономахъ не уступалъ въ этомъ своему отцу.

Послѣ книгъ св. писанія, въ переводахъ болгарскихъ и русскихъ распространились у насъ творенія св. отцевъ, житія святыхъ, византійскія лѣтописи (хронографы), сборники разнообразнаго содержанія. Иной разъ книги украшались картинками. Хотя нѣкоторыя изъ нихъ рисованы и съ большимъ стараніемъ, но вообще очень неискусно. Живопись въ тѣ времена была въ упадкѣ и



Изображеніе письменъ изъ Остромірова Евангелія.

въ Греціи, и потому нашимъ рисовальщикамъ XI—XIII вѣковъ не у кого было научиться.

Особенно любопытенъ сборникъ, переведенный съ греческаго языка для болгарскаго царя Симеона и переписанный съ нѣкоторыми измѣненіями для Святослава Ярославича 1073 г.; здѣсь находимъ между раскрашенными рисунками изображеніе князя Святослава и его семьи. По этому рисунку можно судить объ одеждѣ князей и княгинь XI вѣка.

Въ XI вѣкѣ встрѣчаются уже на-ряду съ переводными сочиненіями и произведенія русскихъ проповѣдниковъ и писателей (Луки, новгородскаго епископа,

Иларіона, митрополита кіевскаго, Ѳеодосія). Въ Кіево-Печерской обители появляются первыя житія русскихъ святыхъ. Изъ нихъ особенно замѣчательны „Житіе Бориса и Глѣба“ и „Житіе Ѳеодосія“, написанныя преподобнымъ Несторомъ. Пришелъ онъ въ Печерскую обитель семнадцатилѣтнимъ юношей (1073 г.), постриженъ былъ въ иноки, затѣмъ посвященъ въ діакона. Въ 1091 г. ему было поручено съ двумя иноками откопать мощи св. Ѳеодосія. Обитель въ это время полна была живыхъ воспоминаній о своемъ великомъ основателѣ, и Несторъ, человѣкъ книжный и любознательный, могъ многое разсказать о Ѳео-

Семья князя Святослава (Изборникъ Святослава).

досіи по свѣжимъ воспоминаніямъ. Глубокимъ благоговѣніемъ и задушевностью проникнутъ этотъ замѣчательный трудъ Нестора.

„Когда я вспоминалъ, братія,—говоритъ онъ, приступая къ описанію житія,—что жизнь преподобнаго никѣмъ не описана, то всякій день погружался въ печаль и молилъ Бога, да сподобитъ меня все по-порядку описать о жизни богоноснаго отца нашего Ѳеодосія, чтобы и будущіе послѣ насъ черноризцы, прочитавъ описаніе жизни и увидѣвъ доблесть мужа, восхвалили Бога, прославляя и угодника Его и укрѣпились на подвигъ, особенно потому, что въ сей странѣ явился такой мужъ и угодникъ Божій“.

Такимъ же чувствомъ руководились и другіе составители житій, которыя были любимымъ чтеніемъ въ древней Руси.

Преподобнаго Нестора считаютъ также и древнѣйшимъ русскимъ лѣтописцемъ; но лѣтописнаго труда его не сохранилось до нашего времени. Самая древняя лѣтопись („Повѣсть временныхъ лѣтъ"), дошедшая до насъ, составлена въ началѣ XII ст. Сильвестромъ, игуменомъ Выдубицкаго монастыря; но и этотъ трудъ дошелъ до насъ только въ позднѣйшихъ спискахъ (не раньше XIV—XV ст.). Кромѣ житій святыхъ и лѣтописей, любознательныхъ людей должны были сильно занимать описанія путешествій. Въ XI—XII вѣкахъ въ древней Руси очень распространился обычай ходить на богомолье и на поклоненіе ко святымъ мѣстамъ. Многіе отправлялись не только въ византійскіе монастыри, на Аѳонъ, но даже и въ Палестину. Такихъ странниковъ называли „паломниками", такъ какъ они приносили изъ Іерусалима „пальмовыя" вѣтви. Странничество, или паломничество, такъ усилилось, что наша церковь старалась ограничить его, убѣждая богомольцевъ, что можно спасаться и не предпринимая дальнихъ странствованій.

Изъ описаній благочестивыхъ путешествій, дошедшихъ до насъ, особенно любопытно „Хожденіе игумена Даніила", въ началѣ XII ст.

„Я, недостойный, говоритъ Даніилъ, по любви къ святымъ мѣстамъ, описалъ все, что видѣлъ своими грѣшными очами, чтобы не забыть того, что показалъ Богъ мнѣ недостойному, а также и ради вѣрныхъ людей, чтобы, кто услышитъ о сихъ святыхъ мѣстахъ, свою душу и сердце наполнилъ бы мыслью о нихъ и получилъ бы равную мзду съ ходившими къ симъ святымъ мѣстамъ". Все вниманіе Даніила въ его трудѣ направлено на святыню; о ней только и говоритъ онъ подробно, описывая Іерусалимъ, говоря объ Іорданѣ, о гробѣ Господнемъ, о чудесномъ схожденіи свѣта ко гробу и пр.

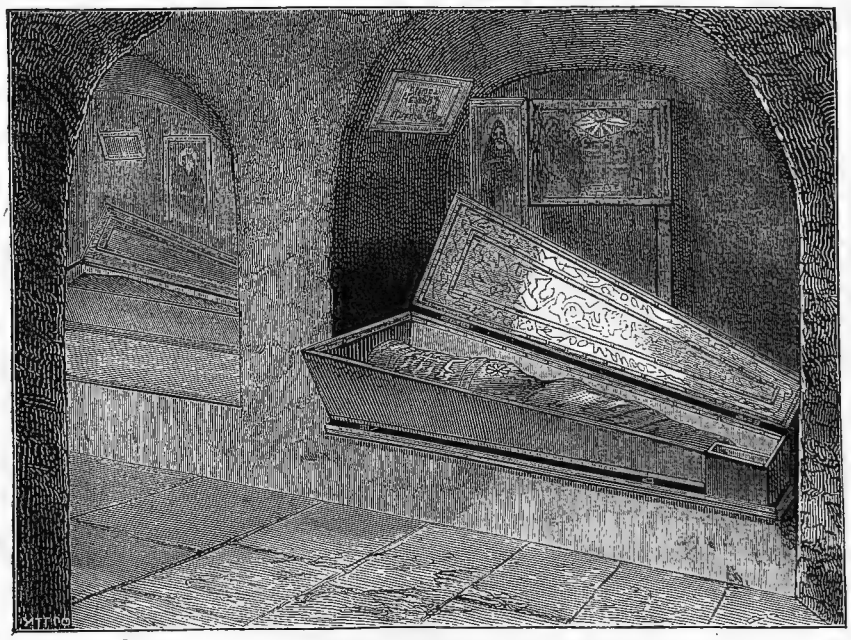
Къ XII вѣку относятся проповѣди Кирилла еп. Туровскаго, который подражалъ византійскимъ проповѣдникамъ, путешествіе Новгородскаго архіеп. Антонія, Поученіе Владиміра Мономаха, Слово о полку и друг.

Всѣ эти произведенія за исключеніемъ „Слова о полку" отличаются церковнымъ или поучительно-христіанскимъ направленіемъ. Большая часть ихъ выходитъ изъ монастырей.

Изъ сказаннаго видно, что Кіево-Печерская обитель, а затѣмъ и другіе монастыри помогли распространенію не только христіанства, но и книжнаго искусства и просвѣщенія на Руси. При Андреевскомъ женскомъ монастырѣ въ Кіевѣ Янка, дочь Всеволода, завела училище для обученія дѣвицъ грамотѣ. Ярославъ, князь Галицкій, распорядился, чтобы монастыри на свой счетъ содержали школы и учителей для народа. Кромѣ монастырей, заводились школы и при церквахъ.

Русскій народъ до сихъ поръ высоко чтитъ кіевскія святыни и особенно Кіево-Печерскую Лавру. Съ наступленіемъ весны, особенно въ послѣднія недѣли великаго поста, по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ въ Кіевъ, можно встрѣтить множество богомольцевъ, по большей части пѣшихъ, съ котомками за плечами, съ посохами въ рукахъ. Идутъ они иной разъ очень издалека въ Кіевъ, чтобы поклониться кіево-печерскимъ угодникамъ и встрѣтить праздникъ Пасхи въ стѣнахъ святой обители. Во время богослуженія громадная пестрая толпа напол-

няетъ знаменитую Успенскую церковь Кіево-Печерскаго монастыря и весь дворъ вокругъ церкви. Тутъ можно видѣть въ толпѣ богомольцевъ и жителя крайняго сѣвера, и южанина, и великорусса, и малоросса; тутъ можно услышать разные говоры, увидѣть разныя мѣстныя одежды; но вся эта пестрая толпа сливается здѣсь воедино: одной и той же святынѣ поклоняется, однѣ и тѣ-же молитвы творитъ. У церковныхъ дверей, у входа на монастырскій дворъ стоитъ множество нищихъ, калѣкъ, слѣпыхъ. Сбрелись эти убогіе тоже съ разныхъ концовъ



Пещера преп. Нестора въ Кіевопечерской лаврѣ.

Русской земли сюда въ Лавру; здѣсь монахи по старому преданію даютъ имъ пріютъ и кормятъ ихъ. Иной разъ слѣпцы, сидя на церковной паперти съ деревянными чашками въ рукахъ, поютъ заунывнымъ голосомъ духовные стихи, особенно стихъ о Лазарѣ,—поютъ такъ, какъ пѣлся этотъ стихъ лѣтъ пятьсотъ тому назадъ. И кладетъ православный людъ ради душевнаго спасенія свои трудовые гроши въ чашки нищихъ—калѣкъ, немощныхъ тѣломъ, но, по убѣжденію народа, сильныхъ у Бога своею молитвою.

XI.

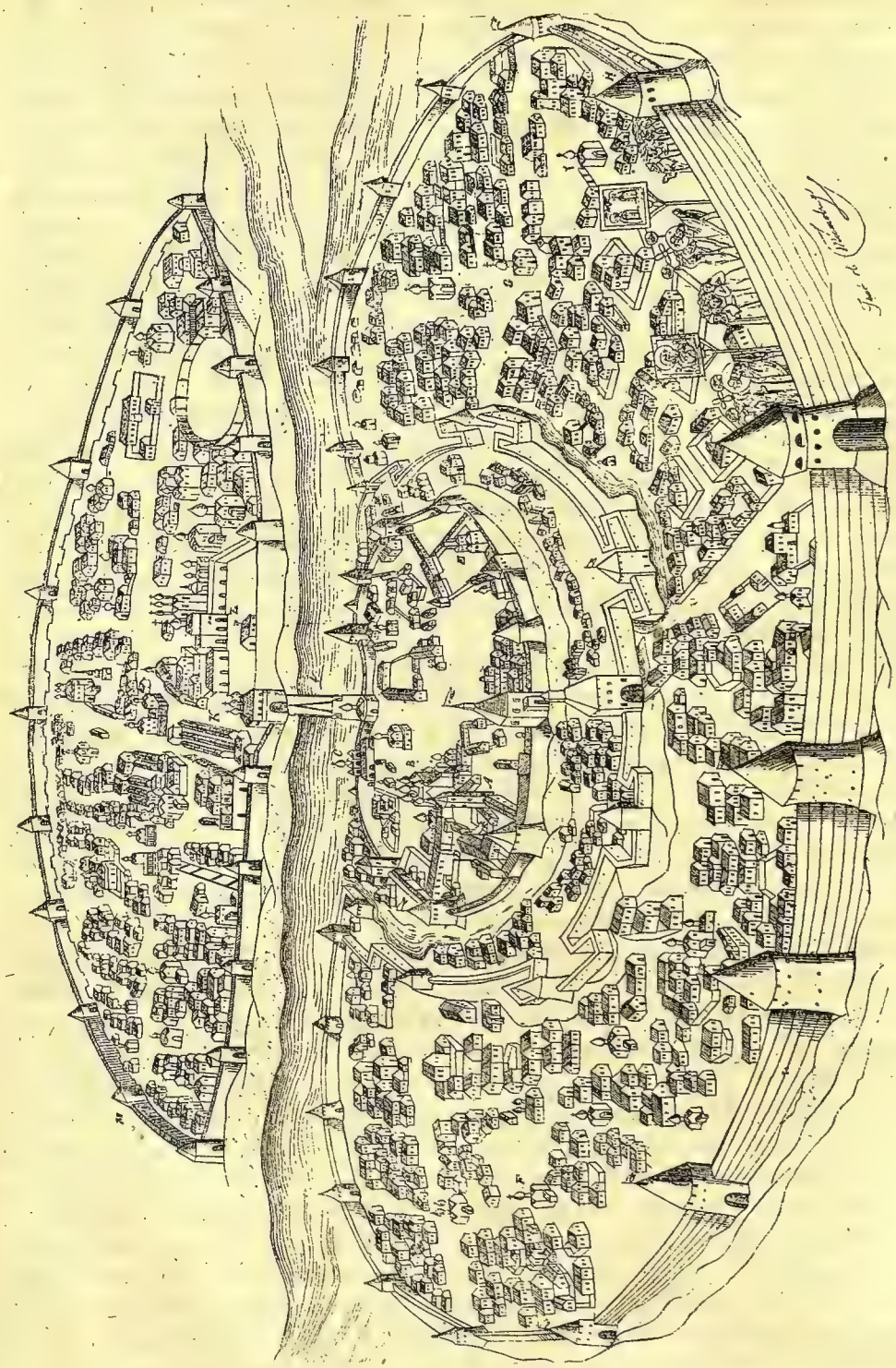
Новгородъ и Владиміръ.

Древній Новгородъ и его торговля.

Много было городовъ на Руси въ XII вѣкѣ,—насчитываютъ ихъ нѣсколько сотъ; но они большею частію походили на села; постройки были бѣдныя, деревянныя, въ родѣ теперешнихъ крестьянскихъ избъ. Въ стольныхъ городахъ, гдѣ жили князья, княжескіе терема, конечно, устраивались пошире и побогаче. Лучшими зданіями въ городѣ были церкви,—обыкновенно тоже деревянныя; только въ болѣе многолюдныхъ и богатыхъ городахъ встрѣчаются каменныя церкви. Главною принадлежностью древняго города была ограда. Огороженное мѣсто, или крѣпость, и называлось собственно „городомъ“; называли также его „дѣтинцемъ“, „кремлемъ“, иногда „верхнимъ городомъ“, такъ какъ строился онъ на болѣе высокомъ мѣстѣ.

Въ дѣтинцѣ, или въ городѣ, жилъ обыкновенно князь со своею дружиною, а если городъ былъ не стольный, то намѣстникъ-бояринъ со своими людьми. Около стѣнъ города селились купцы, разные ремесленники и черный рабочій людъ; такимъ образомъ, кромѣ внутренняго города, являлся городъ внѣшній, „кромный“, или посадъ, какъ обыкновенно называли въ старину внѣшній городъ. Иногда и такой посадъ обводился оградой. Бывали случаи, что въ большихъ городахъ была еще и третья ограда. Самыми большими городами въ XII вѣкѣ у насъ были Кіевъ, Новгородъ, Черниговъ и Смоленскъ. Города эти находились на торговомъ пути изъ Варяжскаго моря въ Черное и могли процвѣтать, благодаря торговлѣ.

Новгородъ находится въ двухъ верстахъ отъ истока рѣки Волхова изъ озера Ильменя. Рѣка дѣлитъ городъ на двѣ стороны: Торговую на восточномъ берегу и Софійскую на западномъ. Главною частью города былъ дѣтинецъ на Софійской сторонѣ. Это было довольно пространное мѣсто, обнесенное стѣнами съ башнями и воротами. Въ дѣтинцѣ, или кремлѣ, жилъ князь со своей дружиной и новгородскій владыка (архіепископъ). Здѣсь же красовалась и главная церковь Новгородская—Софійскій соборъ. Вокругъ кремля шелъ посадъ, который образовался изъ отдѣльныхъ поселковъ и дѣлился на три части, или конца



План древняго Новгорода.

какъ говорили въ старину. Здѣсь было еще двѣ стѣны съ башнями и воротами. Каменныя стѣны эти выстроены въ XII или даже XIII столѣтіи, а раньше въ Новгородѣ, какъ и въ другихъ древнихъ городахъ, укрѣпленія состояли изъ земляныхъ валовъ и частоколовъ.—На восточномъ берегу Волхова была Торговая сторона, гдѣ главнымъ образомъ помѣщались торжища, или рынки, и лавки, Главнымъ мѣстомъ здѣсь былъ Ярославовъ дворище (тутъ нѣкогда помѣщался дворъ Ярослава). Мѣсто это представляло обширную площадь, около которой было построено нѣсколько церквей. Здѣсь находилась вѣчевая башня, у которой собиралось обыкновенно вѣче. Подлѣ нея расположены были готскій торговый дворъ, нѣмецкій и др. Торговая сторона заключала въ себѣ двѣ части, или два конца города, такъ что весь Новгородъ заключалъ въ себѣ, кромѣ кремля и Ярославова дворища, пять концовъ. Торговая и Софійская сторона соединялась мостомъ.

Новгородъ былъ самымъ торговымъ городомъ въ древней Руси. Мѣстоположеніе его было удобно для торговли: по Волхову можно легко спуститься въ Ладожское озеро, а отсюда по Невѣ—въ Балтійское море; по рѣкамъ изъ Новгорода нетрудно было подойти близко къ верховьямъ Днѣпра и Волги. И въ наше время для торговли лучшими путями считаются водные, а въ старину они имѣли еще больше значенія: народу жило тогда въ странѣ мало и прокладывать дороги сквозь лѣса, по болотамъ гати гатить, да мосты чрезъ рѣки строить населенію было не подъ силу.

Въ XI и XII столѣтіяхъ Новгородцы ведутъ уже большую торговлю съ островомъ Готландомъ на Балтійскомъ морѣ. Готландскіе купцы имѣли въ Новгородѣ свой дворъ (готландскій) и свою церковь. На Готландѣ была тоже русская церковь, построенная заѣзжавшими туда новгородскими купцами. А въ XII вѣкѣ новгородцы заводятъ торговыя сношенія съ нѣмцами, особенно съ городомъ Любекомъ. Позже, въ XIII столѣтіи, нѣсколько нѣмецкихъ городовъ, въ томъ числѣ и Любекъ, составляютъ союзъ (Ганзейскій), и торговля съ Новгородомъ усиливается. Иностранные корабли съ товарами останавливались обыкновенно въ устьѣ Невы, у острова Котлина; здѣсь ихъ встрѣчали новгородскіе пристава, провожали до самаго Новгорода, охраняли ихъ отъ всякой опасности, пріискивали лоцмановъ, хорошо знающихъ рѣчной путь, подводные камни, мели. По Невѣ иноземные корабли шли въ Ладожское озеро, доходили до устья Волхова. Здѣсь товары перегружались на меньшія суда (большія морскія суда не могли идти по Волхову). Неподалеку отъ Новгорода товары подвергались осмотру, облагались небольшою пошлиною, и тогда шли въ городъ; здѣсь выгружались и на телѣгахъ свозились въ склады на нѣмецкій дворъ. Иностранцы привозили въ Новгородъ разные товары въ обработанномъ видѣ: шерстяныя ткани, сукна, полотна, вина, стекло и другія издѣлія фабричной промышленности. Русскіе сбывали иноземцамъ по большей части произведенія въ сыромъ видѣ, необработанныя: мѣха, кожи, сало, ленъ, коноплю и др. Иноземные товары новгородскіе купцы развозили и по другимъ русскимъ городамъ,—ѣздили въ Суздаль, Владиміръ, Кіевъ, Черниговъ, Галичъ и тамъ продавали товары съ большимъ барышомъ для себя.

Новгородская область не отличалась плодородіемъ, страдала часто неуро-

жаями, и потому новгородцы нерѣдко нуждались въ хлѣбѣ, который доставлялся имъ изъ приволжскихъ странъ по Волгѣ, а иногда и съ юга по Днѣпру.

Мѣха и шкуры были наиболѣе цѣннымъ товаромъ, который продавали новгородцы иностранцамъ. Вдоволь можно было добыть этого товару и близъ Новгорода; но чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ пушистѣе и красивѣе мѣха у звѣрей. Предпріимчивые промышленники подвигались все дальше и дальше на сѣверъ и востокъ. Земли здѣсь были бѣдныя, малонаселенныя; на далекомъ разстояніи одинъ отъ другого были разбросаны маленькіе финскіе поселки; зато лѣсныя дебри здѣсь были безконечныя, а пушнаго звѣря было пропасть. Новгородскіе промышленники, заходившіе сюда обыкновенно вооруженными толпами, заставляли финовъ подчиняться себѣ, платить дань мѣхами, а не то устраивали и сами новые поселки (колоніи), охотничьи станицы, въ болѣе удобныхъ мѣстахъ, на берегахъ рѣкъ. Эти поселки иной разъ разростались въ большія селенія и города. Такъ основанъ былъ городъ Хлыновъ (Вятка). Такимъ образомъ мало-по-малу почти вся страна къ сѣверу отъ Волги, весь нынѣшній сѣверный край былъ подчиненъ Новгороду, сталъ его волостью.

Новгородская община.

Благодаря обширной торговлѣ, Новгородъ раньше другихъ русскихъ городовъ достигъ цвѣтущаго состоянія и даже независимости. Во всѣхъ городахъ въ древности былъ обычай у жителей для рѣшенія наиболѣе важныхъ дѣлъ собираться на вѣче. Но нигдѣ оно не имѣло такой силы, какъ въ Новгородѣ. Ярославъ I въ благодарность за помощь новгородцевъ во время борьбы его со Святополкомъ далъ имъ льготы: вѣроятно, уменьшилъ дань, какую они должны были платить великому князю, и далъ больше правъ вѣчу. Съ этого времени Новгородъ все больше и больше богатѣетъ, и вѣче его становится все сильнѣе и сильнѣе; дѣло доходитъ, наконецъ, до того, что вѣче само приглашаетъ князя и указываетъ ему путь изъ Новгорода, если князь чѣмъ-либо не угоденъ народу. Вѣче иной разъ судитъ даже князя и иныхъ властныхъ людей, избираетъ всѣхъ должностныхъ лицъ, посадника, тысяцкихъ и др., издаетъ законы, отмѣняетъ ихъ, объявляетъ войну, заключаетъ миръ, установляетъ подати и повинности.

Населеніе Новгорода состояло изъ бояръ, владѣвшихъ большими владѣніями, житьихъ (т. е. богатыхъ) людей, купцовъ и черныхъ людей. На вѣчѣ могли участвовать всѣ члены новгородскихъ общинъ, т. е. всѣ домовладѣльцы, хозяева, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ бояре, купцы, такъ и черные люди. Но не весь народъ собирался поголовно. На правильное вѣче не могли приходить, напр., сыновья домохозяевъ, хотя бы и совершеннолѣтніе, не могли приходить и такъ называемые „вольные люди“, не принадлежавшіе ни къ какой Новгородской общинѣ.

Собиралось вѣче по старому обычаю на Ярославовомъ дворѣ или на площади у Софійской церкви. Правильное вѣче созывалъ или князь, или посадникъ, посылая обыкновенно бирючей по улицамъ скликать людей. На такое вѣче новгородцы собирались каждый конецъ и каждая улица, составлявшіе

отдѣльныя общины, со своими старостами. Когда всѣ сходились на Ярославовъ дворъ и разсаживались въ извѣстномъ порядкѣ на приготовленныхъ для нихъ ступеняхъ, тогда звономъ колокола на вѣчевой башнѣ возвѣщалось открытіе вѣча. Водворялась тишина. Самъ посадникъ или вѣчевой дьякъ громогласно заявлялъ собравшимся тѣ вопросы, которые надлежало рѣшить. Собранные на вѣчѣ новгородцы свое согласіе и несогласіе выражали криками. Когда дѣло было рѣшено, то писалась грамота обыкновенно такимъ образомъ: „Отъ посадника великаго Новгорода (имя посадника), и отъ всѣхъ старыхъ посадниковъ, и отъ тысяцкаго великаго Новгорода, отъ всѣхъ пяти концовъ. На вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ положили сдѣлать то-то (излагалось самое рѣшеніе). Къ грамотѣ прикладывалась вѣчевая печать съ надписью „печать Великаго Новгорода“. Новгородъ въ грамотахъ обыкновенно величался „Господиномъ Великимъ Новгородомъ“.

На бѣду для новгородцевъ не всегда вѣча бывали правильныя. Случалось, что народъ, недовольный распоряженіями посадника, собирался на сходку, не соблюдая никакихъ правилъ. Тутъ ужъ сходились всѣ, кто хотѣлъ, даже и „вольные“ люди... Порою разомъ въ нѣсколькихъ церквахъ начинали звонить, и народъ сходился въ разныхъ концахъ города. Иногда эти неправильныя сходки имѣли такую силу, что невозможно было созвать правильнаго вѣча, и посадникъ, и тысяцкій должны были пристать къ какой-либо сторонѣ. Нерѣдко между противными сторонами происходили драки. Впослѣдствіи нерѣдко бывали случаи, что разомъ собиралось два враждебныя другъ другу вѣча: одно у св. Софіи, а другое на Ярославлѣ дворѣ. Враждебныя стороны сходились на Волховскомъ мосту, и завязывалась свалка... Въ такихъ случаяхъ бывало новгородскій владыка являлся съ причтомъ въ полномъ облаченіи съ крестомъ въ рукахъ и старался умиротворить враждующихъ.

Владыка новгородскій избирался такъ же, какъ и посадникъ, т. е. на вѣчѣ. Выбирали обыкновенно трехъ лицъ изъ новгородскаго духовенства, достойныхъ, по мнѣнію народа, быть владыками. Затѣмъ три жребія съ именами этихъ лицъ клали въ алтарѣ Софійскаго собора на престолъ, приводили въ алтарь слѣпца или ребенка; онъ бралъ два жребія; оставшійся на престолѣ третій жребій указывалъ на избранника Божія. Онъ долженъ былъ съѣздить въ Кіевъ, гдѣ митрополитъ и посвящалъ его въ архіепископы.

Главнымъ выборнымъ лицомъ въ Новгородѣ былъ посадникъ. Онъ былъ посредникомъ между народомъ и княземъ, созывалъ вѣча, велъ переговоры съ сосѣдними областями. Безъ посадника не могла быть выдана ни одна важная грамота отъ имени Новгородской общины; у него была печать съ надписью: „Новгородская печать посадника“. Въ случаѣ войны полки новгородскіе были обыкновенно подъ его начальствомъ, такъ что князь могъ вполнѣ свободно распоряжаться только своею дружиной Посадникъ, исправлявшій свою должность, именовался „степеннымъ посадникомъ“ въ отличіе отъ посадниковъ смѣненныхъ, которые назывались „старыми посадниками“ и пользовались часто тоже большимъ уваженіемъ со стороны народа. Иные посадники, умѣвшіе угождать народу, бывали „степенными“ часто по нѣскольку лѣтъ подъ рядъ.

Ближайшимъ помощникомъ посадника былъ тысяцкій, избираемый по-

добно посадникамъ на вѣчѣ изъ боярскихъ фамилій. Посадникъ былъ земскимъ начальникомъ всего Новгорода, а тысяцкій—начальникомъ черныхъ людей. При помощи черни, составлявшей большинство, тысяцкіе могли многое сдѣлать на вѣчѣ. Сверхъ того, они помогали посадникамъ во всѣхъ дѣлахъ, имѣли свой отдѣльный судъ, независимый отъ князя и посадника. Тысяцкій съ пятью старостами завѣдывалъ преимущественно судомъ между черными людьми. На вѣчѣ избирались и другія менѣе важныя должностныя лица: сотскіе, старосты, биричи и др.

Народовластіе въ Новгородѣ было такъ сильно, что здѣсь издавна завелся обычай избирать себѣ князей и удалять ихъ, „на всей волѣ Новгородской“; но все-же князь считался лицомъ необходимымъ: въ немъ видѣли верховнаго

Софійскій соборъ въ Новгородѣ.

судью, а, главное, предводителя войска, защитника земли отъ враговъ. Княжеская дружина составляла главную военную силу, около которой собиралась земская рать; только князь, по взгляду народа, былъ настоящимъ вождемъ, которому подчинялась и дружина, и войско, а бояръ, если ихъ ставили во главѣ военныхъ силъ, по словамъ лѣтописца, не всѣ слушались. Понятно, что князь получалъ большую силу въ военное время, когда Новгороду грозило вражье нападеніе; въ мирное же время, напротивъ, значеніе князя здѣсь уменьшалось, а орудовали всѣми дѣлами въ городѣ свои избранные и излюбленные люди, посадники и тысяцкіе.

Вѣче уже въ тринадцатомъ вѣкѣ вошло въ такую силу, что, призывая

князей, вступало съ ними въ „ряды“, т. е. въ договоры. Князь обязывался „держать Новгородъ по старинѣ и по пошлинѣ“ (по обычаю), безъ посадника людей новгородскихъ не судить, земель новгородскихъ своимъ людямъ не раздавать, безъ вины не лишать власти никого изъ выборныхъ должностныхъ лицъ.

Былъ разъ въ Новгородѣ такой случай (1218 г.). Княжилъ здѣсь Святославъ (одинъ изъ смоленскихъ князей). Не поладилъ онъ съ посадникомъ Твердиславомъ и сталъ требовать отъ вѣча, чтобы послѣдняго смѣнили.

— „Въ чемъ его вина“? спросили новгородцы.

Святославъ объявилъ, что онъ за посадникомъ вины никакой не знаетъ, но что тотъ ему не любъ. Тогда новгородцы сказали:

— „Ты, князь, цѣловалъ намъ крестъ, чтобы безъ вины не лишать мужа власти. Если тебѣ посадникъ не любъ, то мы тебѣ кланяемся (прощаемся, т. е. ты можешь уйти отъ насъ).

Волей или неволей Святославу пришлось примириться съ нелюбимымъ посадникомъ.

Понятно, что при такихъ порядкахъ князьямъ не жилось въ Новгородѣ: бывали случаи, что ему по нѣскольку лѣтъ подъ рядъ приходилось оставаться безъ князя. Князья, имѣвшіе свою волость, не шли княжить сюда, а посылали обыкновенно своихъ сыновей. И тѣ большею частію не долго сидѣли тутъ: какъ только выходила имъ очередь наслѣдовать какую-нибудь другую область, они спѣшили покинуть безпокойный вѣчевой городъ.

Частая смѣна князей въ Новгородѣ началась еще въ концѣ XI вѣка, а въ XII-мъ дѣло дошло уже до того, что въ одно это столѣтіе князей смѣнилось здѣсь до тридцати; и рѣдкій изъ нихъ оставался болѣе трехъ лѣтъ сряду.

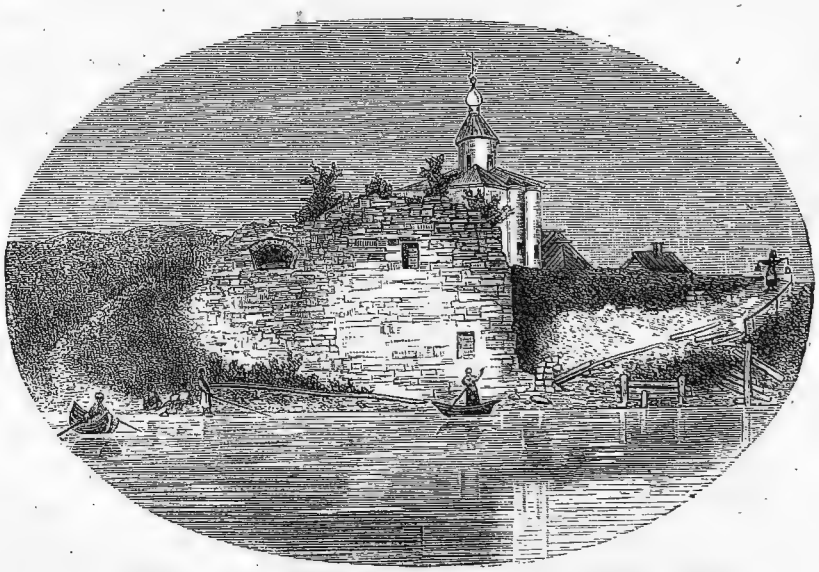
За предѣлами Новгорода начиналась Новгородская земля. Она занимала большое пространство на востокъ до Торжка, на западъ до Финскаго залива, рѣки Наровы и Чудскаго озера, на югъ до Великихъ Лукъ и на сѣверъ до Ладожскаго озера. На этой землѣ было до 30 городовъ, подчиненныхъ Новгороду, или, какъ говорилось въ древности, „пригородовъ“ его. Важнѣйшіе изъ нихъ были Псковъ, Ладога, Руса, Изборскъ, Великіе-Луки, Торжокъ и др. Пригороды имѣли свои вѣча, но въ общихъ дѣлахъ они должны были подчиняться приговору новгородскаго вѣча. „На чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ“, говорили тогда, и этого правила должны были держаться всѣ пригороды на Руси.

Затѣмъ, кромѣ Новгородской земли, Новгороду, какъ сказано уже, принадлежала огромная волость, занимавшая почти весь сѣверъ нынѣшней Европейской Россіи. Изъ этой волости добывались мѣха,—самый цѣнный товаръ вывозной торговли.

Бойко шла новгородская торговля. Предпріимчивые и ловкіе купцы наживали себѣ огромныя состоянія; не мало было и богатыхъ именитыхъ бояръ; но не жилось никому спокойно въ Новгородѣ. Много было тутъ и честолюбцевъ, и недовольныхъ; многочисленная новгородская чернь нерѣдко волновалась. Случались голодные годы, повальныя болѣзни, страшные пожары,—все это причиняло волненія. Бывали случаи, что новгородская чернь подымалась противъ нелюбимаго посадника или противъ бояръ, творившихъ какое нибудь на-

силіе. Случалось, что и сами бояре, враждуя между собою, возбуждали народъ къ волненію, подкупали новгородскую чернь. Являлись на вѣчахъ подкупленные крикуны—вѣчники. Трудно бывало при этомъ иногда удержать порядокъ, подымался шумъ и гамъ со всѣхъ сторонъ; пускались въ дѣло кулаки да дубины, и начиналась свалка. Не мало гибло народу иной разъ во время такихъ побоищъ. Случалось, что дравшіеся входили въ такой задоръ, что нельзя было и унять ихъ. Ненавистныхъ людей народъ обыкновенно топилъ, бросалъ съ моста въ Волховъ. Недовольныхъ въ Новгородѣ и между чернью, и между боярами было много.—Сохранилось здѣсь языческое преданіе, что низвергнутый Перунъ, плывя по Волхову, кинулъ палку на мость и заповѣдалъ Новгороду вѣковѣчныя распри и драки.

Бывали случаи, что недовольные люди или удальцы, которымъ не по вкусу приходились разныя стѣсненія въ Новгородѣ, уходили отсюда искать удачи да



Старо-Ладожская крѣпость.

счастья на чужой сторонѣ. Иногда составлялись цѣлыя шайки такихъ „повольниковъ“; пускались они на ладьяхъ (ушкуяхъ) по рѣкамъ, разбойничали, грабили купцовъ, плавали и по морю, нападали на береговыхъ жителей. Случалось, что они основывали новые поселки.

Всякій „вольный человѣкъ“ (т. е. не входящій въ общину), богатый или бѣдный, бояринъ или простолюдинъ, могъ пойти въ повольники, — была бы только охота, сила да удаль. Въ дружины повольниковъ шла обыкновенно буйная и разгульная молодежь, искавшая простора, гдѣ бы развернуться и себя показать. Вождями по большей части становились сыновья богатыхъ новгородскихъ бояръ или купцовъ; они могли вооружить и на первыхъ порахъ сдержать ватагу бездомныхъ удальцовъ. Старики новгородскіе, сами въ молодости видавшіе всякіе виды, не только не мѣшали своимъ сынкамъ, но даже охотно отпускали ихъ повольничать; на грабежи и буйство на чужой сторонѣ смотрѣли

равнодушно, пусть-де молодежь и погуляетъ, да и сама бѣду узнаетъ, умнѣе будетъ,—не даромъ пословица говоритъ: „чужая сторона прибавитъ ума!“

Повольниковъ и нельзя назвать разбойниками въ полномъ смыслѣ этого слова: каждый изъ нихъ долженъ былъ горячо любить родину, радѣть о славѣ „Господина Великаго Новгорода“, долженъ былъ уважать старость, оборонять слабыхъ и несчастныхъ отъ обидъ и въ то же время считалъ позволительнымъ для себя поубавить богатства у какого нибудь чужого купца, обозъ съ товаромъ отбить у него, напасть на какой-нибудь чужой городъ, надѣлать переполоху, поочистить богатые дома...

Конечно, отъ этой буйной удали, не знавшей удержу, приходилось порою плохо и самому Господину Великому Новгороду.

Былины Новгородскія.

До сихъ поръ еще народъ въ своихъ пѣсняхъ вспоминаетъ и новгородскую необузданную вольницу, и народныя драки, а также прежнюю славу и богатство Новгорода.

Въ одной новгородской былинѣ (Василій Буслаевичъ) изображенъ буйный удалецъ, повольникъ.

„Въ славномъ великомъ Новгородѣ, говорится въ былинѣ, жилъ старый Буслай девяносто лѣтъ, жилъ онъ со всѣми въ мирѣ-согласіи, ладилъ съ чернью новгородской, поперекъ ей слова не говаривалъ. Умеръ онъ и остались по немъ имѣніе великое, вдова его да чадо милое, Васенька. Отдавала мать сына своего учить грамотѣ, письму да пѣнью церковному. Ученье ему въ прокъ пошло, и нѣтъ во всемъ Новгородѣ такого пѣвца, какъ Васенька; да на бѣду повадился онъ пить-пировать съ веселыми удалыми молодцами. Пьетъ онъ,—допьяна напивается, по улицамъ похаживаетъ да шуточки недобрыя пошучиваетъ: кого за руку возьметъ—руку вывихнетъ, кого за ногу хватитъ—ногу вывернетъ. Идутъ мужики новгородскіе жаловаться Васиной матушкѣ. „Честная вдова, говорятъ ей,—уйми ты свое чадо милое? Не хорошія шутки сталъ онъ пошучивать? А то вѣдь съ такой удачей молодецкой быть ему въ рѣкѣ Волховѣ“. Стала мать журить сына. Не по душѣ это пришлось Васенькѣ; озлился онъ на мужиковъ, что жаловались на него да грозили потопить его въ Волховѣ. Задумалъ онъ собрать себѣ дружину храбрую. Пишетъ онъ „ярлыки (записки) скорописчаты“: „Кто хочетъ пить и ѣсть изъ готоваго, вались къ Васькѣ на широкій дворъ,—тотъ пей и ѣшь готовое и носи платье разноцвѣтное“. Разсылаетъ онъ эти ярлыки по улицамъ и проулочкамъ новгородскимъ. Собираются къ нему удальцы со всѣхъ концовъ. Пришелъ Костя Новоторженинъ, пришли Потанюшка Хроменькій, Хомушка Горбатенькій и другъ. Пробуетъ ихъ силу Васенька Буслаевичъ,—заставляетъ выпить чару зелена вина въ полтора ведра, бьетъ каждаго изъ нихъ палицей въ двѣнадцать пудъ. Коли молодецъ стоитъ при этомъ, не шелохнется, братается Васенька съ нимъ и принимаетъ его въ свою дружину хоробрую“. Набралъ себѣ онъ тридцать удальцовъ.

Вызываетъ тогда онъ всѣхъ мужиковъ новгородскихъ на бой. Тѣ принимаютъ вызовъ. Начинается свалка на Волховскомъ мосту. Плохо мужикамъ

новгородскимъ,—много ихъ избито, изранено; дружина Васильева одолѣваетъ ихъ. Видятъ они—дѣло плохо,—на хитрости пускаются. Побѣжали къ матери Василія, принесли ей подарки и просятъ: „Прими у насъ дороги подарочки, и уйми свое чадо милое!“ Мать унимаетъ сына, сажаетъ въ глубокій погребъ; покоряется ей Васенька, не смѣетъ онъ ослушаться родимой матушки. Плохо пришлось и дружинѣ безъ него; стали одолѣвать ее мужики новгородскіе. Выпускаютъ тогда Василія изъ погреба.

Разгорѣлось его сердце богатырское, схватилъ онъ ось телѣжную и бросается своимъ на помощь,—мужиковъ такъ валомъ и валитъ. Стали снова они просить матушку вступиться за нихъ. Посылаетъ она Васильева крестоваго батюшку унять сынка. Одѣваетъ старчище пилигримище колпакъ на голову въ двадцать пудъ, беретъ клюку въ руки въ десять пудъ, приходитъ на мостъ къ Василію, глядитъ ему прямо въ ясны очи и говоритъ ему: „Ай же ты, мое чадо крестное! укроти свое сердце богатырское, оставь мужичковъ хоть малую часть“.

Расходилось сердце у Васеньки: нѣтъ на него ни уйму, ни удержу. „Ай же ты, крестный мой батюшка! говоритъ онъ въ отвѣтъ,—не далъ я тебѣ яичка во Христовъ день, дамъ я тебѣ яичко въ Петровъ день!“ Щелкнулъ онъ крестнаго батюшку осью желѣзною,—тутъ крестовому батюшкѣ и славу поютъ. Сама мать приходитъ унимать расходившагося Васеньку; догадалась старушка, зашла сзади и пала на плечи его могучія. „Ай же ты, чадо мое милое, говоритъ она,—укроти свое сердце богатырское, оставь мужичковъ хоть малую часть!“

Тутъ Васильюшка Буслаевичъ опускаетъ свои руки могучія къ сырой землѣ, выпадаетъ ось желѣзная изъ бѣлыхъ рукъ. „Ай ты, свѣтъ государыня матушка, говоритъ онъ, умѣла ты унять мою силу великую, догадалась зайти позади меня, а если бы зашла ты спереди, то не спустилъ бы тебѣ государынѣ матушкѣ, убилъ бы тебя замѣсто мужика новгородскаго“. Оставляетъ тогда Васенька смертное побоище. Оставилъ онъ мужиковъ малую часть, а набилъ ихъ, что пройти нельзя.

Много бѣды да грѣховъ натворилъ Василій Буслаевичъ. „Съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душу спасти“, говоритъ онъ и проситъ у своей государыни-матушки благословенья великаго „идти въ Ерусалимъ-градъ со всею дружиною храброю, Господу Богу помолитися, ко святой святынѣ приложитися, въ Ерданѣ-рѣкѣ искупатися“.—„Чадо мое милое, отвѣчаетъ ему мать,—коли ты пойдешь на добрыя дѣла, дамъ тебѣ благословеніе великое, а коли ты дитя, на разбой пойдешь, и не дамъ тебѣ благословенія, а и не носи Василья сыра земля“!... Пускается Василій со своей дружиной въ путь далекій по рѣкамъ и морямъ. Пріѣзжаетъ онъ, наконецъ, въ Іерусалимъ. служитъ обѣдню за матушку, за себя, служитъ панихиду по батюшкѣ, купается въ Іорданѣ. На возвратномъ пути Василій гибнетъ. Увидѣлъ онъ большой камень на горѣ, написано на немъ: кто перескочитъ чрезъ камень поперекъ—тому ничего не будетъ, а кто станетъ вдоль скакать—сломать тому буйную голову. Загорѣлось у Васеньки сердце неразумное, заговорила удаль буйная,—сталъ онъ вдоль скакать и убился до смерти.

Другая былина о Садкѣ богатомъ гостѣ, показываетъ, что у народа сохранилась память о богатствѣ стараго Новгорода. Сказываются въ этой былинѣ и языческія вѣрованія,—вѣра въ „водянаго бога“.

„Жилъ-былъ въ Новгородѣ Садко. Былъ онъ гусляръ, ходилъ по веселымъ пирамъ, тѣшилъ богатыхъ людей своей игрой искусной,—тѣмъ онъ и жилъ. Часты бывали пиры въ богатомъ Новгородѣ. Но вотъ случилось разъ—день проходитъ, другой, третій,—не зовутъ Садко на почестенъ пиръ. Соскучился Садко, пошелъ онъ къ Ильмень—озеру, сѣлъ на камень прибрежный и сталъ наигрывать на своихъ гуселкахъ. Какъ вдругъ вода въ озерѣ всколыбалася; вышелъ изъ воды царь морской и говоритъ: „Ай же ты, Садко Новгородскій, не знаю, чѣмъ тебя пожаловать за твои за утѣхи великія, за твою игру нѣжную. Ступай ты въ Новгородъ и бейся объ закладъ, заложи свою буйную голову, а съ купцовъ выряжай лавки товару краснаго, и спорь, что въ Ильмень озерѣ есть рыба—золоты перья. Какъ побьешься объ закладъ, поди—свяжи шелковый неводъ и пріѣзжай рыбу ловить въ Ильмень-озерѣ. Дамъ я тебѣ три рыбины—золоты перья;—тогда ты, Садко, счастливъ будешь“. Онъ сдѣлалъ такъ, какъ велѣлъ ему царь морской. Позвали Садко на почестенъ пиръ. Тѣшилъ гостей онъ игрой своей искусной, тѣшились гости и виномъ хмѣльнымъ. Сталъ тутъ онъ хвастать, что знаетъ чудо чудное въ Ильмень-озерѣ, что есть въ озерѣ рыба—золоты перья. Заспорили купцы, что не можетъ быть въ озерѣ такой диковинной рыбы. Предлагаетъ тогда Садко биться объ закладъ.—„Заложу я свою буйну голову, говоритъ онъ купцамъ, а вы закладывайте лавки товара краснаго“. Нашлись три купца,—ударились объ закладъ. Связали неводъ шелковый и поѣхали ловить рыбу на Ильмень-озеро. Закинули тоньку—и добыли рыбку-золоты перья, во второй разъ закинули—добыли вторую рыбку-золоты перья, третью тоньку закинули,—третью золотоперую рыбку добыли. Дѣлать нечего,—отдали купцы Садку свои лавки товара краснаго. Сталъ съ той поры онъ поторговывать, сталъ получать барыши хорошіе; нажилъ онъ имѣніе великое, построилъ себѣ палаты бѣлокаменныя, самъ сталъ задавать пиры на славу, сзывать къ себѣ именитыхъ гостей. Зазвалъ онъ разъ къ себѣ на пиръ гостей,—настоятелей новгородскихъ. „Всѣ на пиру наѣдалися, всѣ на пиру напивалися, похвальбами всѣ похвалялися: кто хвастаетъ безсчетной золотой казной, кто похваляется силой молодецкой, кто—конемъ добрымъ, кто славнымъ отечествомъ, кто—молодымъ молодечествомъ. А Садко все помалчиваетъ. Стали тутъ говорить гости: „Что же нашъ Садко ничѣмъ не похвастаетъ?“ Говоритъ онъ въ отвѣтъ: „Чѣмъ мнѣ хвастаться? У меня ли золота казна не тощится, цвѣтно платьице не носится, дружина храбрая не измѣняется. А похвастать—не похвастать безсчетной золотой казной: на свою золоту казну повыкуплю всѣ товары новгородскіе, худые товары и добрые!“ Не успѣлъ онъ и слова вымолвить, какъ настоятели новгородскіе ударились съ нимъ о великій закладъ—въ тридцать тысячъ, что не выкупить ему всѣхъ товаровъ новгородскихъ.—Вставалъ на другой день Садко раннимъ утромъ, будилъ своихъ молодцовъ, безъ счета давалъ имъ золотой казны, разсылалъ ихъ по всѣмъ улицамъ торговымъ, а самъ шелъ прямо въ гостиный рядъ. Повыкупилъ онъ со своими молодцами всѣ товары новго-

родскіе—худые и хорошіе. На другой день опять вставалъ онъ ранешенько; снова разсылалъ свою дружину покупать товары и самъ шелъ въ гостинный рядъ,—вдвойнѣ товаровъ принавезено, вдвойнѣ товаровъ принапасено на славу Новгорода Великаго. Садко опять скупилъ всѣ товары. На третій день снова выходитъ онъ съ дружиной своей покупать товары,—втройнѣ товаровъ принавезено, втройнѣ принапасено; подоспѣли товары московскіе. Призадумался тутъ богатый Садко,—не вмѣру, видно, похвастался. „Не выкупить товара со всего бѣла свѣта, говоритъ онъ,—выкуплю товары московскіе,—подоспѣютъ товары заморскіе. Не я, видно, купецъ богатъ Новгородскій,—побогаче меня славный Новгородъ“! Пришлось Садку уплатить закладъ.

Построилъ онъ тридцать кораблей, нагрузилъ на нихъ товары новгородскіе, продавалъ ихъ за моремъ, получалъ барыши великіе, насыпалъ бочки красна золота, чиста серебра. Ѣдетъ Садко назадъ въ Новгородъ. Случилось вдругъ диво дивное на морѣ. Поднялась страшная буря, „волною бьетъ, паруса рветъ, ломаетъ корабли червленые, а корабли нейдутъ съ мѣста“.—„Вѣкъ мы по морю ѣздили, говоритъ Садко, а морскому царю дани не плачивали: видно, царь морской отъ насъ дани требуетъ“. Приказываетъ Садко бросить въ море бочку чиста серебра, а буря не унимается, а корабли все съ мѣста нейдутъ. Бросаютъ бочку красна золота,—не помогаетъ и это. „Видно, царь морской требуетъ живой головы во сине море!“ говоритъ Садко. Два раза мечутъ жеребій, кому идти во сине море. Оба раза жеребій указываетъ на Садко. Покоряется онъ своей участи. Пишетъ духовное завѣщаніе: часть имѣнія отписываетъ Божіимъ церквамъ, часть—нищей братіи, часть—молодой женѣ, а остатокъ—дружинѣ своей храброй. Беретъ съ собою онъ свои гуселки. „Бросьте, говоритъ, на воду доску дубовую,—не такъ страшна будетъ мнѣ смерть. Остался Садко на синемъ морѣ, а корабли полетѣли, какъ черные вороны,—полетѣли въ Новгородъ Великій. Заснулъ Садко на доскѣ дубовой, а проснулся во синемъ морѣ, на самомъ днѣ. Увидѣлъ онъ на днѣ палату бѣлокаменную, зашелъ въ палату,—видитъ: сидитъ тамъ царь морской. „Ай же ты, Садко купецъ, богатый гость! говоритъ морской царь, вѣкъ ты по морю ѣзживалъ, мнѣ, царю, дани не плачивалъ, а теперь самъ пришелъ мнѣ въ подарочекъ. Поиграй мнѣ въ свои гуселки яровчаты. Сталъ Садко играть. Какъ расплясался тутъ царь морской! Игралъ Садко сутки, игралъ другія, игралъ и третьи, а все пляшетъ царь морской. Въ синемъ морѣ вода всколыбалася, съ пескомъ желтымъ смутилася, стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ, стало много гибнуть добра, много тонуть людей праведныхъ. Сталъ въ Новгородѣ народъ молиться Николѣ Можайскому. Вдругъ слышитъ Садко—тронулъ кто-то его за плечо правое и слышитъ онъ голосъ: „Полно тебѣ, Садко, играть въ гуселки яровчаты!“ Обернулся онъ, видитъ стоитъ старикъ сѣдой. Говоритъ ему Садко: „У меня воля не своя во синемъ морѣ,—приказано мнѣ играть“. Отвѣчаетъ ему старикъ: „А ты струночки повырывай, шпенечки повыломай, скажи: у меня струночекъ не случилося, а шпенечковъ не пригодилося, сломалися гуселки яровчаты,—не во что больше играть. Станетъ тебѣ царь предлагать жениться, выбирай дѣвицу Чернавушку. Будешь въ Новѣгородѣ, на свою безсчетну золоту казну построй церковь Николѣ Мо-

жайскому. Послушался Садко, исполнилъ все, какъ приказалъ старецъ. (Женился на дѣвицѣ Чернавушкѣ). Было на днѣ морскомъ столованіе — почестенъ пиръ. Заснулъ Садко на синемъ морѣ, а проснулся въ Новѣгородѣ, на крутомъ берегу рѣки Чернавы. Смотритъ онъ,—бѣгутъ его корабли по Волхову. Встрѣчаетъ онъ свою дружину. Дивуется дружина: „Остался Садко въ синемъ морѣ, очутился онъ впереди насъ въ Новѣгородѣ!“ Какъ повыгрузилъ Садко съ кораблей свою безсчетну золоту казну, построилъ онъ церковь соборную Николѣ Можайскому. Не сталъ больше ѣздить Садко на сине море, сталъ себѣ поживать въ Новѣгородѣ“.

Такъ, въ пѣсняхъ народа сказывается о Великомъ Новгородѣ старая быль пополамъ съ вымысломъ. Вспоминаетъ народъ о торговлѣ и богатствѣ стараго Новгорода, вспоминаетъ объ удальцахъ-повольникахъ, буйства и грабежи которыхъ не мало бѣдъ причинили Русской землѣ, вспоминаетъ и о внутреннихъ смутахъ въ Новгородѣ, которыя и сгубили его...

Новгородскіе церкви и монастыри.

Много церквей было въ Новгородѣ; самой главной была каменная церковь св. Софіи; строилась она пять лѣтъ (1045—1050). Владиміръ Ярославичъ призвалъ мастеровъ изъ Греціи, чтобы расписать стѣны церкви.

Чѣмъ больше богатѣлъ Новгородъ, тѣмъ больше строилось и церквей: ихъ строили владыки новгородскіе изъ своей казны; строили и князья; иногда въ складчину сооружала себѣ храмъ какая-нибудь улица. Во время повальныхъ болѣзней ставили „обыденныя“ церкви, т. е. въ одинъ день построенныя и освященныя. Большею частью онѣ были небольшія и деревянныя. Частные люди, богачи, иной разъ давали по какому-нибудь случаю „обѣты“ построить церковь. Иные сооружали храмы, чувствуя за собою какіе-нибудь грѣхи, чтобы искупить ихъ.

Сложилось слѣдующее любопытное сказаніе, въ которомъ слились и народная набожность, и суевѣріе, и ненависть къ ростовщикамъ.

Жилъ въ Новгородѣ богачъ Щилъ; нажилъ онъ огромное состояніе тѣмъ, что давалъ деньги въ ростъ. Лихву (проценты) бралъ онъ небольшую. Скопивъ себѣ громадное имѣніе, задумалъ онъ построить для спасенія души своей церковь во имя Покрова и устроить монастырь на берегу Волхова; испросилъ у владыки благословеніе на это дѣло. Когда церковь была построена, Щилъ попросилъ архіепископа освятить ее, и тутъ только сказалъ, что соорудилъ церковь на лихвенныя деньги.

— „Уподобился ты Исаву, сказалъ архіепископъ, взялъ ты у меня обманомъ благословеніе. Иди и вели въ твоей церкви въ стѣнѣ сдѣлать гробъ, надѣнь саванъ и пусть надъ тобою будетъ совершенъ похоронный обрядъ, вели сотворить по себѣ панихиду, а что случится далѣе, то пусть будетъ по волѣ Божіей“.

Горько плакалъ Щилъ, не посмѣлъ онъ ослушаться архіепископа и сдѣлалъ все, какъ было приказано. Какъ только стали его отпѣвать, вдругъ гробъ провалился въ землю, и на мѣстѣ, гдѣ стоялъ онъ, явилась пропасть. Когда

узналъ объ этомъ архіепископъ, онъ велѣлъ въ память этого чуда изобразить на церковной стѣнѣ Щила въ гробу посреди ада. Церковь была послѣ этого запечатана.

Въ большомъ горѣ сынъ Щила пришелъ къ архіепископу и просилъ его совѣта, какъ помочь отцу. Владыка велѣлъ ему сорокъ дней поститься и молиться, раздавать въ это время нищимъ щедрую милостыню, и въ сорока церквахъ заказать по сорока панихидъ. Когда это было исполнено, послалъ архіепископъ въ церковь, построенную Щиломъ, посмотрѣть на стѣнную картину. Оказалось, что онъ лежитъ въ гробу по прежнему, но голова его уже вышла изъ ада. Отслужили еще сорокъ панихидъ,— посмотрѣли на картину, а Щилъ уже по поясъ вышелъ изъ ада. Въ третій разъ отпѣли сорокъ панихидъ,—

Церковь св. Георгія въ Старо-Ладожской крѣпости. XII ст.

Щилъ на картинѣ совсѣмъ вышелъ изъ ада съ гробомъ своимъ. Изображеніе такъ и осталось, а въ стѣнѣ по-прежнему оказался гробъ Щила, и пропасть исчезла...

Въ такомъ торговомъ городѣ, какъ Новгородъ, ростовщиковъ было, конечно, не мало. Сказаніе о Щилѣ показываетъ, что, по взгляду народа и духовенства, давать деньги въ лихву (на проценты), хотя и умѣренную, считалось тяжкимъ грѣхомъ. Дѣйствительно, церковь не разъ сильно вооружалась противъ промысла ростовщиковъ, но искоренить его не могла.

Въ Новгородѣ было много монастырей. Самыми древними считаются Перынскій и Юрьевъ. Первый находится на лѣвомъ берегу Волхова, у истока его, гдѣ прежде стоялъ истуканъ Перуна, Юрьевъ монастырь былъ основанъ

еще Ярославомъ (христіанское имя его Юрій) въ 1030 г. Въ XII вѣкѣ возникли еще два знаменитыхъ новгородскихъ монастыря: Антоніевъ и Хутынскій. Въ началѣ XIII вѣка въ Новгородѣ и его окрестностяхъ было уже до 20 монастырей, а по всей области Новгородской болѣе тридцати... Монастыри эти владѣли землями, огородами, деревнями; благочестивые князья, бояре и гости новгородскіе много жертвовали на монастыри и землей, и денегъ.

Въ каждомъ пригородѣ былъ торгъ (торговая площадь), гдѣ находилась и церковь. Торжокъ состоялъ подъ покровительствомъ св. Спаса, Порховъ—св. Николы, Руса — св. Преображенія. Церкви въ небольшихъ городахъ, устраивались, конечно, попроще и поменьше, чѣмъ въ Кіевѣ и Новгородѣ. Въ Ладогѣ, одномъ изъ самыхъ древнихъ русскихъ городовъ уцѣлѣла старинная церковь (XII вѣка), на стѣнахъ которой сохранилась въ нѣсколькихъ мѣстахъ старинная живопись (фрески). Частые пожары страшно истребляли у насъ въ древности города, и потому немного древнихъ зданій сохранилось до нашего времени; но все-таки кромѣ церквей кое-гдѣ сохранились остатки стѣнъ городскихъ, напр., въ Старой Ладогѣ.

Князь Ярославъ. (Фрески XII ст.).

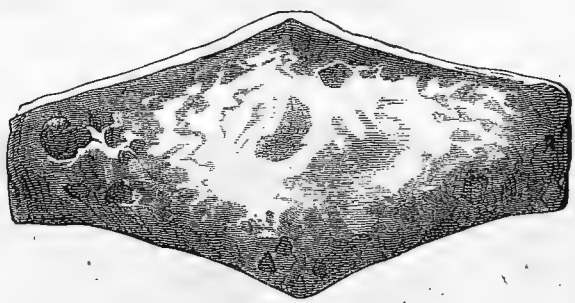
Духовенство приносило Новгороду много пользы, старалось умиротворить враждующихъ, удерживало, на сколько могло, отъ разныхъ насилій и беззаконій, вооружалось противъ ростовщичества, помогало разнымъ должностнымъ лицамъ наблюдать, чтобы въ торговлѣ не было обману. Въ одной новгородской церкви (Іоанна Предтечи на Опокахъ) хранились образцы различныхъ мѣръ, которыхъ должны были держаться при торговлѣ. Въ Новгородѣ были свои особенныя мѣры и деньги. Новгородская серебряная гривна вѣсила фунтъ. Кромѣ гривенъ, встрѣчаются полугривны, которыя иногда рубились пополамъ, отсюда названіе „рубли“; отрубки въ половину рубля стали называться полтинами. Ходила въ Новгородѣ и мелкая монета, величиною съ гривенникъ. Кромѣ того, были въ ходу и иностранныя монеты западныя—европейскія и восточныя—арабскія; случалось, конечно, что купцы по старинѣ обходились и безъ денегъ.

Суздальская область.

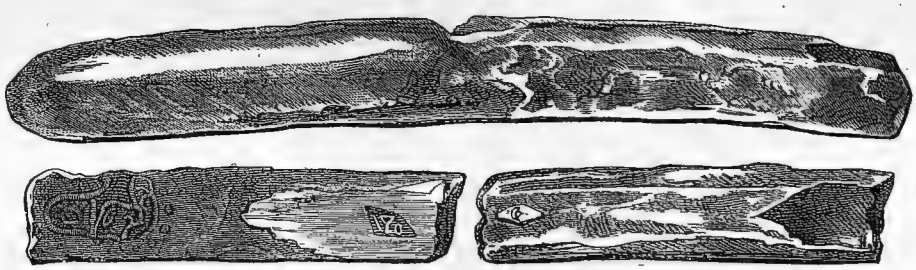
Въ то время, какъ на югѣ шли безконечныя усобицы между князьями, а въ Новгородѣ ссоры и распри на вѣчахъ, на дальнемъ сѣверо-востокѣ, въ Ростовско-Суздальской области, начинались новые порядки.

По верхнему теченію Волги земля большею частію неплодородная; богата она лишь дремучими лѣсами да болотами. Сначала жили здѣсь финскія племена,

а потомъ стали мало-по-малу заселять этотъ край русскіе. Скупа здѣсь почва, скудные урожаи давала она земледѣльцу,—много ему приходилось трудиться, чтобы прокормить себя и семью; за то человѣку, который хотѣлъ заниматься мирнымъ трудомъ или промысломъ, меньше было помѣхи на сѣверѣ: не заходили сюда половцы; княжескихъ усобицъ сначала тутъ совсѣмъ не было, и потомъ ихъ было гораздо меньше, чѣмъ на югѣ; вотъ почему сюда охотно шли выходцы съ юга. Особенно стала заселяться Ростовско-Суздальская область съ того времени, какъ началъ тутъ княжить младшій сынъ Владиміра Мономаха—Юрій Долгорукій. При немъ здѣсь возникло нѣсколько новыхъ поселеній и городовъ: Москва, Юрьевъ, Переяславль Залѣсскій, Дмитровъ и др. Князьямъ надо было устраивать укрѣпленныя мѣста, т. е. города, чтобы легче было



Гривенка Кіевская.



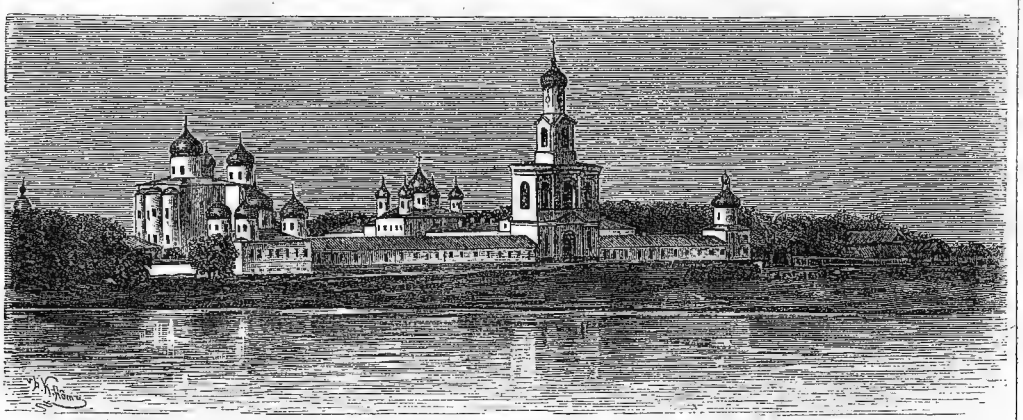
Гривенка Новгородская.

Рубль Псковской. Рубль Новоторжскій.

управлять страною и защищать ее. Кромѣ того, промышленники да купцы помогали заселенію страны.

Въ иныхъ мѣстахъ, на торговомъ пути, у верховья какой-нибудь рѣки, гдѣ нельзя было везти товаръ на лодкахъ и баркахъ, и приходилось его выгружать на возы, устраивались обыкновенно поселки, гдѣ жили работники, которые занимались перегрузкою товаровъ, да возчики, перевозившіе всякую кладь. Въ другихъ мѣстахъ, по большей части при сліяніи рѣкъ, куда удобно было свозить товары съ разныхъ сторонъ и производить обмѣнъ, устраивались склады товаровъ—торжки, или ярмарки. Было тутъ вдоволь дѣла и торговому, и рабочему люду; возникаютъ здѣсь поселки; ростетъ торговля,—ростутъ и эти поселенія, обращаются въ города.

Помогли заселенію сѣвернаго края и монахи. Забредетъ какой нибудь отшельникъ въ глубину лѣса, поставитъ себѣ келью и проводитъ одинокую жизнь свою въ тяжкомъ трудѣ и непрестанной молитвѣ. Провѣдаютъ объ этомъ другіе благочестивые люди, богомольцы; селятся нѣкоторые изъ нихъ подлѣ подвижника, стараются во всемъ уподобиться ему. Кельи огораживаются тыномъ, ставится деревянная церковь,—и колоколъ впервые нарушаетъ лѣсную тишь. Разростается обитель: строются тутъ и новая ограда, и болѣе просторная церковь, и новыя кельи. Не мало всякой работы найдется по монастырю; однимъ монахамъ не справиться, нужны разные работники. Не прокормить ихъ всѣхъ самимъ монахамъ; земли-то вдоволь, да рабочихъ рукъ мало; нужны и земледѣльцы. Мало-по-малу подлѣ монастыря являются поселки, становятся они все больше да люднѣе. Жить на монастырской землѣ льготно: монахи не притѣсняютъ, и князья чтутъ монастыри и работникамъ монастырскимъ даютъ разныя льготы И вотъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда въ темной чащѣ лѣса стояла одинокая убогая келья подвижника-отшельника, лѣтъ черезъ пятьдесятъ или меньше стоитъ



Юрьевскій монастырь близъ Новгорода.

богатый монастырь съ каменной оградой, съ каменными златоглавыми церквами. Подлѣ монастыря село. Далеко разстилаются воздѣланныя монастырскія поля. А если монастырь стоитъ у рѣки, на торговомъ пути или близъ него, то со временемъ село можетъ разростись и въ многолюдный торговый городъ. Жизнь въ такомъ монастырѣ уже не та, какъ въ уединенной кельѣ отшельника: слишкомъ много тутъ шуму людскаго, мірскихъ заботъ и помышленій. Кому нибудь изъ благочестивыхъ монаховъ этого монастыря придетъ на мысль уединиться, пожить такою же жизнью, какою жилъ святой отшельникъ, основатель обители. Уходитъ инокъ изъ монастыря, старается подальше уйти отъ людныхъ мѣстъ,—уйти въ „пустынь“, чтобы мірскія заботы не мѣшали ему думать только о душевномъ спасеніи, „спасаться“. Селится онъ также въ лѣсной глуши или на островкѣ какомъ-нибудь, среди озера, ставитъ здѣсь свою одинокую келейку. Пройдутъ годы, и тутъ явится монастырь, возникнетъ и подлѣ него людное село, и только старое преданіе гласитъ, что нѣкогда на мѣстѣ этомъ былъ темный непроходимый лѣсъ, и спасался одинокій отшельникъ.

Такимъ образомъ, мало-по-малу сѣверный финскій край заселялся русскимъ людомъ. Финны во многихъ мѣстахъ смѣшивались съ русскимъ населеніемъ, роднились съ нимъ, забывали свой языкъ и сливались съ русскими въ одинъ народъ.

Андрей Боголюбскій.

Юрій Долгорукій хоть и долго жилъ на сѣверѣ, въ Ростовско-Суздальской землѣ, но ему очень хотѣлось утвердится на югѣ. Сильно онъ добивался Кіева, велъ упорную борьбу съ племянникомъ своимъ Изяславомъ Мстиславичемъ, наконецъ, добился таки своего и умеръ великимъ княземъ кіевскимъ.

Завладѣвъ Кіевомъ, Юрій посадилъ старшаго сына своего Андрея въ Вышгородѣ, а Ростовъ и Суздаль отдалъ младшимъ своимъ сыновьямъ; но не нравилось на югѣ Андрею. Славился уже онъ боевой храбростью; не разъ побывалъ въ битвахъ; но онъ былъ уменъ, властолюбивъ и не любилъ войны. Въ южной Руси постоянно грозили нападенія или половцевъ, или русскихъ же князей; надо было угождать дружинѣ, зависѣть отъ нея,—все это было не по душѣ властолюбивому Андрею. Ему сильно хотѣлось уйти въ Суздальскую землю: тамъ онъ родился и провелъ свои дѣтскіе годы, тамъ его знали и въ дѣтствѣ величали своимъ княземъ; а въ Вышгородѣ ему было все чуждо. Рѣшился онъ уйти отсюда, не испросивъ даже согласія отца. Онъ взялъ съ собою изъ Вышгорода мѣстную чудотворную икону Пресв. Богородицы,—увезъ тайкомъ, такъ какъ жители добровольно не разстались бы со своею святынею. Икона эта, какъ гласило преданіе, была написана св. евангелистомъ Лукою и привезена изъ Царьграда.

За десять верстъ отъ города Владиміра, по пути въ Суздаль, какъ говоритъ преданіе, совершилось чудо: кони подъ иконою вдругъ стали; запрягли другихъ лошадей,—возъ съ иконою ни съ мѣста! Дивятся всѣ чуду. Князь приказалъ остановиться. Раскинули шатеръ и расположились на ночлегъ. Поутру князь объявилъ, что Богоматерь явилась ему во снѣ и велѣла не везти икону въ Ростовъ, а поставить ее во Владимірѣ, а на томъ мѣстѣ, гдѣ было видѣніе, построить каменную церковь во имя Рождества Богородицы и основать монастырь. Тогда же на мѣстѣ видѣнія заложено было село —Боголюбово, и построена богатая каменная церковь. Здѣсь, въ этомъ храмѣ, поставили временно и взятую изъ Вышгорода икону. Андрей украсилъ ее богатымъ окладомъ, въ которомъ было пятнадцать фунтовъ золота, много жемчуга, драгоцѣнныхъ камней и серебра. Построилъ онъ себѣ здѣсь въ Боголюбовѣ и каменный дворецъ. Это село сдѣлалось любимымъ мѣстопребываніемъ Андрея; отсюда и произошло его прозвище—Боголюбскій.

Когда умеръ Юрій, жители Ростова и Суздаля признали своимъ княземъ Андрея, но онъ избралъ своей столицей Владиміръ на Клязьмѣ. Этотъ, прежде небольшой и малонаселенный городъ теперь населился, разросся и очень украсился. Андрей построилъ здѣсь изъ бѣлаго камня великолѣпную церковь Успенія Богородицы съ позолоченнымъ куполомъ. Сюда была перенесена чудотворная икона Богоматери. Святыня эта въ глазахъ народа сильно возвышала значеніе и города Владиміра, и Андрея Боголюбскаго, которому сама Богоматерь

какъ бы указала столицу. Уже Юрій привелъ на сѣверъ много поселенцевъ изъ Южной Руси; теперь же стало еще больше южанъ переселяться сюда.

Одной церкви, названной Десятинной изъ подражанія Кіеву, Андрей, подобно Владиміру Св., назначилъ десятую долю всѣхъ своихъ доходовъ, подарилъ села и угодья. Соорудилъ онъ много красивыхъ церквей, снабжалъ ихъ иконами и утварью, не жалѣя средствъ, — какъ видно, старался, чтобы Владиміръ красотой своихъ храмовъ уподобился Кіеву, или даже превзошелъ его; построилъ во Владимірѣ Золотыя ворота, подобно Кіевскимъ, съ церковью надъ

Успенскій Соборъ во Владимірѣ.

ними. Соорудилъ онъ во Владимірѣ тоже монастыри: Спасскій и Вознесенскій; строилъ церкви и по другимъ городамъ. Видѣлъ народъ и щедрость его, и благочестіе. Постоянныя большія постройки давали работу многимъ, привлекали искусныхъ рабочихъ изъ другихъ мѣстъ, увеличивали населеніе городовъ.

По своему благочестію и набожности, Андрей Боголюбскій напоминалъ дѣда своего Владиміра Мономаха: Андрея всегда можно было видѣть, говоритъ лѣтописецъ, во храмѣ на молитвѣ, со слезами умиленія на глазахъ; всенародно раздавалъ онъ милостыню убогимъ, чтилъ духовенство, чернецовъ и за то слышалъ похвалы своему христіанскому милосердію и благочестію. Но подобно дѣду,

онъ, хотя и не любилъ войны, однако постоять за Русскую землю съ оружіемъ въ рукахъ всегда былъ готовъ.

Въ это время не въ ладахъ были съ русскими болгары, жившіе по Волгѣ и Камѣ, и дѣлали часто набѣги на русскія земли. Войну съ невѣрными (болгары были магометане) народъ считалъ дѣломъ богоугоднымъ. Въ 1164 году Андрей предпринялъ походъ на болгаръ. Съ войскомъ шло духовенство и торжественно подъ знаменами несло св. икону Богоматери; князь и все войско предъ выступленіемъ въ походъ пріобщились св. Таинъ. Походъ былъ удаченъ: болгарскій князь обратился въ бѣгство; русскіе взяли одинъ болгарскій городъ.

Хотѣлось Андрею возвысить свой Владиміръ надъ всѣми русскими городами, даже и надъ Кіевомъ.

Когда въ 1166 году кіевскимъ княземъ сдѣлался Мстиславъ Изяславичъ, правнукъ Владиміра Мономаха, тогда какъ Андрей былъ внукомъ его, загорается снова борьба за Кіевъ. Андрей собралъ огромное союзное войско (11 князей съ ихъ дружинами и ратью принимали участіе въ походѣ). 12-го марта 1169 года Кіевъ былъ взятъ сыномъ Андрея Мстиславомъ. Древняя столица, мать русскихъ городовъ,—городъ, красѣ котораго дивились иноземцы, былъ разграбленъ, посрамленъ, униженъ. Андрей посадилъ княжить въ Кіевѣ подручнаго себѣ князя, брата своего Глѣба, а самъ, принявъ титулъ великаго князя, остался во Владимірѣ.

Съ этого времени Владиміръ на Клязьмѣ становится главнымъ городомъ на Руси.

Не даромъ Андрей утвердился во Владимірѣ и сдѣлалъ его своею столицею. Ростовъ и Суздаль были города старые; жители ихъ подобно новгородцамъ, для рѣшенія важныхъ дѣлъ сходились обыкновенно на вѣча; рѣшенію ихъ должны были повиноваться младшіе города, или „пригороды“, какъ ихъ называли. А Владиміръ на Клязьмѣ былъ городъ новый, основанный княземъ, вѣчевой порядокъ здѣсь еще не укоренился; князь здѣсь не могъ встрѣтить сильной помѣхи своей власти. Владимірцы рады были лучше повиноваться своему князю, чѣмъ чужому вѣчу. При томъ, они были очень расположены къ Андрею: онъ украсилъ городъ великолѣпными зданіями; при постройкѣ ихъ много нашлось дѣла для рабочаго люда; наконецъ, онъ перенесъ изъ Вышгорода чудотворную икону Богоматери. Икона эта, подъ именемъ „Владимірской Божіей Матери“, стала главною святынею города Владиміра. На поклоненіе ей стали приходить люди изъ окрестныхъ мѣстъ. Это придавало больше значенія и самому городу. Когда великій князь сдѣлалъ Владиміръ своею столицею, и дружина поселилась тутъ,—стало въ городѣ люднѣе, промыслы разные и торговля пошли бойчѣе, городъ началъ быстро расти и богатѣть... Изъ Владиміра по Клязьмѣ, а потомъ по Окѣ не трудно было добраться и до южной Руси, которую хотѣлъ держать въ рукахъ властолюбивый Андрей.

Завладѣвъ Кіевомъ, задумалъ онъ и другія области подчинить себѣ, а также уничтожить самостоятельность вѣчевого Новгорода. Уже Юрій Долгорукій сталъ тѣснить его. Суздальскій князь могъ всегда сильно вредить новгородцамъ: мѣшать имъ собирать дань съ восточныхъ ихъ земель, прервать восточную торговлю ихъ, которая шла чрезъ Суздальскую землю, а главное могъ

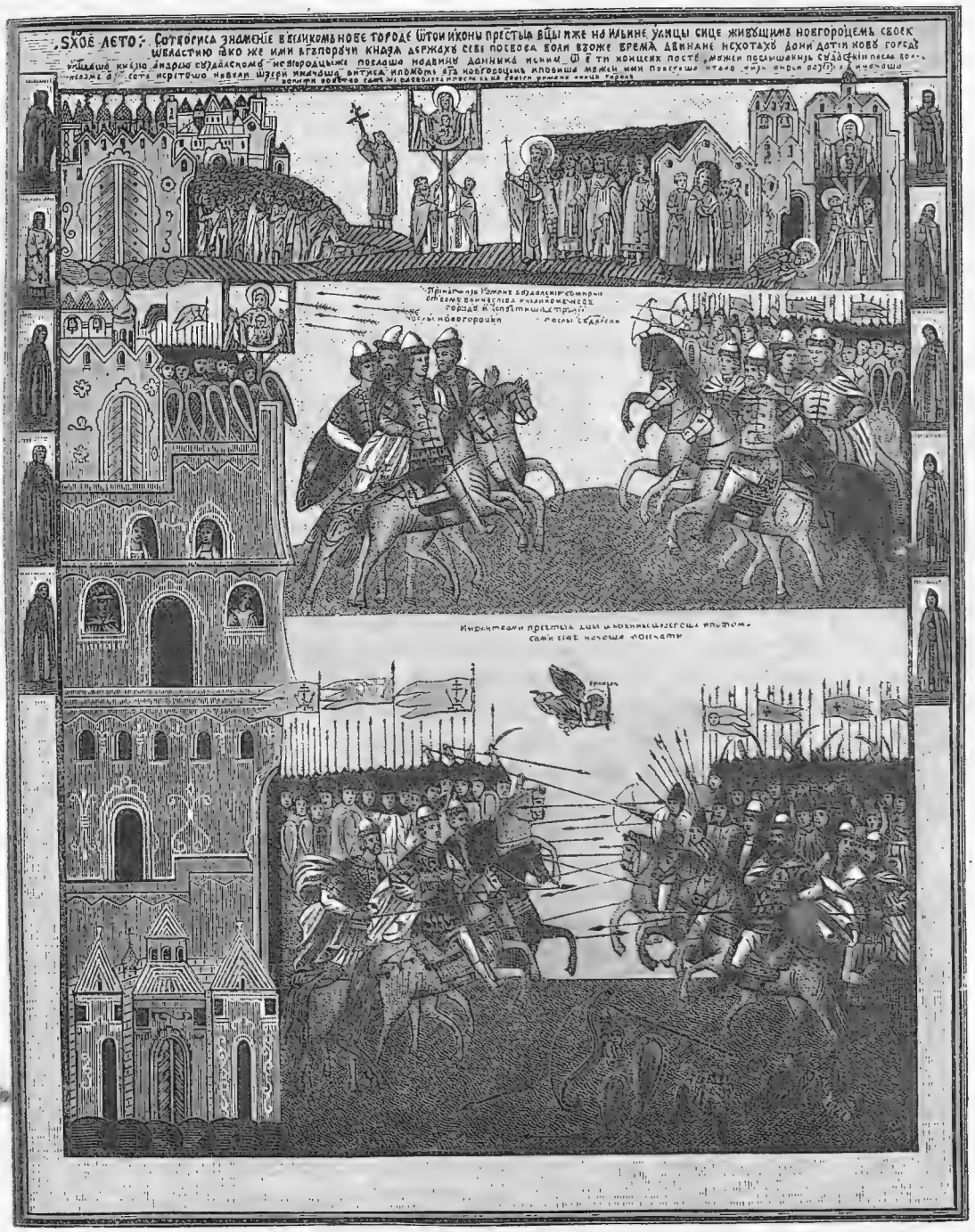
прекратить подвозъ въ Новгородъ хлѣба по Волгѣ изъ низовыхъ областей. Вотъ почему рано или поздно новгородцы должны были попасть въ зависимость отъ суздальскихъ князей. Зимою 1170 года явилась подъ Новгородомъ грозная рать. Тутъ были суздальцы; смольняне, рязанцы, муромцы и полочане; начальствовалъ сынъ Андреевъ Мстиславъ. И предводитель, и войска были тѣ же, которые брали Кіевъ. Слухи объ ихъ злодѣйствахъ и насиліяхъ повсюду, гдѣ они проходили,—воспламенили новгородцевъ; вспоминали они о безпощадномъ раззореніи Кіева суздальцами, о разграбленныхъ церквахъ, о поруганной свя-

Золотыя ворота во Владимірѣ.

тынѣ и клялись умереть за св. Софію и за свою вольность. Городъ поспѣшно укрѣпили новымъ тыномъ.

Рѣдко когда русскіе въ старину пытались брать города приступомъ; обыкновенно долгой осадой принуждали жителей сдаться, брали городъ, какъ говорилось тогда, „изморомъ“. Но на этотъ разъ Мстиславъ понадѣялся на силу своей рати и рѣшился на приступъ. Три дня суздальская рать готовилась къ нему; на четвертый начался бой. Новгородцы защищались мужественно, но силы у Мстислава было больше; сталъ онъ одолѣвать... Казалось, пришелъ конецъ Новгороду; но, по преданію, онъ былъ спасенъ чудомъ. Въ ночь со вторника на среду новгородскій владыка Іоаннъ усердно молился предъ образомъ Спаса; вдругъ ему послышался голосъ отъ иконы:

— „Иди на Ильину улицу, въ церковь Спаса, возьми икону Пресвятой Богородицы, вознеси ее на стѣну, и Богородица спасетъ Новгородъ“.



Изображенія на иконѣ Знаменской Богоматери (битва суздальцевъ съ новгородцами).

На другой день владыка въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства торжественно вынесъ икону на стѣну. Игумены, священники пѣли молитвы. Народъ со слезами молился о спасеніи; всюду слышались громкіе возгласы: „Господи помилуй!“ Тучи стрѣлъ летѣли въ городъ. Одна стрѣла, говоритъ преданіе, попала въ икону, и она въ тотъ-же мигъ обратилась ликомъ къ городу, и слезы закапали изъ очей ея. Въ то-же мгновеніе внезапный и необъяснимый страхъ охватилъ всю суздальскую рать, воины пришли въ безпорядокъ; на нихъ нашло какое-то одурѣніе,— стали они стрѣлять другъ въ друга. Новгородцы вышли изъ города и одержали блестящую побѣду надъ врагами, множество ихъ избили, а плѣнныхъ взяли столько, что, по словамъ новгородскаго лѣтописца, „десятокъ суздальцевъ отдавали за гривну“.

Мстиславъ бѣжалъ со своею ратью, и лютость его отозвалась на немъ-же: пришлось проходить ему по тѣмъ мѣстамъ, которыя раньше онъ опустошилъ; нигдѣ больше не находили хлѣба,—воины умирали отъ голода и болѣзней, и принуждены были, съ ужасомъ говоритъ лѣтописецъ, въ Великій постъ ѣсть мясо коней своихъ.

Такъ говоритъ новгородское преданіе о чудесномъ избавленіи Новгорода отъ суздальской рати. (Съ этого времени въ честь иконы Богоматери Знаменской установленъ праздникъ 27-го ноября).

Скоро однако новгородцамъ пришлось искать милости у Андрея Боголюбскаго. Былъ въ Новгородской землѣ неурожай,—настала страшная дороговизна; а хлѣбъ, какъ выше сказано, шелъ въ Новгородъ чрезъ Суздальскую землю, и вынуждены были новгородцы признать своимъ княземъ Юрія, сына Андрея; но все-таки побѣда ихъ имѣла значеніе. Хоть великій князь и посылалъ въ Новгородъ своихъ подручныхъ князей, но „старины и пошлины новгородской“ не нарушалъ...

Между тѣмъ Андрей затѣвалъ новые порядки: понималъ онъ, что удѣльныя распри губятъ Русскую землю; что она отъ нихъ все больше и больше бѣднѣетъ и слабѣетъ, да и самъ хотѣлъ быть великимъ княземъ не по имени только. Изъ Ростовско-Суздальской области онъ, боясь усобицъ, удалилъ своихъ родичей,—младшихъ братьевъ и племянниковъ; выгналъ и старыхъ отцовскихъ бояръ, которые привыкли слишкомъ вмѣшиваться въ княжескія дѣла. Совѣтоваться съ дружиной Андрей не любилъ.

Хотѣлъ онъ быть „самовластцемъ“,—и не только въ своей области, но и во всей Руси. Въ Кіевѣ умеръ братъ его Глѣбъ. Владиміръ Мстиславичъ вздумалъ было водвориться здѣсь. Андрей приказалъ ему немедленно выѣхать изъ Кіева, и отдалъ его Роману Ростиславичу, князю кроткому, покорному,— отдалъ не по старшинству, а по „милости своей“.

Андрей благоволилъ къ Ростиславичамъ (князьямъ Смоленскимъ), такъ какъ они признали его старшинство и повиновались ему.

— „Вы назвали меня своимъ отцемъ,—велѣлъ онъ сказать имъ,—хочу вамъ добра и отдаю Кіевъ брату вашему Роману“.

Чрезъ нѣсколько времени случилось, что Ростиславичи не исполнили одного желанія Андрея; тогда онъ послалъ сказать Роману:

— „Не ходишь въ моей волѣ ты съ братьями твоими,—такъ иди вонъ изъ Кіева, а Давидъ пускай идетъ вонъ изъ Вышгорода, Мстиславъ — изъ Бѣлгорода. Ступайте себѣ въ Смоленскъ и дѣлитесь тамъ между собою, какъ знаете!“

Не слыхали еще до сихъ поръ русскіе удѣльные князья такихъ властныхъ рѣчей отъ великаго князя. Романъ повиновался; но другіе Ростиславичи воспротивились и послали сказать Андрею.

— „Братъ! мы назвали тебя своимъ отцемъ, крестъ тебѣ цѣловали, и стоимъ на крестномъ цѣлованіи, хотимъ тебѣ добра; а ты теперь брата нашего Романа вывелъ изъ Кіева, и намъ кажешь путь изъ Русской земли безъ всякой вины; такъ пусть разсудитъ насъ Богъ и крестная сила“.

Андрей никакого отвѣта на эти слова не далъ. Тогда Ростиславичи тайно ночью въѣхали въ Кіевъ, схватили Андреева младшаго брата и племянника и посадили въ Кіевѣ брата своего Рюрика.

Узнавъ объ этомъ, Андрей сильно разгнѣвался. Обрадовались его гнѣву Ольговичи, князья Черниговскіе: они надѣялись сами завладѣть Кіевомъ, и стали подстрекать Андрея противъ Ростиславичей.

— „Кто тебѣ врагъ, послали они ему сказать,—тотъ и намъ; мы готовы идти съ тобою“.

Андрей надѣялся на свои силы. Призвалъ онъ своего мечника и наказалъ ему:

— „Поѣзжай къ Ростиславичамъ и скажи имъ отъ меня: не ходите въ моей волѣ,—такъ ступай же ты, Рюрикъ, въ Смоленскъ къ брату, въ свою отчину; а ты Давидъ, ступай въ Берладъ (городъ въ нынѣшней Молдавіи), не велю тебѣ быть въ Русской землѣ. А Мстиславу скажите такъ: ты всему главный зачинщикъ, не велю тебѣ быть въ Русской землѣ“!

Сильно оскорбился такою рѣчью и самовластіемъ Андрея Мстиславъ, стоявшій всегда за правду и за старину. Съ молоду онъ привыкъ не бояться никого, кромѣ одного Бога. Въ сильномъ гнѣвѣ приказалъ онъ при себѣ остричь послу Андрея голову и бороду и отослалъ его съ такими словами:

— „Мы доселѣ чтили тебя какъ отца по любви, а ты прислалъ къ намъ такія рѣчи, какъ будто не князьямъ, а подручникамъ. Твори, что замыслилъ, пусть Богъ насъ разсудитъ!“

Когда услыхалъ Андрей эти слова, когда узналъ объ оскорбленіи своего посла, то пришелъ въ такой гнѣвъ, что даже опалъ въ лицѣ. Онъ велѣлъ немедля собрать большое войско. Тутъ были ростовцы, суздальцы, владимірцы, переяславцы, бѣлозерцы, муромцы, новгородцы, рязанцы,—всего около 50,000 воиновъ. Сынъ Андрея Юрій съ опытнымъ воеводою велъ это войско. Получили они отъ великаго князя такой приказъ:

— „Рюрика и Давида выгоните изъ моей отчины, а Мстислава схватите, ничего ему не дѣлайте, приведите только ко мнѣ“.

Вся эта рать пошла въ Черниговскую область; тутъ соединились съ нею черниговскіе князья; князья полоцкіе тоже принуждены были идти. Казалось, Ростиславичамъ не сдобровать. Рюрикъ Ростиславичъ заперся въ Бѣлгородѣ, Мстиславъ въ Вышгородѣ, а Давида они послали къ галицкому князю Ярославу просить помощи.

Главныя силы сѣверной рати пошли на Мстислава, дерзкаго противника Андрея Боголюбскаго. Девять недѣль стояло подъ Вышгородомъ огромное ополченіе. Храбро отбивался Мстиславъ, не смотря на то, что силы у него было не-

много. Союзная рать дѣйствовала неединодушно; многіе изъ участниковъ воевали противъ своей воли; между отдѣльными вождями согласія не было и дѣло союзниковъ не ладилось: больше было тутъ шуму, крику, суеты, чѣмъ толку; многимъ надоѣло стоять подъ городомъ, взять который они потеряли надежду. Вдругъ разнеслась молва, что галицкая рать, соединившись съ Рюрикомъ, хочетъ ударить на нихъ. Ужасъ охватилъ сборную Андрееву рать; она бросилась бѣжать отъ Вышгорода; бѣжали въ такомъ безпорядкѣ, что множество людей при переправѣ чрезъ Днѣпръ утонуло. Мстиславъ, видя поспѣшное отступленіе вражьей силы, вышелъ изъ города, погнался за врагами, захватилъ ихъ обозъ и забралъ многихъ въ плѣнъ.

Это дѣло доставило Мстиславу громкую славу. Двадцать союзныхъ князей съ ихъ ратями не совладали съ нимъ. Съ этого времени и назвали его „Храбрымъ“.

Сталъ послѣ этого Кіевъ снова переходить изъ рукъ въ руки. Не такой былъ человѣкъ Андрей Боголюбскій, чтобы помириться съ неудачей и оставить враждебныхъ себѣ князей полными хозяевами на югѣ; онъ, вѣрно, добился-бы своего, еслибы неожиданная смерть не помѣшала ему.

Властолюбивый Андрей имѣлъ много враговъ между князьями и боярами; оказались они и между ближними людьми. Былъ Андрей и къ нимъ строгъ, если они злоупотребляли его довѣріемъ или не повиновались ему. Казнилъ онъ за какую-то вину одного изъ родственниковъ своихъ по женѣ, боярина Кучковича. Братъ казненнаго съ нѣсколькими княжескими слугами рѣшился злодѣйствомъ освободиться отъ строгаго господина. Андрей, подобно другимъ князьямъ русскимъ, принималъ къ себѣ на службу иностранцевъ. Однимъ изъ приближенныхъ слугъ къ Андрею былъ ключникъ Анбалъ изъ иноземцевъ. Онъ тоже принялъ участіе въ заговорѣ.

— „Сегодня князь казнилъ Кучковича, говорили заговорщики, — а завтра казнитъ и насъ; покончимъ съ нимъ“.

Ночью, взявши оружіе, пошли злоумышленники къ княжескому терему. Когда они подошли къ спальнѣ князя, то ихъ обуялъ страхъ; не хватало у нихъ смѣлости совершить преступленіе. Тогда они пошли въ медушу (погребъ, гдѣ хранились меды и вина), напились вина и снова пошли въ княжій теремъ.

Одинъ изъ злодѣевъ постучалъ въ дверь спальни.

— „Кто тамъ?“ спросилъ Андрей.

— „Прокопій!“ отвѣчалъ стучавшій (Прокопій былъ однимъ изъ любимыхъ слугъ князя).

— „Нѣтъ, это не Прокопій!“ сказалъ князь, хорошо знавшій голосъ своего слуги.

Дверей онъ не отперъ. Злодѣи стали ломиться въ дверь. Князь бросился къ своему мечу, который обыкновенно находился подлѣ него. Меча не оказалось. Анбалъ раньше убралъ его. Заговорщикамъ удалось выломать дверь; бросились они на князя. Андрей былъ очень силенъ, сталъ обороняться и одного изъ противниковъ своихъ сбилъ съ ногъ. Въ потьмахъ, не разглядѣвъ, злодѣи поранили упавшаго, принявъ его за князя. Затѣмъ, увидѣвъ свою ошибку, на-

пали на князя, стали наносить ему удары мечами, саблями, копьями. Князь сначала сильно боролся.

— „Нечестивцы! что я вамъ сдѣлалъ, говоритъ онъ, за что вы проливаете кровь мою? Богъ вамъ отомститъ за мой хлѣбъ“.

Наконецъ, израненный и окровавленный Андрей упалъ подъ ударами убійцъ. Злодѣи думали, что онъ убитъ, взяли раненаго товарища своего и поспѣшно понесли его. Князь поднялся и, обливаясь кровью, со стономъ вышелъ изъ спальни. Убійцы услышали стонъ его и вернулись. Не нашедши его на томъ мѣстѣ, гдѣ они оставили его, злодѣи испугались.

— „Скорѣе ищите его, говорили они другъ другу, а не то мы погибли!“

Входъ на лѣстницу, гдѣ былъ убитъ вел. князь Андрей.

Зажгли свѣчу и по кровавому слѣду нашли несчастнаго князя; онъ успѣлъ сойти по лѣстницѣ внизъ и думалъ скрыться за лѣстничнымъ столбомъ. Злодѣи кинулись на него.

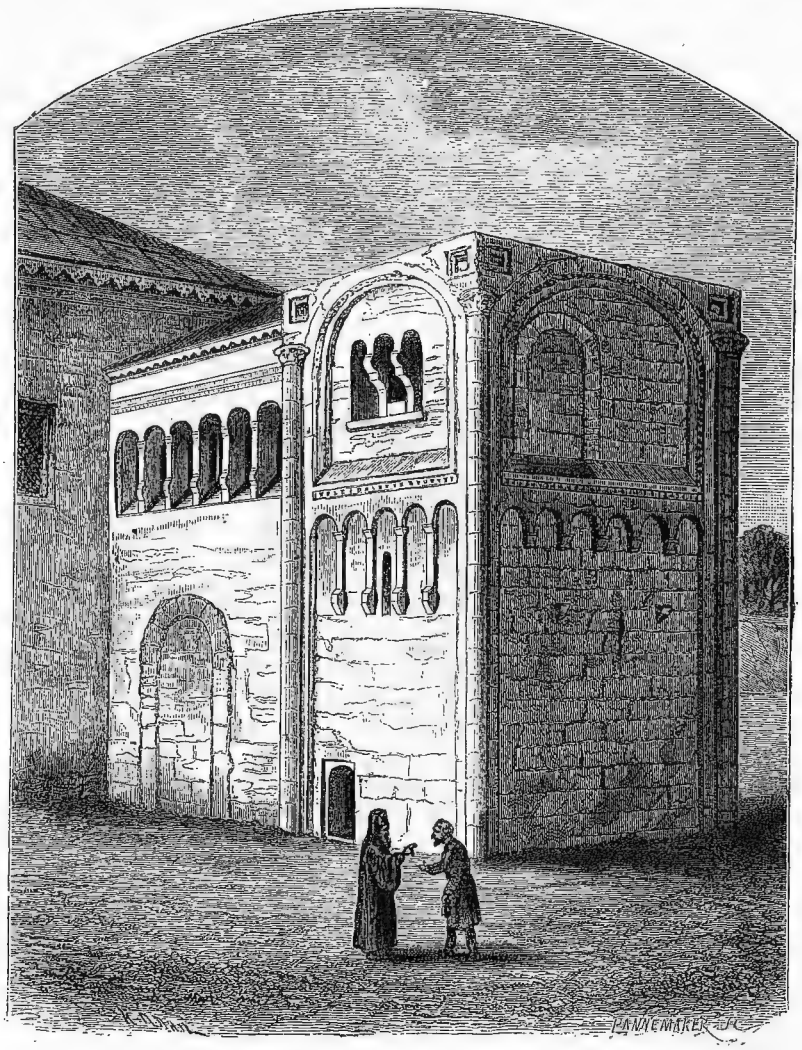
— „Господи, въ руки Твои предаю духъ мой?“ были послѣднія слова несчастнаго...

Умертвили заговорщики и Прокопія, вѣрнаго слугу Андрея. Княжеское имущество было разграблено. Изъ кладовой князя забрали золото, драгоцѣнные камни, разныя ткани и одежды.

Тѣло убитаго князя долго лежало брошенное въ огородѣ; никто не рѣшался взять его, чтобы отдать ему послѣдній христіанскій долгъ,—всѣ боялись

заговорщиковъ. Но нашелся между слугами князя одинъ, кіевлянинъ Кузьма, который не побоялся злодѣевъ. Сталъ онъ плакать надъ трупомъ Андрея. Насилу выпросилъ этотъ вѣрный слуга у ключника коверъ и корзно покрыть трупъ убитаго князя. Обернувъ тѣло, Кузьма понесъ его въ церковь, и сталъ просить, чтобы ее отперли,—ему закричали:

— „Да кинь тѣло туть въ притворѣ. Экая тебѣ печаль съ нимъ!“



Остатки дворца Андрея въ Боголюбовѣ.

Всѣ были уже пьяны. Кузьма сталъ плакать и причитать надъ своимъ господиномъ:

— „Ужъ тебя, господинъ, слуги твои не хотятъ знать. Бывало, прежде, придетъ ли гость изъ Царьграда, или изъ какой либо русской стороны, или латынянинъ, христіанинъ ли, поганый ли,—ты, бывало, скажешь: введите его въ церковь и на полати (на хоры), пусть видитъ истинное христіанство и кре-

стится, —что и бывало. (Болгаре, жиды и вся погань-язычники), видѣвшіе здѣсь славу Божію и красоту церковную, больше сокрушаются по тебѣ, а эти (твои слуги) даже въ церковь не пускаютъ положить".

Только на третій день послѣ убійства нашлось духовное лицо, которое рѣшилось отпѣть князя. На шестой день, когда волненіе, поднявшееся во Владимірѣ, стихло, владимірцы порѣшили перенести тѣло своего князя изъ Боголюбова во Владиміръ. Когда торжественная процессія приближалась къ городу и толпы народа, стоявшаго у городскихъ воротъ, завидѣли княжескій стягъ (знамя), который несли передъ гробомъ, многіе изъ народа стали рыдать. Андрея похоронили въ построенной имъ Богородичной церкви (1174 г.).

Послѣ смерти его ростовцы и суздальцы выбрали себѣ въ князья не сына его и не братьевъ, а племянниковъ, —думали, что въ благодарность за избраніе они будутъ править „по старинѣ". Владимірцы призвали къ себѣ на княженіе брата Андреева Михаила. Начались тогда усобицы между племянниками и дядями, между старыми городами (Ростовомъ и Суздалемъ) и молодымъ городомъ Владиміромъ. Въ концѣ концевъ владимірцы одолѣли. Михаилъ Юрьевичъ утвердился во Владимірѣ. Чрезъ годъ онъ умеръ, и мѣсто его занялъ братъ его Всеволодъ, по прозванію „Большое гнѣздо" (1176 г.).

Всеволодъ III.

Всеволодъ III Юрьевичъ дѣйствовалъ по примѣру Андрея Боголюбскаго: не далъ волостей своимъ племянникамъ, подчинилъ себѣ Рязань и Новгородъ, и властно распоряжался Кіевомъ.

Въ Южной Руси въ это время шли усобицы. Самымъ знаменитымъ княземъ былъ тогда сынъ Мстислава Храбраго, Мстиславъ Удалой, —образецъ стараго южно-русскаго князя: онъ не заботился объ усиленіи своей области и власти; больше всего влекла его военная слава; на войну смотрѣлъ онъ какъ на судъ Божій. Съ дружиною своею, закаленною въ бояхъ, онъ безпрестанно переѣзжалъ изъ одного конца Руси на другой, являлся всюду, гдѣ нужно было оборонить слабаго отъ сильнаго, постоять за „старину".

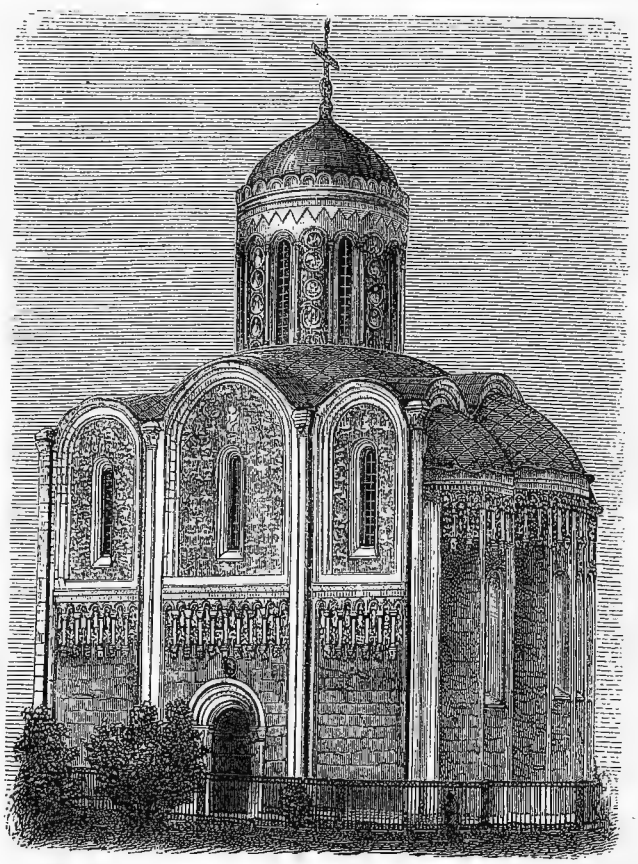
Всеволодъ III былъ княземъ совсѣмъ не такого нрава: крайне осторожный, не охотникъ до рѣшительныхъ дѣйствій, битвъ и походныхъ тревогъ, онъ всегда разсчитывалъ навѣрняка; къ своей цѣли шелъ осторожно, обдуманно и твердо. Главной задачей его было —пріобрѣсть какъ можно больше владѣній, усилить свою власть на счетъ другихъ князей, забрать ихъ всѣхъ въ свои руки.

При Всеволодѣ во Владимірѣ и въ другихъ городахъ Суздальской области было воздвигнуто много новыхъ великолѣпныхъ для того времени церквей. Во Владимірѣ былъ построенъ Дмитріевскій соборъ, по словамъ лѣтописца, „дивно украшенный иконами и писаніемъ".

Въ старину каменныя церкви на Руси строили иноземные мастера —греки да нѣмцы; но мало-по-малу и русскіе стали перенимать у нихъ кое-какія знанія. Когда понадобилось въ Суздалѣ обновить Богородичную церковь, то епископъ не искалъ мастеровъ у нѣмцевъ, а нашелъ у себя между церковными слу-

жителями и во Владимірѣ людей, которые съумѣли и олово лить, и покрыть церковь свинцовыми листами, и известью выбѣлить. Во Владимірской области было не мало каменьщиковъ; но хорошихъ зодчихъ между русскими было не много: церкви, построенныя ими, часто обваливались.

Съ XII вѣка все чаще и чаще воздвигаются каменныя постройки. Кромѣ церквей, изъ камня стали строить городскія стѣны, башни,—иногда и княжескіе дома. Большею же частью жилья въ городѣ строились по прежнему—изъ дерева и мало отличались отъ крестьянскихъ избъ, были только попросторнѣе и покрасивѣе.



Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ.

Лѣсу въ сѣверныхъ русскихъ областяхъ было вдоволь, и постройка простаго жилища стоила очень дешево. Въ случаѣ пожаровъ, которые въ древности очень часто истребляли цѣлые города, или непріятельскихъ нашествій, жители старались спасти болѣе цѣнные свои пожитки. Погорѣвшіе города скоро вновь застраивались. При дешевизнѣ построекъ и простотѣ быта жителямъ городовъ не трудно было переселяться на новыя мѣста. Цѣлые города иной разъ бѣжали отъ непріятелей и затворялись въ другихъ городахъ. Бывали случаи, что князья переводили города изъ одной области въ другую. Земли было на

Руси вдоволь, а народу мало. Каждому князю хотѣлось привлечь побольше переселенцевъ въ свою область.

Борьба Суздаля съ Новгородомъ.

Сильную борьбу пришлось выдержать Новгороду съ властолюбивыми суздальскими князьями, начиная съ Юрія Долгорукаго. Никогда вѣчники-новгородцы такъ не нуждались въ боевыхъ князьяхъ, какъ въ эту пору.

Особенно замѣчательными князьями новгородскими были два Мстислава. Мстиславъ Храбрый (сынъ Ростислава Мстиславича, Смоленскаго князя, внука Владиміра Мономаха) оказалъ большія услуги Новгороду, одержалъ блестящую побѣду надъ Чудью, и мужественно отстаивалъ свободу Великаго Новгорода. Новгородцы сильно любили этого князя. Когда онъ умеръ, тѣло его погребли они въ храмѣ св. Софіи. Отличался онъ не только храбростью, но и благочестіемъ, и дѣлами милосердія. Лѣтописецъ о немъ говоритъ:

„Онъ всегда порывался на великія дѣла,—и не было земли на Руси, которая не хотѣла бы имѣть его у себя и не любила бы его. Не можетъ вся земля русская забыть доблести его“.

Священна для Новгорода была его память,—гробница его стала предметомъ поклоненія. Впослѣдствіи Мстислава причли къ лику святыхъ.

Не менѣе дорогъ былъ новгородцамъ и сынъ его Мстиславъ Удалой (Удатный, какъ звалъ его народъ).

Всеволодъ, князь Суздальскій, не спросивъ согласія вѣча, назначилъ своего сына Святослава княземъ въ Новгородъ. Здѣсь поднялось волненіе: многіе новгородцы крѣпко стояли за свои старые порядки. Они напали на сторонниковъ Суздальскаго князя, разграбили и пожгли дворы ихъ. Всеволодъ въ наказаніе за это приказалъ задерживать новгородскихъ купцовъ, ѣздившихъ по его землямъ, отбирать у нихъ товары и не пропускать изъ своей земли хлѣба въ Новгородъ. Это было въ 1210 г.—Въ это время неожиданно является на помощь Мстиславъ Удалой.

— „Кланяюсь св. Софіи и гробу отца моего, и всѣмъ новгородцамъ, послалъ онъ сказать имъ,—услышалъ я, что князья творятъ надъ вами насиліе,—жаль мнѣ своей отчины!“

Новгородцы обрадовались, волненія стихли; сторонники Суздальскаго князя примолкли,—боялись перечить большинству. Князя Святослава посадили подъ стражу и вѣче послало сказать Мстиславу:

— „Иди, князь, на столъ“.

Пришелъ онъ со своей дружиной; собралось и новгородское ополченіе; но на этотъ разъ дѣло до войны не дошло. Всеволодъ не рѣшился на войну съ Мстиславомъ, прислалъ къ нему своихъ пословъ съ такими словами:

— „Отпусти сына моего Святослава и мужей его, а я отпущу новгородскихъ гостей съ ихъ товарами и вознагражу убытки ихъ“.

Порадовались новгородцы, что Мстиславъ одержалъ верхъ надъ Всеволодомъ, не проливши ни капли крови.

Много пользы Новгороду принесъ удалой князь: онъ ѣздилъ по Новго-

родской землѣ, всюду учреждалъ порядокъ, строилъ укрѣпленія и церкви. Два раза ходилъ онъ на Чудь и подчинилъ Новгороду всю Чудскую землю вплоть до самаго моря.

Въ это время возникли усобицы на югѣ. Черниговскій князь Всеволодъ овладѣлъ Кіевомъ, выгналъ отсюда родичей Мстислава и творилъ много всякихъ насилій. Мстиславу снова представился случай стать за правду. Онъ собралъ вѣче и просилъ новгородцевъ помочь его изгнаннымъ родичамъ.

— „Куда, князь, ты взглянешь очами, закричали новгородцы, туда мы обратимся своими головами“.

Съ помощью новгородцевъ одолѣлъ удалой князь своего врага, посадилъ въ Кіевѣ своего двоюроднаго брата Мстислава Романовича и вернулся въ Новгородъ. Но не сидѣлось ему тутъ: велика была у него охота къ боевымъ трудамъ, къ подвигамъ; а на югѣ было для него дѣло. Звали его туда на венгровъ, которые захватили Галицкую землю, пользуясь смутами, и посадили тамъ своего королевича. Собралъ Мстиславъ вѣче, поклонился Господину Великому Новгороду.

— „Есть у меня, — сказалъ онъ, — дѣло на Руси, а вы вольны въ князьяхъ“.

Онъ съ дружиной своей уѣхалъ въ Галичъ. Пока боролся онъ здѣсь съ врагами Русской земли, въ Новгородѣ взяли верхъ сторонники суздальскихъ князей и призвали Ярослава Всеволодовича. Князь этотъ былъ человѣкъ крутого нрава и сталъ не по праву, безъ суда, расправляться со своими противниками; двухъ изъ нихъ заковалъ и выслалъ въ Тверь; сторонники князя по его наущенію, разграбили домъ тысяцкаго. Тогда поднялся въ Новгородѣ народъ, и нѣсколько сторонниковъ князя было убито. Раздраженный этой народной расправой, Ярославъ оставилъ въ Новгородѣ своего намѣстника, а самъ поселился въ Торжкѣ. Торжокъ, или Новый Торгъ, какъ иначе называли его въ старину, былъ пригородомъ Новгорода, Ярославъ задумалъ тутъ, поближе къ Суздальской землѣ, устроить столицу, а Новгородъ обратить въ пригородъ.

На горе новгородцамъ въ землѣ ихъ въ это время морозъ побилъ хлѣбъ; онъ страшно вздорожалъ; плохо пришлось бѣдному люду: Ярославъ не пропускалъ въ Новгородъ ни одного воза съ хлѣбомъ. Начался голодъ. Бѣдные люди за кусокъ хлѣба продавали дѣтей своихъ въ рабство. Много народу погибло голодною смертью. По улицамъ валялись тѣла умершихъ; собаки грызли ихъ!... Смирились новгородцы, послали къ Ярославу звать его къ себѣ; онъ ничего не отвѣчалъ, а посланныхъ велѣлъ задержать. Второй разъ отправили новгородцы къ нему пословъ съ такими словами:

— „Иди, князь, въ свою отчину ко св. Софіи“.

Посланные снова были задержаны, а отвѣта новгородцамъ не было дано. Ярославъ велѣлъ хватать по всѣмъ дорогамъ новгородскихъ гостей и держалъ ихъ въ Торжкѣ, словно въ плѣну... Казалось, пришелъ конецъ Новгороду.

Спасаетъ его и на этотъ разъ отъ бѣды неминуемой все тотъ-же удалой князь, каратель неправды и насилія, возстановитель правды. Является онъ сюда (11-го февраля 1216 года). Ожили упавшіе духомъ новгородцы, хотѣвшіе отстоять свою „старину“. Онъ прежде всего велитъ схватить и заковать

ярославовыхъ людей, орудовавшихъ въ Новгородѣ. Затѣмъ собрано было вѣче; является сюда Мстиславъ, цѣлуетъ крестъ вѣрой и правдой послужить Великому Новгороду, и говоритъ:

— „Либо освобожу новгородскихъ мужей и новгородскія волости, либо голову свою сложу за Великій Новгородъ!“

— „На жизнь и смерть готовы идти съ тобою!“ кричатъ въ отвѣтъ новгородцы.

Попробовалъ сначала Мстиславъ опять уладить дѣло мирнымъ путемъ, послалъ къ Ярославу посла уговорить его оставить Новгородъ въ покоѣ и освободить захваченныхъ новгородцевъ. Ярославъ не только не исполнилъ требованій Мстислава, но, чтобы досадить ему, приказалъ заковать взятыхъ новгородцевъ и разослать ихъ въ заточеніе по разнымъ городамъ, а товары роздалъ своимъ дружинникамъ.

Когда вѣсть объ этомъ новомъ насиліи дошла до Мстислава, онъ велѣлъ звонить на вѣче на Ярославовомъ дворѣ, явился среди народа и сказалъ:

— „Пойдемъ, освободимъ людей своихъ, вашихъ братьевъ. Не быть Торжку Великимъ Новгородомъ, ни Новгороду—Торжкомъ! Гдѣ Св. Софія—тутъ и Новгородъ!“

Ополчились новгородцы. На помощь имъ по призыву Мстислава пришли псковичи, а потомъ и смольняне. Въ это время въ Суздальской землѣ спорили за первенство Константинъ Всеволодовичъ съ младшимъ братомъ своимъ Юріемъ. Мстиславъ объявилъ, что онъ не только стоитъ за Новгородъ, но хочетъ правды и въ Суздальской землѣ,—хочетъ поддержать права старшаго князя Константина.

Ярославъ ушелъ къ брату своему Юрію во Владиміръ. Стали они готовить большое ополченіе. Вся Суздальская земля вооружилась; на войну погнали изъ селъ и деревень земледѣльцевъ; суздальцамъ помогали муромцы; пристали къ нимъ и бродники (такъ назывались сбродныя шайки восточныхъ степей).

Мстиславъ послалъ сказать Юрію, что новгородцы не питаютъ никакой вражды къ нему, что они обижены Ярославомъ. Юрій отвѣчалъ:

— „Мы съ братомъ Ярославомъ—одинъ человѣкъ“.

Послалъ Мстиславъ посла и къ Ярославу съ такимъ словомъ:

— „Освободи захваченныхъ тобой новгородцевъ, верни волости новгородскія, что ты занялъ, помирись съ нами, цѣлуй намъ крестъ,—не будемъ проливать кровь!“

— „Мира не хотимъ, отвѣчалъ Ярославъ, издалека вы пришли, и попали какъ рыба на сушу“.

Переговоры не привели ни къ чему. Суздальскіе князья (Ярославъ и Юрій) такъ были увѣрены въ побѣдѣ, что устроили у себя въ шатрѣ пиръ съ боярами. Нѣкоторые изъ старыхъ и благоразумныхъ бояръ смущались тѣмъ, что правда была на сторонѣ противника. Одинъ изъ нихъ даже уговаривалъ князей помириться съ Мстиславомъ и Константиномъ.

— „Не смотрите, говорилъ этотъ боярин, что рати у нихъ меньше, чѣмъ у васъ. Ростиславова племени князья мудры, справедливы и храбры, и

люди ихъ—новгородцы и смольняне – смѣлы въ бою. А про Мстислава сами знаете, что храбростью онъ выше всѣхъ!"

Не по душѣ приш е ся князьямъ такой совѣтъ. Больше нравились имъ рѣчи молодыхъ бояръ.

— „Никогда не бывало, говорили эти бояре, ни при отцахъ вашихъ, ни при дѣдахъ, чтобы кто вошелъ ратью въ сильную Суздальскую землю и вышелъ-бы изъ нея цѣлъ... Что намъ эти полки?! мы ихъ сѣдлами закидаемъ!"

— „Сама добыча идетъ къ намъ въ руки, говорили самоувѣренно князья своимъ дружинникамъ, достанутся вамъ кони, оружіе, брони, платье—берите все, только враговъ не щадите. Не оставимъ въ живыхъ никого!"

Затѣмъ, и между собою уговорились князья, кому какою областью владѣть изъ земель, которыя попадутъ въ ихъ руки послѣ побѣды.

Суздальскіе князья послали гонца пригласить Мстислава на бой на Липицкое поле. Битва такимъ образомъ обращалась какъ бы въ судъ Божій.

Суздальцы стали на горѣ и нѣсколько времени не вступали въ рѣшительный бой, не сходили съ горы. Не утерпѣлъ удалой Мстиславъ.

— „Братья, сказалъ онъ своимъ воинамъ, гора не поможетъ имъ, и гора не побѣдитъ насъ. Съ нами честной крестъ и правда; пойдемъ на нихъ!"

Проѣзжая по рядамъ новгородцевъ, онъ говорилъ:

— „Съ Божьей помощью станемъ крѣпко. Не озирайтесь назадъ; побѣжавши, не уйдешь бѣды. Забудемъ женъ, дѣтей и дома свои. Идите въ бой, какъ кому лучше, пѣшіе или на конѣ!"

— „Не хотимъ умирать на коняхъ, закричали новгородцы, мы будемъ биться пѣшіе, какъ отцы наши!"

Сбросили они съ себя верхнюю одежду, даже сапоги сняли. Босые бросились они съ крикомъ впередъ; за ними кинулись въ бой и смольняне. Вожди были на коняхъ, чтобы видѣли ихъ всѣ воины. Дружинники были тоже верхомъ на коняхъ. Пѣшіе новгородцы первые съ громкимъ крикомъ схватились съ непріятелемъ. Пошли въ дѣло дубины и топоры. Новгородцы стали одолѣвать. Уже одинъ стягъ (знамя) Ярославовъ былъ подрубленъ. Мстиславъ, замѣтивъ, что новгородцы зашли слишкомъ далеко, и непріятель можетъ окружить ихъ, крикнулъ своимъ:

— „Не дай Богъ, братья, выдавать этихъ удальцовъ!"

Онъ пустился впередъ на своемъ борзомъ конѣ. За нимъ понеслись другіе князья и дружина. Началась лютая сѣча. Суздальскіе полки были смяты. Юрій и Ярославъ обратились въ бѣгство,—кинули весь свой обозъ. Мстиславъ три раза проѣхалъ сквозь непріятельскіе полки, прокладывая себѣ путь своимъ тяжелымъ топоромъ.

Суздальская рать бросилась бѣжать въ-разсыпную. До десяти тысячъ суздальцевъ погибло подъ ударами топоровъ и утонуло во время бѣгства. Тридцать знаменъ, до ста трубъ и бубенъ и весь обозъ достались побѣдителямъ.

Липицкая битва произошла 21 апрѣля 1216 г.

Лѣтописцы живо говорятъ объ ужасѣ этого побоища; сынъ шелъ на своего отца, братъ на брата, слуга на господина. Было не мало новгородцевъ, кото-

рые сражались за Ярослава; одни изъ родичей стояли подъ знаменами Мстислава и Константина, другіе — подъ знаменами ихъ противниковъ.

Ярославъ и Юрій бѣжали. Юрій загналъ трехъ коней, на четвертомъ прискакалъ во Владиміръ. Въ городѣ оставались только мирные обыватели: священники, чернецы, старики, женщины да дѣти. Завидѣвъ всадника, владимірцы обрадовались было: вотъ, думали они, вѣстникъ спѣшитъ съ вѣстью о побѣдѣ. Когда же узнали, въ чемъ дѣло, то начался по всему городу плачъ и стонъ: изъ всѣхъ почти семей были взяты ратники на войну. Къ вечеру стали собираться въ городъ бѣглецы съ несчастнаго побоища: кто былъ израненъ, кто вернулся нагимъ, кто босымъ, — всю ночь понемногу сходились они.

Князь собралъ вѣче.

— „Братья, владимірцы, говорилъ онъ, затворимся въ городѣ и станемъ отбиваться!“

— „Какъ мы станемъ биться, возражали ему владимірцы, братья наши избиты, другіе въ плѣнъ попали, а тѣ, что вернулись, безоружны“.

Юрій просилъ владимірцевъ, чтобы они по крайней мѣрѣ не выдавали его Мстиславу и Константину, и обѣщалъ самъ въ крайнемъ случаѣ выѣхать изъ города. Владимірцы согласились на это. 29-го апрѣля союзники подошли къ городу и окружили его. Юрій не могъ обороняться и сдался на милость побѣдителей.

— „Кланяюсь вамъ, братья, и челомъ бью, сказалъ онъ, — жизнь мнѣ оставьте и хлѣбомъ накормите!“

Мстиславъ порѣшилъ отдать городъ Владиміръ Константину, старшему брату Юрія, — а ему Городецъ.

Другой суздальскій князь Ярославъ бѣжалъ съ побоища въ Переяславль. Въ ярости онъ приказалъ заковать въ кандалы всѣхъ новгородцевъ и смольнянъ, какіе случились въ это время въ Переяславлѣ, и бросать ихъ въ погребъ. Новгородцевъ было болѣе ста человѣкъ; многіе изъ нихъ задохлись въ тѣсныхъ подвалахъ; но сколько онъ ни злобился, а смириться предъ побѣдителями пришлось и ему.

Ни одинъ князь не принесъ столько пользы Новгороду, какъ Мстиславъ Удалой. При немъ никто не осмѣливался нарушить новгородской старины да и въ другихъ областяхъ боялись творить насилія и не по праву занимать княжескіе столы: Мстиславъ готовъ былъ всегда помочь правому, наказать нарушителя правды.

Въ это время въ Галичѣ опять стали хозяйничать венгры. Мстислава тянуло туда поработать на пользу русскаго дѣла. Собралъ онъ вѣче.

— „Кланяюсь, — сказалъ онъ, — св. Софіи, гробу отца моего, и вамъ! Хочу поискать Галича, а васъ не забуду. Дай Богъ мнѣ лечь у св. Софіи, у гроба отца моего!“

Сильно упрашивали новгородцы Мстислава остаться у нихъ, — но напрасно. Онъ уѣхалъ, и навсегда. Не довелось ему лечь у св. Софіи.

Государственный строй и бытъ русскихъ XI—XIII. ст.

Раздробленіе земли. — Князь и дружина.—Жизнь князей.—Народъ.—Промыслы.—Города.—Жилища.—Одежда.

Къ концу XII вѣка Русская земля распалась на нѣсколько отдѣльныхъ земель, или областей. Въ каждой изъ нихъ утвердился какой-либо княжескій родъ, который уже крѣпко держался волости, унаслѣдованной отъ своего родоначальника; на ней уже размѣщались всѣ родичи. Послѣ Юрія Долгорукаго переходы князей изъ одной волости въ другую по старшинству почти прекратились,—идутъ лишь споры между нѣкоторыми князьями за Кіевъ; но онъ уже утратилъ прежнее значеніе первопрестольнаго города,— оно переходитъ къ Владиміру на Клязьмѣ. При Андреѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ III здѣсь сосредоточивается сильная великокняжеская власть, которая стремится подчинить себѣ разрозненныя русскія земли. По смерти Всеволода великокняжеская власть слабѣетъ и каждая область представляетъ самостоятельное княжество.

Но, не смотря на это раздробленіе государства и на безконечныя распри князей, все-таки всѣ отдѣльныя волости составляли одну Русскую землю; онѣ связаны были между собой неразрывными узами: жители всѣхъ русскихъ волостей, подданные всѣхъ князей, враждующихъ между собой, говорили однимъ и тѣмъ же языкомъ, исповѣдовали одну и ту-же православную вѣру, да и князья, какъ ни спорили между собой, какія „крамолы ни ковали“ другъ противъ друга, но забыть, что всѣ они происходили отъ одного родоначальника, отъ Владиміра Св., конечно, не могли. Наконецъ, церкви всѣхъ удѣловъ были подчинены одному и тому же кіевскому митрополиту, и Кіевъ съ его святынями по-прежнему является средоточіемъ церковной власти, источникомъ христіанскаго просвѣщенія. Вотъ тѣ крѣпкія узы, которыя не позволяли разрозненнымъ областямъ русскимъ обособиться въ совершенно отдѣльныя государства,—узы, которыя, наперекоръ стремленію нѣкоторыхъ князей, связывали всѣ княжества въ одну Русскую землю. Этой связи сильно помогла и природа ея: равнина нигдѣ не давала удобныхъ границъ для отдѣльныхъ государствъ, а рѣчная сѣть еще больше стягивала ихъ въ одно цѣлое.

Каждая область управлялась отдѣльно. Князь, дружина и народное вѣче—вотъ три правительственныя силы, какія встрѣчаемъ мы въ XI и XII вѣкахъ въ русскихъ областяхъ. Въ одномъ мѣстѣ князь, пользуясь любовью и довѣріемъ народа, управляетъ самовластно, не обращая большаго вниманія на дружину, (въ Суздальской землѣ); въ другой области вѣче забираетъ власть въ свои руки, и князь во многомъ зависитъ отъ него (въ Новгородѣ); въ третьемъ княжествѣ разбогатѣвшая дружина начинаетъ по примѣру западныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ стѣснять княжескую власть, (такъ было, напр., въ Галицкой Руси). Но по большей части князь пользовался большою силою: онъ былъ верховнымъ правителемъ страны, главнымъ судьею, стражемъ ея отъ враговъ; онъ опредѣлялъ подати, строилъ города (крѣпости), назначалъ намѣстниковъ по своимъ городамъ, избиралъ и духовныхъ сановниковъ, конечно, по соглашенію съ кіевскимъ митрополитомъ. Въ случаѣ войны князь былъ главнымъ воево-

дою, шелъ на врага во главѣ своей дружины и войска. Подчиненные младшіе князья должны были, какъ говорилось тогда, „ходить въ рукѣ“ у великаго князя, т. е. покоряться ему, оттого и звали ихъ подручными князьями. Они обязаны были не только повиноваться ему, но всячески выражать почтеніе; напримѣръ, если случалось ѣхать вмѣстѣ, то они ѣхали у стремени его.

Князь былъ почти неразлученъ съ дружиной своей: на войнѣ она окружаетъ его; съ нею онъ „думаетъ“, т. е. совѣщается о всякихъ дѣлахъ, военныхъ или мирныхъ; съ нею ходитъ на полюдье, на охоты; съ нею пируетъ и веселится. Чѣмъ больше тревоги и войны, тѣмъ дороже князю его дружина. Понятно, что во время безпрерывныхъ усобицъ, инымъ князьямъ плохо пришлось

В. к. Владиміръ посылаетъ Бориса съ дружиной на печенѣговъ (по сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ)

бы безъ дружины; вотъ почему многіе изъ нихъ всячески ублажаютъ ее, щедро осыпаютъ ее своими милостями. Дружинники—люди вольные, могутъ переходить отъ одного князя на службу къ другому. У щедраго князя, подлѣ котораго живется богато и привольно, нѣтъ недостатка въ удалыхъ сподвижникахъ, да у такого князя вдоволь и богатства. „Съ удалой дружиной найду и серебро, и золото“, говорилъ еще Владиміръ Св. Князь давалъ своей дружинѣ содержаніе или жалованье деньгами, разными припасами и произведеніями, какія собирались съ народа, какъ дань; наконецъ, надѣлялъ землей. Сначала поземельная собственность, при частыхъ переходахъ князей изъ одной волости въ другую, не имѣла большой цѣны, но потомъ, когда князья остаются въ своихъ

вотчинахъ, т. е. земляхъ, унаслѣдованныхъ отъ отцовъ, становятся, такъ сказать, осѣдлыми, поземельная собственность получаетъ большое значеніе, и дружинники дѣлаются мало-по-малу помѣщиками.

Дружина дѣлилась на старшую и младшую. Къ первой принадлежали бояре, княжьи мужи, ко второй—отроки, дѣтскіе, бывшіе тѣлохранителями князя, его ближайшими слугами, составлявшими его дворъ. Число дружинниковъ при князѣ обыкновенно не было велико, едва ли доходило до тысячи. Ихъ было достаточно въ мирное время для охраны порядка въ области да для мелкихъ междоусобицъ, но въ случаѣ большой войны князья не только сзывали всю свою дружину, но вербовали рать по селамъ и городамъ. Дружинники составляли самую главную часть войска. Нерѣдко, болѣе удалые ратники, или вои, свыкшись съ боевой жизнью, поступали въ дружину.

Бояре были главными совѣтниками, или „думцами“ князей; изъ нихъ князья избирали разныхъ должностныхъ лицъ, назначали ихъ намѣстниками въ города, воеводами, тысяцкими и проч. Въ ту пору не было еще точнаго разграниченія властей и обязанностей, такъ что княжіе мужи, намѣстники, или посадники, получавшіе отъ князя въ управленіе города, имѣли въ своихъ рукахъ и военную власть, и судъ творили, и дань собирали. Сверхъ княжаго жалованья въ пользу намѣстниковъ шла часть разныхъ сборовъ и судебныхъ пошлинъ. Случалось, что князь поручалъ даже и въ томъ городѣ, гдѣ самъ жилъ, своимъ тіунамъ (слугамъ) творить судъ, а тѣ иногда притѣсняли народъ.

Главные доходы князя состояли въ дани, которая собиралась съ волости; затѣмъ, ему шли судебныя пени и разныя торговыя пошлины. Кромѣ различныхъ припасовъ, и разныхъ естественныхъ произведеній: хлѣба, меду, мѣховъ, которые давались князьямъ въ видѣ дани, — они получали иногда огромные доходы со своихъ собственныхъ имѣній. При нѣкоторыхъ княжескихъ селахъ были княжьи дворы съ кладовыми и погребами, полными всякаго добра: и съѣстныхъ припасовъ, и дорогихъ вещей, тканей и проч. Богатству князя Святослава Черниговскаго, какъ сказано, удивлялись иноземцы. Табуны въ нѣсколько тысячъ коней паслись на привольныхъ княжескихъ пастбищахъ; тысячи стоговъ хлѣба собирались на пажитяхъ; въ погребахъ были сотни пудовъ меду; въ кладовыхъ и клѣтяхъ хранилось много дорогихъ, златотканныхъ одеждъ, украшеній и дорогого оружія. Охоты и ловы могли доставлять тоже порядочный доходъ князьямъ. Было у нихъ, на что содержать дружину и разные придворные чины (дворскій, стольникъ, меченоша, ключникъ, конюшій и пр.).

Въ лѣтописяхъ находимъ не мало извѣстій о частной жизни князей. При рожденіи князю давали два имени: одно княжее (языческое), а другое христіанское (Святополкъ—Михаилъ, Ярославъ—Георгій, Владиміръ — Василій и т. д.). Когда княжичу исполнялось три—четыре года, совершался надъ нимъ обрядъ „постригъ“ и „всаженія на конь“: у ребенка стригли волосы и торжественно сажали его на коня. Обрядъ этотъ, какъ думаютъ, ведетъ начало отъ древняго обычая князей и знатныхъ людей на Руси и въ Болгаріи брить бороду и плотно выстригать или брить голову, оставляя только клокъ волосъ, чубъ. Къ маленькимъ княжичамъ приставляли такъ называемыхъ „кормильцевъ“, т. е. дядекъ; выбирали ихъ изъ опытныхъ бояръ. Они должны были

всячески оберегать и воспитывать своихъ питомцевъ. Княжихъ дѣтей, какъ сыновей, такъ и дочерей, учили грамотѣ. Объ ученіи видимо заботились; не даромъ между князьями встрѣчались большіе книголюбцы.

Браки у русскихъ князей были очень ранніе 15—17-лѣтнихъ княжичей женили на 10—12-лѣтнихъ княжнахъ; (извѣстенъ даже случай женитьбы четырнадцати-лѣтняго князя на восьми-лѣтней княжнѣ).

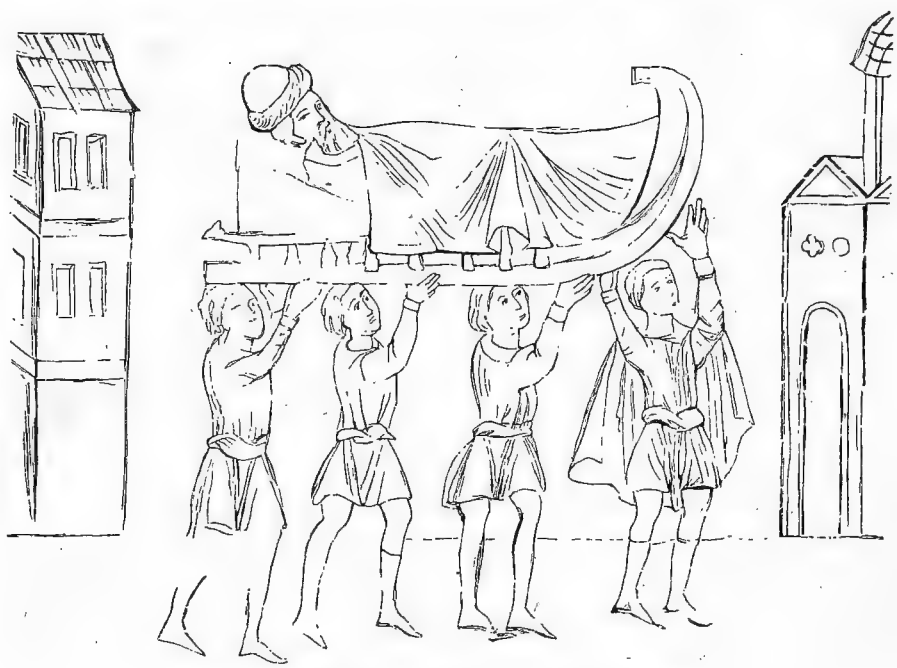
Рано также сажали князей на престолъ, иногда 12 лѣтъ; въ такихъ случаяхъ дѣлами заправляли родичи или кормильцы юныхъ князей. Обрядъ вокняженія или „посаженіе на столъ“ совершался, конечно, высокопоставленными духовными лицами, митрополитомъ или епископами.

Обѣдъ князя съ митрополитомъ (по сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ).

Крещеніе, постриги; посаженіе на столъ, свадьбы опровождались веселыми пирами.

Какъ обыкновенно проводили князья день,—это ясно видно изъ поученія Владиміра Мономаха. Вставали обыкновенно рано, до зари, совершали молитву или слушали заутреню, затѣмъ завтракали, а послѣ того занимались дѣлами, обсуждали разные вопросы съ думцами своими, или творили судъ; если никакихъ важныхъ дѣлъ не было, отправлялись на охоту съ дружинниками. Въ полдень обѣдали и спали. Остальное время до вечера, если не было какихъ нибудь неотложныхъ дѣлъ, отдыхали или пировали съ дружиной своей. Русскій человѣкъ всегда любилъ повеселиться и радъ былъ всякому случаю раз-

вернуться, потѣшить свою душу широкимъ пиромъ. Меду крѣпкаго, стоялаго да вина заморскаго было вдоволь въ княжескихъ погребахъ; были пѣсенники, плясуны, скоморохи, игрецы... Конечно, въ такомъ порядкѣ жизнь князей протекала въ мирное время; но войны и усобицы безпрестанно нарушали спокойное теченіе ея. Впрочемъ, князья по большей части уже не походили на древняго Святослава, и нерѣдко возили за собой даже въ походѣ большіе обозы съ разными припасами, такъ что могли пировать и во время войны. Во время усобицъ сражающіяся дружины старались обыкновенно отбить у своихъ противниковъ княжескій обозъ, знали, что тамъ будетъ чѣмъ поживиться. Среди веселыхъ пировъ, охотъ и потѣхъ молодецкихъ, князья по большей части не забывали о церкви и духовенствѣ. Набожность была сильна въ древности: многіе



Погребеніе князя (по сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ).

князья ежедневно посѣщаютъ богослуженія, дѣлаютъ богатые вклады въ церкви, строютъ новые храмы, роскошно украшаютъ ихъ, даже основываютъ новые монастыри, заботятся о благолѣпіи ихъ, жертвуютъ въ пользу ихъ не только деньги, но цѣлыя помѣстья со всякими угодьями, стараются снабдить церкви книгами, завести училища. Съ этой стороны раздробленіе Русской земли на удѣлы было даже полезно: князья соревнуютъ между собою, каждый старается, чтобъ его городъ украсился храмами, чтобы они по богатству и красотѣ превзошли иногородные. До сихъ поръ во многихъ древнихъ городахъ нашихъ, гдѣ сохранились старинныя церкви, можно видѣть множество драгоцѣнной церковной утвари, образовъ въ богатыхъ серебряныхъ и золотыхъ окладахъ, евангелій въ дорогихъ переплетахъ, усыпанныхъ драгоцѣнными камнями и проч.,—

все это по большей части даръ щедрыхъ князей, строителей этихъ церквей. Иные князья искали спасенія отъ грѣховъ и успокоенія отъ мірскихъ тревогъ и соблазновъ въ стѣнахъ монастырей, постригались въ монахи. Многіе предъ смертью принимали схиму.

Князей хоронили при церквахъ въ оградѣ или въ самомъ храмѣ. Обрядъ погребенія совершался обыкновенно на другой день послѣ кончины. По смерти князя, всѣ родичи и домочадцы надѣвали скорбное (черное) платье. За гробомъ князя несли его стягъ (знамя) и вели его коня; у гроба ставилось копье. Обыкновенно послѣ смерти князя раздавалась щедрая милостыня нищимъ и убогимъ и дѣлались большіе вклады по церквамъ на поминъ души усопшаго. Надъ гробомъ не только пѣли похоронныя пѣсни, но произносились причитанія людьми и близкими къ покойнику. Лѣтописецъ подробно говоритъ подъ 1078 годомъ о похоронахъ Изаслава. Весь Кіевъ вышелъ на встрѣчу тѣла своего князя; его положили на сани (они въ старину замѣняли дроги) и сначала повезли, а потомъ понесли на рукахъ по городу и, по словамъ лѣтописи, „нельзя было слышать пѣнья отъ великаго плача и вопля: плакалъ по князѣ весь городъ Кіевъ. Ярополкъ-же шелъ за нимъ и, оплакивая умершаго съ дружиной, причиталъ:

— „Отче, отче мой! много-ли безъ печали пожилъ ты на семъ свѣтѣ, и сколько напасти принялъ ты отъ людей и отъ братьи своей? И вотъ теперь не отъ брата погибъ ты, но за брата своего положилъ главу свою!“

Жизнь бояръ, конечно, во многомъ походила на княжескую.

Все населеніе, кромѣ дружины и духовенства, называлось „люди“; крестьянъ называли обыкновенно „смердами“, къ нимъ же причисляли купцовъ, разныхъ промышленниковъ и ремесленниковъ (гончаровъ, плотниковъ и проч). Крестьяне занимались преимущественно земледѣліемъ, а гдѣ было удобно, скотоводствомъ и бортничествомъ, т. е. собираніемъ меда въ бортяхъ (дуплахъ старыхъ деревьевъ). Рыбная ловля и разнаго рода охоты и ловы были тоже очень распространены. Занятія и жизнь простаго люда очень устойчивы: цѣлые вѣка проходятъ, а перемѣнъ въ народномъ бытѣ почти никакихъ не происходитъ. Крестьяне нашего времени такъ-же просто живутъ, какъ жили предки ихъ за пятьсотъ — шестьсотъ лѣтъ тому назадъ: почти тѣ же у нихъ способы обработки земли, такъ же ведется хозяйство, — словомъ, жизнь простого сельскаго люда такъ же медленно измѣняется, какъ та природа, среди которой онъ живетъ. И пища въ тѣ времена мало чѣмъ отличалась отъ теперешней. Болѣе всего употребляли ржаной хлѣбъ, а на югѣ и пшеничный, кашу, овсяный кисель, различныя овощи. Мясная пища была въ старину обильнѣе и доступнѣе для простаго люда, чѣмъ теперь, такъ какъ, кромѣ домашней птицы и животныхъ, употреблялась въ пищу разнаго рода дичь, которой полны были первобытные лѣса, и рыба, которой изобиловали озера и рѣки. Предки наши не гнушались мясомъ медвѣдей и бѣлокъ; но духовенство сильно возставало противъ этого, считая этихъ животныхъ нечистыми, а также и противъ употребленія въ пищу давленины, т. е. птицъ, незарѣзанныхъ и не застрѣленныхъ, а удавленныхъ силками. — Изъ напитковъ употреблялись

квасъ, брага, пиво, медъ. Заморскія же вина были доступны, конечно, только болѣе богатымъ.

Крестьяне были въ XII—XIII вѣкахъ люди свободные, могли переходить съ мѣста на мѣсто, какъ вольные работники; они нерѣдко переходили съ одного участка земли на другой, болѣе удобный; на сѣверѣ, когда почва въ одномъ мѣстѣ истощалась, они передвигались на другое, очищали или выжигали себѣ въ лѣсахъ поляны и жили здѣсь, пока можно было прокормиться...

На югѣ въ степной полосѣ тучная черноземная почва могла-бы надолго привязать сельчанъ къ одному мѣсту; но здѣсь постоянные налеты степныхъ хищниковъ да безпрерывныя княжескія усобицы сильно мѣшали мирному земледѣльческому быту, и населеніе подвигалось все болѣе и болѣе къ сѣверу.

Кромѣ свободныхъ людей, были полусвободные, такъ называемые „закупы“, какъ бы временные рабы, обязанные отработать извѣстное число лѣтъ своему заимодавцу за долгъ; были и холопы, т. е. рабы, находившіеся вполнѣ въ рукахъ своихъ господъ. У князей и бояръ по селамъ было много такихъ работниковъ, которые носили общее названіе „челядь“.

Городовъ на Руси въ лѣтописяхъ упоминается до половины XIII столѣтія около трехсотъ, но, конечно, ихъ было больше; о многихъ городахъ лѣтописцамъ не пришлось упоминать. Большіе города, подобно Новгороду, о которомъ сказано раньше, состояли изъ „кремля“, или дѣтинца, въ которомъ находились главный соборный храмъ и дворъ князя или его намѣстника, дворы нѣкоторыхъ бояръ и духовныхъ лицъ; тутъ-же водворялась часть младшей дружины, „дѣтскіе“ (отсюда и слово „дѣтинецъ“). Къ дѣтинцу примыкалъ окольный городъ, или острогъ; онъ тоже ограждался валомъ, стѣной съ башнями, а съ наружной стороны и рвомъ. Стѣны и башни городскія были по большей части деревянныя; позже окольный городъ стали называть „посадомъ“; въ немъ жило болѣе всего торговое населеніе и различные ремесленники. Главнымъ мѣстомъ посада было „торговище“ или „торжокъ“, куда въ извѣстные дни съѣзжались жители ближнихъ селъ и деревень для обмѣна своихъ произведеній. Нѣкоторые города, особенно стоявшіе на торговыхъ путяхъ, быстро разростались; къ острогу, или посаду примыкали новые поселки, предгородія, или слободы, жители которыхъ обыкновенно занимались земледѣліемъ, огородничествомъ и рыбной ловлей. Эти слободы нерѣдко впослѣдствіи тоже обводились валомъ. Таковы были большіе города; но, кромѣ нихъ, было множество малыхъ городовъ, или городковъ, представлявшихъ села, огражденныя рвомъ и валомъ съ бревенчатымъ частоколомъ или тыномъ. Такіе-то городки, конечно, и устраивали князья для обороны степной украины отъ половцевъ. Гдѣ было меньше опасности, напр., на сѣверѣ, тамъ населеніе мало по малу раскидывалось небольшими, неукрѣпленными поселками; городки тоже понемногу разростались и превращались въ открытые города, въ которыхъ развивалась мирная промышленность; наоборотъ въ безпокойныхъ мѣстахъ, какъ на южной и восточной окраинахъ, населеніе все больше и больше сбивалось въ городки, окапывалось, ограждалось отъ опасности и складывалось въ военныя общины, всегда готовыя къ войнѣ и даже любившія ее.

Жилища строились, понятно, болѣе всего изъ дерева: лѣсу на сѣверѣ было пропасть, а камень могли добывать только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Жилья складывались обыкновенно изъ бревенчатыхъ срубовъ. Срубъ, или „клѣть“, если устраивалась въ ней печь или очагъ, называли „истопкой“ (откуда и слово изба). Нѣсколько клѣтей, соединенныхъ между собой, составляли хоромы. Богатыя жилища отличались отъ бѣдныхъ прежде всего количествомъ клѣтей и величиною хоромъ, состояли они изъ трехъ главныхъ частей: зимняго жилья съ печью (избы), лѣтняго (клѣти) безъ печи, и находившагося межъ ними свѣтлаго покоя, сѣней, или сѣнницы, служившихъ пріемной для

Одежда русскихъ XI вѣка.

гостей. Хоромы строились обыкновенно высокія; названныя части были во второмъ ярусѣ; подъ ними находились подклѣти; здѣсь были складочныя мѣста для разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей; тутъ же были погреба, медуши и проч. Къ сѣнямъ пристраивалось крыльцо, состоявшее изъ лѣстницы, верхней площадки, которая утверждена была на столбахъ, а сверху прикрыта кровлей. Надъ сѣнями надстраивалась еще свѣтлая горница, теремъ, или повалуша. Кровля была обыкновенно крутая, двухсторонняя; у богатыхъ она покрывалась тесомъ или гонтомъ, т. е. мелкими дощечками, въ видѣ чешуи, а у бѣдныхъ — соломой. Хоромы ставились обыкновенно посреди двора, огороженнаго тыномъ или плетнемъ; по концамъ двора были службы для челяди, баня, конюшни,

хлѣвы и проч. Чѣмъ зажиточнѣе былъ хозяинъ, тѣмъ просторнѣе былъ его дворъ, тѣмъ больше построекъ было на немъ.

Терема княжескіе особенно украшались рѣзными затѣйливыми украшеніями, раскрашивались внутри и снаружи разноцвѣтными красками, особенно пестрѣли ими украшенія вокругъ оконъ. Каменныя зданія были на Руси большой рѣдкостью.

Домашняя утварь (столъ, скамья, кровать, бочки, ведра, лохани и проч.) была преимущественно деревянная. Видно, что столярное, токарное и бондарное промыслы процвѣтали уже въ XI—XII ст Были въ большомъ ходу работы изъ лыка, лубка, мочалы (коробья, рѣшета, рогожи и проч.). Процвѣталъ

Одежда русскихъ князей и зажиточныхъ людей XII вѣка.

и кузнечный промыселъ (выдѣлывались котлы, сковороды, косы, серпы, гвозди и проч.) Дорогія издѣлія, напр. церковная серебряная утварь, серебряныя блюда, чаши, ложки и проч. тоже выдѣлывались частію русскими мастерами; но многое, особенно украшенія, шли изъ Греціи и съ Востока. Были и у насъ на Руси заѣзжіе художники, греки и нѣмцы, отъ которыхъ понемногу перенимали искусство и русскіе мастера.

Мужская одежда состояла изъ полотняной сорочки, или рубашки, и узкаго нижняго платья, запущеннаго въ сапоги. Затѣмъ сверхъ сорочки надѣвалась „свита“, или „кожухъ“, длинный, спускавшійся ниже колѣнъ и подпоясанный. Дружинники и купцы сверхъ свиты накидывали плащи, называли

ихъ „корзнами“ или „мятлями“. Они застегивались запоной обыкновенно на правомъ плечѣ, — такъ, чтобы свободно можно было дѣйствовать правой рукой. Простой и бѣдный людъ дѣлалъ себѣ одежду, конечно, изъ болѣе дешевыхъ тканей, полотенъ — и шерстяныхъ тканей; а богатые носили тонкія шелковыя или суконныя ткани, а также греческія паволоки, синія, зеленыя, красныя (багряницы), оксамиты, разныя златотканныя узорчатыя матеріи, стоившія, конечно, не дешево. По краямъ одежда обыкновенно обшивалась золотой каймой. Сапоги носили тогда сафьянные, разноцвѣтные, нерѣдко расшитые золотыми узорами. Шапка или „клобукъ“ дѣлались иногда довольно высокіе съ мѣховыми опушками. Князья не снимали съ головы своихъ клобуковъ даже

Одежда русскихъ зажиточныхъ людей XIII вѣка.

и во время богослуженія. Зимою, конечно, одежда была мѣховая, у богатыхъ изъ дорогихъ мѣховъ, а у бѣдныхъ — баранья, — то, что теперь называется „полушубокъ“. Одежда простаго люда какъ лѣтняя, такъ и зимняя, была въ сущности та-же, что и теперь.

Въ древности русскіе выбривали себѣ не только бороду, но и голову, оставляли лишь чубъ да усы; но мало по малу подъ вліяніемъ Византіи стали покидать этотъ обычай и въ концѣ XII вѣка мы видимъ по изображеніямъ князей, что носили уже длинныя бороды.

Богатство наряда болѣе всего сказывалось въ разныхъ дорогихъ украшеніяхъ. Гривны, ожерелья, монисты, кольца серебрянныя и золотыя — вотъ что

особенно разнообразило наряды. Князья въ торжественныхъ случаяхъ носили еще бармы, широкое оплечье, вышитое золотомъ, усѣянное жемчугомъ, дорогими каменьями и золотыми бляхами и проч. Покрой и видъ одежды въ древности очень медленно измѣнялся, такъ что въ XIII в. она почти та же, что и въ XI вѣкѣ.

Женскій нарядъ еще болѣе отличался всякими украшеніями. Они, конечно, служили необходимой принадлежностью женской одежды, которая во многомъ походила на мужскую, но была длиннѣе. У замужнихъ женщинъ голова прикрыта была повоемъ, сверхъ котораго иногда надѣвали родъ кокошника; дѣвушки волосъ не закрывали, но головные уборы иногда имѣли видъ вѣнцовъ.

VII.

Злыя времена татарщины.

Первая встрѣча русскихъ съ татарами.

Раздоры и усобицы княжескіе ослабили Русскую землю. Къ концу XII вѣка распалась она на нѣсколько отдѣльныхъ областей; каждая изъ нихъ въ свою очередь дѣлилась на болѣе мелкіе удѣлы, гдѣ были свои князья. Эти князья, хотя были и близкіе родичи между собою, но тоже нерѣдко враждовали другъ съ другомъ. Все шло врозь. Хотя владимірскіе князья и старались подчинить себѣ всѣ русскія области, всѣхъ удѣльныхъ князей сдѣлать своими „подручниками“; но они далеко еще не достигли этого, какъ обрушилась на Русскую землю бѣда.

Въ 1223 году, когда Мстиславъ Удалой былъ въ Галичѣ, сюда неожиданно явился главный половецкій ханъ Котянъ; съ нимъ было еще нѣсколько хановъ, его подручниковъ. Никогда еще не видали русскіе князья половецкихъ хановъ въ такомъ положеніи: они въ страшной тревогѣ, смиренно, даже униженно, съ поклонами просятъ Мстислава о помощи, приносятъ ему обильные дары.

— „Пришли на насъ, говорятъ они, страшные враги, разорили нашу землю. Помогите намъ, а не то они придутъ и къ вамъ и сдѣлаютъ съ вами то-же!“.

— „Кто такіе эти враги?“ спрашиваютъ князь и бояре.

Но половцы сами мало знали о врагахъ своихъ, разсказали только, что они пришли изъ-за Каспійскаго моря; что полчища ихъ многочисленны; что

они храбры и люты въ бою, пощады никому и ничему не даютъ. Разсказали и о томъ, что они сначала побѣдили разные кавказскіе народцы, а потомъ напали на половецкія степи, множество половцевъ побили, другихъ загнали за Донъ и за Днѣпръ. Больше ничего сообщить половецкіе ханы не могли.

— „Какъ же зовутся ваши враги?“ спрашиваютъ русскіе.

— „Зовутся они татарами“, отвѣчаютъ ханы.

Какъ быть? — Вступать въ борьбу съ невѣдомымъ врагомъ, или нѣтъ? Вопросъ былъ важный, — касался онъ всей Русской земли. Мстиславъ порѣшилъ созвать въ Кіевъ русскихъ князей на совѣтъ, чтобы сообща предпринять что нибудь. Понеслись гонцы во всѣ стороны съ тревожною вѣстью. Съѣхалось въ Кіевъ много князей: кромѣ Мстислава Мстиславича Удалого, были здѣсь Мстиславъ Романовичъ Кіевскій съ сыномъ Всеволодомъ, Мстиславъ Святославичъ Черниговскій съ сыномъ, Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій, Даніилъ Романовичъ Волынскій и многіе другіе.

Прибыли въ Кіевъ и знатные половцы. Кланялись они тутъ всѣмъ русскимъ князьямъ, умоляли ихъ о помощи, дарили щедрые подарки: коней, верблюдовъ, быковъ, невольницъ. Одинъ изъ хановъ даже христіанскую вѣру принялъ, чтобы расположить къ себѣ русскихъ. Главный же ханъ Котянъ больше всего старался подѣйствовать на зятя своего, на Мстислава Удалаго. Побудить къ войнѣ ретиваго князя было не трудно: у него и такъ горѣло уже сердце желаніемъ перевѣдаться съ храбрымъ и лютымъ врагомъ, творившимъ всякую неправду и насиліе, грозившимъ большой бѣдою всей Русской землѣ.

Долго толковали между собою на совѣтѣ русскіе князья.

— „Если мы, убѣждалъ ихъ Мстиславъ Удалой, не поможемъ теперь половцамъ, то они передадутся татарамъ и вмѣстѣ съ ними нападутъ на Русскую землю, хуже тогда будетъ“!

Рѣшено было идти на встрѣчу врагамъ.

— „Лучше намъ ихъ встрѣтить, порѣшили русскіе князья, — на чужой землѣ, чѣмъ на своей“.

Князья разъѣхались, чтобы снарядить войско. Съ наступленіемъ весны, съ апрѣля мѣсяца, потянулись со всѣхъ сторонъ полки: одни ѣхали на ладьяхъ, другіе на коняхъ, третьи шли пѣшкомъ. Днѣпръ весь былъ покрытъ ладьями, такъ что воды не видно было и можно было по ладьямъ перейти съ одного берега на другой. Отряды половцевъ тоже прибывали ежедневно. Сила собралась большая. Всѣ вѣрили въ успѣхъ и бодро двинулись въ половецкія степи.

Лѣто въ тотъ годъ было знойное; солнце страшно палило; дождя не выпадало ни капли; отъ засухи земля трескалась; лѣса и травы загорались...

Татары, провѣдавъ о томъ, что на нихъ идетъ большое русское ополченіе, послали сказать русскимъ князьямъ:

— „Слышимъ, что идете вы противъ насъ, послушавшись половцевъ; а мы не трогаемъ ни вашей земли, ни городовъ вашихъ, ни селъ. Не на васъ мы пришли, но по Божьей волѣ пришли мы на холоповъ нашихъ, на поганыхъ половцевъ. Возьмите съ нами миръ. Придутъ къ вамъ половцы, — бейте ихъ, и добычу берите себѣ. Слышали мы, что они и вамъ много зла творятъ“.

Русскіе князья, по совѣту половцевъ, приказали избить татарскихъ по-

словъ и продолжали походъ. Когда русская рать подошла къ устью Днѣпра, во второй разъ явились татарскіе послы.

— „Послушались вы половцевъ, сказали они,—пословъ нашихъ избили. Мы васъ не трогаемъ, а вы идете противъ насъ,—пусть Богъ насъ разсудитъ“!

Этихъ пословъ князья отпустили, не причинивъ имъ никакого зла.

Русская рать шла далѣе. Вдругъ разнеслась по всему войску вѣсть, что передовой (сторожевой) отрядъ завидѣлъ татаръ. Молодой Даніилъ Романовичъ понесся на своемъ борзомъ конѣ впередъ: сильно ему хотѣлось поскорѣе увидѣть невиданныхъ еще враговъ. За нимъ поскакало еще нѣсколько молодыхъ князей. Завидѣвъ толпу всадниковъ, передовой татарскій отрядъ скрылся.

Вернувшіеся съ развѣдки молодые князья говорили разно: однимъ татары казались—„простыми людьми“ и плохими воинами, а другіе утверждали, что они, татары, какъ по всему видно,—„настоящіе воины“. Молодымъ князьямъ и Мстиславу Удалому не терпѣлось: горѣли они желаніемъ поскорѣе схватиться съ врагомъ. Съ небольшимъ отрядомъ Мстиславъ переправился черезъ Днѣпръ, встрѣтилъ въ степи сторожевой отрядъ татаръ, напалъ на него и разбилъ. Воины Мстислава угнали множество рогатаго скота, который татары водили обыкновенно за собою. Этотъ успѣхъ ободрилъ русскихъ. Всѣ князья переправились черезъ Днѣпръ, десять дней шли по степи на востокъ, наконецъ, дошли до рѣки Калки. За рѣкою стояла вся сила татаръ.

Мстиславъ Удалой понадѣялся на свои силы,—не далъ вѣсти Мстиславу Кіевскому, съ которымъ не ладилъ,—думалъ, что и самъ безъ его помощи одолѣетъ татаръ. Онъ велѣлъ юному Даніилу Волынскому перейти черезъ рѣку, переправился и самъ.

Даніилъ первый ударилъ на татаръ, отважно помчался впередъ и врубился къ толпу враговъ; за нимъ неслись другіе удальцы. Раненый въ грудь, онъ сгоряча не замѣчалъ своей раны и продолжалъ биться. Много татаръ было избито. Въ это время вступили въ бой и половецкія орды; на бѣду не выдержали они напора татаръ, смѣшались и побѣжали. Нестройныя, бѣгущія толпы половцевъ навалились на русскіе полки, которые не успѣли еще изготовиться къ бою. Все пришло въ смятеніе! Съ дикими криками со всѣхъ сторонъ налетали конные отряды татаръ на нестройную толпу половцевъ и русскихъ и множество ихъ избили. Никто не зналъ, что дѣлать, куда идти. Пѣшіе, конные, телѣги—все перемѣшалось. Устоять нельзя было. Повернулъ Даніилъ своего коня къ рѣкѣ. Жажда мучила князя; припалъ онъ къ водѣ; тутъ только почувствовалъ онъ свою рану, оглянулся, увидѣлъ, что все бѣжитъ въ разныя стороны,—и понялъ, что дѣло проиграно и ничего не остается и ему, кромѣ бѣгства... Вѣжалъ и Мстиславъ Удалой,—бѣжалъ въ первый разъ отъ роду! Татары гнались до самаго Днѣпра за бѣгущими русскими. Множество ихъ погибло. Шесть князей было убито. Мстиславъ Мстиславичъ съ остатками войска переправился чрезъ Днѣпръ и велѣлъ изрубить и сжечь всѣ лодки, чтобы затруднить переправу татарамъ.

Мстиславъ Романовичъ стоялъ въ то время станомъ съ подручными князьями на каменной горѣ, неподалеку отъ мѣста битвы. Увидѣлъ онъ съ высоты бѣгство русскихъ, но самъ не тронулся съ мѣста, не помогъ имъ и думалъ, вид-

но, своими силами отбиться отъ враговъ; велѣлъ укрѣпить станъ, окружить его валомъ и кольями. Три дня отбивался онъ отъ татаръ. Пустились они на хитрость: начальникъ надъ бродниками, приставшими къ татарамъ, клялся князю и цѣловалъ крестъ, что они не причинятъ вреда русскимъ, отпустятъ ихъ за выкупъ. Мстиславъ ясно видѣлъ, что ему не отбиться отъ враговъ, и согласился наконецъ сдаться. Жестоко поплатились русскіе за довѣрчивость своего вождя: лишь только татары овладѣли укрѣпленіемъ, тотчасъ же перебили всѣхъ бывшихъ тамъ русскихъ воиновъ, а связанныхъ князей положили на землю, навалили на нихъ доски и сами сѣли на доскахъ пировать. Несчастные плѣнники были раздавлены!

Татары шли дальше, предавая все огню и мечу. Напрасно жители нѣкоторыхъ городовъ съ покорностью выходили на встрѣчу имъ,—всѣхъ избивали лютые враги безъ пощады. Ужасъ охватилъ всю Русскую землю. Не дошедъ до Кіева верстъ около ста, полчища татаръ повернули неожиданно назадъ и скрылись въ азіатскихъ степяхъ столь же быстро, какъ появились. Все стихло.

Разсказавъ о несчастной битвѣ на Калкѣ (16 іюня 1224 года), лѣтописецъ смиренно прибавляетъ:

„Совершилось это съ нами за грѣхи наши. Богъ наслалъ на насъ неразуміе; людей погибло безъ числа; были вопли, стоны и печаль по всѣмъ городамъ и волостямъ. Этихъ злыхъ татаръ мы и не знаемъ. Откуда они пришли на насъ, куда дѣлись потомъ,—только Богъ про то вѣдаетъ“!..

Татары.

У иноземныхъ писателей сохранилось больше свѣдѣній о татарахъ, чѣмъ у нашего лѣтописца. Въ азіатскихъ степяхъ, къ сѣверу отъ Китая, издавна кочевали орды татаръ, народа монгольскаго племени. Были они небольшаго роста, широкоплечи, коренасты, съ большими головами, которыя они брили. Ихъ широкія, смуглыя и скуластыя лица, съ небольшими узкими глазами, казались нашимъ предкамъ отвратительными и страшными. Занимались татары скотоводствомъ; у нихъ было множество разнороднаго скота: верблюдовъ, быковъ, особенно же овецъ и лошадей. Ѣли татары всякое мясо и жидкую кашу изъ проса,—брали куски пищи нечистыми руками, обтирали ихъ о свои кафтаны, сапоги или траву. Любимымъ напиткомъ ихъ былъ кумысъ (лошадиное молоко). Владѣя огромными стадами, они не оставались долго на одномъ и томъ же мѣстѣ, а безпрестанно перекочевывали съ пастбища на пастбище, съ рѣки на рѣку. Городовъ и прочныхъ постоянныхъ жилищъ поэтому они не строили, а жили въ круглыхъ юртахъ (кибиткахъ), сплетенныхъ изъ хворосту и покрытыхъ волокомъ Посрединѣ юрты разводили огонь; дымъ отъ него уходилъ въ отверзтіе, бывшее наверху. Такія юрты легко разбирались, когда надо было, а то и неразобранныя ставились на телѣги, и такимъ образомъ перевозились на другое мѣсто.

Мужчины у татаръ обыкновенно присматривали за стадами. Любили они тѣшиться верховой ѣздою и стрѣльбою изъ лука. Стрѣлки и наѣздники они

были отличные. Дѣти съ самыхъ малыхъ лѣтъ уже ѣздили верхомъ и пускали стрѣлы въ цѣль. Они сами собою пріучались къ войнѣ, потому что круглый годъ проводили на охотѣ. Дѣвушки и женщины также ѣздили верхомъ и хорошо владѣли луками; при томъ были очень трудолюбивы, все хозяйство лежало на ихъ рукахъ: онѣ стряпали, шили платье, сапоги, чинили телѣги, вьючили верблюдовъ. У татаръ было многоженство: каждый имѣлъ столько женъ, сколько могъ содержать.

Пока татары дробились на мелкія орды, они могли тревожить своихъ сосѣдей только такими набѣгами, какъ набѣги печенѣговъ и половцевъ на Русскую землю. Орды татаръ часто враждовали между собою; постоянныя усобицы ослабляли ихъ, и потому они не были особенно опасны для сосѣднихъ народовъ; но въ концѣ XII вѣка дѣло измѣнилось. Между татарскими ханами явился необыкновенный человѣкъ. Это былъ Темуджинъ. Уже внѣшнимъ видомъ своимъ онъ рѣзко отличался отъ всѣхъ своихъ соплеменниковъ: огромнаго роста, съ широкимъ лбомъ и длинной бородой, властолюбивый, и необычайно мужественный, Темуджинъ былъ твердъ и безпощадно жестокъ. Когда, послѣ смерти его отца, нѣкоторые изъ подвластныхъ хановъ хотѣли отложиться, онъ разбилъ мятежниковъ и въ семидесяти огромныхъ котлахъ велѣлъ сварить главныхъ виновниковъ возстанія. Послѣ этого никто изъ подчиненныхъ не смѣлъ ему противиться. Ханы различныхъ татарскихъ ордъ частію добровольно, частію отъ страха покорились ему. Подчинивъ себѣ силою тѣхъ хановъ, которые не хотѣли добровольно признать его своимъ владыкою, Темуджинъ въ 1206 г. собралъ подручныхъ князей (хановъ), и клялся дѣлить съ ними все горькое и сладкое въ жизни. Преданіе говоритъ, что какой-то старецъ-отшельникъ неожиданно явился въ собраніе хановъ и пророчески возвѣстилъ, что Богъ отдаетъ Темуджину подъ власть всю землю, и потому онъ долженъ именоваться Чингизъ-ханомъ (т. е. великимъ ханомъ). Темуджинъ принялъ этотъ титулъ.

Съ этого времени начались завоеванія татаръ.

— „Какъ на небѣ существуетъ одно солнце, такъ на землѣ долженъ быть одинъ властелинъ, а всѣ другіе независимые властители и государства, не признавая его власти, тѣмъ самымъ оскорбляютъ волю неба и должны быть наказаны“. Такого взгляда держался Чингизъ-ханъ.

Вся среднеазіатская степь, сѣверный Китай, Бухара, Туркестанъ испытали на себѣ силу страшной орды и должны были признать надъ собою власть Чингизъ-хана. Войска монгольскія обогнули южный берегъ Каспійскаго моря, вошли на Кавказъ, въ Грузію, затѣмъ проникли въ степь Половецкую. Вотъ съ этими-то полчищами, бывшими подъ начальствомъ двухъ вождей,—Чепе и Субудая, и пришлось русскимъ встрѣтиться на рѣкѣ Калкѣ.

Татары представляли могучую военную силу. Они безпрекословно повиновались своимъ начальникамъ; ни одинъ народъ въ мірѣ не отличался такимъ послушаніемъ и уваженіемъ къ начальникамъ своимъ, какъ татары. Чингизъ-ханъ далъ имъ строгое военное устройство. Надъ каждымъ десяткомъ человѣкъ былъ свой начальникъ—десятникъ; надъ десятью десятниками начальствовалъ сотникъ, надъ десятью сотниками — тысячникъ, надъ десятью тысячниками особый начальникъ—темникъ. Сторожевые отряды назывались караула-

ми.—Бѣглецы съ поля битвы (если только не все войско бѣжало) предавались смерти. Если изъ десятка одинъ или нѣсколько храбро бились, а остальные не слѣдовали ихъ примѣру, то послѣднихъ умерщвляли. Если изъ десятка одинъ или нѣсколько попадали въ плѣнъ, товарищи, не освободившіе ихъ, также предавались смерти. Понятно, что, при такихъ жестокихъ военныхъ обычаяхъ, татары поневолѣ отчаянно бились.

Каждый татаринъ долженъ былъ имѣть лукъ, колчанъ со стрѣлами, топоръ и веревки, чтобы тащить осадныя машины. Богатые, кромѣ того, имѣли сабли, копья, брони, шлемы, лошадей. Нѣкоторые дѣлали брони для себя и лошадей изъ кожи. Щиты у многихъ были хворостяные. На всемъ скаку могли наѣздники очень мѣтко пускать стрѣлы. Ведя постоянныя войны при Чингизъ-ханѣ, татары научились братъ укрѣпленные города, имѣли стѣнобитныя и метательныя машины.

Татары были очень выносливы: легко сносили голодъ и жажду, стужу и палящій зной. При томъ, по словамъ древняго персидскаго историка, у нихъ было львиное мужество, собачье терпѣніе, хитрость лисицы, хищность волка...

Вступая въ непріятельскую землю, они посылали передовые отряды, которые не пустошили страны, а старались только избить какъ можно больше людей. За ними шло цѣлое войско, которое безпощадно истребляло все на пути. При встрѣчѣ съ непріятелемъ, передовой отрядъ татаръ пускалъ въ него стрѣлы и, если видѣлъ, что не справится съ врагомъ, обращался въ бѣгство, чтобы заманить непріятеля къ засадѣ. Прямо на врага они посылали обыкновенно войска изъ покоренныхъ племенъ, а отряды самыхъ храбрыхъ татарскихъ наѣзниковъ шли въ объѣздъ направо и налѣво, въ дальнемъ разстояніи, чтобы потомъ внезапно окружить непріятеля и напасть на него со всѣхъ сторонъ. Если непріятель упорно сражался и одолѣть его оказывалось не подъ силу, тогда татары всѣмъ войскомъ обращались въ бѣгство и поражали преслѣдующаго врага стрѣлами. Не охотники они были до рукопашнаго боя,—старались сперва перебить и перераннть стрѣлами какъ можно болѣе лошадей и людей, и тогда уже, увѣренные, что легко одолѣютъ ослабленнаго непріятеля, вступали съ нимъ въ рукопашную схватку.—Татары между собою были честны (воровъ у нихъ не было, и потому ихъ юрты, или кибитки, не запирались), другъ съ другомъ были обходительны, помогали одинъ другому въ нуждѣ; но къ чужимъ, особенно къ врагамъ, они относились совершенно иначе; здѣсь допускали обманъ, коварство и крайнюю жестокость. Убить человѣка имъ ничего не стоило. Плѣнныхъ они избивали иной разъ такимъ образомъ: сотники раздавали ихъ своимъ людямъ по 10 человѣкъ на каждаго, и тѣ рубили несчастныхъ топорами. Безпощадны они были особенно къ знатнымъ. Чингизъ-ханъ постановилъ законъ: не давать пощады ни имѣнію, ни жизни врага. Изъ жителей покореннаго города татары щадили только тѣхъ, кто зналъ какое либо полезное для нихъ ремесло да сильныхъ молодыхъ людей, которыхъ обращали въ рабовъ.

Нашествіе татаръ на сѣверную Русь.

Казалось бы, несчастное побоище на Калкѣ должно было заставить князей русскихъ одуматься, собраться съ силами, чтобы въ случаѣ новаго нападенія страшнаго врага дать ему сообща мужественный отпоръ, спасти отъ лютости его Русскую землю. Къ несчастію, князья объ этомъ вовсе и не помышляли: каждый только и думалъ о самомъ себѣ. Начались снова и на югѣ, и на сѣверѣ безконечныя ссоры, смуты и усобицы; въ Новгородѣ происходили попрежнему народныя волненія.

Необычайныя явленія въ природѣ пугали суевѣрный народъ, предвѣщали, по его мнѣнію, страшныя бѣды... Явилась на небѣ огромная звѣзда (комета), съ виду похожая на копье. Затѣмъ началась такая засуха, какой никто изъ самыхъ старыхъ людей не помнилъ: лѣса, болота воспламенялись; густыя облака дыма закрывали солнце; гарью былъ пропитанъ воздухъ; птицы мертвыя падали на землю. Припоминали сказанія, что при Всеволодѣ I было на Руси такое же лѣто, и Русская земля страдала тогда и отъ нападеній враговъ, и отъ голода, и отъ язвы. Въ 1230 году прошло землетрясеніе по всей Русской землѣ. Особенно сильно было оно на югѣ: каменныя церкви разсѣдались. 3-го мая, когда праздновали въ Кіево-Печерской лаврѣ память св. Ѳеодосія, во время самой обѣдни, гдѣ присутствовали князь, бояре и митрополитъ, всѣ почувствовали вдругъ сильный подземный ударъ. Трапезница, гдѣ стояло уже кушаніе для монаховъ и гостей, разсѣлась, и кирпичи изъ свода падали на столъ. Десять дней спустя, произошло солнечное затмѣніе; небывалыя разноцвѣтныя облака пробѣгали по небу; показалось какое-то огненное облако. Суевѣрный народъ пришелъ въ ужасъ. Многіе плакали, молились, каялись въ грѣхахъ, просили другъ у друга прощенія, прощались, ждали смерти, думали, что наступаетъ свѣтопреставленіе...

Въ томъ же году въ Новгородѣ былъ голодъ и моръ. За четверть ржи приходилось платить гривну серебра и больше. Бѣдные ѣли мохъ, липовую кору, собакъ, кошекъ. Чернь, обезумѣвшая отъ голода, поджигала дома зажиточныхъ людей, имѣвшихъ запасы хлѣба, и грабила ихъ. Нѣсколько десятковъ тысячъ людей погибло отъ голода и болѣзней. На улицахъ, на площади, на мосту голодныя собаки терзали не погребенныя тѣла. Родители, чтобы не слышать воплей дѣтей своихъ, отдавали ихъ чужеземцамъ въ рабство.

— „Не было у людей жалости, говоритъ лѣтописецъ,—казалось, что отецъ сталъ чужимъ для сына, дочь для матери. Сосѣдъ сосѣду не хотѣлъ уломить куска хлѣба!“

Кто могъ бѣжалъ въ другія области. Но бѣдствіе было тогда по всей Русской землѣ, кромѣ Кіева: въ одномъ Смоленскѣ, тогда очень многолюдномъ, умерло около тридцати тысячъ людей. Весною слѣдующаго года въ добавокъ страшный пожаръ опустошилъ Новгородъ. Казалось, пришелъ ему конецъ. Къ счастію, нѣмцы изъ-за моря привезли хлѣбъ, и такимъ образомъ голодъ въ Новгородѣ прекратился, и жители стали мало по малу оправляться.

Такимъ образомъ одна бѣда за другою обрушивалась на Русскую землю; но самое горшее было еще впереди.

Въ 1227 году умеръ Чингизъ-ханъ. Великимъ ханомъ провозглашенъ былъ сынъ его Угедей. Новый властелинъ отправилъ племянника своего — Батыя съ огромнымъ полчищемъ на западъ для покоренія странъ къ сѣверу и западу отъ Каспійскаго моря.

Въ началѣ зимы 1237 г. двинулъ Батый свои страшныя полчища на болгаръ (жившихъ по Волгѣ). Столица ихъ была обращена въ пепелъ, жители безпощадно умерщвлены. Сквозь густые лѣса татары вступили въ южную часть Рязанской области.

Они послали своихъ пословъ требовать у рязанскихъ князей покорности и десятины (т. е. десятой части) всего имѣнія ихъ. Князья отвѣтили посламъ:

— „Когда изъ насъ никого не останется въ живыхъ, тогда возьмите все“!

Послали князья во Владиміръ къ великому князю Юрію просить помощи; но онъ не помогъ имъ; ему надо было еще собрать войско. (Есть въ одной лѣтописи сказаніе, что рязанскій вел. князь послалъ сына своего Ѳеодора къ Батыю съ дарами. Ѳеодоръ былъ умерщвленъ, а жена его, прекрасная Евпраксія, узнавъ о гибели любимаго мужа, не хотѣла пережить его, бросилась съ младенцемъ своимъ съ высокаго терема и такимъ образомъ лишилась жизни).

Батый двинулся къ Рязани; на пути татары разорили города: Пронскъ Бѣлгородъ и другіе, безъ милосердія избивая людей. 16-го декабря татары осадили Рязань. Устроили они вкругъ города тынъ или острогъ, чтобы скрываться отъ русскихъ стрѣлъ. Могъ ли устоять городъ противъ враговъ, когда ихъ было во сто разъ больше, чѣмъ защитниковъ? Всѣ защитники города должны были безотлучно находиться на стѣнахъ, ожидая съ часу на часъ приступа, а татарскіе отряды, стоявшіе подъ городомъ, могли смѣняться и драться со свѣжими силами. Пять дней татары томили осажденныхъ постоянной тревогой и поражали ихъ стрѣлами, на шестой, 21-го декабря, подошли къ стѣнамъ города, начали бить ихъ стѣнобитными машинами, бросать въ городъ огонь, и зажгли крѣпость. Сквозь дымъ и огонь ворвались они въ городъ. Никому не дали пощады свирѣпые враги. Князь, его супруга, мать, бояре, народъ погибли. Хищники распинали плѣнниковъ или разстрѣливали ихъ стрѣлами, связавъ имъ руки; грабили церкви, осквернили ихъ. Весь городъ съ окрестными монастырями былъ обращенъ въ груду развалинъ и пепла. Нѣсколько дней продолжались дикія убійства.

Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ есть любопытное сказаніе о подвигѣ одного рязанскаго боярина—Евпатія Коловрата. Узнавъ о нападеніи татаръ, онъ спѣшилъ на родину, чтобы принять участіе въ оборонѣ ея отъ враговъ; но было уже поздно: онъ нашелъ только пепелища да трупы избитыхъ людей. Пылая чувствомъ мести, Евпатій съ 1700 воиновъ пустился вслѣдъ за врагами, нагналъ ихъ и неожиданнымъ нападеніемъ смялъ ихъ задніе отряды. У татаръ поднялся страшный переполохъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ почудилось, что избитые рязанцы возстали на нихъ. Батый спросилъ у взятыхъ въ плѣнъ, кто они такіе.

— „Слуги князя рязанскаго, отвѣчали они, полку Евпатіева. Намъ велѣно съ честію проводить тебя, какъ русскіе провожаютъ отъ себя иноплеменниковъ,—стрѣлами и копьями“!

Долго татары не могли управиться съ Евпатіемъ и его удальцами. Онъ былъ, по преданію, настоящій богатырь громаднаго росту и непомѣрной силы: своимъ тяжелымъ мечомъ онъ избилъ много враговъ,—однихъ перерубалъ пополамъ, другихъ разсѣкалъ вдоль до самаго сѣдла. Много татаръ побито было и его дружиной.

Евпатій и смѣлая дружина его, конечно, погибли; немногіе изъ нихъ попали въ плѣнъ. Батый, говоритъ сказаніе, уважая такое рѣдкое мужество, велѣлъ освободить ихъ.

Одинъ городъ за другимъ гибли подъ ударами свирѣпыхъ полчищъ. Суздальская рать, шедшая на помощь рязанцамъ, была разбита; взята и разрушена Коломна, сожжена Москва. Здѣсь попалъ въ плѣнъ врагамъ второй сынъ Юрія, Владиміръ. Пришелъ въ ужасъ Юрій, когда услыхалъ о новыхъ побѣдахъ и неистовствахъ татаръ: тутъ только увидѣлъ онъ, что приходится имѣть дѣло съ могучимъ и страшнымъ врагомъ. Поручилъ онъ защиту Владиміра двумъ сыновьямъ своимъ, Всеволоду и Мстиславу, а самъ съ небольшою дружиною удалился въ Ярославскую область, расположился станомъ на берегахъ Сити и сталъ поспѣшно отовсюду собирать къ себѣ войско.

2-го февраля подступили татары къ стѣнамъ Владиміра. Въ ужасъ пришелъ народъ, увидѣвъ огромное полчище враговъ. Князья Всеволодъ и Мстиславъ и воевода ободряли жителей. Небольшой конный отрядъ татаръ подъѣхалъ къ Золотымъ воротамъ, и посланные Батыемъ люди спросили:

— „Здѣсь ли великій князь, или нѣтъ?“

Вмѣсто отвѣта со стѣнъ было пущено нѣсколько стрѣлъ.

— „Не стрѣляйте!“ кричали изъ татарскаго отряда.

Затѣмъ татары выставили впередъ взятаго въ плѣнъ князя Владиміра Юрьевича и спросили.

— „Узнаете ли вашего князя?“.

Изможденнаго, исхудалаго Владиміра трудно было узнать. Заплакали отъ горя братья его и воины, когда наконецъ признали его. Всеволодъ и Мстиславъ порывались немедля выйти изъ города и ударить на татаръ въ открытомъ полѣ.

— „Умремъ,—говорили они дружинѣ,—но умремъ съ честію и въ полѣ!“

Опытный воевода Петръ сдерживалъ ихъ: надѣялся онъ, что великій князь соберетъ войско и подоспѣетъ вовремя на выручку своей столицы.

Часть войска Батыева отправлена была къ Суздалю. Городъ этотъ былъ скоро взятъ. Скоро та же участь постигла и Владиміръ. Татары окружили его тыномъ, установили свои пороки (стѣнобитныя машины) и стали громить городъ. 6-го февраля начали готовиться къ приступу. Князья и бояре вполнѣ сознавали, что спасенія нѣтъ, что имъ не совладать съ безчисленными полчищами враговъ; но унижаться и просить мира они считали постыднымъ да и безполезнымъ: имъ хорошо было извѣстно, что татары никому пощады не даютъ.

Оставалось одно —умереть, защищая родныя стѣны. Князья и нѣкоторые бояре постриглись въ иноки и приготовились къ смерти. 7 февраля, въ воскресенье, начался приступъ; ворвались татары въ городъ у Золотыхъ воротъ и съ сѣверной стороны отъ рѣчки Лыбеди и еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Князья съ дружиною укрылись въ Старый или Печерный городъ, а епископъ Митрофанъ, великая княгиня, супруга Юрія, съ дочерью, внуками, снохами, съ боярами, съ многими изъ жителей, заперлись въ главной соборной церкви. Татары отбили, наконецъ, церковную дверь, ворвались во храмъ, и начался грабежъ. Драгоцѣнные камни, золото, серебрянные сосуды, ризы съ иконъ, древнія княжескія одежды, которыя хранились въ церкви,—все попало въ руки хищниковъ. Татары зажгли ее. Епископъ громко молился и благословлялъ всѣхъ несчастныхъ, осужденныхъ погибнуть въ пламени. Одни погибли отъ огня, другіе задохлись отъ дыму. Жители отъ стараго до малаго были безпощадно избиваемы; тѣ немногіе, которыхъ хотѣли татары увести въ рабство и тащили за собой босыхъ и нагихъ, гибли отъ стужи и болѣзней.

Князья Всеволодъ и Мстиславъ, видя, что никакой возможности нѣтъ отразить татаръ, думали съ небольшимъ отрядомъ пробиться сквозь полчище враговъ. Это имъ не удалось; оба они погибли въ бою.

Послѣ этого татары раздѣлились на нѣсколько отдѣльныхъ отрядовъ: одни пошли къ Ростову и Ярославлю, другіе на Галичъ и Городецъ. Переяславль, Юрьевъ, Дмитровъ и др. были взяты. Въ одинъ февраль мѣсяцъ татары овладѣли четырнадцатью городами, кромѣ множества слободъ и деревень.

Великій князь Юрій стоялъ въ это время съ войскомъ на рѣкѣ Сити. Когда горестная вѣсть о гибели столицы и семьи дошла до князя, онъ, по словамъ лѣтописца, зарыдалъ.

— „Господи, проговорилъ онъ, развѣ пришелъ для меня конецъ Твоему милосердію! Лучше мнѣ умереть, чѣмъ жить на этомъ свѣтѣ. Ради чего останусь жить?“

Но мужество не покинуло его: онъ рѣшился вступить въ бой съ врагомъ. Отрядъ посланный на развѣдки вернулся съ вѣстью, что татарскіе полки уже обходятъ русскихъ. Юрій, братъ его Святославъ и племянники изготовили войско къ бою.

Закипѣла кровавая схватка. Отчаянно бились русскіе, напрягали всѣ силы, но тщетно; татары одолѣли: ихъ и числомъ было больше, и въ военномъ дѣлѣ у нихъ было больше сноровки, чѣмъ у русскихъ воиновъ, изъ которыхъ многіе держали и оружіе въ рукахъ первый разъ въ жизни. Въ этой несчастной битвѣ, 4-го марта, былъ убитъ и великій князь, и множество воиновъ.— Одинъ изъ племянниковъ вел. князя Василько попался въ плѣнъ. Татары предлагали ему перейти на ихъ сторону и содѣйствовать имъ въ походѣ. Василько съ негодованіемъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ быть заодно съ лютыми кровопійцами и врагами отечества. Татары его убили.

Полчища Батыя направлялись къ Новгороду. Слышали хищники много о богатствахъ его. Взяли они Волокъ-Ламскій, Тверь и подступили къ Торжку. Двѣ недѣли длилась осада. Жители оборонялись мужественно,—надѣялись, что новгородцы вовремя подоспѣютъ на помощь и выручатъ ихъ изъ бѣды. Но по-

мощь не приходила. Городъ былъ взятъ и жители безпощадно истреблены. Двинулись дальше татары, уничтожая все на пути, „кося людей, по выраженію лѣтописи, какъ траву“. Около ста верстъ оставалось врагамъ до Новгорода, но они неожиданно повернули назадъ. Дѣло въ томъ, что наступала весна; начиналось весеннее половодіе рѣкъ и озеръ. Новгородская область изобиловала рѣками, озерами и болотами, и потому татарамъ приходилось безпрестанно устраивать переправы. И въ наше время очень нелегкое дѣло устраивать ихъ, особенно для многочисленнаго войска, а для татаръ это было гораздо труднѣе. Если нельзя было перейти въ бродъ, то переправлялись они чрезъ рѣки обыкновенно такъ: дѣлали большіе кожаные мѣшки, набивали ихъ сѣномъ или клали въ нихъ одежду, сгоняли лошадей въ воду, къ хвостамъ ихъ привязывали мѣшки, и на нихъ, какъ на плотахъ, и переправлялись. Понятно, что, при широкомъ разливѣ рѣкъ и быстромъ теченіи ихъ, такой способъ переправы былъ очень опасенъ; кромѣ рѣкъ въ Новгородской области, на пути татарамъ безпрестанно встрѣчались бы и широкія озера, и вязкія болота. При томъ степняки привыкли къ степному сухому воздуху, и сырость порождала между ними болѣзни. Такимъ образомъ природныя свойства Новгородской области спасли Новгородъ отъ татарскаго погрома.

На возвратномъ пути упорное сопротивленіе татарамъ оказалъ городъ Козельскъ. Семь недѣль Батый ничего не могъ сдѣлать. Жители рѣшились умереть, но не сдаваться татарамъ.

— „Хоть князь нашъ молодъ, сказали они, но положимъ жизнь свою за него: и на землѣ славу пріобрѣтемъ, и на небѣ вѣнцы небесные получимъ“:

Послѣ долгихъ усилій татары, наконецъ, разбили городскія стѣны и ворвались въ городъ, но и тутъ жители отчаянно рѣзались съ врагомъ. Часть ихъ вышла изъ города, напала на татарскіе полки и перебила болѣе 4000 враговъ. Горсть этихъ смѣльчаковъ была вся истреблена. Ханъ въ ярости приказалъ избить въ городѣ всѣхъ безъ различія: и женщинъ, и младенцевъ. Кровь лилась потоками. Татары прозвали Козельскъ „Злымъ городомъ“. Молодой князь Козельскій (по имени Василій) пропалъ безъ вѣсти; нѣкоторые говорили, что онъ утонулъ въ крови.

По взятіи Козельска Батый съ полчищами своими двинулся въ половецкія степи. Половецкій ханъ былъ разбитъ и удалился съ остатками своего народа въ Венгрію, гдѣ получилъ земли для поселенія.

Нашествіе татаръ на Южную Русь.

Въ слѣдующемъ 1239 году татары совершили нашествіе на Южную Русь. Пошли они тѣмъ же путемъ, какимъ обыкновенно дѣлали свои набѣги половцы.

Взятъ былъ городъ Переяславль и опустошенъ. Церковь св. Михаила, великолѣпно украшенная золотомъ и серебромъ, была разграблена и разрушена до основанія. Большая часть жителей была истреблена. Затѣмъ татары осадили Черниговъ; но здѣсь встрѣтили сильный отпоръ. Городъ стоялъ на высокомъ берегу рѣки Десны и жители, отчаянно защищаясь, поражали непріятелей съ высоты большими камнями. Наконецъ, татары осилили; сожгли Черниговъ и

направились къ Кіеву. Батый слышалъ давно уже о богатствѣ и красотѣ древней русской столицы. Онъ послалъ съ передовымъ отрядомъ своего родича Менгу, внука Чингисхана, осмотрѣть Кіевъ. Увидалъ Менгу городъ съ лѣвой стороны Днѣпра.

На противоположномъ крутомъ берегу величественнаго Днѣпра красовался городъ. Гористый и обрывистый берегъ съ его лѣсами и садами, бѣлѣющія стѣны, сверкающія главы многочисленныхъ церквей,— все это вмѣстѣ представляло необыкновенно красивую картину. Менгу, по словамъ лѣтописца, не могъ надивиться красотѣ мѣстоположенія древней русской столицы...

Въ 1240 году Батый явился подъ Кіевомъ. Громадное полчище татаръ, словно грозная туча, облегло городъ. Отъ скрипа безчисленныхъ телѣгъ, рева верблюдовъ, мычанія быковъ, ржанія лошадей и свирѣпыхъ криковъ татаръ, такой гулъ стоялъ надъ Кіевомъ, что, по словамъ лѣтописца, жители, разговаривая между собой, едва могли слышать другъ друга. Кіевъ тогда былъ въ рукахъ Даніила Романовича Галицкаго, но самого князя въ городѣ не было. Для защиты его былъ оставленъ воевода Дмитрій. Отъ одного взятаго въ плѣнъ татарина онъ узналъ, что Батый стоитъ подъ стѣнами Кіева со всѣми важнѣйшими своими ханами, и что вражьей рати нѣтъ числа. Но русскій воевода выказалъ замѣчательную неустрашимость: онъ рѣшился защищать городъ до послѣдней крайности. Татары начали приступать къ городу съ той стороны, гдѣ лѣсъ близко примыкалъ къ городскимъ воротамъ (Лядскимъ); день и ночь били стѣны стѣнобитными орудіями (пороками). Наконецъ, стѣны были разбиты, и татары ворвались въ городъ. Тучи стрѣлъ летѣли на защитниковъ города. Начался отчаяный рукопашный бой... Трескъ ломающихся копій, звукъ щитовъ отъ ударовъ мечей и сабель, дикіе вопли татаръ, стоны раненыхъ, попираемыхъ ногами, крики сражающихся,—все это вмѣстѣ сливалось въ тяжелый, страшной гулъ. Къ вечеру татары овладѣли стѣною. Утомленные мужественнымъ сопротивленіемъ остановились они на отдыхъ. За ночь русскіе устроили тынъ вокругъ Десятинной церкви и готовились снова къ борьбѣ съ врагомъ. Множество жителей съ пожитками своими заперлись въ самой церкви. Видѣли, что спасенія нѣтъ; но никто не думалъ умолять лютаго врага о пощадѣ. Воевода Дмитрій, страдая отъ раны, всетаки мужественно готовился къ новому бою. Утромъ татары начали битву. Слабая, наскоро устроенная ограда не долго сдерживала напоръ враговъ; но русскіе бились такъ отчаянно, что татары, хотя и достигли до церкви, но устлали весь путь своими трупами. Дмитрій былъ схваченъ татарами. Батый, безпощадно истреблявшій плѣнныхъ, уважалъ воинскую доблесть, и мужественному воеводѣ была дарована жизнь.

Нѣсколько дней дикіе побѣдители торжествовали свою побѣду. Совершались всевозможные ужасы истребленія и разрушенія. Древній Кіевъ исчезъ и исчезъ на вѣки! Десятинный храмъ былъ разрушенъ до основанія. Та же участь постигла Печерскую лавру и другія зданія. (Хотя впослѣдствіи Печерская лавра была возстановлена; но, по словамъ позднѣйшаго лѣтописца, прежнее строеніе лавры было болѣе величественно и красиво, чѣмъ новое).

Вѣсть о гибели Кіева нагнала страхъ и на западныхъ сосѣдей. Даніилъ Галицкій поспѣшилъ въ Венгрію просить помощи. Батый шелъ дальше на За-

падъ. Города—Каменецъ, Владиміръ, Галичъ и много другихъ были взяты, разграблены и раззорены. Тогда плѣнный Дмитрій, по словамъ лѣтописи, желая спасти русскія земли отъ окончательной гибели, сталъ говорить Батыю:

— „Будетъ тебѣ здѣсь воевать; время идти на венгровъ. Если станешь еще медлить, то тамъ соберутся съ силами и не пустятъ тебя въ свою землю“!

Батый, конечно, и самъ это понималъ и двинулся къ венгерскимъ границамъ.

Ужасъ охватилъ Западную Европу, когда разнеслась повсюду страшная вѣсть о приближеніи татарскихъ полчищъ. Разсказы о жестокостяхъ ихъ на Руси, о свирѣпой кровожадности ихъ, распространялись во всей Германіи. Суевѣрны и невѣжественны были тогда европейцы: разсказывали, будто войско татаръ такъ громадно, что занимаетъ пространство на двадцать дней пути въ длину и на пятнадцать въ ширину; будто огромные табуны дикихъ лошадей слѣдуютъ за полчищемъ татаръ; будто татары вышли прямо изъ ада, ужасны своимъ наружнымъ видомъ и не похожи на другихъ людей.

Германскій императоръ (Фридрихъ II) разсылалъ повсюду воззванія, чтобы всѣ вооружались и готовились къ отпору страшнаго врага.

„Настало время, писалъ онъ, пробудиться отъ сна! Лежитъ уже сѣкира при деревѣ, и по всему свѣту разносится вѣсть о врагѣ, который грозитъ гибелью всему христіанству. Давно уже слышали мы объ ужасномъ врагѣ, но считали опасность далекою, такъ какъ между врагомъ и нами было столько храбрыхъ народовъ и князей. Теперь, когда одни изъ этихъ князей погибли, а другіе обращены въ рабство, настала пора стать всему христіанству противъ свирѣпаго врага“.

Но воззваніе это не привело ни къ чему: въ это время и въ Германіи не было единодушія; императоръ сильно враждовалъ тогда съ папою; а безъ благословенія его многіе подчиненные императору князья и бароны не хотѣли идти въ походъ.

Весною 1241 года перешелъ Батый Карпаты, разбилъ венгерскаго короля, потомъ поразилъ двухъ польскихъ князей. Затѣмъ татары вторглись въ Силезію; здѣсь разбили герцога силезскаго. Путь въ Германію былъ открытъ. Спасли ее войска чешскаго короля. При осадѣ города Ольмюца въ первый разъ татары потерпѣли пораженіе; разбилъ ихъ здѣсь чешскій воевода Ярославъ изъ Штернберга. Послѣ этого орды татаръ скоро отхлынули снова на востокъ, и Западная Европа была спасена. Весь тяжкій гнетъ дикой орды пришлось выдержать только нашему отечеству!..

Ужасное зрѣлище представляла русская земля послѣ татарскаго погрома. Словно моровая язва, землетрясеніе и лютые пожары—всѣ вмѣстѣ свирѣпствовали здѣсь... Груды обгорѣвшихъ развалинъ вмѣсто городовъ и селъ, бѣлѣющія кости непогребенныхъ людей, поля, заросшія сорной травой,—вотъ что представляла русская земля въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходили дикія орды татаръ!

„Когда мы проѣзжали по русской землѣ, говоритъ путешественникъ, (Плано-Карпини), видѣвшій ее чрезъ пять лѣтъ послѣ татарскаго погрома, то видѣли безчисленное множество череповъ и костей человѣческихъ въ степи.

Кіевъ былъ прежде очень великъ и многолюденъ, а нынѣ въ немъ едва ли 200 домовъ."

Многіе храбрые князья пали въ битвахъ, другіе скитались въ чужихъ краяхъ,—искали помощи у иноземныхъ государей и не находили. Запустѣла земля русская. Сотни тысячъ людей были избиты, десятки тысячъ уведены въ плѣнъ. Рѣдкая мать, оставшаяся въ живыхъ, не оплакивала участи своихъ дѣтей, или погибшихъ въ бою, или замученныхъ татарами, или уведенныхъ въ тяжелую неволю. Успѣвшіе скрыться отъ свирѣпости враговъ хоть и возвращались на родныя пепелища, но что была имъ за жизнь, когда приходилось быть постоянно въ страхѣ, чтобы не попасть въ руки враговъ?!.. Живые завидовали спокойствію мертвыхъ...

Поѣздки русскихъ князей въ Орду.

Узнавъ о гибели Юрія, слѣдующій за нимъ по старшинству братъ—Ярославъ прибылъ княжить во Владиміръ. Онъ оказался княземъ твердаго нрава, дѣятельнымъ и распорядительнымъ. Дѣла было много. Приходилось возстановить изъ пепла города и села, собрать разсѣявшихся жителей, ободрить ихъ, — словомъ, обновить государство. На дорогахъ и улицахъ, въ развалинахъ домовъ, въ обгорѣлыхъ церквахъ тлѣло множество непогребенныхъ тѣлъ. Ярославъ приказалъ немедленно убрать ихъ и схоронить, чтобы отвратить заразу. Скоро, благодаря распорядительности князя, возстановился порядокъ на сѣверѣ; роздалъ Ярославъ братьямъ своимъ волости въ управленіе, возстановилъ правосудіе.

Татары только тѣ народы оставляли въ покоѣ, которые выказывали имъ полную покорность. О сопротивленіи врагамъ Ярославу, конечно, нечего было и думать: одна мысль о новомъ вторженіи дикой орды приводила всѣхъ въ трепетъ. Приходилось смириться и выразить покорность предъ самимъ ханомъ. Отправился Ярославъ къ Батыю, который сталъ станомъ на берегу Волги. Ханъ, по словамъ лѣтописи, принялъ Ярослава съ честію и сказалъ ему;

— „Будь ты старшій между всѣми князьями въ русской землѣ".

За великимъ княземъ отправились къ Батыю и всѣ родичи его, и другіе князья. Но этимъ дѣло не ограничилось; пришлось Ярославу ѣхать въ Татарію къ самому великому хану съ изъявленіемъ покорности. Здѣсь Ярославъ въ 1246 г. и скончался.

Князьямъ приходилось въ ордѣ подвергаться разнымъ унизительнымъ обрядамъ: проходить между священными огнями, разложенными подлѣ ханской ставки, преклоняться предъ изображеніемъ великаго хана, становиться на колѣни, пить кумысъ и пр.

Вотъ какъ описываетъ свое представленіе Батыю папскій посолъ (Плано-Карпини). Когда мы прибыли къ хану, насъ помѣстили въ разстояніи одной мили отъ жилища его. Прежде, чѣмъ вести насъ въ палатку Батыя, намъ объявили, что мы должны пройти между огней. Сначала мы не соглашались, но намъ сказали: „Не бойтесь! мы требуемъ этого лишь потому, что огонь уничтожитъ зло, если оно есть въ намѣреніи вашемъ противъ нашего повелителя, или если вы несете съ собою ядъ". Тогда мы отвѣтили; „Мы го-

товы пройти межъ костровъ, чтобы не дать повода подозрѣвать насъ въ чемъ либо подобномъ".

Когда пришли мы въ Орду, чиновникъ Батыя спросилъ насъ, чѣмъ мы намѣрены ему ударить челомъ, т. е. какіе поднесемъ подарки. Когда подарки были даны, тотъ же чиновникъ спросилъ насъ о причинѣ нашего пріѣзда. Послѣ этихъ переговоровъ насъ повели въ юрту; на порогѣ ея сдѣлали намъ наставленіе, какъ вести себя. Вошедши въ юрту хана, мы стали на колѣни и сказали нашу рѣчь, затѣмъ подали письмо и просили дать намъ переводчиковъ, чтобы перевести его.

Батый окружаетъ себя большимъ великолѣпіемъ, имѣетъ тѣлохранителей и разныхъ придворныхъ чиновниковъ, какъ императоръ. Садится онъ на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, какъ бы на тронѣ, съ одною изъ женъ; другія жены, братья, сыновья и прочіе младшіе родичи, садятся ниже на скамьяхъ; остальныя же лица—за ними на землѣ, мужчины—вправо, женщины—влѣво. Палатка Батыя просторна и очень красива. Мы, объяснивъ наше дѣло, сѣли по лѣвую сторону, такъ какъ обычай требуетъ, чтобы пріѣзжающіе послы садились по лѣвой сторонѣ, а отъѣзжающіе по правой. Среди палатки, ближе къ двери, поставленъ былъ столъ съ напитками въ золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ. Ни ханъ, ни вельможи его, особенно въ собраніи, не пьютъ безъ пѣнія и музыки.—Когда онъ ѣдетъ на лошади, надъ головой его несутъ всегда зонтикъ на длинной палкѣ; такой же обычай соблюдается и всѣми болѣе знатными татарами и женами ихъ".

Татары жили въ то время еще какъ настоящіе кочевники, не имѣли домовъ, жили въ шатрахъ, хлѣбопашества не знали, а кормились однимъ скотоводствомъ. Постоянныхъ мѣстъ поселенія у нихъ не было, а были какъ-бы подвижные огромные города. Состояли они изъ множества юртъ (кибитокъ). Гдѣ пожелаетъ ханъ, тамъ и устраивался кочевой городъ. Потомъ, по приказу хана, все укладывалось на телѣги, навьючивалось на верблюдовъ, и огромный обозъ изъ нѣсколькихъ тысячъ телѣгъ, запряженныхъ волами и лошадьми, со стадами овецъ и другаго скота, съ табунами лошадей, нѣсколько дней шелъ по степи и располагался станомъ на новомъ мѣстѣ, гдѣ приказывалъ ханъ.

Всѣ князья, которые хотѣли сохранить свою волость, должны были ѣхать въ Орду на поклонъ хану и получить отъ него ярлыкъ, т. е. утвердительную грамоту. Тѣмъ изъ нихъ, которые не выказывали хану полной покорности, грозила большая бѣда.—Въ лѣтописи сохранилось слѣдующее сказаніе о смерти въ Ордѣ Черниговскаго князя Михаила и боярина его Ѳеодора.

Ханскіе сановники стали дѣлать на Руси перепись оставшимся въ живыхъ жителямъ, налагали тяжкую поголовную дань на всѣхъ,—отъ земледѣльца до боярина. Прибыли они между прочимъ и въ Черниговскую область и велѣли князю Михаилу ѣхать въ орду на поклонъ хану. Дѣлать было нечего,—приходилось повиноваться. Когда князь прибылъ въ Орду, отъ него потребовали, чтобы онъ исполнилъ всѣ обряды: прошелъ-бы между огней, поклонился бы изображеніямъ умершихъ хановъ. Михаилъ воспротивился и сказалъ:

— „Не достойно христіанамъ исполнять языческіе обряды и поклоняться идоламъ, которымъ кланяются язычники. Вѣра христіанская заповѣдуетъ не

кланяться ни тварямъ, ни идоламъ, но чтить святую Троицу: Отца, Сына и Духа".

Въ сильный гнѣвъ пришелъ Батый, когда узналъ, что князь не хочетъ исполнить требуемыхъ обрядовъ и велѣлъ сказать Михаилу:

— „Если ты исполнишь волю мою, то и живъ останешься, и всю область свою получишь; если же не исполнишь, то погибнешь лютою смертью"!

На это князь отвѣтилъ:

— „Тебѣ царю кланяюсь, такъ какъ Богъ далъ тебѣ царство и славу міра сего; но тому, чему кланяются язычники, не поклонюсь".

— „Но знай, говорили ему татары,—неминуемая смерть ждетъ тебя!".

— „Хочу я пострадать за Христа и за истинную вѣру кровь свою пролить"! отвѣчалъ твердо Михаилъ.

Онъ досталъ запасные Дары, которые были при немъ, причастился Св. Таинъ, читалъ молитвы и пѣлъ псалмы. Любимый бояринъ его Ѳеодоръ хотѣлъ раздѣлить участь своего князя, пострадать вмѣстѣ съ нимъ. Напрасно внукъ Михаила, Борисъ Васильковичъ, бывшій съ нимъ, и бояре уговаривали его подчиниться требованію хана.

— „Всѣ за тебя эпитемію приемъ, князь; — умоляли они, — со всею областью твоею. Подчинись волѣ хана!".

— „Не хочу я, возразилъ князь быть только по имени христіаниномъ, а творить дѣла язычниковъ... Для васъ не погублю души своей"!

Затѣмъ онъ сорвалъ съ себя княжескую мантію, бросилъ ее и сказалъ:

— „Возьмите славу сего міра; хочу славы небесной"!

По данному знаку на князя бросились татары, повалили его, били въ сердце, топтали ногами. Трепетали отъ ужаса русскіе бояре. Одинъ Ѳеодоръ стоялъ спокойно и ободрялъ несчастнаго мученика-князя, говоря, что умираетъ онъ, какъ подобаетъ истинному христіанину. Наконецъ, одинъ изъ отступниковъ, перешедшихъ въ вѣру татаръ, житель города Путивля, быть можетъ, изъ сожалѣнія къ несчастному Михаилу, отсѣкъ ему голову. Такой же участи подвергся и бояринъ Ѳеодоръ. Мужество этихъ мучениковъ и твердость ихъ въ вѣрѣ, говорятъ, удивили самого Батыя, и онъ назвалъ князя „великимъ мужемъ". Церковь наша признала обоихъ мучениковъ святыми.

Даніилъ Романовичъ.

Въ первыя времена тяжкаго для Русской земли владычества татаръ было два замѣчательныхъ русскихъ князя: Даніилъ Галицкій и Александръ Невскій.

Галиція, или Червонная Русь, стала сильною областью со времени Владимірка, сына Володаря: онъ первый объединилъ ее, усилилъ присоединеніемъ новыхъ земель, и его единственному сыну Ярославу досталось уже богатое и могучее княжество. Довольно мирно и спокойно шли дѣла въ Галиціи во время умнаго управленія Ярослава, (за большой умъ онъ былъ прозванъ „Осмомысломъ"). Хотя онъ и вмѣшивался въ усобицы князей за Кіевъ и посылалъ свои дружины на половцевъ, но большая часть его княженія протекла мирно.

Торговля, промышленность и земледѣліе стали процвѣтать. Богатая природа, тучная почва, густое населеніе, близость къ Византіи и западнымъ государствамъ,—все это дѣлало Галицію богатѣйшею областью на Руси. Но при Ярославѣ впервые сказалось то зло, которое много горя принесло Галичу,—это боярскія смуты. Бояре стали вмѣшиваться не только въ правительственныя, но даже и въ семейныя дѣла князя... Ни въ одной русской области бояре не имѣли такой силы, какъ въ Галиціи: здѣсь они владѣли большими и богатыми помѣстьями и не только хотѣли жить такъ же независимо отъ князей своихъ, какъ жили паны въ Польшѣ да бароны (помѣщики) въ сосѣднихъ германскихъ земляхъ, но думали и заправлять дѣлами княжества по своему.

При сынѣ Ярослава—Владимірѣ шли почти безпрерывно боярскія смуты и сосѣди—венгры, поляки, нѣмцы стали вмѣшиваться въ галицкія дѣла. По смерти Владиміра (около 1200 г.) Волынскій князь Романъ завладѣлъ Галичемъ.

Рѣшительный, властолюбивый и суровый, онъ задумалъ сломить боярскую крамолу... Начались жестокія казни мятежныхъ бояръ, не успѣвшихъ бѣжать. Романъ не останавливался ни предъ чѣмъ.

— „Не передавивши пчелъ, — говаривалъ онъ обыкновенно, — и меду не ѣсть“!

Забравши въ руки галицкое боярство, Романъ принялся за иноземныхъ враговъ русской земли и не разъ побивалъ половцевъ, ятвяговъ и литву. Современники сравнивали его съ орломъ и львомъ, а волынскій лѣтописецъ величаетъ его даже „самодержцемъ“ всей Русской земли. Иноземные властители заискивали въ немъ. Папа предложилъ ему, если онъ приметъ латинство, королевскій вѣнецъ и мечъ апостола Петра для завоеванія новыхъ земель.

Въ отвѣтъ на это Романъ, говорятъ, обнажилъ свой мечъ и спросилъ:

— „У папы такой ли? Пока онъ при бедрѣ моемъ, мнѣ нѣтъ нужды покупать себѣ города иначе, какъ кровью!...

Такой князь нуженъ былъ русской землѣ, когда такъ много было смуты на ней. Къ несчастью, онъ скоро былъ убитъ въ сраженіи съ поляками (1205 г.), а старшій сынъ его Даніилъ былъ еще ребенкомъ. Снова начались въ Галичѣ смуты и безпорядки. Хотя Романъ и не мало истребилъ бояръ; но все-таки и послѣ него боярство въ Галиціи было гораздо сильнѣе, чѣмъ въ другихъ русскихъ областяхъ.

Трудно было Даніилу утвердиться на отцовскомъ престолѣ. Нашествіе татаръ заставило его на время совсѣмъ покинуть родную страну. Онъ былъ одаренъ блестящими способностями, а тѣ бѣды, изгнаніе и нужды, какія пришлось ему вытерпѣть въ дѣтствѣ и юности, воспитали въ немъ твердость, выносливость и нравственную силу; много ему пришлось вынести зла, но онъ не сдѣлался жестокимъ, умѣлъ сдерживать свой гнѣвъ, гдѣ надо было...

Только въ 1249 году удалось ему окончательно утвердиться въ Галиціи. Пришлось ему безпрестанно вести борьбу съ сосѣдями: съ венграми, ятвягами и литвою.

Литовское племя, сначала разрозненное и потому слабое, мало по малу стало уже подчиняться русскимъ князьямъ; но упорная борьба съ нѣмцами,

которые старались покорить литовцевъ и силою распространить среди нихъ христіанство, заставила мелкія племена литовскія сплотиться; нашлись у нихъ храбрые вожди, и литовцы стали не только мужественно отбиваться отъ враговъ, но сдѣлались сильнымъ и завоевательнымъ народомъ. Пришлось Даніилу оборонять отъ нихъ русскія области. Войны его были по большей части счастливы; принималъ участіе онъ и въ спорахъ королей венгерскаго и чешскаго.

Не одними внѣшними дѣлами прославился Даніилъ; онъ оказался и замѣчательнымъ устроителемъ своего государства. Слѣды татарскаго погрома быстро исчезли въ его области: онъ обстроилъ снова разоренные города, основывалъ новые, привлекалъ въ свою область населеніе. Много перешло народу въ Галицкую землю изъ другихъ южныхъ русскихъ областей; не мало явилось сюда и иностранцевъ: нѣмцевъ, поляковъ, армянъ, но болѣе всего евреевъ. Закипѣла въ Галиціи и промышленность, и торговля...

Даніилъ устроилъ себѣ новую столицу. Разъ во время охоты ему очень приглянулось одно мѣсто; онъ спросилъ у приближенныхъ своихъ, какъ называется оно.

— „Холмъ, отвѣчали ему.

— „Пусть здѣсь будетъ городъ Холмъ, сказалъ онъ, и посвятилъ его св. Іоанну Златоусту. Тогда по обычаю всякій новый городъ посвящали какому-нибудь святому.

Не даромъ умный Даніилъ поселился на новомъ мѣстѣ: въ Галичѣ слишкомъ сильны были еще бояре и держалась память объ ихъ власти, въ новомъ же городѣ князь могъ жить, окруженный вѣрною дружиною, не боясь боярскихъ козней.

Самою завѣтною мечтою Даніила было освободить Русскую землю отъ татарскаго ига. Онъ былъ въ то время самымъ сильнымъ русскимъ княземъ: кромѣ Галиціи, Волынская и Кіевская области были въ его рукахъ. Онъ не считалъ себя еще данникомъ хана, но, зная, что съ татарами дѣло у него мирно не обойдется, завелъ сношенія съ Римомъ—надѣялся, что папа побудитъ европейскихъ государей помочь русскимъ въ борьбѣ съ татарами. Обрадовался папа,—задумалъ онъ при помощи Даніила подчинить себѣ русскую церковь, послалъ къ нему своего архіепископа и объявилъ, что обряды греческой церкви не будутъ нарушены; кромѣ того, предложилъ князю, чтобы задобрить его, королевскій вѣнецъ; но Даніилъ не того искалъ.

— „Что мнѣ въ королевскомъ вѣнцѣ? сказалъ онъ папскому послу,—татары не перестаютъ причинять намъ зло. Зачѣмъ я буду принимать вѣнецъ, когда мнѣ не даютъ помощи!“

Когда убѣдился Даніилъ, что папа болѣе хлопочетъ о своемъ владычествѣ надъ русскою церковью, чѣмъ о помощи русскимъ противъ татаръ, то прервалъ сношенія съ Римомъ и удалилъ изъ Галиціи архіепископа, котораго папа назначилъ было главою духовенства въ Южной Руси.

Думалъ Даніилъ, что дѣло какъ-нибудь обойдется, и ему можно будетъ не ѣхать на поклонъ хану, но ошибся. Въ 1250 году прибыли къ нему послы Батыя съ грознымъ требованіемъ: „Дай Галичъ!“ Опечалился Даніилъ: зналъ онъ, что ему одному не подъ силу бороться съ татарами,—понималъ, какая

бѣда грозитъ родной землѣ, если нагрянутъ на нее снова дикія полчища татаръ. Помощи ждать было неоткуда. Подумалъ обо всемъ этомъ онъ и, скрѣпя сердце, порѣшилъ ѣхать въ Орду и поклониться грозному и ненавистному Батыю.

Когда прибылъ Даніилъ въ Орду, Батый обошелся съ нимъ очень милостиво, но все-таки онъ долженъ былъ покорно кланяться хану и главной женѣ его, пить кумысъ, которымъ ханъ любезно угощалъ его. Прожилъ Въ Ордѣ онъ 25 дней и былъ милостиво отпущенъ. Батый отдалъ ему всѣ области его въ „вотчину“, т. е. въ потомственное владѣніе.

Радовались родичи князя и близкіе ему люди, когда увидѣли, что вернулся онъ цѣлъ и невредимъ,—радовались, но и скорбѣли въ то же время... Да и какъ было не скорбѣть?! Знаменитый русскій князь долженъ былъ унижаться предъ ханомъ. Тяжело было всѣмъ русскимъ людямъ это униженіе!..

„О, злѣе зла честь татарская!—восклицаетъ лѣтописецъ,—Даніилъ Романовичъ, князь великій, владѣвшій Русской землей,—Кіевомъ, Волынью, Галичемъ, стоитъ на колѣнахъ, холопомъ называется, дань обѣщаетъ платить, за жизнь свою трепещетъ, угрозъ страшится!“

Невыносима была для Даніила мысль, что долго еще ему придется сносить подобное униженіе. Король венгерскій примирилъ его снова съ Римомъ; прислалъ папа ему драгоцѣнный королевскій вѣнецъ и другія царскія украшенія, обѣщалъ ему помощь христіанскихъ государей Западной Европы. Въ 1255 году Даніилъ былъ коронованъ.

Надѣялся онъ на помощь Запада и началъ борьбу съ татарами. Чтобы можно было обороняться отъ нихъ, укрѣпилъ онъ города свои, но ошибся и на этотъ разъ въ своихъ разсчетахъ: ему помощи ни откуда не было; принужденъ онъ былъ снова смириться предъ татарами Пришлось русскимъ съ ними идти по волѣ хана воевать въ Литву, пришлось по его приказу собственными руками уничтожать свои укрѣпленія. Стѣны городовъ—Львова, Стожка, Кременца и Луцка были разметаны. Бурундай, татарскій военачальникъ, отправился самъ съ Василькомъ, братомъ Даніила, къ городу Владиміру (Волынскому); неподалеку отъ него остановился на ночлегъ и сказалъ Василько:

— „Иди и размечи свой городъ!“

Василько пріѣхалъ въ свой Владиміръ, и, увидѣвъ, что нельзя скоро разобрать стѣнъ, приказалъ зажечь ихъ. Когда прибылъ Бурундай, онѣ уже догорали. Съ радостью глядѣлъ онъ на погасавшіе остатки ихъ. Погасала съ нимъ и всякая надежда у русскихъ на скорое освобожденіе отъ ига татаръ...

Много потрудился Даніилъ. Почти вся южная Русь была въ его власти, и казалось, здѣсь соберется вся сила Русской земли; но не исполнилась завѣтная мечта его, не смогъ онъ своими силами освободиться отъ татарскаго владычества, не смогли и преемники его совершить это... Въ другомъ концѣ Русской земли собралась сила ея, сбросившая съ русскаго народа тяжкое иго и соединившая разрозненныя области въ одно цѣлое, а Галицкая Русь распалась на части и попала подъ власть чужеземцевъ.

Въ 1264 году Даніилъ умеръ. Не столько доблестные воинскіе подвиги его и многочисленныя побѣды остались въ памяти народа, сколько то, что онъ

въ тяжкіе годы народныхъ бѣдствій не потерялся, съумѣлъ не только загладить ужасные слѣды татарскаго погрома, но и привести свою землю въ цвѣтущее состояніе, украсить ее богатыми городами, великолѣпными зданіями, усилить промышленность и торговлю, успокоить свой народъ, утѣшить его. Эта умная, хозяйственная распорядительность Даніила особенно поражала современниковъ. Другая черта, которую высоко цѣнили въ немъ,—это безпримѣрная дружба его къ брату Василько: съ дѣтскихъ лѣтъ они были неразлучны, дѣлили вмѣстѣ горе и радости, жили одною мыслью, однимъ сердцемъ. Въ тѣ печальныя времена не часто встрѣчалось на Руси такое братское согласіе; понятно, почему лѣтописецъ высоко цѣнитъ его. О Даніилѣ можно сказать, какъ о Мономахѣ, что „былъ онъ братолюбецъ и добрый страдалецъ за землю Русскую!“

Александръ Невскій.

Въ то время, какъ Даніилъ трудился на пользу Русской земли на югѣ, на сѣверѣ оборонялъ ее отъ внѣшнихъ враговъ другой знаменитый князь—Александръ Ярославовичъ. Съ юныхъ лѣтъ онъ княжилъ въ Новгородѣ. Высокій ростомъ, статный, сильный, красивый, онъ поражалъ всѣхъ свою прекрасною, мужественною наружностью. Когда говорилъ онъ на вѣчѣ или предъ войскомъ, его звучный голосъ, по выраженію лѣтописца, „гремѣлъ предъ народомъ какъ труба“.

Въ то время, когда татары громили Русскую землю съ юго-востока, бѣда грозила ей и съ сѣверо-запада.

Шведы задумали воспользоваться бѣдствіемъ русской земли и завладѣть финскими и сосѣдними новгородскими землями, чтобы по желанію папы распространить здѣсь римско-католическую вѣру. Зять короля Биргеръ самъ принялъ начальство надъ шведскимъ ополченіемъ и послалъ Александру надменный вызовъ:

— „Если можешь, сопротивляйся, но знай, что я уже здѣсь и плѣню землю твою“!

Въ 1240 году шведскіе корабли съ большимъ войскомъ подъ начальствомъ Биргера вошли въ устье Невы и стали на якорь при впаденіи въ нее рѣчки Ижоры. Шведы, видно, разсчитывали подняться по Невѣ, плыть чрезъ озеро и врасплохъ напасть на Ладогу, затѣмъ по Волхову идти на Новгородъ. Но Александръ тоже не медлилъ: помолился у св. Софіи, получилъ благословеніе отъ владыки, наскоро собралъ сколько могъ рати. Невелика была она, но онъ бодро пошелъ съ нею къ устью Волхова.

— „Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ!“ говорилъ онъ.

Въ воскресенье, 15 іюля (1240 г.) ударилъ онъ на шведовъ. Они не ждали скораго нападенія: суда ихъ стояли у берега; на берегу были раскинуты шатры... Всполошились шведы, когда новгородцы внезапно напали на нихъ и стали рубить ихъ топорами и мечами прежде, чѣмъ тѣ успѣли схватиться за оружіе. Нѣсколько витязей новгородскихъ особенно отличились: одинъ изъ нихъ, гонясь за бѣгущимъ Биргеромъ, заѣхалъ сгоряча верхомъ на конѣ на корабль по опущенной на берегъ сходнѣ. Его сбросили съ конемъ

въ воду, но онъ, выбравшись невредимо изъ рѣки, снова ринулся въ бой и поразилъ многихъ шведскихъ витязей. Другой съ пѣшимъ отрядомъ ударилъ на непріятельскія суда и три изъ нихъ уничтожилъ. Третій врубился въ толпу шведовъ, пробился до большаго златоверхаго Биргерова шатра, подсѣкъ столбъ, и шатеръ рухнулъ къ сильной радости новгородцевъ. Были и другіе удальцы, показавшіе себя въ этомъ бою. Самъ Александръ нагналъ Биргера и мечемъ нанесъ ему рану въ лицо, „возложилъ ему печать на лицо“, по словамъ сказанія. Побѣда была одержана блестящая. Множество шведовъ осталось на полѣ битвы. Ночью, не дожидаясь разсвѣта, остатки шведскаго войска поспѣшно уплыли на своихъ судахъ въ море.

Велика была радость новгородцевъ, и всѣ славили Александра, какъ неустрашимаго вождя, какъ защитника православія; за эту побѣду и стали звать его „Невскимъ“.

Сохранилось сказаніе о томъ, что ему въ этой битвѣ была оказана помощь свыше; что свв. Борисъ и Глѣбъ помогли ему.

Былъ въ землѣ Ижорской, говорится въ этомъ сказаніи, старшина по имени Пелгусій. Онъ принялъ крещеніе (христіанское имя его было Филиппъ). Жилъ онъ очень благочестиво, соблюдалъ посты и удостоился видѣнія. Незадолго до Невской побѣды былъ онъ на берегу Невы на стражѣ, всю ночь не спалъ, а подъ утро поразилъ его сильный шумъ на водѣ. Увидѣлъ онъ лодку. Посреди нея стояли свв. мученики—Борисъ и Глѣбъ въ свѣтлыхъ ризахъ, въ такомъ видѣ, какъ обыкновенно изображаютъ ихъ на иконахъ. Гребцы были скрыты какъ будто мглою. И услышалъ Пелгусій, какъ Борисъ сказалъ Глѣбу:

— „Братъ Глѣбъ, вели грести, поможемъ нашему сроднику, князю Александру Ярославичу!“

Пелгусій разсказалъ ему объ этомъ видѣніи.

Новгородцы любили Александра; все-таки онъ не могъ долго ужиться съ ними: хотѣлъ онъ большей власти и не выносилъ вѣчевыхъ безпорядковъ. Вскорѣ послѣ невской побѣды онъ выѣхалъ изъ Новгорода, а между тѣмъ здѣсь нуженъ былъ въ это время такой именно князь, какъ Александръ: большая опасность грозила Новгородской области со стороны нѣмцевъ.

Восточное побережье Балтійскаго моря (гдѣ теперь Эстляндская и Лифляндская губерніи) заселено было чудскимъ и латышскимъ племенами. Они въ XII ст. были еще язычниками и считались данниками отчасти Новгорода, отчасти полоцкаго князя. Русскіе мало обращали вниманія на эту страну. Въ 1158 году во время сильной бури выбросило на берегъ въ устьѣ Западной Двины корабль нѣмецкихъ купцовъ (изъ города Бремена); съ этого времени нѣмцы завели мѣновую торговлю съ жителями, увидѣли, что это выгодно, стали чаще пріѣзжать сюда, устроили тутъ и складочное мѣсто для товаровъ. Полоцкіе князья имъ позволили завести здѣсь колонію.

Задумали тогда нѣмцы распространить между язычниками — туземцами христіанство; но это дѣло у нихъ не ладилось: язычники здѣсь крѣпко держались за свою старину, и встрѣтили проповѣдниковъ враждебно. Нѣмцы увидѣли, что мирными средствами скораго успѣха не добьешься, и стали силою

принуждать язычниковъ креститься. — Епископъ Альбертъ съ разрѣшенія папы учредилъ для этого орденъ (общину) рыцарей. Это были монахи и воины въ то же время: они исполняли монашескія обязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ должны были вести непрерывную войну съ врагами христіанства. Такихъ военно-монашескихъ общинъ было въ Западной Европѣ уже нѣсколько. Новая община воиновъ—монаховъ стала называться орденомъ „Меченосцевъ".

Въ 1201 году возникъ при устьѣ Двины сильный нѣмецкій городъ Рига, и съ этого времени нѣмцы—рыцари пускаютъ въ дѣло оружіе; не словомъ и убѣжденіемъ обращаютъ язычниковъ въ христіанство, а силою: захватываютъ земли ихъ, устраиваютъ здѣсь себѣ замки (небольшія укрѣпленія), обращаютъ туземцевъ въ рабство... Ожесточились порабощенные. Нѣкоторые изъ нихъ бросались въ Двину, думая такимъ образомъ смыть съ себя то крещеніе, которое насильно было навязано имъ и вело за собою рабство и другія несчастія. Были при возстаніяхъ озлобленныхъ туземцевъ ужасные случаи: они злобно мучили и убивали попавшихъ въ ихъ руки враговъ, иногда жарили ихъ... Но и нѣмцы, побѣдивъ возставшихъ, не давали имъ никакой пощады: казнили ихъ цѣлыми тысячами, выжигали до тла ихъ села и т. д. Изъ Германіи безпрестанно прибывали новые рыцари, желая послужить „дѣлу вѣры", и пополняли убыль въ орденѣ меченосцевъ. Скоро онъ сдѣлался многочисленнымъ и могущественнымъ. Спохватились тогда полоцкіе князья, поняли, какъ оплошали, позволивъ нѣмцамъ утвердиться при устьѣ Западной Двины, да было ужъ поздно!..

Съ 1206 г. начинаются безпрерывныя войны между орденомъ и сосѣдними русскими княжествами. Одолѣть рыцарей было нелегко: они были отлично вооруженные и лихіе бойцы. Закованные съ ногъ до головы въ желѣзное вооруженіе, рыцари съ ихъ тяжелыми и длинными мечами были страшными противниками. Эти „желѣзные люди" не разъ наносили пораженія русскимъ князьямъ, которые обыкновенно дѣйствовали неединодушно.

Завладѣли нѣмцы и нѣсколькими русскими городами, настроили новыхъ на мѣстѣ русскихъ поселеній.

Послѣ татарскаго погрома нѣмцы могли разсчитывать, что легко овладѣютъ и Псковомъ, и Новгородомъ. Имъ даже удалось захватить Псковъ, и стали они мало по малу покорять и новгородскія земли. Непріятельскіе отряды доходили уже до окрестностей Новгорода, стояли въ тридцати верстахъ отъ него, перехватывали купеческіе обозы и наносили большой ущербъ новгородской торговлѣ. Тогда новгородцы стали просить Александра выручить ихъ изъ бѣды; самъ владыка новгородскій отправился къ нему съ просьбой объ этомъ. Дѣло касалось не одного Новгорода, а всей Русской земли,— Александръ согласился и прибылъ въ Новгородъ.

Немедленно принялся онъ очищать Новгородскую область отъ враговъ, разогналъ ихъ отряды, взялъ Копорье, гдѣ было утвердились нѣмцы. Съ плѣнными обходился онъ очень милостиво, но измѣнниковъ безпощадно вѣшалъ. Затѣмъ онъ дошелъ до Пскова, освободилъ его отъ нѣмцевъ, двухъ здѣшнихъ нѣмецкихъ намѣстниковъ отправилъ въ оковахъ въ Новгородъ. Послѣ этого Александръ вошелъ въ Чудскую землю, во владѣнія ордена. Здѣсь русская рать

остановилась на Чудскомъ озерѣ и стала поджидать непріятеля. Нѣмцы двинули противъ русскихъ большую силу и на льду озера (5-го апрѣля 1241 г.) произошла знаменитая битва.

При видѣ враговъ Александръ поднялъ руки къ небу и громко сказалъ:

— „Разсуди, Боже, споръ мой съ этимъ высокомѣрнымъ народомъ!“

Нѣмцы поставили своихъ воиновъ особеннымъ строемъ, клиномъ,—врѣзались рыцари въ ряды русскихъ, разорвали ихъ строй надвое и думали уже, что побѣда на ихъ сторонѣ. Тяжелый гулъ отъ ударовъ мечей о щиты и шлемы, отъ треска ломающихся копій, отъ воинскихъ криковъ и стоновъ раненыхъ стоялъ надъ побоищемъ. Ледъ побагровѣлъ отъ крови и мѣстами трескался. Многіе потонули. Русскіе пришли въ смятеніе, а нѣмцы уже радовались побѣдѣ, какъ вдругъ къ ужасу ихъ Александръ съ запаснымъ полкомъ ударилъ на нихъ съ тылу и разстроилъ ихъ ряды. Нѣмцы обратились въ бѣгство. Русскіе гнали ихъ семь верстъ. Множество враговъ было избито, много попало и въ плѣнъ.

Торжественно вступалъ Александръ послѣ этой знаменитой битвы, названной въ нашихъ лѣтописяхъ „Ледовымъ побоищемъ“, во Псковъ. Весь городъ вышелъ на встрѣчу своему избавителю. Игумны и священники встрѣтили его съ крестами. Онъ ѣхалъ верхомъ. За конемъ его вели знатныхъ рыцарей, взятыхъ въ плѣнъ; позади гнали огромную толпу простыхъ плѣнныхъ. Долго не умолкали радостные клики, которыми народъ привѣтствовалъ знаменитаго побѣдителя.

Важную службу сослужилъ Русской землѣ Александръ Невскій своими побѣдами. Невская битва и Ледовое побоище на время отвадили и шведовъ, и нѣмцевъ отъ мысли завладѣть сѣверными русскими областями. Папа, которому хотѣлось подчинить русскую церковь себѣ, тоже увидѣлъ, что силою тутъ ничего не подѣлаешь, сталъ заискивать расположенія Александра, прислалъ даже ему любезное посланіе (1238 г.) и затѣмъ посольство съ цѣлью убѣдить его подчинить русскую церковь Риму. Но Александръ, не знавшій страха, не поддавался ни лести, ни хитрымъ уловкамъ,—всѣ попытки папы не привели ни къ чему.

Пришлось Александру оборонять Новгородскую область еще отъ третьяго врага—отъ литовцевъ. Стали они дѣлать разбойничьи набѣги и доходили до Торжка. Александръ три раза разбивалъ ихъ, истребилъ многихъ вождей ихъ и на нѣкоторое время избавилъ сѣверную Русь отъ литовскихъ набѣговъ.

Твердо, съ оружіемъ въ рукахъ отстаивалъ доблестный князь Русскую землю отъ западныхъ недруговъ, но иначе относился онъ къ могучему восточному врагу. Умный и разсчетливый князь хорошо понималъ, что отбиться отъ отрядовъ нѣмцевъ и шведовъ — это не то, что бороться съ громадною ордою свирѣпыхъ враговъ, предъ которою трепетала не только вся Русь, но и Европа. Огромное и хорошо устроенное войско нужно было для борьбы съ безчисленными полчищами степняковъ; а земля русская, опустошенная, обезлюдѣвшая, обѣднѣвшая, разрозненная, могла ли выставить большую рать? Понималъ Александръ, что тутъ поневолѣ приходилось дѣйствовать другимъ пу-

темъ и, какъ ни горько, а надо, скрѣпя сердце, выказывать смиреніе и покорность хану.

Наши лѣтописцы говорятъ, что самъ Батый потребовалъ къ себѣ Александра.

— „Мнѣ покорилъ Богъ многіе народы, велѣлъ ханъ сказать ему,—ты ли одинъ не хочешь покориться державѣ моей? Если желаешь сберечь себѣ землю свою, приходи на поклонъ ко мнѣ, и увидишь честь и славу царства моего".

Александръ отправился въ Орду. По словамъ лѣтописи, ханъ, познакомившись съ нимъ, сказалъ своимъ вельможамъ:

— „Все, что мнѣ ни говорили о немъ,—все правда: нѣтъ князя подобнаго этому!"

Въ Ордѣ Александръ ближе приглядѣлся къ татарскимъ порядкамъ, узналъ, чѣмъ сильны были татары: полное повиновеніе начальникамъ, безпрекословная покорность волѣ хана сплачивали суровыхъ, выносливыхъ и степныхъ хищниковъ въ одну несокрушимую воинственную орду.

Александръ всѣми средствами старался ублажить хана и его сановниковъ, чтобы избавить Русскую землю отъ новыхъ бѣдъ. Трудна была эта задача, когда даже и съ родными братьями приходилось Александру враждовать! только въ 1252 году ханъ призналъ его великимъ княземъ и далъ ему Владиміръ. Съ этого времени пришлось ему взять на себя тяжелое дѣло.—Не легко было и раньше отбиваться отъ западныхъ враговъ; но за то блестящія побѣды, воинская слава, чувства народной радости и благодарности были тогда наградою ему за тяжелые воинскіе труды. Теперь ему приходилось унижаться предъ ханомъ, заискивать расположенія сановниковъ его, одаривать ихъ, чтобы спасти родную землю отъ новыхъ бѣдъ; приходилось уговаривать свой народъ не противиться татарамъ, позволить сдѣлать перепись, уплатить требуемую дань; даже иной разъ онъ самъ долженъ былъ, въ случаѣ сопротивленія, силою заставлять свой народъ исполнять требованія враговъ. Конечно, болѣзненно сжималось сердце Александра, когда онъ принужденъ бывалъ наказывать своихъ людей за непослушаніе татарамъ. Многіе въ то время думали, что онъ не жалѣлъ своего народа, дѣйствовалъ сообща съ врагами, и злобились на него. Немногіе понимали тогда, что только тяжелая необходимость заставляла его такъ поступать; что, поступи онъ иначе, новый страшный погромъ татарскій обрушился бы надъ несчастной Русской землей!..

Въ 1256 году новый ханъ (Берке) приказалъ сдѣлать вторую перепись на Руси. (Первая была сдѣлана еще при Ярославѣ Всеволодовичѣ). Въ земли Рязанскую, Муромскую и Суздальскую явились татарскіе численники, ставили своихъ десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ; всѣхъ жителей, исключая духовныхъ лицъ, переписывали, чтобы обложить поголовною данью. Новый ханъ пожелалъ, чтобы перепись была сдѣлана и въ Новогородѣ. Когда вѣсть объ этомъ дошла сюда, здѣсь поднялся мятежъ: Новгородъ не былъ подобно другимъ русскимъ городамъ покоренъ татарскимъ оружіемъ, и новгородцы не думали, чтобы имъ пришлось добровольно платить постыдную дань. Чувствовалъ Александръ, что быть бѣдѣ, но не могъ ничего сдѣлать въ пользу Новгорода.

Прибылъ онъ сюда съ татарскими послами, которые требовали десятины. Новгородцы на-отрѣзъ отказались уплатить дань; однако ханскихъ пословъ не только не обидѣли, но даже одарили и съ честью отпустили домой. Народъ волновался. Многіе злобились на Александра за то, что онъ держалъ сторону татаръ. Новгородскій князь Василій, сынъ его и тотъ былъ на сторонѣ недовольныхъ новгородцевъ. Тяжело было положеніе юнаго князя; не понималъ и онъ, какъ большинство новгородцевъ, какая бѣда можетъ постигнуть ослушниковъ хана: стать на сторону отца, по мнѣнію Василія, значило—измѣнить Новгороду, а противиться отцу было ему тяжело... Кончилъ онъ тѣмъ, что бѣжалъ во Псковъ. Александръ на этотъ разъ сильно озлобился, выгналъ сына своего изъ Пскова, а нѣкоторыхъ новгородскихъ бояръ, главныхъ зачинщиковъ мятежа, жестоко казнилъ.

Заволновались новгородцы... Напрасно болѣе благоразумные уговаривали народъ покориться тяжкой необходимости.

— „Умремъ честно за св. Софію и дома ангельскіе, кричалъ народъ, сложимъ головы наши у св. Софіи“!

Однако страшная вѣсть о томъ, что ханскіе полки идутъ на Новгородъ, и увѣщанія нѣкоторыхъ благоразумныхъ бояръ, наконецъ, подѣйствовали. Волненіе улеглось. Татарскіе численники ѣздили по новгородскимъ улицамъ, переписывали дворы и удалились. Хотя послѣ этого татарскіе чиновники не пріѣзжали въ Новгородъ собирать дань, но новгородцы должны были участвовать въ платежѣ татарамъ дани,—отдавать свою долю ея великимъ князьямъ. Только что успокоился Новгородъ,—въ другихъ городахъ поднялась смута. Татарскіе сборщики собирали дань самымъ безчеловѣчнымъ способомъ. Брали ее съ лихвою, забирали и пожитки въ случаѣ недоимокъ, а изъ бѣдныхъ семей уводили людей въ неволю; притомъ крайне грубо обращались съ народомъ, и ему не въ моготу стало терпѣть: въ Суздалѣ, Ростовѣ, Ярославлѣ, Владимірѣ и въ другихъ городахъ заволновался народъ, и сборщики дани были перебиты...

Въ сильную ярость пришелъ ханъ. Въ Ордѣ собирались уже полчища; готовились татары безпощадно наказать мятежниковъ. Александръ поспѣшилъ въ Орду... Видно, не легко ему было ублажить хана и его приближенныхъ,—зиму и лѣто пришлось ему прожить въ Ордѣ; но за то удалось спасти родную страну не только отъ новаго погрома, но и выпросить для нея важную льготу: по просьбѣ Александра ханъ освободилъ русскихъ отъ обязанности поставлять татарамъ вспомогательное войско. Тяжело было бы русскимъ проливать свою кровь за злѣйшихъ враговъ своихъ!..

Изъ Орды Александръ возвращался больнымъ. Крѣпкое его здоровье было надорвано постоянными тревогами и заботами. Съ трудомъ, еле перемогаясь, продолжалъ онъ свой путь, доѣхалъ до Городца, и здѣсь окончательно слегъ. Когда почувствовалъ онъ приближеніе смерти, принялъ схиму. Ночью 14 ноября 1263 г. его не стало.

Скоро долетѣла до города Владиміра скорбная вѣсть о кончинѣ Александра. Митрополитъ Кириллъ, служившій въ это время обѣдню, обратился къ народу со слезами на глазахъ и сказалъ:

— „Дѣти мои милыя, закатилось солнце земли Русской!“

Народъ горько оплакивалъ своего князя.

Тѣло усопшаго князя перевезли во Владиміръ. Не смотря на зимнюю стужу, митрополитъ Кириллъ съ духовенствомъ встрѣтилъ тѣло у Боголюбова, и отсюда со свѣчами и кадилами все духовенство провожало его до Владиміра. Огромная толпа тѣснилась около гроба: каждому хотѣлось приложиться. Многіе громко плакали. 23 ноября тѣло Александра Невскаго погребли во Владимірскомъ монастырѣ Рождества Богородицы.

Потрудился Александръ для Русской земли. Мужественно и побѣдоносно боролся онъ съ западными врагами, разсчетливо, умно берегъ свой народъ отъ хищныхъ татаръ. Среди трудныхъ княжескихъ дѣлъ не забывалъ благочестивый князь и христіанскихъ обязанностей: много серебра и золота передавалъ онъ въ Орду; не мало несчастныхъ выкупилъ изъ тяжкой неволи татарской. Многіе звали его своимъ „ангеломъ хранителемъ“. Руская церковь причла его къ лику святыхъ.

Смуты при сыновьяхъ Александра Невскаго.

Великокняжескій столъ послѣ Александра занимали два его брата: сначала Ярославъ Тверской (до 1272 г.), потомъ Василій Костромской (до 1276 г.). Въ это время на западѣ шведы и ливонцы снова начинаютъ безпокоить Новгородъ и Псковъ. Впрочемъ, новгородцы съ успѣхомъ отбиваются отъ враговъ; особенно достопамятна битва при Раковорѣ (Везенбергѣ) 1268 г.; здѣсь новгородцы послѣ долгаго и упорнаго боя нанесли сильное пораженіе ливонцамъ и датчанамъ. А Псковъ оборонялъ отъ нѣмцевъ и литовцевъ доблестный Довмонтъ, литовскій князь, перешедшій на сторону русскихъ и принявшій крещеніе. Онъ послужилъ своимъ мечемъ Пскову такъ-же, какъ служилъ Новгороду Александръ Невскій.

Не долго продержалось на Руси то спокойствіе, о которомъ такъ радѣлъ Александръ Невскій. Сыновья его (Дмитрій и Андрей) начали кровавый споръ за великое княженіе. Два раза приводилъ Андрей полчища татаръ на русскую землю (1282 и 1294 гг.), которую такъ берегъ отъ вражескихъ нашествій его отецъ. Хищники всегда рады были случаю пограбить, нагнать страху на русскихъ, напомнить имъ времена Батыя. Десятки лѣтъ нужны были, чтобы области, опустошенныя при этомъ новомъ погромѣ, сколько нибудь оправились.

Усобицы сѣверныхъ князей въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ столѣтіяхъ отличаются отъ старыхъ усобицъ на югѣ. Прежде князья, враждуя между собою, старались овладѣть Кіевской великокняжеской областью или другимъ какимъ-либо старшимъ и лучшимъ удѣломъ. Князья безпрестанно переходили съ дружинами своими изъ однѣхъ областей въ другія и считали ихъ только временнымъ своимъ достояніемъ. Послѣ смерти удѣльныхъ князей земли ихъ переходили не къ дѣтямъ ихъ, а къ родичамъ, слѣдующимъ за ними по старшинству въ родѣ. Понятно, что южные удѣльные князья мало заботились о томъ, чтобы получше устроить, расширить и обогатить земли, гдѣ были они только временными гостями.

На сѣверѣ установился мало по малу другой порядокъ. Подобно Андрею

Боголюбскому, который, сдѣлавшись даже великимъ княземъ, остается въ своемъ Владимірѣ, а не ѣдетъ въ Кіевъ, и другіе сѣверные князья предпочитаютъ жить въ своихъ городахъ: Тверской князь, сдѣлавшись великимъ княземъ, не переѣзжаетъ во Владиміръ, а остается въ Твери, Переяславскій,—въ Переяславлѣ, Московскій—въ Москвѣ. Каждый изъ этихъ князей старается свою область обогатить, увеличить на счетъ другихъ земель, сдѣлать свою землю главною и упрочить ее вмѣстѣ съ титуломъ великаго князя за своимъ потомствомъ.—Прежде нерѣдко тотъ князь, у котораго было много удали да дружина хорошая, бралъ верхъ надъ другими; а теперь не то: одна страшная сила, словно туча грозовая, повисла надъ Русской землей,—то сила хана. Отъ него все зависитъ,—отъ него получаютъ русскіе князья и власть свою, и землю; въ его рукахъ и жизнь, и смерть князей. Кто изъ нихъ лучше умѣетъ снискать милость хана и воспользоваться ею, въ рукахъ того больше и силы. Прежде и съ удалымъ княземъ, говорившимъ о себѣ, что онъ никого не боится, кромѣ Бога, можно было попытать счастья въ борьбѣ: силы этого удальца-князя, т. е. его дружина и войско, были не Богъ вѣсть какія многочисленныя. Теперь же и робкій, и вовсе невоинственный князь, успѣвшій снискать „великую милость хана“, могъ быть страшенъ самымъ храбрымъ князьямъ,—такъ какъ стоило ему только съѣздить въ Орду, и онъ могъ привести оттуда рать хищниковъ „безъ числа“; а нашествія татаръ на Руси боялись пуще грома небеснаго. При такихъ обстоятельствахъ бралъ верхъ не князь-удалецъ съ пылкимъ сердцемъ, а князь съ холоднымъ, разсчетливымъ умомъ,—князь „политикъ“, т. е. способный обдумывать каждый шагъ свой, сообразоваться съ обстоятельствами, умѣющій ловко пользоваться удачей, ловко извернуться въ бѣдѣ, перехитрить врага. Та область, гдѣ у князей было больше способности къ осторожной и дальновидной политикѣ, должна была мало по малу стать главною и подчинить себѣ остальныя русскія земли.

Болѣе ловкими политиками оказались князья московскіе.

Лѣтописное сказаніе говоритъ, что Москва была основана Юріемъ Долгорукимъ. Въ первый разъ въ лѣтописи упоминается о ней подъ 1147 годомъ.

На мѣстѣ ея, по преданію, раньше было имѣнье боярина Кучки. Онъ былъ казненъ княземъ за какую то вину. Мѣстность на берегу рѣки Москвы очень приглянулась Юрію, и онъ основалъ здѣсь городокъ, названный по имени рѣки—Москвою.

Москва досталась въ удѣлъ младшему сыну Александра Невскаго — Даніилу. Ему уже удалось сильно увеличить свой удѣлъ: онъ получилъ по завѣщанію отъ родича своего, умершаго бездѣтнымъ, Переяславъ Залѣсскій съ богатою областью. Напрасно великій князь (Андрей Александровичъ) хотѣлъ завладѣть Переяславлемъ,—Даніилъ не выпустилъ изъ своихъ рукъ богатаго пріобрѣтенія.

Юрій и Иванъ Даниловичи.

Особенно много потрудились для усиленія Москвы сыновья Даніила—Юрій и Иванъ. Хорошо понимали они, какую силу имѣетъ „ханская милость“

и умѣли снискать ее. Кто приходился хану по душѣ, былъ угоденъ ему, того онъ могъ назначить великимъ княземъ, не стѣснялсь ничѣмъ. Чтобы снискать милость хана, надо было всячески выражать предъ нимъ покорность, угождать и ему, и главнымъ приближеннымъ его; задобривать ихъ приходилось богатыми подаркими. На дѣлѣ выходило такъ, что кто изъ князей былъ побогаче, щедрѣе и умѣлъ расположить къ себѣ хана и вельможъ его,—тотъ и получалъ ярлыкъ на великое княженіе.

По смерти Андрея Александровича сталъ добиваться велико-княжескаго достоинства племянникъ Александра Невскаго Михаилъ Ярославичъ, князь тверской. Юрій Даниловичъ московскій тоже поѣхалъ въ Орду попытать счастья. На этотъ разъ верхъ взялъ Михаилъ: онъ былъ богаче московскаго князя и могъ дать и обѣщать татарамъ больше, чѣмъ тотъ,—тягаться Москвѣ съ Тверью было еще рано. Юрій понялъ, что надо еще усилить московскую область и увеличить свои средства. Раньше уже удалось ему присоединить къ своимъ владѣніямъ городъ Можайскъ; затѣмъ отнялъ онъ отъ юнаго рязанскаго князя Коломну. Теперь владѣнія его порядкомъ разрослись; можно было снова попытать счастья въ борьбѣ съ Тверью. Сильная борьба съ нею началась у него изъ-за Новгорода. Юрію пришлось ѣхать въ Орду. Три года прожилъ онъ тамъ, не жалѣлъ поклоновъ, не щадилъ казны своей, щедро одаривалъ приближенныхъ ханскихъ, вкрался въ такое довѣріе хана, что тотъ женилъ его на своей любимой сестрѣ Кончакѣ, принявшей христіанскую вѣру, и назначилъ его великимъ княземъ. Юрій съ торжествомъ возвращался изъ Орды: онъ велъ съ собою полчища татаръ,—сильно хотѣлось ему наказать своего противника. Рать Юрія стала страшно опустошать Тверскую землю; но въ декабрѣ 1317 года произошла битва, и Юрій былъ разбитъ. Многіе попали въ плѣнъ, въ томъ числѣ татарскій вождь и Кончака. Михаилъ Тверской готовъ былъ помириться, даже уступить достоинство великаго князя своему сопернику, лишь бы тотъ не разорялъ Тверской области. На бѣду Михаила Кончака умерла у него въ плѣну; враги его стали говорить, будто умерла она отъ отравы. Юрій съ нѣсколькими своими сторонниками отправился въ Орду, къ хану Узбеку, съ жалобою на тверского князя. Михаилъ чуялъ бѣду и самъ спѣшилъ къ хану. На пути уже встрѣтилъ онъ ханскаго посла, который ему сказалъ:

— „Зоветъ тебя царь,—поѣзжай скорѣе. Если черезъ мѣсяцъ не будешь тамъ, то ханъ назначилъ уже войско на тебя и на твой городъ!“

Бояре и сыновья Михаила уговаривали его не ѣздить; но онъ стоялъ на своемъ.

— „Если я уклонюсь, говорилъ онъ, земля моя будетъ полонена и множество христіанъ перебито: лучше ужъ мнѣ одному положить свою душу за многія души!“

Когда прибылъ Михаилъ въ Орду, надъ нимъ былъ наряженъ судъ. Пущены были въ ходъ всякіе клеветы и наговоры. Михаилъ былъ обвиненъ въ томъ, что „не давалъ царевой дани, бился противъ царскаго посла и уморилъ княгиню, жену Юрія“. Послѣ того къ Михаилу приставили стражу; надѣли на шею ему колодку (тяжелую доску съ отверзтіемъ для головы и рукъ); нельзя

было ему ни лечь, ни спиною опереться. Промучили несчастнаго князя такимъ образомъ съ мѣсяцъ и наконецъ убили.

Юрій торжествовалъ: Тверь была унижена; опаснаго соперника его не было въ живыхъ; Новгородъ подчинился ему. Онъ оборонялъ его отъ шведовъ, построилъ у истока Невы крѣпость Орѣшекъ (теперь Шлиссельбургъ), удачно защищалъ Новгородскую область отъ литовскихъ набѣговъ.— Однако бѣда не миновала и его. Онъ былъ позванъ въ Орду: сынъ Михаила тверского Димитрій по прозванію „Грозные очи“, обвинялъ его, будто онъ, взявъ дань съ тверскихъ князей, не отдалъ ея татарскому послу. Вѣроятно, Юрій извернулся бы изъ бѣды и оправдался бы, но Димитрій Михайловичъ при встрѣчѣ съ нимъ не стерпѣлъ: чувство мести, которое онъ со времени мученической кончины отца своего таилъ въ сердцѣ, вспыхнуло въ душѣ его, и онъ поразилъ заклятаго врага своего мечемъ. За это самоуправство Димитрій былъ казненъ въ Ордѣ.

Братъ Юрія Иванъ, по прозвищу Калита (слово „калита“ значитъ мѣшокъ съ деньгами) уже раньше, когда тому приходилось быть въ Новгородѣ, управлялъ Московскою областью. Онъ больше всѣхъ прежнихъ князей помогъ возвышенію Москвы; часто ѣздилъ онъ въ Орду, пріобрѣлъ большое довѣріе и расположеніе Узбека. Какъ вѣрный слуга хана, онъ получилъ право собирать дань ханскую и отвозить ее въ Орду: часть дани онъ удерживалъ себѣ и такимъ образомъ увеличивалъ годъ отъ году свою казну. При немъ татары не безпокоили Московской земли. Посѣщенія татаръ были всегда ужасны для русскаго народа; даже когда послы отъ хана проѣзжали по русскимъ землямъ, то творили на пути всякія насилія, безчинства и всячески оскорбляли русскихъ. Благодаря тому, что Иванъ Калита былъ въ большой милости у хана и самъ уплачивалъ дань, никто не смѣлъ обижать его людей.

— „Перестали, говоритъ лѣтописецъ, поганые воевать Русскую землю; отдохнули христіане отъ великой истомы и многой тягости и отъ насилія татарскаго, и съ этихъ поръ наступила тишина по всей землѣ“.

Московская область, благодаря этому спокойствію, все больше и больше населялась: шелъ сюда отовсюду рабочій людъ; бояре тоже охотно переходили отъ другихъ князей къ московскому. Это было очень выгодно для Московской области, потому что бояре приводили съ собою цѣлыя тысячи „своихъ людей“, и такимъ образомъ сильно содѣйствовали заселенію области. Гулящей земли было у московскаго князя вдоволь, и онъ охотно давалъ большія помѣстья переходившимъ къ нему боярамъ. Они за это обязывались отправлять воинскую повинность: въ случаѣ надобности являться на войну и приводить съ собою извѣстное число вооруженныхъ на свой счетъ людей; стало быть, переходы бояръ съ ихъ людьми умножали и военныя силы Московской области. Переселялись сюда и иноземцы; даже татарскіе мурзы (мелкіе князья) стали поступать на службу къ богатому московскому князю.

Калита заботился и о томъ, чтобы въ его области процвѣтали разные промыслы и торговля; онъ строго преслѣдовалъ и безпощадно казнилъ воровъ и разбойниковъ. Москва стала наполняться торговцами со всѣхъ сторонъ; на устьѣ Мологи возникла тогда знаменитая ярмарка, куда съѣзжалось множество

купцовъ съ запада и востока. Росла промышленность и торговля, росли и доходы князя отъ пошлинъ, собираемыхъ съ купцовъ. Городъ Москва въ княженіе Калиты сильно увеличился. Въ это время, кромѣ внутренняго укрѣпленія—Кремля, и посадъ былъ обнесенъ крѣпкою дубовою стѣною.

Особенно важнымъ событіемъ для Москвы было перенесеніе сюда митрополіи. Раньше митрополиты жили въ Кіевѣ; но со времени татарскаго погрома, когда южная Русь запустѣла, и Кіевъ былъ разоренъ и обнищалъ, митрополиты хотя по прежнему и считались кіевскими, но болѣе всего жили во Владимірѣ—Митрополитъ св. Петръ сошелся съ Иваномъ Даниловичемъ, полюбилъ его, подолгу проживалъ въ Москвѣ, и убѣждалъ князя воздвигнуть каменную церковь во имя Богородицы.

— „О боголюбезнѣйшій и великій князь, говорилъ онъ, если ты моего совѣта послушаешь и соборную церковь каменную поставишь во имя Пречистой Богоматери, то тебя Господь благословитъ, прославитъ больше всѣхъ другихъ князей, и городъ этотъ распространитъ Богъ болѣе всѣхъ другихъ городовъ, и Имя Его святое прославится въ немъ. Потомство твое не оскудѣетъ и властители изъ племени твоего, царствуя въ мѣстѣ этомъ изъ рода въ родъ, одолѣютъ враговъ своихъ. Святители станутъ жить здѣсь и мои кости тутъ будутъ положены“.

Слова эти оказались пророческими. Переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, они въ тяжелыя времена ободряли и успокоивали московскихъ государей. Соборъ во имя Успенія Богородицы былъ заложенъ 1325 г. 4 августа. Это была первая каменная церковь въ Москвѣ; построена она была по образцу Владимірскаго Успенскаго собора. Митрополитъ собственноручно устроилъ себѣ гробницу близъ престола, а въ слѣдующемъ году скончался (1326 г. 21 декабря). Иванъ исполнилъ его завѣщаніе, похоронилъ его въ приготовленной гробницѣ и достроилъ Успенскій соборъ. Кромѣ того, соорудилъ каменную церковь во имя Михаила Архангела (нынѣшній Архангельскій соборъ); со времени Калиты здѣсь погребались всѣ московскіе государи. Эти два храма принадлежатъ къ главнымъ святынямъ Москвы.

Преемникъ митрополита Петра—Ѳеогностъ и слѣдующіе за нимъ митрополиты стали постоянно жить въ Москвѣ. Такимъ образомъ этотъ городъ сдѣлался столицею всей русской церкви.

Ловко пользовался Иванъ Калита всякимъ случаемъ, чтобы увеличить свои владѣнія, подчинить себѣ другихъ князей, унизить своихъ соперниковъ. Обстоятельства ему благопріятствовали.—Въ 1327 году въ концѣ лѣта явился въ Твери ханскій посолъ Чолъ-ханъ (народъ звалъ его Щелканомъ) съ отрядомъ татаръ. Они, какъ всегда, безчинствовали въ городѣ, творили всякія насилія. Самъ Чолъ-ханъ занялъ княжескій дворъ и хозяйничалъ здѣсь, какъ дома. Безчинства татаръ возбудили сильный ропотъ въ народѣ, стали ходить слухи, будто татары хотятъ вмѣсто русскихъ князей посадить по всѣмъ городамъ для управленія своихъ чиновниковъ; что скоро начнутъ христіанъ обращать въ бусурманъ. Тверской князь Александръ, носившій титулъ великаго князя, не умѣлъ или не хотѣлъ сдержать свой народъ. Одинъ случай послужилъ поводомъ къ возстанію. Нѣсколько татаръ вздумали отнять у тверитянина ло-

шадь; онъ крикнулъ къ народу, чтобы защитили его отъ обиды. Народъ и безъ того былъ уже раздраженъ наглыми насиліями татаръ. Ударили въ вѣчевой колоколъ. Сбѣжались тверитяне со всѣхъ концовъ и начали съ яростью избивать татаръ... Съ утра до самаго вечера происходила на улицахъ страшная рѣзня. Чолъ-ханъ съ остаткомъ своего отряда заперся въ княжьемъ домѣ; но домъ сожгли, и всѣ скрывшіеся тамъ погибли. Даже купцовъ ордынскихъ не пощадила расходившаяся чернь. Не многимъ изъ татаръ удалось спастись.

Тверитянъ должно было постигнуть лютое мщеніе. Въ Ордѣ могли думать, что избіеніе татаръ въ Твери не было случайнымъ и мѣстнымъ возстаніемъ; что вся русская земля хочетъ подняться на татаръ. Иванъ Даниловичъ поспѣшилъ въ Орду. Случай ему представился удобный погубить соперника. Во главѣ большой татарской рати шелъ Калита на Тверь; суздальскій князь долженъ былъ ему помогать. Тверская область такъ безпощадно была опустошена, такъ обезлюдѣла, что цѣлые десятки лѣтъ не могла оправиться отъ этого погрома; особенно сильно пострадали города: Тверь и Кашинъ.

За эту расправу Узбекъ очень хвалилъ Ивана Даниловича,—и съ этой поры онъ пользовался полнымъ довѣріемъ и расположеніемъ хана. Александръ Михайловичъ бѣжалъ во Псковъ, а княземъ въ Твери сталъ братъ его Константинъ. Великій князь по приказу хана долженъ былъ представить Александра въ Орду на судъ. Когда псковичи не хотѣли отпустить его отъ себя, то Иванъ Даниловичъ готовился уже двинуть рать на Псковъ; но до войны дѣло не дошло. Митрополитъ Ѳеогностъ, по желанію великаго князя, отлучилъ непокорныхъ псковичей отъ церкви, наложилъ на нихъ церковное проклятіе: во Псковѣ приходилось запереть церкви и прекратить всякое богослуженіе и церковные обряды.

Александръ не захотѣлъ подвергать псковичей такой бѣдѣ.

— „Братья и друзья мои, сказалъ онъ имъ, пусть изъ-за меня не будетъ на васъ проклятія и отлученія. Я уѣду, а вы не выдавайте врагамъ моей княгини“!..

Александръ бѣжалъ въ Литву. Псковичи тогда послали сказать Ивану Калитѣ:

— „Князь Александръ уѣхалъ. Весь Псковъ тебѣ, великому князю, кланяется отъ мала до велика—и попы, и чернецы, и черницы, и сироты, и жены, и малыя дѣти“.

Такимъ образомъ, Псковъ въ первый разъ выразилъ Москвѣ свою покорность. Иванъ Калита оставилъ Псковъ въ покоѣ; митрополитъ снялъ съ псковичей церковное запрещеніе.

Сила Москвы все росла да росла. Князья другихъ сѣверныхъ русскихъ областей боялись московскаго князя и должны были подчиняться ему. Одну дочь свою выдалъ онъ за ярославскаго князя, другую за ростовскаго; на зятьевъ своихъ смотрѣлъ Иванъ какъ на князей-подручниковъ и самовластно распоряжался въ ихъ областяхъ. Онъ былъ въ большей чести у хана, и никто не смѣлъ противиться ему. Какъ только представлялся удобный случай, Иванъ, владѣя большимъ богатствомъ, покупалъ земли, села и даже цѣлые города: Угличъ, Галичъ и Бѣлозерскъ. Принудилъ онъ и Новгородъ подчиниться Мос-

квѣ и платить дань. Около Москвы мало-по-малу собирались и объединялись разрозненныя русскія области. Ивану Калиту не даромъ прозвали „собирателемъ русской земли“.

Ловкому, разсчетливому и дальновидному Калитѣ, казалось, все благопріятствовало. Разъ только стряслась было надъ нимъ бѣда. Александра Михайловича тоска взяла по Твери, и захотѣлось ему во что бы то ни стало вернуться въ свой родной городъ. Рѣшился онъ на смѣлую попытку,—отправился въ Орду къ хану Узбеку и сказалъ ему, по словамъ лѣтописца, такую рѣчь:

— „Господинъ самовластный царь! много я совершилъ дурнаго противъ тебя; теперь пришелъ я къ тебѣ принять либо жизнь, либо смерть,—какъ Богъ тебѣ на душу положитъ, а я на все готовъ!“

Такая грамота и покорность пришлись очень по душѣ Узбеку.

— „Видите ли, сказалъ онъ своимъ вельможамъ, какъ князь Александръ смиренною мудростью спасъ себя отъ смерти“.

Ханъ позволилъ ему снова вернуться княземъ въ Тверь.

Сильно опечалился Калита, когда заклятый врагъ его вернулся въ Тверь, да еще вернулся „по милости хана“. Эта милость хана, дававшая большую силу Ивану, была страшна для него въ рукахъ его врага. Надо погубить его, думалъ неразборчивый въ средствахъ Калита, чтобы не погибнуть самому отъ него,—отправился въ Орду, взялъ съ собою туда двухъ старшихъ сыновей своихъ, представилъ ихъ Узбеку какъ будущихъ важнѣйшихъ и надежнѣйшихъ слугъ его рода, льстилъ ему и вельможамъ его, не жалѣлъ щедрыхъ даровъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что онъ сильно оговорилъ предъ ханомъ своего врага, и участь послѣдняго была рѣшена. Его потребовали въ Орду. Хотя и предчувствовалъ бѣду Александръ, но на этотъ разъ не послушался, отправился къ хану, быть можетъ, чувствуя свою правоту и надѣясь на „милость хана“. Привезъ онъ щедрые дары; но ничто не помогло. Сынъ его Ѳеодоръ, пріѣхавшій впередъ въ Орду, со слезами на глазахъ извѣстилъ отца, что дѣло плохо. Доброхоты тверскаго князя не скрывали отъ него опасности и говорили ему:

— „Царь хочетъ убить тебя! Сильно тебя оклеветали предъ нимъ!“

Александру ничего болѣе не оставалось, какъ по-христіански приготовиться къ смерти. Онъ и сынъ его, по приказанію хана, были убиты.

Послѣ этого ничто уже не мѣшало Ивану быть полнымъ хозяиномъ на сѣверѣ.

Состояніе Русской земли въ XIII—XIV ст.

Въ то время, какъ росло могущество Москвы и около нея собиралась мало по малу русская земля, Кипчакская орда слабѣла отъ безпрерывныхъ внутреннихъ раздоровъ. Одинъ ханъ свергалъ другаго. Подчиненные мурзы (мелкіе князья) иногда совсѣмъ выходили изъ повиновенія Сарайскихъ хановъ. (Сарай, татарскій городъ на Ахтубѣ, протокѣ Волги, былъ въ это время главнымъ мѣстопребываніемъ хана Кипчакской, или Золотой орды, названной такъ по ханской ставкѣ, изукрашенной золотомъ). Но, не смотря на все это, владычество татаръ для русскихъ было попрежнему грозно и тяжко. Ханы смот-

рѣли на русскую землю, какъ на свой улусъ (владѣніе), на князей, какъ на слугъ своихъ, заставляли ихъ унижаться предъ собою, творили надъ ними судъ и расправу. Къ счастію, татары не преслѣдовали христіанской вѣры; хотя во время перваго нашествія грабили и разоряли церкви. Татары вообще отличались вѣротерпимостью. Одинъ ханъ говорилъ европейскому послу о своей вѣрѣ:

— „Мы, татары, вѣруемъ во единаго Бога, по волѣ котораго живемъ и умираемъ; но какъ рукѣ Богъ далъ различные пальцы, такъ и людямъ далъ разные пути къ спасенію. Вамъ Богъ далъ писаніе, намъ далъ колдуновъ; мы и дѣлаемъ то, что они намъ указываютъ и живемъ въ мирѣ".

По законамъ Чингисъ-хана служители всѣхъ вѣроисповѣданій освобождались отъ платежа дани; хотя татары взимали тяжелую дань со всѣхъ селъ и городовъ, но съ монастырей и церквей ничего не брали. Потомъ ханъ Мангу далъ духовенству ярлыкъ, по которому духовенство бѣлое и черное освобождалось отъ платежа даней и всякихъ пошлинъ,—„пусть, говорится въ ярлыкѣ,—безпечально молятся за хана и за все его племя". Отъ дани освобождались и всѣ родичи священнослужителей, живущіе съ ними. Церковныя вещи (книги, сосуды и пр.) объявлены неприкосновенными. Подъ страхомъ лютой смерти запрещено было хулить православную вѣру.—Изъ этого видно, что христіанской вѣры татары нисколько не тѣснили; быть можетъ, разсчитывали они этимъ смягчить духовенство, которое могло возбуждать народъ противъ нихъ. Если и случалось, что они казнили тѣхъ, кто отказывался пройти межъ огней и исполнить нѣкоторые обряды, то не за вѣрованія ослушниковъ, а за то, что они выказывали непокорность волѣ хана.

Въ 1313 году ханъ Узбекъ принялъ магометанство; оно стало распространяться у татаръ. Магометане всегда старались искоренить всѣ вѣры, всюду водворять свою; можно было думать, что съ этого времени и татары начнутъ гоненія противъ христіанства на Руси; но они попрежнему относились ко всѣмъ вѣрованіямъ вполнѣ равнодушно. Въ столицѣ хана, Сараѣ, даже были христіанскія церкви и жилъ епископъ. Русскіе митрополиты должны были подобно князьямъ ѣздить въ Орду на поклонъ хану.

Тяжелѣе всего татарское иго было для рабочаго народа. Русскія области были обложены тяжелою данью. Сначала ханъ посылалъ своихъ баскаковъ (чиновниковъ) съ военными отрядами собирать дань, а потомъ ханы стали отдавать дань на откупъ хивинскимъ (бессерменскимъ) купцамъ; откупщики эти впередъ уплачивали хану деньги, а потомъ собирали дань, конечно, съ большимъ барышомъ для себя. Они ходили по селамъ и городамъ съ отрядами татаръ и производили сборъ дани съ безчеловѣчной жестокостью. Если кто не платилъ, ссылаясь на бѣдность, того заподазривали, что онъ только притворяется неимущимъ, и безпощадно били его палками на улицахъ или на перекресткахъ, на рыночныхъ площадяхъ. Забирали у крестьянъ часто всѣ пожитки, лошадей, земледѣльческія орудія; многіе послѣ такихъ поборовъ оставались безпомощными нищими. Если нечего было взять у бѣдняковъ, то отбирали у нихъ дочерей, сыновей или ихъ самихъ уводили въ рабство. До сихъ поръ народъ въ пѣсняхъ своихъ вспоминаетъ, какъ татаринъ собиралъ дань:

Съ князей браль по сту рублей,
Съ бояръ по пятидесяти,
Съ крестьянъ по пяти рублей;
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У кого дитятинѣтъ,
У того жену возьметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самого головой возьметъ.

Не одни сборщики податей притѣсняли народъ. Часто по русскимъ землямъ ѣздили къ разнымъ князьямъ татарскіе послы съ конными отрядами. Всюду, гдѣ приходилось имъ проѣзжать или останавливаться, они распоряжались, какъ полные хозяева, безчинствовали, грабили, оскорбляли всячески народъ, требовали, чтобы всѣ выказывали имъ рабскую угодливость. Не только простой людъ, но и купцы, и бояре терпѣли отъ нихъ оскорбленія. Съ этой поры, думаютъ, и усилился на Руси обычай у зажиточныхъ людей скрывать своихъ женъ и дочерей, даже держать ихъ взаперти, чтобы охранить отъ обидъ и оскорбленій. Нерѣдко подъ видомъ пословъ заходили въ русскія области бродячія шайки татаръ и творили всякія насилія. Они охотно захватывали дѣвицъ и молодыхъ женщинъ въ рабство. У татаръ было многоженство, и потому невольницъ въ Ордѣ охотно покупали.

Сохранилась у народа до сихъ поръ память о ненавистныхъ родственныхъ связяхъ съ татарами. Въ одной колыбельной пѣснѣ говорится о такомъ случаѣ: попала въ татарскую неволю русская дѣвушка, когда была еще семилѣтнимъ ребенкомъ; стала она потомъ женою татарина, а чрезъ нѣсколько лѣтъ попала въ плѣнъ къ этому татарину и ея мать.

— „Привезъ я тебѣ русскую нянюшку, говоритъ татаринъ своей молодой женѣ; ты заставь ее дѣлать три дѣла: ковры вышивать, гусей стеречь и дѣтей качать“.

Узнаетъ мать въ женѣ татарина свою родную дочь, убаюкиваетъ ребенка, сына „своего злого ворога и родной доченьки.“ Больно щемитъ сердце няни, когда она поетъ:

Ты, баю, баю, мое дитятко,
Ты по батюшкѣ злой татарченочекъ,
Ты не крещенный, не молитвенный,
А по матушкѣ милъ внученочекъ,
Мой внученочекъ—русска косточка?

Изъ южныхъ и юго-восточныхъ русскихъ областей, куда безпрерывно заходили шайки татаръ, народъ толпами уходилъ на сѣверъ. И тутъ была жизнь тяжелая, „сиротское житье“, какъ выражался народъ; но все же сюда порѣже заходили татары. Страшно обѣднѣлъ народъ отъ татарскихъ поборовъ. Много обнищалыхъ крестьянъ принуждено были идти въ кабалу, въ холопы къ зажиточныхъ людямъ. Охотнѣе всего крестьяне селились на монастырскихъ земляхъ и княжескихъ: здѣсь было больше охраны отъ татарскихъ насилій.

Сильную ненависть затаилъ въ сердцѣ русскій народъ къ своему лютому врагу. До сихъ поръ еще въ народной рѣчи удержались выраженія и пого-

ворки, указывающія на эту ненависть: „Злѣе злого татарина“. „У татаръ, что у собакъ, душй нѣтъ: одинъ паръ“, „Не въ пору гость хуже злого татарина“ и др.

Тяжелъ былъ татарскій гнетъ, порождалъ онъ глухую злобу; но не умирала у народа и надежда высвободиться изъ тяжкой неволи, отмстить за всѣ неправды и насилія своему лютому врагу.

Въ одной колыбельной народной пѣснѣ мать напѣваетъ своему малюткѣ сыну, чтобъ онъ отмстилъ злымъ татарамъ, которые разграбили имѣнье его отца:

Встань, пробудись, мое дитятко,
Снимай со стѣны сабельки
И всѣ-то мечи булатные.
Ты коли, руби сабельками
Злыхъ татаръ съ татарченками;
Ты сѣки, кроши губителей
Все мечами да булатными.

Тяжкая неволя, нищета, вѣчный страхъ, подавленная глухая злоба къ лютому губителю породили много бѣдъ въ жизни народа. Силенъ, крѣпокъ иной работникъ, за троихъ наработаетъ; стоитъ только ему за дѣло взяться,—да стоитъ ли? Заведетъ онъ себѣ хорошее хозяйство, заживетъ своимъ домкомъ,—только приманка для лютыхъ хищниковъ! Ласкаетъ мать своего ребенка, ласкаетъ, да не радуется: „А что, думаетъ она, какъ рощу я его только на потѣху злому татарину?“ Думаетъ это и тоскою щемитъ ея сердце.

„Не жилось на Руси въ тяжкія времена татарщины хорошей трудовой и семейной жизнью. Вмѣсто „лихихъ работниковъ“, являлись все чаще и чаще „лихіе разбойники“, вмѣсто хорошихъ семьянъ—безпросыпные пропойцы. Пьянство, воровство и разбои умножились. Чаще, чѣмъ прежде, случались на Руси голодные годы, повальныя болѣзни.

Духовенство и благочестивые люди видѣли въ этомъ Божію кару за грѣхи и всякія беззаконія, въ которыхъ утопалъ несчастный народъ.

Глубокою скорбью проникнута рѣчь проповѣдника (Серапіона, епископа Владимірскаго), обращавшагося съ пастырскимъ назиданіемъ къ народу лѣтъ сорокъ спустя послѣ татарскаго нашествія.

„Не такъ скорбитъ мать, видя дѣтей своихъ больными, какъ скорблю я, грѣшный отецъ вашъ,—говоритъ проповѣдникъ,—видя васъ болящихъ дѣлами беззаконными. Многократно бесѣдовалъ я съ вами, но не вижу въ васъ никакой перемѣны. Всегда сѣю я на нивѣ сердецъ вашихъ сѣмя божественное, но никогда не вижу, чтобы оно прозябло и принесло плодъ... Чего мы не навлекли на себя? Какихъ не понесли мы наказаній отъ Бога? Не была ли плѣнена земля наша? Не были ли взяты города наши? Не въ короткое ли время отцы и братья наши пали мертвы на землѣ? Не отведены ли въ плѣнъ жены и дѣти? А мы оставшіеся, не порабощены ли были горькимъ рабствомъ отъ иноплеменниковъ? Вотъ уже сорокъ почти лѣтъ продолжается томленіе и мука, и тяжкіе налоги не прекращаются, также голодъ и моръ скота нашего. Мы и хлѣба не можемъ ѣсть въ сладость. Отъ воздыханій и печали сохнутъ кости наши. Что же довело

насъ до этого? — Наши беззаконія и наши грѣхи, наше непослушаніе, наша нераскаянность".

Въ заключеніе убѣждаетъ снова Серапіонъ своихъ слушателей покаяться и исправиться.

Въ другомъ поученіи тотъ же проповѣдникъ горько сѣтуетъ, что не видитъ въ людяхъ исправленія и напоминаетъ имъ ужасную картину татарскаго разоренія.

„Мы ни въ чемъ, говоритъ онъ, не оказывались лучшими. Тогда Господь навелъ на насъ народъ немилостивый, народъ лютый, народъ, не щадящій ни юной красоты, ни немощи старцевъ, ни младости дѣтей; ибо мы подвигли на себя гнѣвъ Бога нашего... Разрушены Божіи церкви, осквернены священные сосуды, попрана святыня, святители сдѣлались добычею меча; тѣла преподобныхъ иноковъ брошены въ пищу птицамъ; кровь отцевъ и братьевъ нашихъ, какъ вода обильная, напоила землю. Исчезла крѣпость нашихъ князей, военачальниковъ; храбрые наши бѣжали, исполненные страха, а еще болѣе братьевъ и чадъ нашихъ отведено въ плѣнъ. Поля наши поросли травою, и величіе наше смирилось, красота наша погибла, богатство наше досталось въ удѣлъ другимъ, труды наши достались невѣрнымъ. Земля наша стала достояніемъ иноплеменниковъ, мы сдѣлались предметомъ поношенія для сосѣдей нашихъ, посмѣшищемъ, для враговъ нашихъ. Свели мы на себя гнѣвъ Господа, какъ дождь съ неба, подвигли на себя ярость Его, отвратили отъ себя великую Его милость, и довели себя до того, что на насъ смотрятъ съ сожалѣніемъ. Нѣтъ наказанія, которое не постигло бы насъ".

„Земля колеблется отъ грѣховъ нашихъ,—не можетъ носить нашихъ беззаконій,—говорилъ тотъ же проповѣдникъ, напоминая о землетрясеніи.—Отступимъ отъ всѣхъ злыхъ дѣлъ, умоляетъ онъ, отъ разбоя, грабительства, пьянства, скупости, обиды, воровства, лжи, клеветы, резоиманія" (ростовщичества) и др.

Грубый и суевѣрный народъ, по своему невѣжеству, приписывалъ часто разныя бѣдствія: засухи, болѣзни, падежъ скота, разнымъ волхвованіямъ и безпощадно мучилъ и сжигалъ людей, слывшихъ колдуньями и волшебниками. Просвѣщенный Серапіонъ сильно возставалъ противъ такого грубаго суевѣрія и насилія народа.

„ Я думалъ, говоритъ проповѣдникъ, что вы уже утвердились въ вѣрѣ и съ радостью принимаете божественное писаніе... Между тѣмъ вы еще держитесь языческихъ обычаевъ, вѣрите волхвованію и сжигаете невинныхъ людей... Изъ какихъ книгъ, изъ какого писанія узнали вы, что отъ волхвованія бываетъ голодъ на землѣ, и что опять волхвованіемъ умножается хлѣбъ?"

Но не всѣ пастыри церкви дѣйствовали подобно Серапіону: были и между ними люди, погрязшіе въ беззаконіяхъ и грѣхахъ. Главнымъ хранителемъ чистоты русской церкви, митрополитамъ, приходилось не разъ обращать вниманіе на грѣховную жизнь священнослужителей. Съ цѣлью исправить разныя злоупотребленія въ церкви митрополитъ Кириллъ II созвалъ соборъ во Владимірѣ. Въ поученіи священникамъ Кириллъ говоритъ между прочимъ:

„Простецъ (мірянинъ) согрѣшитъ,—онъ дастъ отвѣтъ предъ Богомъ за

одну свою душу; а когда іерей согрѣшитъ, то соблазнитъ многихъ и за ихъ души приметъ осужденіе. Блюдитесь же отселѣ всякаго грѣха: не работайте плоти, отстаньте отъ пьянства и объяденія, прекратите тяжбы, свары, вражды... Блюдите и порученныхъ вамъ людей, какъ научить ихъ и представить непорочными на судѣ предъ Богомъ. Ложныхъ книгъ не читайте, еретиковъ уклоняйтесь, чародѣевъ бѣгайте, говорящимъ не отъ божественныхъ писаній заграждайте уста".

Чѣмъ дальше, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе глохло просвѣщеніе на Руси, рѣже и рѣже звучала задушевная обличительная проповѣдь, невѣжество и суевѣріе охватывало не только народъ, но и священниковъ: не могли они объяснять народу, какъ слѣдуетъ, священное писаніе, сами путались въ разныхъ суевѣріяхъ и лжеученіяхъ, не могли отличать истинныхъ книгъ отъ ложныхъ. Всю бѣду эту причинило предкамъ нашимъ монгольское владычество.

Бѣдность, нищета отъ татарскаго разоренія и поборовъ больше всего мѣшали просвѣщенію. Не до ученія, не до книгъ было, когда большинству приходилось думать о томъ, какъ бы не умереть съ голоду. Во время татарскаго погрома много погибло книгъ и дорогихъ рукописей. Еще дороже, чѣмъ прежде, стали цѣниться онѣ, еще недоступнѣе, чѣмъ прежде, сдѣлались онѣ для недостаточныхъ людей.

Сношенія съ образованной Византіей затруднились: далекъ былъ путь туда изъ сѣверной Руси да и опасенъ. Надо было проходить по безлюднымъ областямъ да по степямъ, гдѣ кочевали орды татаръ. Къ тому же и Византія съ конца XIV ст. доживала свои послѣдніе дни: турки со всѣхъ сторонъ уже тѣснили ее. Отъ западнаго латинскаго образованія русское духовенство бережно сторонилось, опасаясь вреда православію. Сношенія съ западомъ чрезъ Новгородъ были исключительно торговыя. Только монастыри являлись хранителями древняго благочестія и образованія. Конечно, образованіе монастырское заключалось по большей части въ простой начитанности, въ умѣньи читать да списывать книги. Но все-таки хотя простая грамотность держалась въ монастыряхъ, тогда какъ у мірянъ и она составляла большую рѣдкость. Въ XIV—XV вѣкахъ не только бояре, но даже и князья нерѣдко были вовсе безграмотны.

Сѣверные монастыри.

И прежде, до татарскаго погрома, монастырская жизнь считалась на Руси образцомъ праведной жизни, а въ XIII—и XIV вѣкахъ, когда страшныя бѣдствія обрушились на русскую землю, монастырская жизнь получила въ глазахъ нашихъ предковъ еще большую цѣну. Страшно каралъ Богъ въ глазахъ благочестивыхъ людей русскую землю за грѣховную плотскую жизнь въ „міру"; надо было думать о душѣ, жить жизнью духовною въ святой „обители".

— „Не для того мы созданы, говоритъ одинъ проповѣдникъ, чтобы ѣсть, пить и одѣваться въ различныя одежды, а для того, чтобы угодить Богу и наслѣдовать будущія блага".

Понятно, что число монастырей во времена татарскаго владычества очень увеличилось; особенно много ихъ было основано, начиная съ XIV вѣка. Въ

этомъ столѣтіи нѣсколько разъ опустошали русскую землю страшныя заразительныя болѣзни; ужасъ и уныніе распространились всюду отъ этой новой Божіей кары. И прежде былъ обычай на Руси, что благочестивый человѣкъ, готовясь умереть, старался загладить грѣхи свои, постригался въ монахи, принималъ схиму, а теперь, когда лютая смерть грозила всякому, многіе въ молодыхъ даже лѣтахъ постригались въ монахи и отдавали свое имущество монастырямъ. До двухсотъ монастырей во времена татарщины возникло преимущественно въ сѣверныхъ лѣсахъ. Дикій, суровый сѣверъ съ его непроходимыми лѣсами заселялся пустынно-жителями, около которыхъ потомъ собиралась братія и возникали новые монастыри.

Изъ сѣверныхъ монастырей особенно замѣчателенъ Троице-Сергіевскій.

Основателемъ его былъ св. Сергій Радонежскій. Варѳоломей (мірское имя св. Сергія) былъ боярскаго происхожденія. Родители его, когда онъ былъ еще ребенкомъ, переселились изъ Ростова въ мѣстечко Радонежъ. Уже съ дѣтства Варѳоломей выказывалъ склонность къ строгой подвижнической жизни. До двѣнадцатилѣтняго возраста онъ удручалъ себя постомъ: въ постные дни недѣли не ѣлъ ничего, а въ другіе питался только хлѣбомъ да водою. Большую часть ночи проводилъ безъ сна, въ молитвѣ.

— „Дитя мое, увѣщевала его мать, не сокрушай тѣла своего многимъ воздержаніемъ! Ты слишкомъ еще молодъ,—впадешь въ болѣзнь. Тѣло твое ростетъ и цвѣтетъ. Никто въ годы твои такому посту не предается“.

Увѣщанія эти не дѣйствовали на благочестиваго ребенка.

Съ трудомъ ему давалась сначала грамота; но потомъ чудеснымъ образомъ открылась у него способность къ ней, и онъ сталъ бойко читать и помогать при церковной службѣ. Рано почувствовалъ онъ призваніе къ отшельничеству. Кротость, благочестіе доброта и любовь ко всѣмъ,—вотъ свойства, которыми отличался онъ отъ своихъ сверстниковъ.

Когда достигъ онъ юношескаго возраста, сталъ онъ проситься у родителей въ „пустынь“.

— „Потерпи немного,—просили его родители,—мы стары и немощны. Братья твои женились и заботятся о своихъ женахъ. У тебя же одна забота—какъ бы угодить Богу. Твоя благая часть не отнимется у тебя. Послужи намъ еще немного, а когда проводишь насъ до могилы и землей покроешь, тогда твори, что желаешь“.

Когда почувствовали родители Варѳоломея приближеніе смерти, они постриглись. По смерти ихъ Варѳоломей отдалъ свою часть наслѣдства женатому брату и пошелъ искать въ окрестностяхъ мѣста для пустыннаго житья. Съ нимъ пошелъ и старшій братъ его Стефанъ: онъ послѣ смерти жены хотѣлъ тоже посвятить себя Богу. Въ 12 верстахъ отъ Радонежа, въ глухомъ лѣсу, срубили они себѣ келейки и маленькую церковь (на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ богатый Троицкій соборъ Сергіевской Лавры). По просьбѣ Стефана митрополитъ послалъ священниковъ освятить церковь св. Троицы, какъ желалъ Варѳоломей.

Не долго пожили вмѣстѣ братья!.. Не вынесъ Стефанъ скорбнаго житья среди глухого лѣса и тяжкихъ лишеній, какія приходилось переносить отшель-

нику, ушелъ въ общежительскій монастырь, въ Москву. Варѳоломей принялъ постриженіе отъ игумена одного изъ монастырей, ближайшаго къ его „пустыни“, и нареченъ былъ Сергіемъ. Ему было тогда всего двадцать три года.

Прожилъ Сергій около двухъ лѣтъ въ своей пустыни, въ полномъ одиночествѣ среди глухого, непроглядnаго лѣса. Подкрѣплялъ онъ себя непрестанной молитвой. Не разъ въ ночное время, когда бушевалъ вѣтеръ, стоналъ лѣсъ, когда стаи голодныхъ волковъ выли подлѣ его кельи, жутко ему становилось; ужасъ одолѣвалъ его; слышались ему чьи-то страшныя слова:

— „Бѣги отсюда! чего здѣсь ищешь? Развѣ не боишься умереть съ голоду? Душегубцы-разбойники убьютъ тебя, или звѣри плотоядные растерзаютъ тебя!“

Троице-Сергіевская лавра.

Но Сергій превозмогъ всѣ эти страхи. Непрестанная молитва и твердая надежда на Бога давали ему несокрушимую твердость; пересталъ онъ даже бояться и лютыхъ звѣрей; спокойно встрѣчался съ ними, и они не трогали его. Разъ, говорится въ его житіи, увидѣлъ онъ предъ своей кельей медвѣдя. Замѣтивъ, что звѣрь голоденъ, Сергій вынесъ кусокъ хлѣба и положилъ ему на пнѣ. Медвѣдь сталъ часто приходить за пищей, и пустынникъ дѣлилъ съ голоднымъ звѣремъ свою скудную трапезу; бывали случаи, что Сергій отдавалъ ему послѣдній кусокъ хлѣба, а самъ голодалъ.

Когда стало извѣстно, что въ лѣсу, близъ Радонежа, спасается отшельникъ, начали приходить къ нему монахи одинъ за другимъ и строили подлѣ его хижины свои кельи. Скоро собралось 12 человѣкъ. Они служили сами въ

деревянной церкви заутреню, вечерню и часы, а для литургіи призывали по временамъ сосѣдняго священника. Чрезъ нѣсколько времени съ большимъ трудомъ уговорили самого Сергія принять игуменство. Онъ былъ рукоположенъ въ священники и сдѣлался игуменомъ.

Таково было начало Троицко-Сергіевскаго монастыря.

Сначала монастырь былъ очень бѣденъ. Братіи было всего двѣнадцать человѣкъ. Скудость во всемъ была такая, что богослуженіе совершалось при свѣтѣ березовой лучины, богослужебныя книги были писаны на березовой корѣ, священные сосуды были деревянные, священническія ризы сдѣланы были изъ простой крашенины. Случалось, что по нѣскольку дней хлѣба не было, и братія голодала... Самъ игуменъ одѣвался такъ бѣдно, что его принимали иногда за нищаго; однако онъ постановилъ строгимъ правиломъ для братіи жить своимъ трудомъ, а просить милостыню было строго запрещено; позволялось принимать только добровольныя, невыпрошенныя даянія. Св. Сергій подобно св. Ѳеодосію подавалъ братіи примѣръ строгой жизни и трудолюбія: самъ пекъ хлѣбы, шилъ обувь, носилъ воду, рубилъ дрова. Никогда не видали его праздным. Питался онъ только хлѣбомъ и водою; но крѣпкое его здоровье помогало ему выносить всѣ страшныя лишенія и труды. Денно и нощно наблюдалъ онъ, чтобы всѣ въ его обители строго выполняли свои монашескіе обѣты.

Молва о святой жизни Сергія и его обители разносилась все шире и шире. Являлись новые ревнители святой жизни, и число братіи стало расти. Сергій не иначе постригалъ новыхъ лицъ, какъ послѣ долгаго и строгаго испытанія. Много богомольцевъ стало посѣщать обитель: приходили сюда толпами и нищіе странники, и немощные, нуждавшіеся въ помощи монастыря; пріѣзжали и богатые люди, бояре, князья, и дѣлали щедрыя пожертвованія въ пользу монастыря. Обитель стала богатѣть. О Сергіи шла молва, что онъ обладаетъ даромъ предвидѣнія; что молитва его имѣетъ чудесную силу. Но смиренный подвижникъ ни въ чемъ не измѣнился: по-прежнему велъ суровую жизнь, полную всевозможныхъ лишеній и тяжкихъ трудовъ; по прежнему былъ онъ простъ и добродушенъ въ обращеніи съ другими; съ тою же добротою обращался онъ какъ съ нищими, питавшимися на счетъ монастыря, такъ и съ князьями и боярами, дѣлавшими богатые вклады.

Лѣса падали кругомъ обители, раскинулись около нея пажити и луга, выростали починки и села. Крестьяне охотно шли роботать на монастырь. Дорога къ святой обители прорубалась сквозь лѣсную чащу все шире и шире. Молва о подвижнической жизни Сергія дошла до Константинопольскаго патріарха. Предложилъ онъ подвижнику ввести въ его монастырь общежительскій уставъ. Митрополитъ св. Алексій любилъ Сергія, навѣщалъ его, совѣтовался съ нимъ. Чувствуя близость смерти своей, митрополитъ очень желалъ сдѣлать его преемникомъ своимъ: лучшаго блюстителя русской церкви, по мнѣнію Алексія, нельзя было найти. Сергій рѣшительно отказался, даже не хотѣлъ принять золотого креста.

— „Прости, владыко,— сказалъ онъ,—отъ юности моей я не былъ златоносцемъ, а въ старости тѣмъ паче хочу въ нищетѣ остаться“.

Смиреніе было главнымъ свойствомъ Сергія: ему страшны были блескъ и

величіе земли. Но и въ смиренномъ званіи игумена онъ принесъ, какъ увидимъ, большую пользу Русской землѣ.

Дивилась братія строгости жизни своего игумена, его необыкновенной выносливости, его способности въ глубокой старости неустанно трудиться.

— „Ищите прежде всего царствія Божія, говорилъ онъ своей братіи, а все это дастся вамъ“.

Св. Сергій скончался 78 лѣтъ, въ 1397 году. Основанная имъ обитель имѣла такое же важное значеніе для сѣверной Руси, какъ Кіево-Печерская лавра для южной.

Въ настоящее время Троицкая лавра—одинъ изъ самыхъ богатыхъ русскихъ монастырей. Много святыни, драгоцѣнной для русскаго человѣка, хранится въ ней; много дорогихъ историческихъ воспоминаній связано съ нею.

И при жизни Сергія, по его благословенію, и по его смерти ученики его основывали новыя обители. Особенно замѣчателенъ впослѣдствіи былъ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, основанный ученикомъ св. Сергія св. Кирилломъ. Ученики послѣдняго въ свою очередь распространяли монашество...

Великую службу сослужили русской землѣ свв. подвижники. Въ годы тяжкой неволи, рабскаго униженія, злобы, горькой нищеты, голода, повальныхъ болѣзней легко человѣку упасть духомъ, опуститься, зажить грубою, животною жизнью. И вотъ въ такую тяжкую пору въ разныхъ концахъ русской земли, въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ не бывала человѣческая нога, гдѣ ютились только дикіе звѣри, являются одинъ за другимъ пустынники. Почетъ, богатство, семейныя радости,—все, что такъ дорого людямъ на землѣ,—все презрѣли эти подвижники; все это въ ихъ глазахъ ничто въ сравненіи съ иною жизнью, жизнью вѣчною, духовною. Провѣдаютъ о подвижникѣ люди, дивятся ему: старикъ одинъ-одинешенекъ живетъ въ безлюдной глуши, ни хищнаго звѣря не страшится, ни лихого человѣка не пугается, боится только одного грѣха,—боится его пуще лютой смерти. Тяжкіе труды несетъ онъ, голодъ и холодъ добровольно терпитъ и все Богу молится. Разсказываютъ тѣ, кому доводилось видѣть пустынножителя, что привѣтливъ онъ, свѣтелъ душою, что готовъ утѣшить онъ всякаго скорбнаго, что сладко слушать слова его.

— „Самъ Богъ, говоритъ онъ, претерпѣлъ всякія лишенія, нужду и страданія за грѣхи людей, а намъ, грѣшнымъ людямъ, не великое дѣло—потерпѣть нужду и лишенія за свои грѣхи, которыхъ паче мѣры... Ничтожна эта земля съ ея кратковременными страданіями и горестями въ сравненіи съ царствомъ небеснымъ, гдѣ жизнь вѣчная, красота неизрѣченная и радость безъ конца.“

Свѣтлѣе становилось на душѣ у несчастнаго, подавленнаго горемъ человѣка отъ такихъ рѣчей: вѣра въ лучшую будущую жизнь согрѣвала душу его. Учился онъ у старца, немощнаго тѣломъ, но крѣпкаго духомъ, добровольно терпѣвшаго всякія лишенія и нужду, терпѣливо сносить свою горькую долю, не падать духомъ.

Недоступны были простому, темному люду священныя книги, не приходилось ему слышать церковную проповѣдь: въ тяжкое время татарщины и въ большихъ городахъ на Руси все рѣже и рѣже раздавалась она, наконецъ, и

совсѣмъ смолкла. Но сильнѣе книгъ и проповѣдей дѣйствовалъ на простыхъ людей живой примѣръ подвижниковъ и ихъ простое задушевное слово. Молва объ ихъ подвигахъ широко расходилась и повсюду проникала въ самые глухіе уголки и поддерживала у темныхъ людей вѣру въ Бога и въ будущую лучшую жизнь.

Симеонъ Гордый, Іоаннъ II и Димитрій Донской.

Всякими способами—честными и нечестными Калита усилилъ Московскую область, прибралъ къ рукамъ удѣльныхъ князей, управился съ Тверью, съ Новгорода бралъ окупы, а въ случаѣ отказа посылалъ рать въ Новгородскія земли. Тягаться съ Москвою уже было не подъ силу удѣльнымъ князьямъ. Хотя Калита и подѣлилъ земли между тремя сыновьями и женою своей; но все же по смерти его (1341 г.) никто не могъ соперничать съ его сыновьями: довѣріе и милость хана отъ него перешли и къ нимъ. Ханъ призналъ старшаго изъ нихъ Симеона великимъ княземъ и, по словамъ лѣтописи, „всѣ князья русскіе даны были подъ руки его“. Держалъ себя онъ съ подручными князьями властно и гордо, за что и прозванъ былъ „Гордымъ“; но, не смотря на свою гордость, подобно отцу онъ, какъ видно, умѣлъ и смиряться, гдѣ нужно было; пять разъ ѣздилъ въ Орду и возвращался оттуда съ большой честью и ханской милостью. За то татары никакого зла не причиняли московскому люду; ханъ даже помогъ Москвѣ выйти изъ бѣды, когда литовскій князь напалъ на нее.

Ловко пользуясь милостью хановъ, всячески ублажая ихъ, Калита и сынъ его спасали землю свою отъ татарскихъ насилій и подъ рукой исподволь увеличивали свою область и силу. Хитро усыпляя подозрительность хановъ, смиренно кланяясь имъ, они взростили Московскую землю, и она мало по малу послѣ нихъ вошла въ такую силу, что сбросила съ себя татарское иго. Вотъ почему, не смотря на много зла, какое творили они своимъ соперникамъ, въ концѣ концовъ ихъ политика оказалась выгодной не только для нихъ самихъ и ихъ потомковъ, но и для всего русскаго народа.

Симеонъ умеръ отъ моровой язвы (1353), которая свирѣпствовала тогда на Руси. Послѣ его смерти пытался было суздальскій князь Константинъ захватить великое княженіе, да не удалось, не смотря на то, что Иванъ II, братъ Симеона, не походилъ на него,—былъ, по словамъ лѣтописи, кроткій, тихій и милостивый князь; какъ видно, оказался онъ богаче и щедрѣе своего соперника,—ярлыкъ на великое княженіе достался ему. При немъ сказалась въ Московской области сила бояръ, которые послѣ прекращенія княжескихъ переходовъ изъ одной земли въ другую, стали обзаводиться помѣстьями и сдѣлались богатыми землевладѣльцами. Они начали даже выходить изъ повиновенія князю и поднимать смуты; особеннымъ значеніемъ изъ нихъ пользовался „тысяцкій“,—воевода, начальникъ военныхъ силъ, который порою могъ передать свою власть, словно наслѣдство, сыну.—Послѣ смерти Ивана II (1359 г.) остался десятилѣтній Димитрій. Трудное время настало тогда для Москвы: Суздальскій князь—Дмитрій Константиновичъ пытался удержать за собою

великокняжеское достоинство; но московскіе бояре вступились за своего малолѣтняго князя: для нихъ самихъ важно было, чтобы за Москвою осталось первенство, чтобы князь, которому они служили, былъ великимъ княземъ, а не подручнымъ. Бояре при поддержкѣ митрополита св. Алексія добились того, что великокняжеское достоинство осталось за малолѣтнимъ московскимъ княземъ. Началась было усобица, но суздальскій князь скоро примирился съ московскимъ, уступилъ ему и даже породнился съ нимъ,—выдалъ за него свою дочь.

У Суздальскаго князя шла въ это время усобица съ братомъ Борисомъ за Нижній Новгородъ, и помощь Москвы была ему нужна. По просьбѣ Димитрія Ивановича митрополитъ послалъ въ Нижній Новгородъ преподобнаго Сергія—требовать Бориса Константиновича на судъ въ Москву. Борисъ не послушался; тогда пр. Сергій, по приказу митрополита и великаго князя, заперъ всѣ церкви въ Нижнемъ Новгородѣ, и дѣло кончилось въ пользу Димитрія Суздальскаго.

Болѣе тяжелую борьбу пришлось вести Москвѣ съ Тверью. Тверской князь Михаилъ Александровичъ, князь властолюбивый и рѣшительный, вовсе не желалъ быть подручникомъ Московскаго князя и не терпѣлъ вмѣшательства его въ дѣла своей области. Ему было не подъ силу одному тягаться съ Москвою, но была у него сильная помога: въ сосѣдней Литвѣ княжилъ въ это время Ольгердъ, женатый на тверской княжнѣ, сестрѣ Михаила Александровича.

Два раза онъ приводилъ литовскаго князя на Москву.

Въ обычаѣ хитраго Ольгерда было не говорить никому заранѣе о томъ, куда направляетъ онъ войско, походы совершать чрезвычайно быстро и нападать неожиданно. Димитрій не успѣвалъ и рати собрать, какъ Ольгердъ являлся подъ стѣнами Москвы. Взять городъ, впрочемъ, ему не удавалось: въ это время вмѣсто прежнихъ деревянныхъ стѣнъ Димитрій построилъ здѣсь крѣпкій каменный Кремль (1367 г.); но литовцы страшно разоряли Московскую землю, жгли села, грабили пожитки, угоняли скотъ, избивали или уводили въ плѣнъ людей, неуспѣвшихъ бѣжать и скрыться въ лѣсахъ. Димитрій по уходѣ Ольгерда мстилъ тверскому князю тѣмъ же,—безпощадно опустошалъ его землю и добычею, взятою въ Тверской области, вознаграждалъ убытки Московской. Пробовалъ Михаилъ Тверской другимъ путемъ осилить своего соперника, ѣздилъ въ Орду, добылъ ярлыкъ на великое княженіе; но изъ этого тоже ничего не вышло. Вести татарскую рать на Русскую землю, предать ее на разореніе хищникамъ, у Михаила не хватало духу, а своей силой ему было не совладать съ Москвою. Тѣмъ временемъ Димитрій успѣлъ задобрить хана подарками и остался великимъ княземъ. Въ концѣ концовъ пришлось Михаилу, чтобы избѣжать полнаго разоренія своей земли, примириться съ противникомъ своимъ и заключить договоръ, по которому онъ обязывался за себя и своихъ наслѣдниковъ подчиняться московскому князю, по приказу его ходить на войну самому или посылать своихъ воеводъ, не искать и не принимать отъ хана великокняжескаго достоинства, отказаться отъ союза съ Литвою. Особенно важно было условіе о союзѣ противъ татаръ.

„Будемъ ли мы въ мирѣ съ татарами,—говорится въ договорѣ отъ имени московскаго князя,—дадимъ ли выходъ (дань) или не дадимъ, это — наше

дѣло. Если татары пойдутъ на насъ или на тебя, то намъ биться вмѣстѣ; если мы пойдемъ на нихъ, то и тебѣ идти съ нами вмѣстѣ".

Изъ этихъ словъ видно, что Димитрій считалъ себя уже въ силахъ бороться съ татарами и предвидѣлъ, что скоро наступитъ время борьбы съ ними.

Орда въ это время уже слабѣла и распадалась на части: сразу являлось по нѣскольку хановъ, которые свергали одинъ другого. Случалось, что сыновья убивали отцовъ, чтобы скорѣе завладѣть престоломъ,—и ханы безпрестанно смѣнялись: во второй половинѣ XIV вѣка было десятилѣтіе, въ которое перемѣнилось ихъ пятнадцать. Нѣкоторые вожди стремились отложиться и сдѣлаться самостоятельными ханами. Трудно было въ это время московскому князю и ладить съ ордою: ему приходилось сразу у двухъ враждебныхъ хановъ добывать себѣ ярлыкъ на великое княженіе. Когда являлось нѣсколько хановъ, враждовавшихъ между собою, какъ было знать, кому угождать, кто изъ нихъ возьметъ верхъ, да и одаривать сразу нѣсколькихъ хановъ было не подъ силу даже и богатому московскому князю. Казалось, настала удобная пора для русскихъ покончить съ тяжелымъ и постыднымъ для нихъ владычествомъ татаръ.

Послѣ долгихъ смутъ въ Ордѣ овладѣлъ ханской властью воевода Мамай. Злобился онъ сильно на Димитрія Ивановича за то, что тотъ не обращалъ большаго вниманія на его требованія, не хотѣлъ платить ему той дани, какую прежде платили московскіе князья ханамъ. Къ тому же въ Нижнемъ Новгородѣ была избита татарская дружина, пришедшая съ ханскимъ посломъ, и творившая всякія насилія. Убитъ былъ и посолъ. Никто изъ русскихъ князей не поѣхалъ оправдываться и смягчать ханскій гнѣвъ. Ясно было, что русскіе князья выходили изъ повиновенія. Мамай еще не собрался съ силами, чтобы идти самому, а сталъ для острастки посылать небольшія орды на земли подручныхъ Москвѣ князей.

Въ 1376 году напала съ дозволенія Мамая орда, подъ предводительствомъ какого-то Арапши, на Нижній Новгородъ. Русская рать пошла на встрѣчу. Русскіе думали, что татары еще далеко, и расположились у рѣки Пьяны отдыхать. День (2-го августа) былъ очень знойный. Доспѣхи, копья, сулицы и рогатины были на возахъ. Воины, не ожидая близкой опасности, прохлаждались въ однихъ охабняхъ (плащахъ), попивали себѣ медъ, пиво и вино. Многіе хвастались своею силою и удалью и не чаяли близкой бѣды. Тѣмъ временемъ татары, раздѣлившись на пять отрядовъ, кинулись вдругъ съ пяти сторонъ на безоружныхъ русскихъ такъ, что тѣ не успѣли и оружія вынуть изъ телѣгъ. Много тутъ пало русскихъ воиновъ напрасною смертію; многіе кидались въ рѣку Пьяну, думая спастись, и перетонули.

Въ слѣдующемъ году опять Мамай послалъ свою орду на Русь. Татары напали на Нижній, взяли его и разорили; а другое татарское войско пошло на великаго князя. Князь самъ вышелъ на встрѣчу ему. На рѣкѣ Вожѣ произошла битва. Москвичи выждали, чтобы татары переправились, а затѣмъ ударили на нихъ разомъ съ трехъ сторонъ. Татары не выдержали напора и побѣжали. Множество ихъ перетонуло. Русскіе переправились и гнались за татарами. Множество шатровъ, телѣгъ, кибитокъ и всякаго добра досталось русскимъ.

Радовались русскіе, когда увидѣли, что и они могутъ бить татаръ. Сильнѣе стала надежда на полное освобожденіе отъ лютыхъ враговъ. Побѣда эта должна была, конечно, повести къ большой войнѣ. Мамай пришелъ въ ярость; порѣшилъ онъ, что надо нагнать на русскихъ такого страху, чтобы навсегда отбить у нихъ всякую охоту противиться ханской волѣ,— иначе владычеству татаръ придетъ конецъ. Сталъ собирать Мамай огромное войско. Кромѣ татаръ, въ ополченіи этомъ были черкесы, ясы и разные наемные иностранцы. Онъ хотѣлъ повторить времена Батыя, разгромить русскую землю.

Великая пора настала. Рѣшался вопросъ: быть ли Москвѣ и Русской землѣ, или окончательно погибнуть подъ ударами татаръ!..

Воинъ (вождь) въ юшманѣ, шишакѣ и приволокѣ.

Воинъ въ куякѣ и стеганой шапкѣ.

Мамай, по словамъ одного сказанія, говорилъ своимъ сановникамъ:

— „Возьму русскую землю, разрушу церкви русскихъ, вѣру ихъ на свою переложу, прикажу имъ покланяться Магомету. Гдѣ были христіанскія церкви, тамъ велю поставить мечети, посажу своихъ баскаковъ по всѣмъ русскимъ городамъ, а князей русскихъ перебью!“

Олегъ Рязанскій, который еще раньше велъ борьбу съ Димитріемъ Ивановичемъ, измѣнилъ русскому дѣлу, вступилъ въ тайные переговоры съ Мамаемъ,—боялся, что Рязань пострадаетъ больше всѣхъ, такъ какъ черезъ нее лежалъ путь татарамъ. Увѣренъ былъ Олегъ также, что Москвѣ пришелъ

конецъ: въ это время Мамай заключилъ союзъ съ литовскимъ княземъ,—можно было думать, что Москвѣ не выдержать удара двухъ такихъ противниковъ.

Въ исходѣ лѣта 1380 года узналъ Димитрій, какая гроза собирается надъ его головой. Самъ Олегъ, желая скрыть свою измѣну, извѣщалъ его объ опасности.

— „Но еще наша рука высока, писалъ онъ Димитрію, бодрствуй и мужайся!“

Куликовская битва.

Усердно помоливши, Димитрій разослалъ гонцевъ по всѣмъ областямъ, чтобы поскорѣе шли отовсюду войска къ Москвѣ. Скоро вся сѣверная Русь пришла въ движеніе. Цѣлые города вооружались въ нѣсколько дней; тысячами ратники шли къ Москвѣ. Отрядъ за отрядомъ вступали въ столицу. Бряцаніе оружія, топотъ и ржаніе коней не умолкали на улицахъ. Народъ любовался бодрымъ видомъ воиновъ, блестящимъ вооруженіемъ князей и бояръ. Все встрепенулось, какъ будто проснулось отъ долгаго сна: ожила надежда на освобожденіе отъ позорнаго ига!

Димитрій, по совѣту духовенства, отправилъ въ Орду посла и предложилъ уплатить дань; но она казалась Мамаю мала,—войны нельзя было миновать...

Предъ вступленіемъ въ походъ отправился Димитрій въ Троицкую обитель. Живъ былъ еще великій подвижникъ ея св. Сергій. Преподобный устроилъ для князя трапезу. Примѣтилъ Дмитрій двухъ иноковъ, которые были прежде ратными людьми и слыли богатырями: одинъ звался Пересвѣтъ, другой Ослабя.

— „Дай мнѣ, отче,—сказалъ Димитрій св. Сергію,—на брань этихъ двухъ иноковъ! Вѣдомо мнѣ, что были они великіе ратники, крѣпкіе богатыри, смышленные въ военномъ дѣлѣ“.

Сергій приказалъ имъ идти съ Димитріемъ, взялъ схимы съ нашитыми крестами, возложилъ имъ на головы:

— „Носите ихъ вмѣсто шлемовъ, сказалъ онъ,—это вамъ доспѣхъ нетлѣнный вмѣсто тлѣннаго.—Пострадайте, прибавилъ онъ потомъ,—какъ доблестные воины Христовы“!

Затѣмъ послѣ трапезы Сергій благословилъ князя и всѣхъ бывшихъ съ нимъ крестомъ, окропилъ святою водою и сказалъ князю:

— „Господь Богъ будетъ тебѣ помощникъ и заступникъ. Онъ побѣдитъ и низложитъ супостатовъ твоихъ и прославитъ тебя“.

Радостно забилось сердце Димитрія, когда услышалъ онъ эти пророческія слова.

На 20-е августа было назначено выступленіе рати изъ Москвы. Въ этотъ день великій князь усердно молился въ Успенскомъ соборѣ у мощей св. Петра—митрополита, перваго заступника Москвы, молился и въ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ были гробницы предковъ...

Въ это время священники съ иконами и хоругвями обходили ряды во-

иновъ, запрудившихъ всѣ площади и улицы у Кремля, и кропили ихъ освященной водой. Величавое зрѣлище представляло русское воинство. Еще никогда Москва не видала такой большой ратной силы. Блестящіе мѣдные и стальные доспѣхи сверкали на солнцѣ. Множество стяговъ (знаменъ) развѣвалось надъ войскомъ, цѣлый лѣсъ копій поднимался надъ нимъ. Но болѣе всѣхъ привлекали взоры вожди въ ихъ позолоченныхъ доспѣхахъ и приволокахъ (плащахъ), расшитыхъ золотыми узорами.

Вся Москва вышла провожать ратниковъ. Матери и жены плакали и го-

Ратникъ въ бахтерцѣ и въ шишакѣ съ еловцемъ.

лосили. Великая княгиня Евдокія, прощаясь у Кремлевскихъ воротъ съ мужемъ, отъ слезъ и слова вымолвить не могла...

Затрубили въ трубы, ударили въ бубны и войско тронулось въ походъ...

24-го августа великій князь съ московскими полками вступалъ въ Коломну. Епископъ встрѣтилъ имъ съ крестомъ у воротъ города. Здѣсь присоединились къ русскому ополченію еще нѣкоторые отряды. Устроенъ былъ смотръ всему войску. Никогда еще на Руси не собиралось такого большаго ополченія: болѣе ста пятидесяти тысячъ конныхъ и пѣшихъ стояло въ стройныхъ рядахъ.

Тутъ пришла вѣсть, что Мамай съ огромными силами недѣли три уже стоитъ за Дономъ и поджидаетъ своего союзника — Литовскаго князя Ягелла. И объ измѣнѣ Олега Рязанскаго узналъ въ это время Димитрій. Опечалился онъ, назвалъ съ горестью Олега вторымъ Святополкомъ.

Не всѣ еще отряды собрались, но медлить нельзя было; надо было идти скорѣе чрезъ Рязанскую область въ степи, чтобы не допустить Мамая съ его страшною ордою ворваться въ русскія земли. Принявъ напутственное благословеніе коломенскаго епископа, Димитрій выступилъ къ устью рѣки Лопасни. Вожаками взяли десять купцовъ, которые вели съ востокомъ торговлю, часто ѣзжали туда и потому хорошо знали пути.

26-го августа русское войско переправилось за Оку, въ Рязанскую землю. Олегъ, узнавъ о силахъ Димитрія, испугался, недоумѣвалъ, что и дѣлать, переѣзжалъ безпрестанно съ мѣста на мѣсто, посылалъ гонца за гонцемъ къ татарамъ и литовскому князю, — не зналъ, кого больше опасаться ему — Димитрія или Мамая. Совѣсть мучила Олега; но вражда къ московскому князю и боязнь татарскаго погрома были въ немъ сильнѣе укоровъ совѣсти.

Войска русскія бодро шли впередъ. Погода стояла хорошая: осенніе дни были ясны и теплы, земля суха. Когда рать подходила уже къ Дону, прибыли на встрѣчу люди изъ передоваго отряда, посланнаго для развѣдокъ, и принесли важную вѣсть:

— „Мамай стоитъ на Дону, на Кузьминой гати, и дожидаетъ къ себѣ Олега и Литовскаго князя (Ягелла); а силы у Мамая столько, что и перечесть нельзя“.

Собралъ Димитрій на совѣтъ князей и воеводъ. Надо было рѣшить вопросъ: переходить ли русскому войску за Донъ и напасть на татаръ, или не переходить и ждать нападенія враговъ? Одни говорили:

— „Лучше остаться на этой сторонѣ рѣки. Врагъ силенъ: на всякій случай должны мы удержать себѣ путь назадъ“.

Другіе, болѣе рѣшительные, особенно Ольгердовичи, говорили иное:

— „Лучше переправиться какъ можно скорѣе. Надо, чтобы ни у кого не было и мысли назадъ возвращаться; пусть всякій безъ хитрости бьется, пусть не думаетъ о спасеніи. Говорятъ, сила велика у враговъ. Что на это смотрѣть! — Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ!“

Въ это время гонцы отъ преподобнаго Сергія привезли грамоту великому князю. Св. подвижникъ благословлялъ его и обѣщалъ ему помощь Бога и Пречистой Богородицы.

Это посланіе сильно ободрило Димитрія. Прочелъ онъ въ кругу своихъ соратниковъ-вождей грамоту. Великую силу въ глазахъ всѣхъ русскихъ имѣло слово преподобнаго Сергія, — Димитрій больше не колебался. Присоединился онъ къ мнѣнію Ольгердовичей.

— „Честная смерть лучше позорной жизни, — сказалъ онъ въ отвѣтъ слишкомъ осторожнымъ совѣтникамъ своимъ, — уже лучше было намъ не начинать похода противъ безбожныхъ татаръ, чѣмъ, пришедши сюда и ничего не сдѣлавши, вернуться назадъ“.

Да и надо было поспѣшить, чтобы не допустить литовцевъ соединиться съ татарами.

Стали русскіе искать на рѣкѣ бродовъ для конницы и строить мосты для пѣшихъ. Въ ночь съ 7-го на 8-е сентября русская рать перешла черезъ Донъ.

Въ эту ночь, говоритъ сказаніе, пришелъ къ великому князю воевода Димитрій Боброкъ, родомъ Волынецъ. Онъ былъ смышленный, опытный воинъ и слылъ искуснымъ гадателемъ.

— „Не желаешь ли, — сказалъ онъ великому князю, — я покажу тебѣ примѣты, по которымъ ты узнаешь, что случится впередъ?“

Ратникъ въ юшманѣ и мисюркѣ.

Воинъ въ колонтарѣ и стеганной шапкѣ.

Князь согласился, условившись держать это гаданіе въ тайнѣ,— сѣлъ на своего коня и вмѣстѣ съ Боброкомъ выѣхалъ впередъ.

Ночь была тихая и теплая. Предъ ними разстилалось широкое ровное поле, звалось оно Куликово; позади нихъ былъ Донъ, впереди протекала рѣчка Непрядва, притокъ его. Димитрій съ гадателемъ остановились посреди поля. Ночная мгла скрывала оба стана.

— „Оборотись къ татарской сторонѣ, князь, и слушай!“ сказалъ Боброкъ.

Нѣсколько времени стояли они молча. Слышались имъ отъ татарскаго стана

сильные крики, стукъ, звуки трубъ. Слышали они, какъ за вражескимъ станомъ страшно завывали волки, а по правой сторонѣ зловѣще кричали птицы, граяли вороны, стаями перелетали съ мѣста на мѣсто; на рѣкѣ Непрядвѣ гуси и лебеди крыльями плескали, предвѣщая грозу.

— „Что, князь, слышалъ?“ спросилъ Боброкъ.

— „Слышалъ грозу великую“! отвѣчалъ Димитрій.

— „Оборотись теперь на полки русскіе!“ сказалъ Боброкъ.

Послушалъ князь нѣсколько времени и сказалъ:

— „Не слыхать ничего. Тишина великая; вижу только множество огней и зарево отъ нихъ!“

— „Князь-господинъ, сказалъ Боброкъ, огни—это доброе знаменіе тебѣ. Призывай помощь небесную и вѣрою не оскудѣвай!“

— „Есть у меня еще примѣта“, сказалъ гадатель, —сошелъ съ коня, припалъ къ землѣ ухомъ, долго пролежалъ онъ, —все къ чему-то прислушивался. Наконецъ поднялся; но стоялъ съ опущенной головой, съ грустнымъ лицомъ, и молчалъ...

— „Ну что, братъ, какова примѣта?“ спросилъ его великій князь.

Боброкъ въ тяжеломъ смущеніи молчалъ. Князь сталъ его упрашивать, умолять. Боброкъ прослезился. Заныло сердце у князя.

— „Братъ Димитрій, скажи мнѣ, тревожно упрашивалъ онъ Боброка,— сердце у меня очень болитъ!“

— „Господинъ князь! сказалъ наконецъ Боброкъ, повѣдаю тебѣ только одному объ этихъ примѣтахъ; ты же никому не говори о нихъ. Одна примѣта тебѣ на великую радость, а другая на великую скорбь!... Слышалъ я, какъ земля горько, горько плакала: съ одной стороны казалось, будто женщина-мать о дѣтяхъ своихъ плачетъ, по-татарски причитаетъ, голоситъ и слезами разливается; съ другой стороны слышалось мнѣ, будто дѣвица плачетъ въ великой скорби и печали, плачетъ нѣжнымъ голосомъ, тонкимъ, какъ свирѣль. Много видывалъ я битвъ, не разъ извѣдывалъ я всякія примѣты, знаю я ихъ. Уповай на милость Божію, татаръ ты одолѣешь; но твоего христіанскаго воинства на полѣ ляжетъ отъ вражьяго меча многое множество!“

— „Заплакалъ князь отъ этихъ словъ, но потомъ сказалъ:

— „Какъ Богу угодно, пусть такъ и будетъ! Кто волѣ Его противникъ?!“

Еще разъ Боброкъ просилъ князя никому не говорить о гаданіи, чтобы не напало на воиновъ уныніе. Когда князь съ Боброкомъ ѣхали съ поля въ свой станъ, слышали они, какъ вдали страшно завывали волки, каркали вороны и орлы клектали.

Страшная была эта ночь!

Въ эту же ночь, говоритъ сказаніе, одинъ воинъ, стоявшій на стражѣ, видѣлъ видѣніе: по воздуху двигалось съ востока, словно туча, громадное полчище татаръ. На встрѣчу ему неслись два юноши въ свѣтлыхъ, сіяющихъ ризахъ, съ мечами въ рукахъ, и слышенъ ему былъ голосъ: „Кто вамъ, татарамъ, велѣлъ губить наше отечество?“ И начали юноши рубить враговъ. Многихъ изрубили, а остальные разбѣжались. Когда воинъ разсказалъ о своемъ видѣніи Димитрію, догадался онъ, что то были свв. Борисъ и Глѣбъ...

Раннимъ утромъ войско стало готовиться къ бою. Сначала густой туманъ лежалъ на землѣ. Русскимъ это было кстати: Владиміръ Андреевичъ, князь Серпуховскій, и воевода Димитрій Боброкъ съ отборнымъ войскомъ успѣли занять незамѣтно для татаръ лѣсъ неподалеку отъ русскаго стана, вверхъ по Дону. Съ разсвѣтомъ туманъ сталъ подыматься. Засіяло солнце. Русское войско стояло уже въ боевомъ строю. Впередъ по обыкновенію былъ выставленъ сторожевой полкъ. Средними полками, преимущественно пѣшими, начальствовали князья Андрей и Димитрій Ольгердовичи. На правомъ крылѣ были князь Андрей Ѳедоровичъ Ростовскій, князь Стародубскій и др., на лѣвомъ—князь Ярославскій, Василій Васильевичъ. Много было и другихъ князей,—вождей отдѣльныхъ полковъ.

Великій князь съ холма глядѣлъ на свою рать. Стройные, необозримые ряды войска занимали громадное пространство; развѣвались безчисленныя знамена и хоругви; сверкали на солнцѣ доспѣхи и оружіе воиновъ; еловцы (маленькіе красные значки на шлемахъ) словно огнемъ пылали. Прекрасенъ былъ видъ великаго воинства. Нѣсколько времени любовался Димитрій своимъ войскомъ. Тяжело стало, конечно, у него на душѣ, когда подумалъ онъ, что многое множество воиновъ его сложитъ головы свои на этомъ полѣ. Онъ палъ на колѣна предъ своимъ чернымъ знаменемъ, на которомъ сіялъ образъ Спасителя и долго усердно молился.

— „Обрати, Господи, взывалъ онъ, лице Твое съ яростью на нечестивыхъ, творящихъ зло рабамъ твоимъ!“

Сѣлъ затѣмъ великій князь на коня и сталъ объѣзжать ряды своего войска. Предъ каждымъ отрядомъ онъ останавливался и старался всѣхъ ободрить своимъ словомъ.

— „Отцы и братья, говорилъ онъ, Бога ради, подвизайтесь, святыхъ ради церквей и вѣры христіанской! Сія смерть не въ смерть, но въ жизнь вѣчную“!

Затѣмъ Димитрій сталъ снова подъ свое черное знамя, снялъ съ себя княжескую приволоку (плащъ). Своего коня и приволоку отдалъ онъ боярину своему Михаилу Бренку; снова помолился и вкусилъ благословеннаго хлѣба, присланнаго ему Сергіемъ. Великій князь хотѣлъ самъ биться въ рядахъ, какъ простой воинъ. Воеводы удерживали князя, говорили, что ему, какъ главному вождю, слѣдуетъ беречь себя, уговаривали его, но все было напрасно...

— „Братья мои милые, добрыя ваши рѣчи,—отвѣчалъ Димитрій; но хочу я общую чашу съ вами пить. Умру, такъ умру вмѣстѣ съ вами; живъ буду,—вмѣстѣ съ вами же!“

Русское войско двинулось къ устью Непрядвы, къ татарскому стану. Часу въ шестомъ дня русскіе увидѣли Мамаево полчище. Словно громадная туча двигалось оно, сходя съ холма. Пѣшіе татары шли рядами. Задніе клали свои копья на плечи переднимъ,—копья у воиновъ втораго ряда были длиннѣе, чѣмъ у переднихъ. Татары по большей части сверхъ доспѣховъ надѣвали кафтаны, сверхъ шлемовъ мѣховые или кожаные колпаки; одежда у нихъ была темнаго цвѣта, и потому татарское войско не имѣло такого нарядного и блестящаго вида, какъ русское.

Мамай съ мурзами своими остановился на холмѣ, чтобы наблюдать за

битвою. Уже враждебныя полчища стояли одно противъ другого и ждали знака, чтобы начать бой. Тогда изъ татарскаго войска выѣхалъ наѣздникъ по имени Телебей. Онъ былъ громаднаго роста и необыкновенной силы. Бой долженъ былъ начаться поединкомъ. По обычаю татаръ удальцы-силачи начинали битву и показывали другимъ примѣръ. Сталъ богатырь громко вызывать себѣ противника. Не сразу нашелся между русскими охотникъ биться съ великаномъ; но вотъ выступаетъ Пересвѣтъ. Шлемъ его былъ покрытъ схимою, которую возложилъ на инока-воина св. Сергій. Помолился Пересвѣтъ, принялъ отъ священника благословеніе, низко поклонился и русскому воинству.

— „Отцы и братья, сказалъ онъ, простите меня грѣшнаго!“

Затѣмъ сѣлъ онъ на боеваго коня и со словами: „Преподобный Сергіе, помоги мнѣ твоею молитвою!“ пустилъ коня во всю прыть... На встрѣчу несся татарскій богатырь. На всемъ скаку, съ налету, сшиблись они копьями. Ударъ былъ такъ силенъ, что кони ихъ едва устояли и присѣли на заднія ноги, а бойцы слетѣли наземь оба мертвые.

Грянули трубы и начался бой.—„Боже, помоги намъ!“ кричали русскіе. Татары призывали помощь Магомета. Загорѣлась лютая схватка. Такой битвы не бывало никогда еще на Руси! На пространствѣ десяти верстъ кругомъ кипѣла кровавая сѣча. Нѣсколько сотъ тысячъ воиновъ бились съ яростью. Казалось, земля дрожала и страшно гудѣло все поле отъ ярыхъ криковъ, стоновъ раненыхъ, треска оружія и конскаго топота. Бились оружіемъ, руками терзали одинъ другого. Часа два уже длилось жестокое побоище. Кровью было залито все поле; тѣлами было устлано оно, такъ что трудно было пройти. Трупъ валился на трупъ. Татары стали одолѣвать. Въ русскомъ войскѣ были отряды молодыхъ новобранцевъ, не бывалыхъ еще въ бою, притомились уже они, не выдержали новаго напора враговъ и обратились въ бѣгство. Погнались за ними татары, пробились до чернаго великокняжескаго знамени; тутъ стоялъ любимецъ великаго князя, воевода Бренкъ; приняли его враги за великаго князя и убили. Много уже русскихъ вождей пало. Знамя падало за знаменемъ. Ужасъ охватилъ русскихъ. Дрогнули самые смѣлые. Все бѣжало... Пораженіе русскихъ было полное. Мамай торжествовалъ..

Давно уже порывался князь Серпуховскій Владиміръ Андреевичъ ударить изъ лѣсу на татаръ, спасти своихъ отъ пораженія; воевода Боброкъ удерживалъ его, говорилъ, что еще не время.

Владиміръ терялъ терпѣніе.

— „Что жъ это такое,—съ досадой говорилъ онъ Боброку, къ чему же стоимъ мы тутъ? Кому отъ этого польза?! Бѣда пришла русскому войску!“

— „Да, бѣда великая, отвѣчалъ Боброкъ; но еще не пришла наша пора. Кто не въ пору начинаетъ, тотъ бѣду себѣ принимаетъ!“

Наконецъ, когда татары, считая русскихъ окончательно разбитыми, гнались за ними уже нестройными толпами и были уже сильно утомлены, Боброкъ крикнулъ:

— „Пора! Да поможетъ намъ благодать Св. Духа!“...

Кинулись русскіе изъ засады на татаръ, словно соколы на стаю журавлей; съ громкимъ крикомъ ударили они на враговъ съ тылу.

Неожиданный ударъ ошеломилъ татаръ. Какъ испуганное стадо, заметались они, не зная, что дѣлать...

— „Бѣда намъ? — кричали они, — русскіе перехитрили насъ. Худшихъ изъ нихъ мы побили, а теперь лучшіе ударили на насъ!“

Съ переполоху чудилось татарамъ, что они ужъ въ конецъ разбиты; что рать, напавшая на нихъ, безчисленна. Ободренные успѣхомъ, русскіе смѣло разили враговъ, прорывали ихъ толпы, врубались въ средину ихъ полчища, рубили ихъ и справа, и слѣва, и сзади, и спереди. Татары въ ужасѣ кидали оружіе и бѣжали.

Мамай, увидѣвъ неожиданный поворотъ битвы, такъ оторопѣлъ и растерялся, что не послалъ на помощь своимъ запасныя силы, бывшія у него, а самъ пустился въ бѣгство. Татары бѣжали толпами: одни кинулись за Непрядву, и множество ихъ потонуло въ рѣкѣ, другіе бросились направо къ рѣкѣ Красивой Мечи. Русскіе гнали ихъ и страшно избивали. Множество возовъ со всякимъ добромъ досталось въ добычу побѣдителямъ.

Часть русскаго войска преслѣдовала татаръ до рѣки Мечи. Князь Владиміръ Андреевичъ остановилъ своего коня на мѣстѣ побоища и велѣлъ трубить сборъ. Стали съѣзжаться къ нему вожди, оставшіеся въ живыхъ и не пострадавшіе въ бою. Великаго князя не было.

— „Гдѣ великій князь? тревожно спрашивалъ Владиміръ Андреевичъ,— кто изъ васъ его видѣлъ?“

Поѣхалъ Владиміръ Андреевичъ межъ воиновъ и со слезами на глазахъ спрашивалъ, не видалъ-ли кто великаго князя, не слыхалъ-ли, гдѣ онъ. Одинъ изъ воиновъ сказалъ, что видѣлъ его въ пятомъ часу, какъ онъ крѣпко бился; другой видѣлъ, какъ четыре татарина напирали на него; третій разсказывалъ, какъ онъ самъ старался выручить великаго князя изъ бѣды. Но свѣдѣній о томъ, живъ ли онъ и гдѣ находится, — никто дать не могъ.

По приказу Владиміра, отроки княжьи и множество ратныхъ людей разсѣялись по бранному полю отыскивать великаго князя. Долго искали его. Наконецъ, двумъ ратникамъ посчастливилось найти его. Подъ вѣтвями срубленной березы лежалъ Димитрій. Глаза его были закрыты; но воины замѣтили, что онъ дышетъ.

— „Живъ, живъ“! радостно закричали они. „Великій князь Димитрій Ивановичъ здравствуетъ!“

Владиміръ Андреевичъ съ князьями и воеводами поскакали къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ великій князь. Доспѣхи его были избиты и измяты ударами татарскихъ сабель. Когда сняли съ князя его вооруженіе, то оказалось, что ранъ на тѣлѣ не было. Лишился чувствъ онъ отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ и утомленія. Дмитрій Ивановичъ, хотя былъ крѣпкаго тѣлосложенія, высокъ ростомъ, широкоплечъ, но, по словамъ лѣтописца, былъ весьма тученъ и тяжелъ.

Мало-по-малу пришелъ онъ въ чувство и открылъ глаза.

— „Кто тутъ? что за рѣчи слышу я?“ проговорилъ онъ.

Тогда Владиміръ Андреевичъ громогласно возвѣстилъ:

— „Милостію Бога и Пречистой Матери Его, помощью сродниковъ

твоихъ святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, молепіемъ св. Петра и Сергія игумена, супостаты наши побѣждены!“

Когда великій князь совсѣмъ пришелъ въ себя и понялъ, въ чемъ дѣло, то прежде всего благодарилъ Бога за дарованную русскимъ побѣду. Узнавъ о томъ, какъ нападеніе засаднаго войска на врага повернуло дѣло въ пользу русскихъ, великій князь обратился къ Дмитрію Боброку и сказалъ:

— „По истинѣ разуменъ ты: тебѣ всегда должно быть воеводою!“

Поѣхалъ великій князь со своими главными сподвижниками по бранному полю. Ужасно было это поле! Было оно устлано убитыми, умирающими, ранеными. Казалось, все поле тяжело стонало... Тихо подвигались впередъ кони: едва находили они мѣсто, гдѣ ступать. Съ поникшими головами, съ тяжелой скорбью, со слезами на глазахъ ѣхали великій князь и спутники его. Давно-ли восходящее солнце озаряло блестящіе ряды русскихъ воиновъ, бодрыхъ, полныхъ жизни и силы? Давно-ли лучи его весело играли на блестящихъ доспѣхахъ? а теперь, на заходѣ, освѣщало оно груды окровавленныхъ тѣлъ, лица убитыхъ, обезображенныя мучительною смертью, лица раненыхъ, искаженныя страданіями, лужи и потоки крови, избитые доспѣхи, обломки и осколки всякаго оружія! Все говорило о страшной жестокости боя: въ одномъ мѣстѣ убитый русскій воинъ упалъ на трупъ побѣжденнаго имъ врага, въ другомъ—убитый татаринъ лежалъ на русскомъ; здѣсь, крѣпко переплетясь руками и ногами, лежали мертвые татаринъ и русскій, боровшіеся, очевидно, даже и въ предсмертныхъ страданіяхъ; а тамъ поднималась цѣлая груда тѣлъ русскихъ и татаръ, бившихся въ тѣсной схваткѣ до послѣдняго издыханія. Русская и татарская кровь смѣшивалась и струилась однимъ потокомъ изъ-подъ груды тѣлъ!..

Предъ нѣкоторыми трупами князь останавливался. Увидѣлъ онъ князей Бѣлозерскихъ, отца и сына,—лежали они вмѣстѣ.

— „Братья, князья русскіе, молвилъ со слезами Димитрій, сдержавъ коня своего, молите Господа Бога о насъ, да соединитъ Онъ насъ вмѣстѣ съ вами въ будущей жизни!“

Постоялъ великій князь съ тяжелой грустью и предъ тѣломъ боярина своего Михаила Андреевича Бренка, лежавшаго въ великокняжеской приволокѣ.

— „Вотъ, братья, нашъ починальникъ!“ сказалъ Димитрій Ивановичъ, узнавъ по схимѣ инока Пересвѣта.—„Безъ него многимъ бы изъ насъ пришлось испить здѣсь горькую чашу отъ руки татарскаго витязя!“

Тутъ же, подлѣ Пересвѣта, лежалъ трупъ его противника, великана-татарина. Многихъ храбрыхъ князей и воителей узналъ Димитрій межъ мертвыми. Тяжкая скорбь давила ему сердце, когда ѣхалъ онъ съ побоища: онъ, по словамъ современника, „умывался слезами“ при видѣ множества погибшихъ. Правда, убитыхъ татаръ было гораздо больше, чѣмъ русскихъ; но и русскихъ легло на Куликовомъ полѣ великое множество!..

Побѣда была великая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и скорбная! Изъ огромнаго русскаго войска едва уцѣлѣло тысячъ сорокъ. Болѣе двухсотъ тысячъ человѣкъ, татаръ и русскихъ пало на Куликовомъ полѣ, и Донъ, по словамъ сказанія, три дня текъ кровью...

Такъ представляется намъ, по разнымъ преданіямъ и сказаніямъ, достопамятная Куликовская битва.

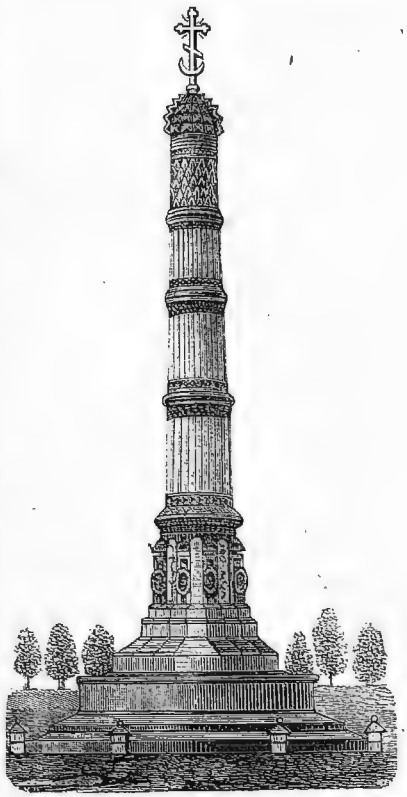
Восемь дней стояли русскіе на мѣстѣ побоища: подавали помощь раненымъ, разбирали тѣла убитыхъ, русскихъ погребали, а татаръ оставляли на полѣ въ добычу хищному звѣрю и птицѣ...

Димитрій установилъ обычай вѣчно праздновать память воиновъ, убитыхъ въ Куликовской битвѣ (Дмитровская суббота).

На Куликовомъ полѣ стоитъ теперь памятникъ, поставленный въ память о великой побѣдѣ.

Литовскій князь Ягелло, спѣшившій соединиться съ Мамаемъ, въ день битвы былъ верстахъ въ сорока отъ мѣста боя. Узнавъ о побѣдѣ русскихъ, онъ поспѣшно отступилъ.

Понеслись гонцы отъ Димитрія въ Москву, въ Переяславль, въ Кострому, во Владиміръ и другіе города съ радостною вѣстью о побѣдѣ. Всѣ со страхомъ и нетерпѣніемъ ждали извѣстій изъ войска, денно и нощно молились во храмахъ. Наконецъ, желанныя вѣсти пришли. Восторгъ былъ неописанный. Все встрепенулось и ожило. Думали, что орда пала навсегда, что пришелъ конецъ татарскому владычеству!.. Димитрія прославляли, сравнивали его съ Ярославомъ Великимъ, съ Александромъ Невскимъ, прозвали его „Донскимъ“, а Владиміра Андреевича „Храбрымъ“.



Памятникъ на Куликовомъ полѣ.

Но радоваться было еще рано!..

Нашествіе Тохтамыша.

Мамай былъ разбитъ Тохтамышемъ, ханомъ орды, кочевавшей за рѣкою Яикомъ (Ураломъ). Тохтамышъ воцарился въ ордѣ и послалъ извѣстить русскихъ князей, что онъ побѣдилъ ихъ врага Мамая. Димитрій принялъ ласково ханскихъ пословъ, отпустилъ ихъ съ честью, и вслѣдъ за ними отправилъ своихъ людей съ богатыми подарками хану. Тоже сдѣлали и другіе князья. Думали всѣ, что этимъ дѣло и обойдется, но ошиблись: Тохтамышъ хотѣлъ властвовать надъ русской землею, какъ Батый.

Въ слѣдующее лѣто явился отъ хана сановникъ съ отрядомъ воиновъ въ 70 человѣкъ, и отъ имени хана потребовалъ, чтобы русскіе князья, какъ его подданные, ѣхали немедленно въ Орду. Требованіе это поразило всѣхъ князей какъ громомъ: неужели, думали они, напрасно лилась русская кровь на Куликовомъ полѣ, и все пойдетъ по старому?! Мысль—объ этомъ приводила всѣхъ въ негодованіе. Ханскому послу, доѣхавшему до Нижняго

Новгорода, было дано знать, что великій князь не ручается за его безопасность, если онъ явится въ Москву съ отрядомъ своимъ. Побоялись татары народной ярости и уѣхали. Прошло еще около года: казалось, что они оставили русскихъ въ покоѣ; но вдругъ пришла тревожная вѣсть, что татары захватили въ землѣ Болгарской всѣхъ нашихъ купцовъ и на ихъ судахъ переправляются черезъ Волгу. Затѣмъ пронесся слухъ, что Тохтамышъ идетъ уже на русскую землю, и что Олегъ Рязанскій показываетъ ему пути. Все это сдѣлалось такъ скоро, что русскіе не успѣли и опомниться и приготовиться къ отпору. Тохтамышъ, видно, и разсчитывалъ напасть на Москву врасплохъ. Великій князь совѣщался съ воеводами и съ нѣкоторыми князьями, какъ быть, что предпринять, но всѣ, казалось, потеряли голову. Димитрій поѣхалъ въ Переяславль, оттуда въ Ростовъ и Кострому собирать полки.

Москва оставалась беззащитна. Тохтамышъ взялъ уже Серпуховъ и быстро шелъ къ Москвѣ. Пламя и дымъ горѣвшихъ селъ обозначали его путь. Въ Москвѣ было полное безначаліе. Поднялся народный мятежъ... Одни изъ москвичей хотѣли защищаться въ Кремлѣ, другіе—спасаться бѣгствомъ. Толпы народа со стѣнъ бросали камни въ бѣглецовъ. Нѣкоторые съ оружіемъ въ рукахъ стали у воротъ и не пускали никого изъ города, творили всякія безчинства и насилія. Къ счастію, нашелся опытный вождь, который прекратилъ смуту и водворилъ нѣкоторый порядокъ. Это былъ Остей, одинъ изъ литовскихъ князей, случайно находившійся въ ту пору въ Москвѣ. Онъ убѣдилъ москвичей выпустить изъ города всѣхъ искавшихъ спасенія въ бѣгствѣ и затворился въ Кремлѣ съ готовыми защищаться до послѣдней крайности.

Бояре и купцы свозили въ Кремль свои пожитки и товары. Множество драгоцѣнной церковной утвари, богослужебныхъ книгъ изъ окрестныхъ церквей было снесено въ Кремль. Всѣ надѣялись на каменныя стѣны его. Постройки вокругъ Кремля, которыми могли воспользоваться татары, т. е., весь посадъ, былъ сожженъ самими москвичами.

23 августа появились татарскіе передовые отряды. Объѣзжали они кругомъ Кремля, осматривали рвы и стѣны его. Видя малое число враговъ, нѣкоторые изъ москвичей храбрились, со стѣнъ ругали татаръ и старались всячески оскорблять ихъ. Татары въ отвѣтъ грозили русскимъ своими саблями. Татарскіе отряды все подходили да подходили къ Москвѣ; къ вечеру ихъ была уже несмѣтная сила. Пріуныли тутъ москвичи. Нѣкоторые изъ нихъ, болѣе благочестивые, стали готовиться къ смерти, каялись въ грѣхахъ, причащались...

Сначала шла перестрѣлка. Тучи стрѣлъ летѣли съ той и съ другой стороны. Татарскіе наѣздники носились на своихъ легкихъ коняхъ передъ стѣнами Кремля и на всемъ скаку били русскихъ стрѣлами безъ промаха; ихъ стрѣлки были гораздо искуснѣе русскихъ. Пробовали татары взять Кремль приступомъ, ставили лѣстницы и лѣзли на стѣны. Русскіе валили на враговъ бревна, тяжелые камни, сшибали ихъ съ лѣстницы въ ровъ, обдавали кипяткомъ. Три дня пытались татары взять Кремль приступомъ, но были отбиваемы. Лѣтописецъ въ первый разъ говоритъ, что нѣкоторые изъ русскихъ били враговъ изъ огнестрѣльнаго оружія. Большой уронъ потерпѣли татары. Увидѣлъ Тохтамышъ, что силою ему города не взять: стѣны Кремля были

крѣпки; стѣнобитныхъ машинъ у татаръ на этотъ разъ не было; русскіе мужественно бились. Пустился Тохтамышъ на хитрость. На четвертый день подъѣхали къ стѣнамъ знатнѣйшіе мурзы и отъ имени хана вступили въ переговоры.

— „Царь нашъ, говорили они, не хочетъ разорять своего улуса; не бойтесь ничего, выйдите только къ нему съ честью и дарами. Царь нашъ хотѣлъ наказать холопа своего Димитрія, но его тутъ нѣтъ. Отворите городъ, царь васъ пожалуетъ“.

Москвичи сначала не повѣрили этимъ словамъ, но суздальскіе князья, пришедшіе съ Тохматышемъ, клялись, что татары зла не сдѣлаютъ москвичамъ.

— „Намъ повѣрьте, говорили суздальскіе князья, мы ваши христіанскіе князья, мы ручаемся за то, что это—правда!

Быть можетъ, они и въ самомъ дѣлѣ вѣрили, что Тохтамышъ говорилъ правду. Повѣрили на этотъ разъ и москвичи; посовѣтовались между собою, какъ быть. Надежда на скорую помощь была плоха; долго выдержать осаду нельзя было,—порѣшили сдаться на милость хана.

Отворились ворота Кремля, и защитники его стали выходить; впереди шелъ Остей; за нимъ несли богатые дары хану; затѣмъ шло духовенство въ полномъ облаченіи, съ иконами и крестами, далѣе шли бояре и народъ. Татары выждали, пока защитники Кремля вышли изъ воротъ, затѣмъ вдругъ, какъ хищные звѣри, ринулись на нихъ и принялись рубить саблями всѣхъ безъ разбору и топтать конями... Это была не битва, а дикая, ужасная бойня! На мѣстѣ ея остались растерзанные, раздавленные трупы, втоптанные въ грязь иконы, кресты, священническія ризы... Ворвались татары въ Кремль. Оставшаяся здѣсь толпа народа обезумѣла отъ страха; люди въ безпамятствѣ метались туда и сюда, ища, гдѣ бы укрыться отъ дикихъ губителей. Многіе прятались въ церквахъ. Все напрасно! Татары разбивали церковныя двери, врамывались въ алтари, и рубили нещадно всѣхъ и стариковъ, и женщинъ, и дѣтей... Церковные сосуды, одежды, княжеское имущество, пожитки бояръ, товары купцовъ, снесенные въ Кремль,—все было разграблено. Множество книгъ, собранныхъ отовсюду въ кремлевскія церкви, погибло. Что не было разграблено, то было уничтожено пожаромъ. Татары зажгли съ нѣсколькихъ концовъ городъ и отступили отъ Москвы, насытившись дикою местью.

Ужасный видъ представляли развалины Москвы!..

„Былъ дотолѣ,—говоритъ лѣтописецъ о ней,—городъ великій, чудный, многолюдный! Много было въ немъ всякаго богатства, и вотъ въ одинъ день все измѣнилось: видны только земля, пыль, пепелъ, множество лежащихъ труповъ да святыя церкви, разоренныя, пустыя и оспротѣлыя!“

Татарскіе отряды рыскали по всей великокняжеской области и страшно опустошили волости городовъ: Юрьева, Звенигорода, Дмитрова, Можайска и другихъ. Изъ князей русскихъ только Владиміръ Андреевичъ Серпуховскій не потерялъ мужества: онъ неожиданно ударилъ на сильный татарскій отрядъ и разбилъ его. Эта побѣда и слухъ о томъ, что великій князь собралъ у Костромы сильную рать, побудили Тохтамыша отступить.

Когда Димитрій вернулся на свое родное пепелище, то, по словамъ лѣтописи, заплакалъ.

— „Отцы наши, сказалъ онъ, — не побѣждали татаръ, но были менѣе насъ злополучны!“

Дѣйствительно, со временъ Калиты до Димитрія Донскаго Москва не терпѣла такого разоренія.

Тяжелое дѣло предстояло Димитрію. Немедленно велѣлъ онъ погребать тѣла убитыхъ. Собрано было ихъ на пепелищѣ одной Москвы до 24,000. А сколько было убито во всей области, сколько было сгорѣвшихъ, изувѣченныхъ и уведенныхъ въ неволю,—этого и сосчитать нельзя было! Кремлевскія стѣны, башни и стѣны нѣкоторыхъ церквей были цѣлы, и Москва могла скоро вновь обстроиться; но не скоро она могла стать такимъ многолюднымъ и цвѣтущимъ городомъ, какимъ была до татарскаго погрома.

Пришлось опять русскимъ князьямъ ѣздить въ Орду, искать ханской милости; пришлось по-прежнему городамъ и деревнямъ русскимъ уплачивать татарамъ тяжелую дань.

Димитрій Ивановичъ умеръ въ 1389 году, 39-ти лѣтъ отъ роду.

Предъ смертью онъ назначилъ великимъ княземъ сына своего Василія, благословилъ его великимъ княженіемъ Владимірскимъ. Увѣренъ былъ Димитрій, что ни татары уже не помѣшаютъ Василію, ни другіе русскіе князья не посмѣютъ оспаривать великокняжеское достоинство у него.

Въ тяжелые годы пришлось княжить Димитрію Донскому. Два раза Московская земля была при немъ страшно опустошена литовцами, потерпѣла ужасный татарскій погромъ. Кромѣ внѣшнихъ враговъ, были и свои русскіе враги. У Московскаго великаго князя была постоянная вражда съ Тверью и Рязанью. Послѣ нашествія Тохтамыша московская рать за измѣну Олега сильно разорила Рязанскую область. Вражда эта долго не кончилась бы, если бы преподобный Сергій не помирилъ Олега съ Димитріемъ. Сверхъ того пришлось Димитрію Ивановичу унимать новгородцевъ. Слишкомъ уже расходилась буйная удаль новгородской вольницы: два раза ушкуйники грабили Кострому, нападали на Нижній Новгородъ, на Вятку; мало того,—они хватали людей и продавали ихъ иноземцамъ въ рабство. Разбои этихъ повольниковъ такъ озлобили всѣхъ, что 26 городовъ съ радостью послали свои ополченія на помощь Димитрію, когда онъ порѣшилъ силою обуздать новгородцевъ. Сначала Новгородцы думали было обороняться, но скоро смирились, уплатили за всѣ убытки, понесенные купцами отъ новгородскихъ разбойниковъ, и обязались уплачивать ежегодно великому князю такъ называемый „черный боръ“ (подать съ черныхъ людей). Кромѣ бѣдствій отъ усобицъ, были и другія несчастія: страшная моровая язва свирѣпствовала на Руси (въ 1363—1364 год.), такъ что живые не успѣвали хоронить мертвыхъ. Отъ сильныхъ засухъ не разъ были голодовки и падежъ скота.

Печальныя слѣдствія татарскаго владычества тоже уже ясно сказывались. Отъ погромовъ татарскихъ и поборовъ бѣдность, нищета и горе были повсюду. Хоть народу стало легче, когда вмѣсто татарскихъ сборщиковъ начали русскіе князья сами собирать дань и отвозить ее въ Орду, но и князья принуждены были брать съ народа своего очень много, чтобы насытить корыстолюбіе хановъ, ихъ женъ и ханскихъ вельможъ. Кромѣ прямой дани, приходилось еще

установить разные налоги и поборы. За право торговли, за провозъ товаровъ должны были платить извѣстные налоги, собирались пошлины и съ разныхъ промысловъ: съ рыбныхъ ловель, съ мельницъ и пр. Со всѣхъ почти промысловъ и занятій шли пошлины. Прежде до татарскаго нашествія этого не было: платили только дань князьямъ, да и то небольшую. Понятно, что подъ владычествомъ татаръ не могли на Руси процвѣтать ни промыслы, ни торговля.

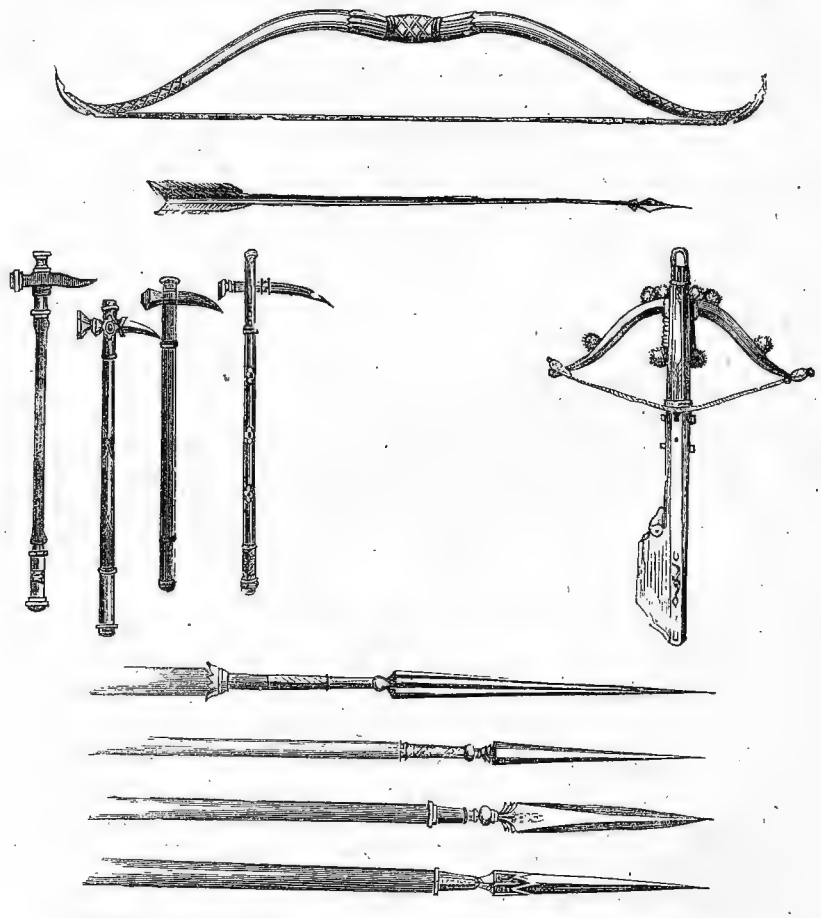
Бѣдность да неволя вредила сильно и нравамъ. Бѣдняки привыкали унижаться, прибѣгать къ разнымъ уловкамъ и обманамъ, чтобы соблюсти свои выгоды. Торговцы, платившіе большія пошлины, старались купить товаръ за безцѣнокъ, а продать въ три-дорога. Ремесленники, которымъ давали купцы слишкомъ низкую плату за ихъ издѣлія, не старались улучшить ихъ, и заботились только о томъ, какъ бы побольше да поскорѣе наработать товару да сбыть его какъ нибудь съ рукъ долой. Сложилось даже убѣжденіе, что безъ обману ни въ торговлѣ, ни въ промыслахъ обойтись нельзя. Безъисходная нужда побуждала многихъ къ нищенству: „ходить по міру“ многимъ даже и здоровымъ людямъ казалось болѣе выгоднымъ промысломъ, чѣмъ какая либо работа. Богатство, достатокъ были въ тѣ времена только приманкою и для хищныхъ татаръ, и для другихъ „лихихъ людей“. Зажиточному человѣку, чтобы не нажить бѣды какой либо, приходилось скрывать свое имущество, прикидываться бѣднякомъ; „съ босого да нагого—взятки гладки!“ Въ тѣ злосчастные годы привыкали люди жить кое какъ, перебиваться изо дня въ день, не заглядывать въ невѣрное будущее,—являлась безпечность, привычка жить на-авось Но не даромъ говоритъ пословица: „нужда слабаго мнетъ, а въ крѣпкомъ волю куетъ“.—Мы видѣли уже, какіе сильные духомъ подвижники являлись въ тѣ тяжелыя времена. И между тѣми, которые не уходили отъ мірской жизни, не мало было людей сильныхъ, крѣпкихъ волею. Среди всякихъ бѣдъ и невзгодъ складывались нравы русскаго народа и свойства: смѣтливость, находчивость, изворотливость и та необычайная выносливость, которая и до сихъ поръ удивляетъ иноземцевъ въ русскомъ человѣкѣ.—„Голь на выдумки хитра“. „Нужда научитъ калачи ѣсть“! говоритъ нашъ народъ въ своихъ пословицахъ. Научился онъ подсмѣиваться, хоть иной разъ и горько, надъ своимъ горемъ-злосчастьемъ. „Наготы, босоты изувѣшены шесты; холоду да голоду амбары полны,“ „Шапка волосяная, рукавицы своекожанныя,“ говорилъ народъ въ пословицахъ о своей бѣдности.

Не только въ народѣ была бѣдность, была она и въ другихъ сословіяхъ; такихъ богатыхъ людей, какіе встрѣчаются въ наше время, тогда и въ поминѣ не было. Даже и князья того времени было не богаче нынѣшнихъ крупныхъ помѣщиковъ.

Печальна, неприглядна была жизнь русскаго народа въ концѣ XIV столѣтія; но она скрашивалась свѣтлою надеждою на скорое освобожденіе отъ тяжкаго татарскаго ига. Послѣ Димитрія Донскаго надежда эта уже не казалась никому несбыточной мечтой. Куликовская битва была великимъ событіемъ для русскаго народа: послѣ нея у русскихъ прибыло смѣлости на столько, на сколько убыло ея у татаръ. Битва эта была блестящей пробой соединенныхъ русскихъ силъ. Сами ханы на бѣду себѣ, не понимая, конечно, этого, по-

могли усилиться московскимъ князьямъ и начать то „собираніе русской земли“, которое сдѣлало ее могучею, дало ей силы справиться съ сильными врагами.

Двѣ великія задачи обозначились ясно для потомковъ Ивана Калиты и Димитрія Донскаго: первая—довершить собираніе русской земли, вторая — покончить съ позорнымъ татарскимъ владычествомъ. Выяснялась уже и третья великая задача — борьба не на жизнь, а на смерть, съ Литвою, которая, пользуясь бѣдствіями русской земли во время татарщины, завладѣла многими русскими областями, окрѣпла, усилилась и постоянно грозила бѣдой Москвѣ.



Лукъ и стрѣла.—Чеканы, или клевцы.—Самострѣлъ.—Копья.

Много тяготы и труда пришлось еще вынести русскому народу, много крови пролить, чтобы выполнить эти задачи.

Для князей московскихъ ратное дѣло долгое время должно было быть самымъ важнымъ дѣломъ.

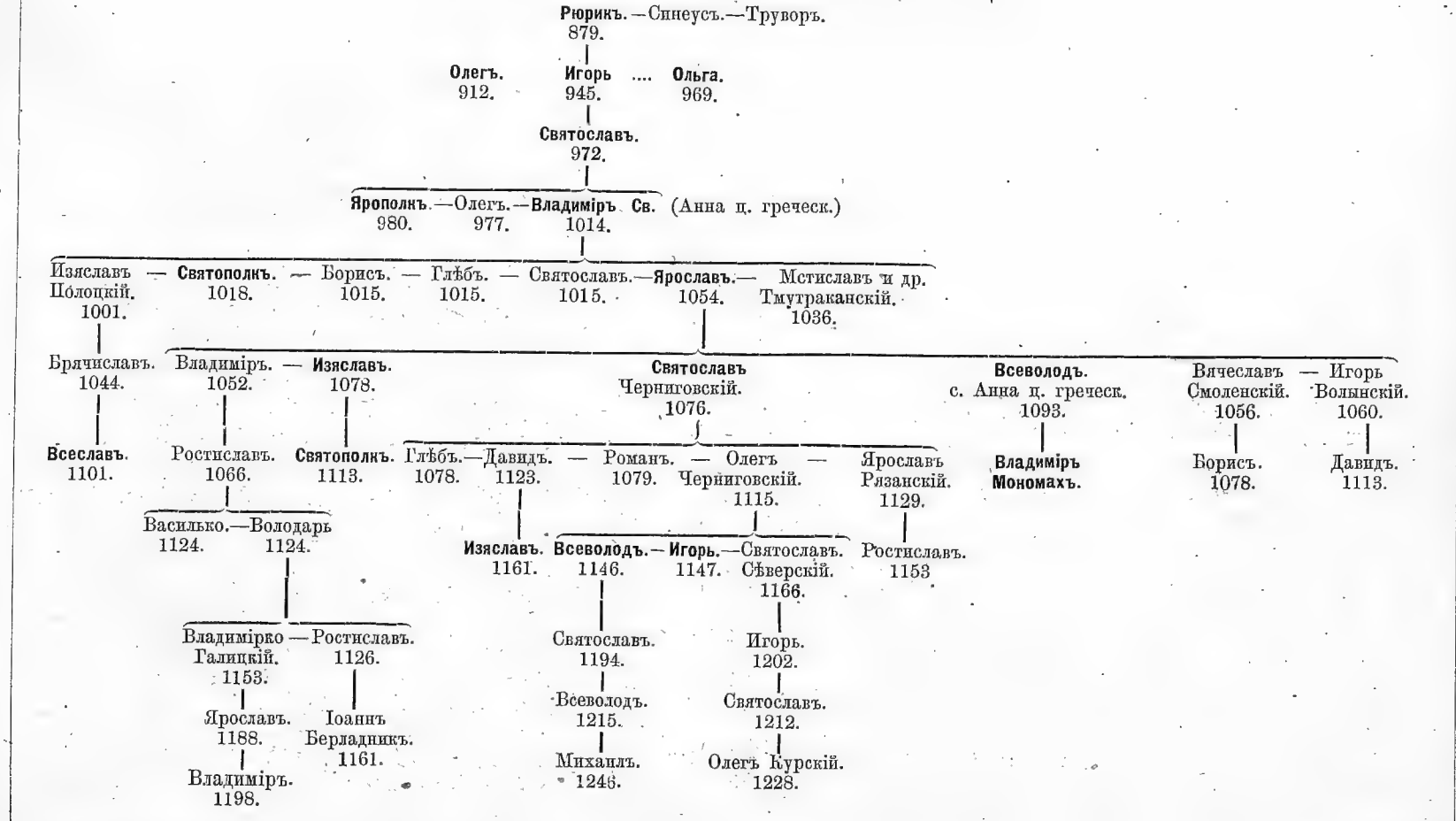
Во время татарскаго владычества русское военное искусство сильно измѣнились. Прежде русскіе князья во время своихъ усобицъ и борьбы съ половцами дѣйствовали обыкновенно небольшими отрядами, а теперь въ борьбѣ съ татарскими полчищами пришлось выставлять огромныя ополченія. Постояннаго войска, кромѣ небольшой княжеской дружины не было. Собиралось оно только

въ случаѣ надобности. По примѣру татаръ, русская рать дѣлилась на тысячи, сотни, десятки.

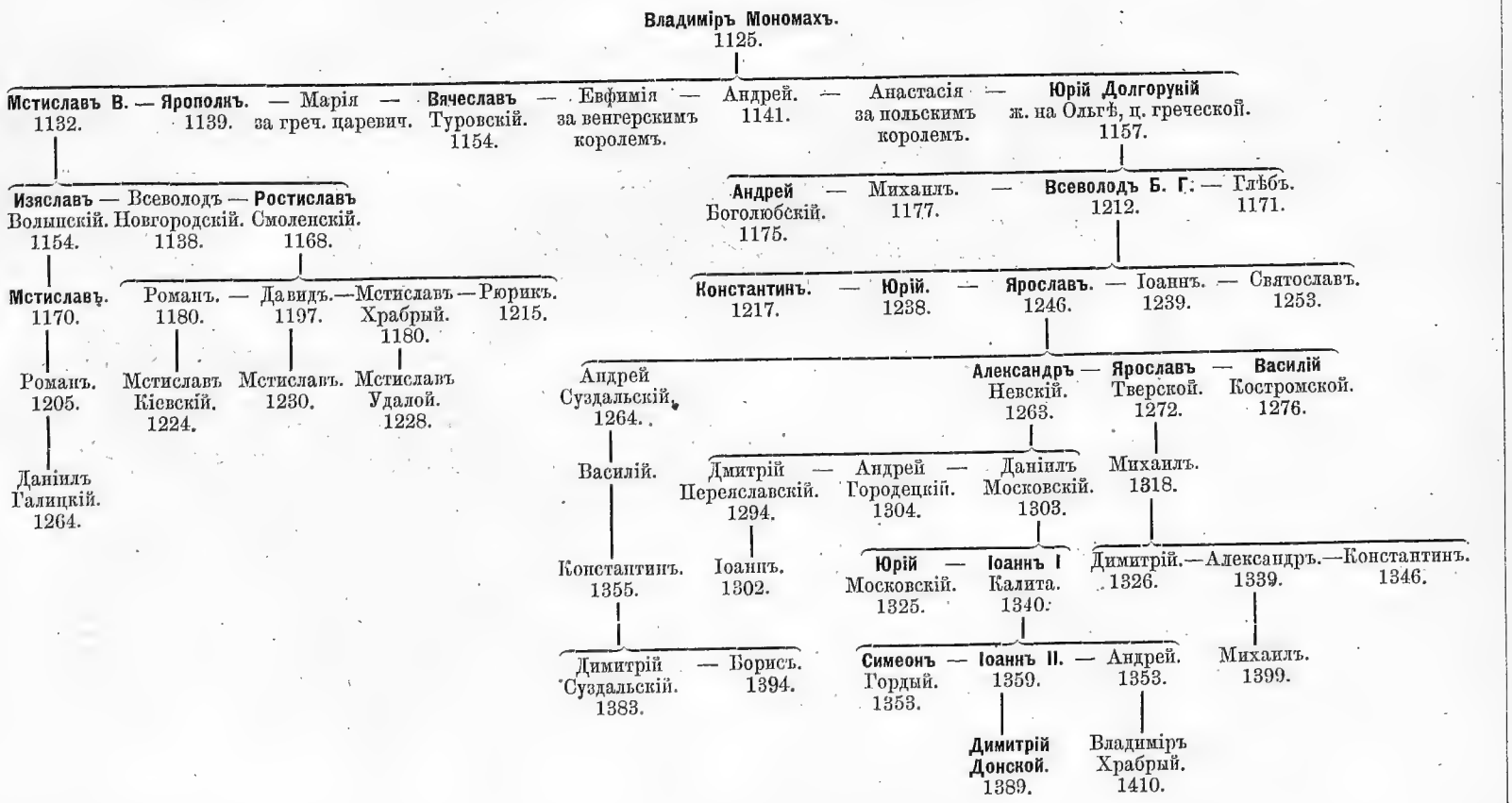
Конница составляла главную часть войска. Въ древности русскіе дружинники и воины вооружались подобно норманамъ, а въ XV вѣкѣ въ военномъ дѣлѣ многое заимствовано было у татаръ. Конскій уборъ былъ тотъ же, что у татаръ. Кривыя татарскія сабли стали замѣнять мало по малу прежніе мечи. Кромѣ сабель, наступательнымъ оружіемъ служили самострѣлы, луки, различнаго вида копья, сѣкиры и палицы. Хотя и упоминается въ лѣтописи объ огнестрѣльномъ оружіи при Димитріи Донскомъ, но вошло оно въ общее употребленіе позже. Охранительное вооруженіе было очень разнообразно. Въ старину не было одного общаго для всѣхъ вооруженія: каждый ратникъ вооружался по своимъ средствамъ и желанію. Исключеніе составляли только княжескіе дружинники, которые, вѣроятно, имѣли болѣе однообразное вооруженіе. Щиты, шлемы, панцыри, поножи, поручи должны были хорошо защищать отъ ударовъ вражьихъ бояръ и богатыхъ ратниковъ, составлявшихъ конницу. Шлемы были по виду очень разнообразны и носили разныя названія (шишаки, колпаки, ерихонки, мисюрки и др.). Панцыри, защищавшіе туловище, были тоже весьма разнообразны: у однихъ воиновъ были простыя кольчуги; у другихъ были бахтерцы, байданы, юшманы и колонтари,—это были тѣ же кольчуги съ прибавленіемъ металлическихъ пластинокъ или щитковъ различнаго вида на груди, спинѣ и бокахъ; у третьихъ были куяки, т. е. кожанныя или суконныя рубахи, на которыхъ были прикрѣплены металлическія бляхи различнаго вида. Полное и хорошее вооруженіе стоило очень дорого, и потому было доступно немногимъ. Такъ какъ оно и весьма тяжело, то для пѣшаго воина и не годилось. Бѣдняки часто довольствовались только тегиляями,—это были толстые, набитые пенькой и простеганные кафтаны, въ толщѣ которыхъ клали куски желѣза и обломки стараго вооруженія. На голову такіе воины надѣвали вмѣсто желѣзныхъ шлемовъ подобные тегиляямъ толстые, набитые пенькой колпаки. Вооруженные подобнымъ образомъ воины были очень неуклюжи на видъ, но довольно хорошо защищены отъ стрѣлъ и сабельныхъ ударовъ. Самыя названія различныхъ частей русскаго вооруженія въ концѣ XV вѣка показываютъ, что оно было заимствовано отъ татаръ и другихъ восточныхъ народовъ.

Ерихонка.—Шишакъ.—Мисюрки.—Колпакъ —Шелемы.—Шапка бумажная.

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА.



РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА.



ПРИМѢЧАНІЯ КЪ РИСУНКАМЪ.

Стр. 11-я. Каменныя орудія (12 изображеній), уменьшены противъ натуральной величины въ 2—3 раза. Верхній рядъ изображеній представляетъ груботесанныя орудія, нижній—отшлифованныя и съ пробуравленными отверзтіями (см. атласъ при трудахъ 1-го археологическаго съѣзда, въ Очеркахъ Русской Исторіи П. Полеваго и въ «Матеріалахъ по исторіи русскихъ одеждъ». В. Прохорова.

Стр. 12-я. Бронзовыя и желѣзныя орудія (13 изображ.), уменьш. въ 2—3 раза. (Топоры, молоты, наконечники стрѣлъ и копій) (см. труды арх. съѣзда, Полеваго «Очерки» и Прохорова Матеріалы.

Стр. 13-я. Видъ кургана Александропольскаго (Очерки и пр. П. Полеваго).

Стр. 14-я. Каменныя бабы (пстуканы) (3 изображ.). Обыкновенная величина около 2-хъ аршинъ въ вышину (у Прохорова, въ «Матеріалахъ», у Полеваго).

Стр. 16-я. Золотая ваза изъ Куль-обскаго кургана, уменьш. въ 2 раза.—Серебряная ваза изъ Чертомлыцкаго могильника (уменьш. почти въ 7 разъ) (см. у Прохорова).

Стр. 18-я. Совѣщаніе скиѳовъ.—Скиѳъ, стреножащій коня (тамъ же).

Стр. 19-я. Скиѳскіе котлы. (Полеваго. Очерки).

Стр. 31-я. Норманская ладья (см. у Погодина).

Стр. 49-я. Русскій дружинникъ X вѣка. (См. Русск. историч. одежды С. Стрекалова, а также «Историч. описс. одеждъ и вооруж. россійск. войскъ»). Рисунокъ составленъ по описанію Льва Діакона. Изъ разсказовъ его о святославовыхъ воинахъ видно, что они носили *кольчужныя брони* и *шлемы*, большіе *щиты*. Какъ наступательное оружіе руссы употребляли *сѣкиры*, *мечи*, длинные *копья* и *стрѣлы*. Ни Левъ Діаконъ, ни Ибнъ-Фоцланъ, говоря о вооруженіи руссовъ, не даютъ подробнаго и точнаго описанія его, но не подлежитъ сомнѣнію, что вооруженіе древнихъ руссовъ было сходно со скандинавскимъ. А изображенія древняго скандинавскаго вооруженія, къ счастію, сохранились. Эти изображенія и дали возможность представить себѣ довольно точно форму щитовъ, шлемовъ, и остального вооруженія.

Шлемы были остроконечные, съ забралами, или личинами для защиты лица; для защиты затылка и шеи къ шлему прикрѣплялась кольчужная желѣзная сѣтка.

Кольчуга имѣла видъ рубахи, длиною была иногда до колѣнъ, иногда короче. Кромѣ того, надѣвали иногда еще кольчужные штаны.

Щиты, полукруглые сверху, заострялись къ низу и были обтянуты снаружи красною кожею. *Сѣкиры и обоюдоострые мечи* были массивны и тяжелы.

Стр. 51-я. Одежда Святослава. Рисунокъ составляетъ по описанію Льва Діакона (Описаніе это приведено у насъ въ текстѣ). См. Древн. Русск. Исторія М. Погодина.

Костюмъ русскаго воина X вѣка по описанію Ибнъ-Фоцлана. Русскіе въ древности, по словамъ его, никогда не ходили безъ оружія. Обыкновенное оружіе простого человѣка (не дружинника) составляли топоръ (сѣкира), мечъ и ножъ. Вмѣсто рубахи иные въ лѣтнюю пору накидывали на плечи кусокъ грубой ткани, такъ что правой рукой можно было дѣйствовать. Несомнѣнно, что въ бою они сбрасывали эти плащи и дрались полунагіе. Обувью служили обыкновенно лапти; но на ряду съ ними употреблялась и кожанная обувь.

Стр. 53-я. Древній мечъ, 2 топора, 3 кинжала и 2 ножа (8 изображеній) (Прохорова «Матеріалы»).

Стр. 54-я. 2 ожерелья и 4 подвѣски (6 изображеній) (тамъ же).

Стр. 55-я, 5 обручей (браслетъ), 7 серегъ и 2 кольца (14 изображеній) (тамъ же).

Стр. 56-я. Турій рогъ въ серебряной оправѣ (у Прохорова).

Стр. 64-я. Корсунскіе кресты (у Полеваго Художеств. Россія).

Стр. 65-я. Памятникъ крещенія въ Кіевѣ (по фотографіи).

Стр. 71-я. Памятникъ Владиміру Св. въ Кіевѣ (по гравюрѣ).

Стр. 75-я. Воины-варяги XI вѣка. Изображенія эти воспроизведены Олениным по древнимъ памятникамъ норманскимъ и русскимъ. Вооруженія лучшихъ русскихъ воиновъ, т. е. дружинниковъ, было совершенно таково же. Первая фигура представляетъ воина въ кольчугѣ и кольчужныхъ штанахъ. Голова его защищена остроконечнымъ шлемомъ. Лѣвой рукой воинъ опирается на остроконечный желѣзный щитъ, а правой на древко сѣкиры. На лѣвомъ боку видна рукоять тяжелаго меча.

Другая фигура изображаетъ воина въ бронѣ досчатой, т. е. въ кольчугѣ прибавлены на груди желѣзныя полосы. Щитъ четыреугольный, выгнутый. Шлемъ тоже остроконечный, но нѣсколько другой формы. Къ шлему иногда прибавлялось такъ наз. забрало, или личина, имѣвшая иногда видъ полумаски, закрывающей верхнюю половину лица. Въ правой рукѣ у воина боевое копье. На лѣвомъ боку виситъ мечъ (См. Погод.).

Стр. 77-я. Софійскій соборъ въ Кіевѣ. Рисунокъ сдѣланъ по фотографіи (см. у Полеваго). Со времени постройки Кіево-Софійскаго собора Ярославомъ зданіе это нѣсколько разъ подвергалось исправленіямъ и измѣненіямъ, но все-таки Кіево-Софійскій соборъ представляетъ лучшій образецъ церковнаго зодчества XI вѣка у насъ на Руси. Стѣны зданія уцѣлѣли. На стѣнахъ подъ штукатуркой найдены въ 1843 г. древнія стѣнныя изображенія (фрески). Эти изображенія, по соображеніямъ археологовъ, современны постройкѣ собора (См. Христіанскія древности, В. Прохорова.

Стр. 78-я. Князь на тронѣ и оруженосецъ. (См. у Стрекал. и Погодина). Одно изъ стѣнныхъ изображеній (фресокъ) по стѣнамъ обѣихъ лѣстницъ, ведущихъ на полати въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Фрески эти драгоцѣнны для исторіи. Хотя онѣ несомнѣнно сдѣланы греческими художниками, но художники эти, очевидно, хотѣли изобразить сцены изъ русской жизни. Объясненіе частей одежды см. ниже стр. 91.

Стр. 79-я. Музыканты и плясуны. Этотъ замѣчательный фрескъ даетъ намъ понятіе о музыкальныхъ инструментахъ и потѣхахъ XI вѣка. Здѣсь видимъ, что употреблялись струнные инструменты (родъ гитары и арфы), духовые (трубы и флейты) и ударные (тарелки). Интересны и костюмы. Очевидно, они представляютъ обыкновенную комнатную одежду. Одѣты плясуны и музыканты въ рубахи, опоясаны поясами. Штаны широкіе вправлены въ голенища сапоговъ. Главнымъ украшеніемъ служатъ оплечія (нѣчто въ родѣ княжескихъ бармъ). Головной уборъ представляетъ остроконечныя высокія шапки или невысокія круглыя съ околышемъ. Изображенія музыкантовъ и плясуновъ несомнѣнно представляютъ вообще образецъ простой домашней одежды княжьихъ людей. Лѣтняя одежда простолюдиновъ была токова-же.

Стр. 82-я. Князь и княжна. Рисунокъ представляетъ торжественный княжескій уборъ. Нарядъ этотъ очень напоминаетъ византійскій. Рисунокъ составленъ на основаніи фресокъ Кіево-Софійскаго собора.

Одежда князя и княжны почти одинакова, съ тою лишь разницею, что одежда княжны немного длиннѣе. На плечахъ накинуты плащи (корзна). Корзна эти украшены спереди златотканными вошвами, драгоцѣнными камнями. Корзно охватываетъ шею, скрѣпляясь у праваго плеча запоной. Корзна были обыкновенно пурпуроваго цвѣта (багряницы). Подъ корзномъ надѣтъ костюмъ въ родѣ кафтана съ тою разницею, что онъ не разрѣзанъ спереди и рукава широкіе. Костюмъ этотъ съ нижняго края украшенъ златотканной обшивкой съ драгоцѣнными камнями, на рукавахъ тоже есть (у князя) круглыя вошвы изъ златотканной матеріи. Изъ-подъ широкихъ рукавовъ видны узкіе рукава рубахи, стянутые нарукавниками, опястьями (родъ браслетовъ, или обру-

чей, какъ назывались они въ старину). На головахъ у князя и княжны золотые вѣнцы, или короны, украшенныя драгоцѣнными камнями.

Одежда княгинь была совершенно та же, какъ и княженъ. Разница была только въ головномъ уборѣ. Волосы княгини, какъ замужней женщины, были скрываемы подъ покрываломъ.

Одежда зажиточныхъ людей была той же формы, какъ и княжеская (за исключеніемъ княжескихъ вѣнцовъ). См. княжескаго оруженосца на стр. 78. Позади книги изображенъ его тронъ, украшенный драгоцѣнными камнями.

Стр. 83-я. Золотыя и серебряныя монеты Св. Владиміра (См. Onken. Allg. Gesch.).

Стр. 84-я. Ярославо серебро. (См. тамъ же и у Куника въ его изслѣдованіи о русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I; у Погодина т. III). Сначала смотрѣли сомнительно на нѣсколько монетъ, относимыхъ ко времени Владиміра и Ярослава; но кладъ, найденный въ 1852 г. въ Нѣжинѣ разсѣялъ всякія сомнѣнія. Здѣсь найдено было значительное число монетъ, относящихся ко времени Владиміра, Св. Ярослава, Владиміра-Мономаха, Юрія, т. е. къ промежутку времени отъ 988 по 1157 годъ.

Стр. 86-я. Гробница Ярослава (въ Софійск. соборѣ) (см. у Полев.).

Стр. 88-я. Князь и княгиня съ дѣтьми. Рисунокъ составленъ по изображенію въ Изборникѣ Святослава. Объясненія см. ниже, къ рисунку на стр. 129.

Стр. 97-я. Русскій конный воинъ XI—XII ст. (см. Исторія одеждъ и вооруженія русск. войскъ) Шлемъ съ личиной. Шея и задняя часть головы защищена кольчугой. Кольчужный кафтанъ и штаны. Щитъ сверху круглый, книзу остроконечный. Щиты обыкновенно обтягивались кожею и окрашивались красной краской. Копье съ пропорцемъ (маленькій значекъ).

Стр. 112-я. Древніе шлемы, кольчуга, мечъ, лукъ и копье. Рисунки взяты у Стрекалова (см. л. 27) и у Погодина, см. т. III. Среднее изображеніе шлема представляетъ шлемъ, найденный въ Кіевѣ на берегу Днѣпра. Шлемъ этотъ съ длиннымъ выступомъ, представляющимъ какъ бы забрало, предохраняющее отъ ударовъ меча, можетъ быть отнесенъ къ XI, даже X вѣку (См. рисунокъ на стр. 53). Крайніе два рисунка представляютъ шлемы позднѣйшаго времени. Кольчуга относится къ XII вѣку. Найдена она въ Подольской губ. Мечъ, очевидно, очень древній, XI или даже X вѣка. Лукъ самой простой формы. Такіе луки, вѣроятно, употреблялись и въ X вѣкѣ. Сулица, особый видъ копья, съ двумя остріями, найдена въ окрестностяхъ Кіева. Эти воинскіе доспѣхи хранятся въ археографическомъ музеѣ Кіевскаго университета.

Стр. 122-я. Кіево-Печерская лавра. Зданіе представлено въ тепершнемъ видѣ (по фотографіи). Хотя зданіе перестроивалось нѣсколько разъ, но, принявъ во вниманіе, что предки наши всегда высоко чтили старину и старались, насколько возможно, ближе держаться ея, можно смѣло предположить, что новое зданіе въ общемъ видѣ близко подходитъ къ древнѣйшему.

Стр. 128-я. Образчикъ изъ Остромирова Евангелія. Это Евангеліе представляетъ древнѣйшую и одну изъ самыхъ изящныхъ нашихъ рукописей. Писано оно уставомъ, на хорошемъ пергаментѣ, крупными буквами, несоединенными между собою; нѣкоторыя заглавныя буквы, затѣйливо рисованыя, представляютъ старательную работу. Рукописи, подобныя Остромирову Евангелію, стоили очень дорого. Обыкновенно рукописи писались мельче и не такъ изящно.

Стр. 129-я. Княжеская семья (изъ Сборника Святослава). Контурный снимокъ съ рисунка въ Сборникѣ Святослава. Оригинальный рисунокъ сильно попорченъ, краски полиняли, выцвѣли; отъ одной фигуры (изображающей князя Глѣба) осталось только нѣсколько неопредѣленныхъ пятенъ. (На нашемъ контурномъ рисункѣ эта фигура вовсе и не обозначена). Не смотря на испорченность рисунка, онъ важенъ для бытовой русской исторіи, такъ какъ по нему можно все-таки ясно судить о покроѣ одежды и о цвѣтахъ ея.

На Святославѣ круглая, низкая шапка, отличная отъ шапокъ дѣтей, въ родѣ треуха. У нея, кажется, подняты вверхъ мѣховыя уши, цвѣтъ которыхъ сбивается теперь на синій. Околышъ у шапки бурый, а тулья была, вѣроятно, золотая. Свято-

славъ изображенъ съ большими усами, съ подстриженными бородою и волосами на головѣ. Епанча, или корзно Святослава Ярославича синяго цвѣта, обшитая золотымъ галуномъ, и подбитая красною тканью, застегнута на правомъ плечѣ запоной. (Покрой корзна имѣлъ видъ полукруга. Края обшивались золотымъ или серебрянымъ галуномъ или шитьемъ. Подъ корзномъ подризникъ, родъ кафтана, синеватаго или зеленоватаго цвѣта. Подризникъ подпоясанъ, но пояса не видать. Подолъ у него обложенъ широкою красною каймою. Сапоги востроносые изъ зеленаго хуза, или сафьяна.

Меньшой сынъ изображенъ въ настоящемъ русскомъ платьѣ. На головѣ у него шапка какъ и у всѣхъ другихъ братьевъ; тулья у нея синяго цвѣта. Кафтанъ, какъ и у прочихъ князей, одинаковаго малиноваго цвѣта. Онъ застегнутъ золотыми петлицами отъ шеи до пояса. Поясъ также золотой, нешырокій; по бокамъ висятъ отъ него по два конца, ладони въ двѣ длины. Воротникъ у кафтана золотой и оканчивается на груди двумя широкими закругленными концами. У этого ворота, подлѣ шеи, видѣнъ воротъ рубашки, или сорочки. Подолъ кафтана обложенъ широкою золотою каймою.

Позади меньшого сына стоитъ княгиня Ода въ тогдашнемъ общемъ европейскомъ костюмѣ. Это одѣяніе состояло изъ платка, или фаты, обверченной около головы. Одно лицо оставалось непокрытое. Верхнее платье состояло изъ широкаго глухого балахона, краснаго цвѣта, съ широкими и довольно длинными рукавами, въ видѣ монашеской рясы. Воротъ у этого платья обложенъ былъ особаго цвѣта широкимъ отложнымъ воротникомъ, а подолъ широкою каймою. Подъ этимъ платьемъ, подпоясаннымъ золотымъ поясомъ, была другая одежда съ узкими рукавами и съ золотыми поручами (одежда эта по формѣ подобна была священническимъ подрясникамъ). Башмаки у княгини были, кажется, парчевые или красные сафьянные, шитые золотомъ; форма ихъ круглоносая.

Другіе же взрослые сыновья Святослава и Оды представлены въ тѣхъ же самыхъ шапкахъ, платьѣ и обуви, какъ малолѣтній ихъ братъ. (См. у Погод., т. III, стр. 37).

Стр. 131-я. Пещера и гробница препод. Нестора въ Кіево-печерской лаврѣ (у Полеваго «Очерки Исторіи»).

Стр. 133-я. Планъ древняго Новгорода. (См. у Полеваго, Худож. Россія).

Изображеніе древняго Новгорода находится въ иконостасѣ, на деревянной доскѣ, подъ чудотворною иконою Знаменія Богородицы въ Новгородскомъ Знаменскомъ Соборѣ. Это изображеніе тщательной иконной живописи древняго греческаго стиля, круглое, 19 дюймовъ въ діаметрѣ. На немъ представлены приступъ къ Новгороду суздальцевъ и битва. Кремль и нѣкоторыя зданія на Софійской и Торговой сторонахъ (церква, башни) находятся и понынѣ въ томъ же видѣ.

По этому рисунку можно хорошо судить о расположеніи стѣнъ и частей города. Что же касается расположенія домовъ, то, конечно, трудно ожидать здѣсь точности.

Стр. 137-я. Софійскій соборъ въ Новгородѣ. (Рисунокъ взятъ изъ Ист. Русск. лит. П. Полеваго). Соборъ основанъ въ 1045 г. и освященъ 1052 г. вторымъ епископомъ новгородскимъ Лукою Жидятою. Построенъ соборъ изъ дикаго камня, крупнаго и мелкаго, обтесанныхъ плитъ и кирпича разной величины и формы. Храмъ имѣетъ видъ правильнаго, почти равносторонняго четвероугольника. На восточной сторонѣ выдается шесть полукруглыхъ выступовъ. Изъ нихъ три средніе принадлежатъ главному алтарю, а остальные придѣльнымъ алтарямъ. Надъ желѣзною кровлей собора возвышаются на круглыхъ каменныхъ трибунахъ шесть большихъ главъ. Изъ нихъ 5 посреднѣ, а 6-я на юго-западной сторонѣ, надъ лѣстницею. Внутри собора стоятъ десять массивныхъ, четырегранныхъ столбовъ, на которыхъ утверждены верхніе своды съ куполомъ, 8 изъ нихъ среди собора, а два на главномъ алтарѣ. (См. у Погодина, т. III, стр. 29).

Зданіе Софійскаго собора подвергалось сильнымъ измѣненіямъ.

Стр. 139-я. Старо-Ладожская крѣпость. (См. у Прохорова). «Староладожская крѣпость поставлена на лѣвомъ берегу Волхова, при впаденіи рѣчки Ладожки, гдѣ образуется довольно возвышенный мысъ. Внутренность крѣпости имѣетъ въ длину около 62 саженей, а въ ширину почти половину; она представляетъ форму утюга. Стѣна

изъ большихъ булыжныхъ камней, и плитъ съ дубовыми связями, которыя и теперь еще видны по угламъ въ полуразвалившихся круглыхъ башняхъ, съ узкими, продолговатыми отверзтіями для метанія стрѣлъ. Подъ стѣнами идутъ тайные ходы, или тайники, обложенные тесанной плитой съ полукруглыми сводами. Въ опустѣлой, заросшей травой крѣпости находятся двѣ церкви, каменная св. Георгія и деревянная св. великомученика Димитрія и изба сторожа».

Построена эта крѣпость, по соображенію Погодина, посадникомъ Павломъ въ 1116 г. (См. Погодина, т. III, стр. 43).

Стр. 145-я. Старинная церковь св. Георгія въ Старой Ладогѣ. (См. Христіанскія древности, В. Прохорова).

Каменная церковь построена въ XII вѣкѣ во имя св. великомученика Георгія. Церковь эта представляетъ одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ нашего зодчества. Зданіе это, представляющее храмъ въ простѣйшей формѣ, претерпѣло нѣсколько измѣненій.

Въ древнихъ русскихъ церквахъ окна дѣлались очень узкія, длинныя, и притомъ очень высоко отъ фундамента. Впослѣдствіи эти окна задѣлывались, а вмѣсто нихъ пробивались окна ниже и притомъ болѣе широкія. Древніе церковные куполы представляли видъ полушара. И окна, и куполъ церкви св. Георгія новѣйшіе; но стѣны остались старинныя. На этихъ стѣнахъ уцѣлѣли древнія фрески, весьма важныя для исторіи иконописи.

На этомъ же рисункѣ изображена маленькая деревянная церковь во имя св. Димитрія. Хотя постройка эта, конечно, не древняя; но, думаемъ, она можетъ служить хорошимъ образцомъ того, какъ строились и въ древности у насъ самыя простыя церкви въ бѣдныхъ городахъ и селахъ. Одинъ срубъ, большій, составляетъ среднюю часть церкви, другой, меньшій — алтарь, третій — переднюю часть церкви (сѣни). Небольшой куполъ съ крестомъ на среднемъ срубѣ показываетъ издали назначеніе постройки.

Стр. 146-я. Ярославъ Всеволодовичъ (фресковое изображеніе, XII ст.) въ Спасо-Нередицкой церкви въ Новгородѣ, — драгоцѣнное для исторіи одеждъ. Строители храмовъ изображались обыкновенно съ церковью въ рукѣ (см. у Прохорова).

Стр. 147-я. Гривенка кіевская, гривенка новгородская, рубль псковской и рубль новоторжскій. (См. у Шодуара).

Стр. 148-я. Юрьевскій монастырь близъ Новгорода. (Полевой. Худож. Россія).

Стр. 150-я. Успенскій соборъ во Владимірѣ (у Полеваго «Очерки исторіи»).

Стр. 152-я. Золотыя ворота во Владимірѣ (тамъ же).

Стр. 153-я. Изображенія на иконѣ (Полеваго Худож. Россія).

Стр. 157-я. Входъ на лѣстницу, гдѣ былъ убитъ в. к. Андрей. (Полев. Очерки).

Стр. 158-я. Остатки дворца Андрея въ Боголюбовѣ. (См. у Погодина, т. III, стр. 40). Великокняжеская горница и сѣни Боголюбовѣ (обстоятельное описаніе см. въ сочиненіи г. Доброхотова). (См. у Полеваго. Очерки).

Это, по мнѣнію г. Доброхотова, придворная комната, пристроенная къ сѣверной стѣнкѣ Рождественской церкви, ведшая во храмъ и извѣстная подъ именемъ молельни и сѣни, гдѣ кончилъ свою жизнь вел. кн. Андрей.

Матеріалъ стѣнъ комнаты у сѣней — бѣлый известковаго свойства камень. Длина всего зданія съ наружной стороны 5 саж. и 1 арш., а ширина 2 саж., 1 арш. и 2 верш. Внутри сѣней, подлѣ сѣверо-восточнаго угла видѣнъ задѣланный бѣлыми же камнями выходъ на сѣверную сторону. «Это говоритъ г. Доброхотовъ, — безъ сомнѣнія, дверь, которая вела въ княжескіе покои... далѣе же долженъ былъ находиться уже самый княжій домъ, основанія котораго, какъ говорятъ, видны были при копаніи рвовъ для фундамента зданія новыхъ монастырскихъ келій. И такъ, домъ княжій не существуетъ и слѣдовательно уже нѣтъ той комнаты, куда вломились Кучковичи и ихъ соумышленники и гдѣ изранили безоружнаго князя.

Стр. 160-я. Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ. (У Прохорова, Христіанскія древности). «Основанъ великимъ княземъ Всеволодомъ въ 1197 году. Это одна изъ самыхъ замѣчательныхъ владимірскихъ церквей какъ по своимъ оригинальнымъ наруж-

нымъ украшеніямъ, такъ и по сохранившимся (болѣе, чѣмъ въ другихъ церквахъ) древнимъ формамъ. Полушарообразный куполъ, узкія окна, пробитыя высоко надъ основаніемъ, и алтарные выступы, — все это признаки глубокой старины. Стѣны церкви снаружи украшены въ изобиліи рельефными изображеніями. Владимірскіе мастера, славившіеся своимъ камнетеснымъ искусствомъ, видимо, употребили здѣсь все свое стараніе и знаніе. Весьма вѣроятно, что работами руководилъ какой нибудь греческій архитекторъ, пріѣхавшій изъ Сѣверной Италіи. (Планъ и фасадъ этой церкви чисто греческій, а нѣкоторыя изъ украшеній сходны съ греческими постройками Сѣверной Италіи).

Разные мастера, по мнѣнію г. Прохорова, высѣкая на камняхъ всякіе попавшіеся имъ подъ руки узоры для украшенія стѣнъ, вовсе не думали о какомъ-либо символическомъ значеніи изображеній. Фигуры растеній, звѣрей, птицъ и разныхъ фантастическихъ животныхъ,—все перемѣшано между собою, какъ пришлось, безъ всякаго порядка и значенія.

Стр. 167-я. В. кн. Владиміръ посылаетъ Бориса съ дружиной на печенѣговъ. Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ. (См. Полеваго Очерки).

Стр. 169-я. Обѣдъ князя съ митрополитомъ и священниками (факсимиле въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ съ рисунка въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ XIV стол.) см. у Погодина.

Стр. 170-я. Погребеніе князя (по Сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ) см. Полевого «Очерки».

Стр. 173-я. Одежда русскихъ XI столѣт. (3 фигуры: Одежда зажиточныхъ людей: 1) замужней женщины. 2) мужчины и 3) дѣвицы. Рисунки составлены по византійскимъ источникамъ и по изображеніямъ въ Изборникѣ Святослава 1073 г.) см. у Стрекалова «Русскія историческія одежды».

Стр. 174-я. Одежда русскихъ князей и зажиточныхъ людей XII ст. (3 фигуры. Составлены на основаніи рисунковъ въ древнихъ рукописяхъ) у Стрекалова «Русскія историческія одежды».

Стр. 175-я. Одежда русскихъ зажиточныхъ людей XIII ст. (3 фигуры на основаніи древнихъ рукописныхъ изображеній) у Стрекалова.

Стр. 215-я. Троице-Сергіевская лавра (по фотографіи) у Полевого «Исторія русской литературы».

Стр. 221-я. 1) Воинъ въ юшманѣ, шишакѣ и приволокѣ и 2) воинъ въ куякѣ и стеганной шапкѣ у Саввантова. (Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, оружія и проч., а также въ «Историч. опис. одеждъ и вооруженія»).

Стр. 223-я. Ратникъ въ бахтерцѣ и шишакѣ съ еловцемъ. Оттуда же.

Стр. 225-я. Ратникъ въ юшманѣ и мисюркѣ (изъ «Историч. опис. одеждъ и вооруж. россійск. войскъ»).

Стр. 225-я. Воинъ въ колонтарѣ и стеганной шапкѣ. Оттуда же.

Стр. 231-я. Памятникъ на Куликовомъ полѣ (по фотографіи).

Стр. 236-я. Лукъ и стрѣла, 4 чекана, или клевца, самострѣлъ, 4 оконечника копій и рогатинъ. (См. у Саввантова и въ «Исторіи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ»).

Стр. 237-я. *Шлемы.* Дѣлались они изъ булата, стали, мѣди или желѣза. Для защиты лица отъ поперечныхъ сабельныхъ ударовъ мечемъ или саблею придѣлывалась съ передней стороны личина (т. е. забрало). По большей части пропускалась у козырька металлическая полоса или такъ называемый *носъ*, который можно было поднимать и опускать по желанію. Для прикрытія ушей и затылка привѣшивались къ шлему металлическія пластинки или кольчужныя сѣтки. Шлемы иной разъ богато украшались золотомъ и серебромъ. Къ остроконечнымъ верхамъ шлемовъ прикрѣплялись иногда маленькіе флаги, обыкновенно краснаго цвѣта (еловцы).

Шишаки отличались отъ шлемовъ высокимъ навершьемъ, которое имѣло видъ длинной трубки и оканчивалось яблокомъ. Такое навершье называлось *шишомъ*, отчего произошло и названіе шишаковъ.

Колпаки представляли высокую остроконечную тулью, сдѣланную изъ прямыхъ пластинъ или щитковъ.

Ерихонки. Такъ назывались красивые шлемы азіатской формы съ носомъ, наушниками и назатыльникомъ. Названіе или отъ города Іерихона или отъ слова Юргенскій (Грузинскій).

Мисюрки. Египетскіе или арабскіе шлемы, имѣвшіе видъ черепа, къ краямъ котораго прикрѣплялась *бармица*, т. е. кольчужная сѣтка.

Бумажныя, или стеганыя шапки, употреблялись обыкновенно при куяшномъ вооруженіи и при тегиляхъ. Онѣ дѣлались съ наушнями и затылкомъ на подобіе треуховъ и состояли изъ желѣзныхъ бляхъ или пластинокъ, укрѣпленныхъ въ ватѣ между верхней шелковой или суконной покрышкой и подкладкой и простегивались насквозь. (См. у Саввантова).

Московская Губернская
Центральная Библиотека

+ 3424